

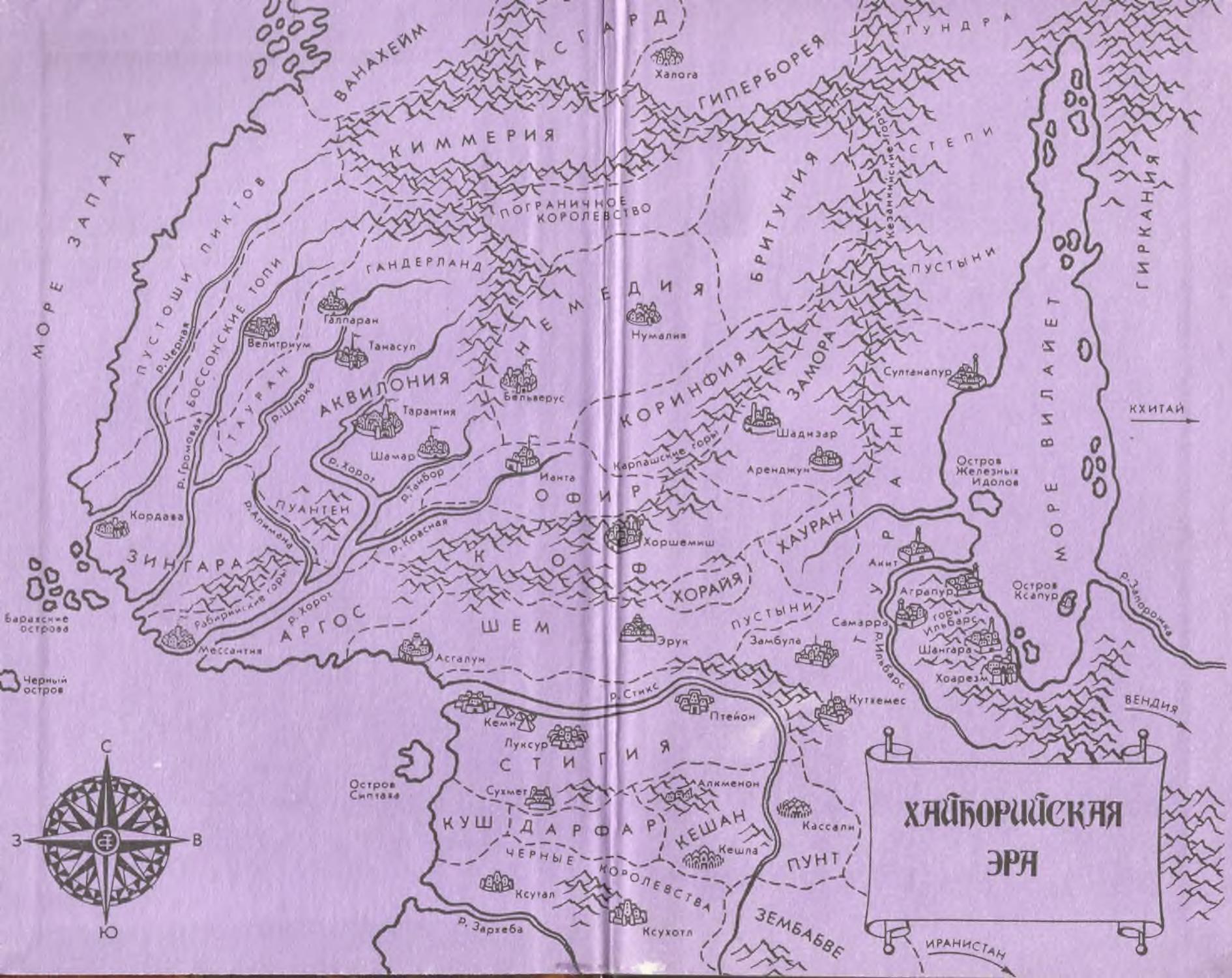
ВОЛВИЧИЯ

КОНАН™

КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ

Северо-Запад®

С. В. Михайлов
КОНАН

КОНАН
И
ВРЛТЛ ВЕЧНОСТИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

ББК 84(7США)
К64
УДК 820(73)

К64 Конан и Врата Вечности: Роман и повести.—
СПб., «Северо-Запад», 1997.— 448 с.

ISBN 5-7906-0003-4

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

К 8200000000

© А. Олдмен, 1997
© Д. Мак-Грегор, 1997
© Т. Стюарт, 1997
© К. Келли, обложка, 1986
© «Северо-Запад», составление и подготовка
текста, серийное оформление обложки и форзаца

ГЛАВА 1. Рыцари удачи

Небо было синим, щебень белым, а скалы желтыми с красноватым отливом. Знойное марево дрожало над мертвей пустыней, и, казалось, сухие ноги трех стройных хауранских скакунов опускаются в прозрачные воды мелкого озера, покрывавшего бесплодную землю.

Всадники, сидевшие в простых кожаных седлах без украшений, кутались в серые бурнусы, прикрывая лица шарфами: ровный ветер с отрогов гор Тайдук-Нубас нес на своих жарких крыльях пыль, меловое крошево и мелкие, жалящие кожу споры растений. Его порывы рождали в каменистых расщелинах гулкие протяжные звуки, словно духи ущелий пели свои заунывные, предостерегающие путников песни.

— Не зря говорят, прокляты богами места эти,— пробурчал высокий седок, посапывая и что-то поправляя под широким бурнусом.

— Мой храбрый Бравгард,— откликнулся низенький толстяк, державшийся в седле с небрежной уверенностью опытного наездника,— тебе нечего опасаться, пока с тобой повелитель Эль-Мехема. Забыл ли ты, друг мой, что твой господин неустршим, как лев, осторожен, как дикий кот, и мудр, как столетний ворон. Так говорят подданные о владельце лучшего города Востока, светлейшем Абу-Дастане. Если, конечно, не лукавят.

— Не лукавят,— пробурчал сквозь шарф высокий,— мы давно знакомы, еще с тех пор, когда тебя звали просто

Дастаном. Ты всегда был котом, львом, вороном и еще дюжиной животных: смотря по обстоятельствам.

— Т-с-с! — погрозил толстяк пальцем, на котором блеснул алый камень в золотой оправе.— Не забывай, друг мой, что здесь даже скалы имеют уши. Нашим добрым подданным вовсе ни к чему знать некоторые подробности из прошлой жизни их господина.

— Да этих трусов сюда не заманишь даже послами всех сокровищ Вендии! — воскликнул его спутник, привстав на стременах.— Клянусь шлемом Мардука, Даст, не по душе мне здешние ублюдки. От последнего раба до нобиля с кривой саблей у пояса — все они лжецы и предатели. Готовы целовать пятки тому, кто сильней, а при первом удобном случае — всадят нож в спину.

Абу-Дастан воздел руки и расхохотался. Ветер откинул его шарф, пыль набилась в маленький рот повелителя Эль-Мехема, толстяк заперхал и снова прикрыл лицо.

— А где ты видел иных людышек, мой добрый Бравгард? — спросил он, прокашлявшись.— В Немедии, где более чтут крепкий кулак, чем писаные законы и где каждый нобиль почитает своим долгом носить на пальце перстень с ядом? Или в Аквилонии, кичащейся своим величием, основанным на самых изощренных во всей Хайбории пытках? Вспомни Шамар и яму с голодными крысами, которой лишь помочь Мардука, покровителя всех наемников, да моя хитрость помогли избегнуть. Вспомни, что предал нас Плехт, наш славный боевой товарищ. Вспомни также Боссонские Топи, форт Велитриум и арбалетчиков, готовых превратить нас в мертвых ежей лишь за то, что в пьяной драке ты лишил сына шерифа его драгоценного уха. Вызови в памяти своей Танцевальный Помост на главной площади Кордавы и палача в красном капюшоне. Сей достойный слуга короля зингарского собирался таким образом отблагодарить нас за оказанные его господину услуги...

— Хватит, Даст! — воскликнул длинный.— Ты убедил меня: Эль-Мехем не такое уж гиблое место. Хотя мне и не хотелось бы провести остаток дней посреди раскаленных

песков и щебня. Не понимаю, что ты нашел в этом так называемом княжестве, проскакать из конца в конец которое можно даже не взмылив коня. У меня все время такое чувство, будто ведьмы сунули нас в котел и разводят под ним свое гнусное пламя. Я скажу тебе, Даст, не как шахсару, а как старому боевому товарищу: не по душе мне все это. Мы славно погуляли по многим странам, послужили не одному королю, раскроили немало черепушек и участвовали в добной дюжине интриг от Аргоса до Гандерланда. Хлебали лиха и пили вино, развлекались с женщинами и томились в застенках: было хорошо, было плохо, но никогда не было скучно. Ответь и ты мне так же откровенно, что нашел Дастан Толстый, прозванный также Лисом за хитрость и изворотливость, что нашел сей бесшабашный рыцарь удачи за стенами Эль-Мехема?!

Дастан некоторое время ехал молча, отпустив поводья. Мелкие камни похрустывали под копытами хауранских жеребцов, знойное марево поднималось выше, доходя уже до колен скакунов — волны зноя, густея, катились от приближавшихся скал, похожие теперь не на воды мелкого озера, а на слоистое стекло, тускло блестевшее под полуденным солнцем.

— Не знаю, Бравгард, — молвил шахсар, подбирая веревочную узду, — в конце концов, это первая страна, которую мы завоевали. Пусть она маленькая, пусть жители ее прозябают в ничтожестве, но, согласись, город Эль-Мехем прекрасен. Поистине жемчужина песков...

— Жемчужина на дне котла, в котором выкипела похлебка, — пробурчал высокий.— Спору нет, дворцы и фонтаны Эль-Мехема великолепны, сады его тенисты, а бабы, хоть и закрывают лица, способны вскружить голову даже дикому ваниру. Кому только пришло в голову выстроить подобное чудо посреди мертвой долины, запертой со всех сторон горами? В переводе на наш язык Эль-Мехем означает «Уединенный Город», но что проку в уединении, кое нарушить способен любой, у кого меч длиннее, а рука крепче?

Абу-Дастан хмыкнул.

— И все же, мой добрый Бравгард, взяли этот город мы, немедийские наемники. На восход, за перевалами Тайдук-Нубас лежит Вендия, величайшая держава Гирканского материка. Слоны кшатриев способны растоптать любого, осмелившегося только подумать — не говорить! — о собственных притязаниях. На закат расположены Косала и далее — Иранистан. Стоит тамошним повелителям захотеть — и наше небольшое королевство окажется под их властью. Тебе не кажется странным, что дивный город Эль-Мехем до сих пор сохранял независимость?

Бравгард помедлил с ответом, потом сказал осторожно:

— Я не силен в политике, о шахсар. Это твои дела. Только сдается мне, что ничтожный Агиб-Абу, имевший глупость нанять нас себе на службу, был слугой двух господ. Болтают на базарах, он умел ладить и с меҳараджубами Вендии, и с повелителями Косалы. Теперь же, когда Агиб-Абу мертв, а меҳемцы целуют твои туфли, государи сопредельные не преминут отхватить лакомый кусочек.

— Это тоже болтают на базарах? — резко повернулся к своему спутнику владетель Эль-Мехема.

— Болтают, — кивнул Бравгард. — Ты сам велел быть твоими ушами и глазами, о великий, достойный, попирающий твердь, дарованную богами, шахсар!

Последние слова он произнес с неподдельным пафосом и глубоким, насколько позволяло седло, поклоном.

Шахсар милостиво кивнул.

— Хорошо сказано, Бравгард-нэмэ, ты наконец освоил восточную учтивость. Мы довольны. Пожалуй, сегодня вечером мы пришлем в твою опочивальню пару наложниц: Саффину, заморку, и еще эту беленьюку, Иллис из Британии. Или ты предпочитаешь пышнотелых туранок? Попроси, мой достойный глава дворцовой стражи, и получишь хоть дюжину: мы не любим толстушек. В любви они проворнее марала, но слишком болтливы. Как восточный деспот, суть власти коего — тайна, отдаем предпочтение малоречивым северянкам, остальных же склоняемся лишить языков, как сделал наш предшественник с несчастным шемитом Махрой, уж не знаем за что...

И толстяк указал на следовавшего в некотором отдалении третьего всадника.

— Ты мудр, как ворон, — кивнул Бравгард. — Следовало бы вырвать языки всем здешним. Болтают много, и все не по делу.

— Например, о колдуне, — подсказал Дастан.

— О колдуне, об этом проклятом стигийце, — снова кивнул длинный. — Поговаривают даже, что он использовал чары, дабы ты, о шахсар, дозволил ему поселиться в этих местах...

Он осекся и резко натянул поводья: жеребец Дастана, повинуясь узде хозяина, повернулся, загораживая дорогу начальнику дворцовой стражи.

— Поговаривают?! — гневно вскричал шахсар. — Поговаривают! Ты произносишь это так, словно речь идет о сплетнях, гуляющих среди ничтожных женщин! Назови имена, звания! Впрочем нет, мне это неинтересно. Отчего болтуны до сих пор не висят на крючьях, вбитых в стену возле Балдахских ворот?! Тем, кто горазд чесать языками, не худо бы почесать ребра, и заниматься сим праведным делом обязан ты, глава моих янпачей! А коли не способен, так я пришлю ночью вместо красавиц черного зембабвийца Рабомбу, и ты, недостойный, послужишь ему наложницей!

Рука Бравгарда метнулась под полог бурнуса — жаркое солнце пустыни полыхнуло на длинном прямом клинке. Конь бывшего немедийского наемника заржал и встал на дыбы.

— Клянусь сосками Братгальды! — взревел оскорбленный воин. — Ты достал меня, шахсар проклятый! Вытаскивай свою саблю и поглядим, какая сталь крепче — северная или южная!

Безмолвный Махра потянул из-за пазухи пару метательных хассаков, готовый пустить их в ход по первому знаку своего господина — повелителя всех добрых меҳемцев.

Но повелитель лишь расхохотался, поглаживая гриву коня и грозя начальнику янпачей коротким пальцем.

— Полно, мой добный боевой сотоварищ,— вымолвил он сквозь смех,— это всего лишь южная шутка, и не следует отвечать на нее сталью!

— Есть шутки, которые нужно вбивать обратно в глотки,— Бравгард с трудом сдерживал своего горячего скакуна,— я тебе не лизоблюд мхемский, мне честь ведома!

— А я было стал сомневаться, когда ты принялся кланяться да величать меня дурацкими титулами, словно на дворцовых приемах. Оглянись, друг, вокруг никого нет!

— Тем лучше, месьор Дастан, значит, наш поединок не будет потешным!

— Поединка вовсе не будет. Я беру свои слова обратно и приношу тебе глубокие извинения, месьор Бравгард, старая собака.

— Так-то лучше, Лис. Нечего хвост распускать, шахсар недоделанный. А своего чернозадого Рабомбу стигийцу отправь в качестве подарка. Глядишь, колдуна и понравится...

Леденящий душу рев вырвался вдруг из расщелины недалеких уже скал. Сильный порыв ветра закрутился пыльной воронкой, и она стремительно понеслась навстречу всадникам.

— Спасайся, повелитель,— завопил Бравгард, готовясь дать коню шпоры и забыв о всяческой чести,— стигийский ублюдок напустил на нас чары!

Новый взрыв хохота был ему ответом.

Впрочем, заметив, как яростно сверкнули глаза немедийца, шахсар тут же перестал смеяться и сделал примирительный жест.

— Не обижайся, приятель,— прокричал он сквозь рев ветра,— знаю, ты не боишься никого из смертных, но чернокнижники способны вселить ужас даже в самые отважные сердца. Успокойся! Этот ветер не имеет никакого касательства ни к чарам, ни к волшебнику. Просто он дует с гор и, попадая в трещины, гудит там, как в печных трубах.

Рев стих, пыльный смерч рассыпался у ног лошадей.

Бравгард обиженно пожал плечами.

— Тебе, конечно, виднее, Дастан. Стигиец — твой дружок, и в гости к нему ты всегда отправляешься лишь в сопровождении немого. Повторю: тебе виднее. Но позволь заметить, шахсар, я бы не стал так уж доверять колдуна. Всем известно, что чародеи коварны, тем более стигийцы. Вспомни также, что я говорил о желании мхемцев всадить нож в спину тому, перед кем они вынуждены пресмыкаться. Не всем по нраву, что на престоле Эль-Мхема сидит бывший наемник, а здешние места просто созданы для темных дел...

— К твоей бы храбости еще и побольше сообразительности,— усмехнулся Дастан, снова трогая коня вперед.— Не ты ли утверждал, что мхемцев не заманишь сюда даже посулами сокровищ? Сие правда, и опасаться мне нечего. Даже если кто-нибудь и проследил, как бедно одетые всадники направились в сторону гор, соглядатай не осмелится сойти с дороги и приблизиться к пещере колдуна ради того, чтобы узнать, кто скрывается под серыми бурнусами. Что же касается коварства стигийца, не стоит забывать, что лучшая порука всяческих отношений — корысть, привязывающая крепче, нежели любое иное чувство.

А корысть чародея велика. Так что отбрось сомнения, о неустранимый глава янпачей, и смело следуй за своим господином!

Скалы уже нависали над ними, расступаясь лощиной, в которую Дастан углубился с уверенностью человека, не раз бывавшего в этих местах. Кони уверенно брали подъем, сначала отлогий, потом все более крутой. Вдоль тропинки росли чахлые пыльные кусты, на желтоватых стенах виднелись красноватые извилистые полосы, напоминавшие тела огромных змей.

Тропинка привела на широкую террасу, полукругом охватывающую основание довольно высокого пика, похожего на гигантский гнилой зуб. Над утесом высилась мрачная высокая башня. Здесь было много больших камней, скатившихся со склонов гор Тайдук-Нубас — горячих, горьких и мертвых. Кусты исчезли, даже трава не росла в этом гиблом месте. Не видно было и всегдаших обитателей

знойных долин — ни ящериц, ни полозов, и даже насекомых не было.

— Веселое mestечко избрал стигиец для уединения, — проворчал Бравгард, озираясь по сторонам. — А ведь ты предлагал ему поселиться во дворце...

Он не договорил и резко натянул поводья. Из-за ближайшего камня раздался звук, заставивший немедийца снова извлечь из-под бурнуса тяжелый меч. Земля дрогнула под тяжелой поступью, и взорам путников явилось создание, более уместное в кошмарныхочных сновидениях, нежели под лучами яркого полуденного солнца.

Внешне оно отдаленно напоминало человека, правда, шире любого молодца-силака раза в два и выше локтя на три. Туловище его было черным, а голова, по-видимому, металлической: она ярко сверкала белыми сполохами и более всего напоминала чудовищных размеров перевернутую суповую миску, увенчанную не то рогом, не то усом с алым шариком на конце. Там, где полагалось быть лицу, темнели три отверстия, кои при наличии воображения можно было отождествить с глазами и ртом. Из всех отверстий валом валил желтый дым.

Чудовище загородило людям дорогу и застыло, медленно поднимая и опуская согнутые в локтях короткие толстые руки.

— Привет тебе, о Страж Безмолвия! — привстал на стременах шахсар, прикладывая к сердцу ладонь и кланяясь. — Мы прибыли, дабы испросить разрешения повидать твоего господина и засвидетельствовать ему свое почтение. Если он соблаговолит нас принять, мы войдем под его кров, если нет — удалимся с миром.

— Клянусь кишками дохлого ванира... — начал было Бравгард, но Дастан жестом приказал спутнику умолкнуть.

Под суповой миской Стража что-то загудело, дым повалил гуще, потом железная голова монстра пришла в движение и с ужасным скрипом повернулась затылком к гостям — стали видны начертанные на гладкой поверхности магические знаки.

— Не обращай внимания на этого урода, — шепнул шахсар своему товарищу, — он безобидный, только с виду страшный. Магарбан постарался, дабы отпугивать тех, кто рискует нарушить его уединение. Но, так как сюда, кроме меня и немого Махры, никто не ходит, монстр скучает от безделия и, кажется, постепенно ржавеет. В прошлый раз его башка скрипела гораздо меньше.

Алый шар над головой Стражи полыхнул ярким сполохом и угас. Железная супница снова заскрежетала, поворачиваясь, желтый дым почти исчез, и стали видны багровые точки в круглых глазницах. Из неподвижного рта долетел слабый голос, похожий на птичий клекот:

— Вас примут.

Сообщив это радостное известие, монстр попятился, налетел спиной на камень, выпустил из всех трех дырок густые желтые клубы и удалился в свое убежище — все так же спиной вперед.

— А что, колдун мог бы не принять шахсара Эль-Мехема? — спросил Бравгард, когда кони прошли добрую сотню шагов и безмолвный истукан исчез за поворотом скалы.

— Теоретически, — хохотнул Дастан, — но кто же откажется поболтать с таким приятным собеседником, как я? Кстати, вот и наш радушный хозяин!

Впереди, возле черного отверстия в скале, скрестив на впалой груди сухие длинные руки, величественно ожидал их приближения стигийский маг Апп-Магарбан-ин-Барруд-эд-Хатта-Оммон собственной персоной.

ГЛАВА 2. Предание Эль-Мехема

Легенда гласит, что долина Мехем-Ту, лежащая между отрогов гор Тайдук-Нубас как раз на границе между Вендией и Косалой, была некогда цветущим садом, благословенным оазисом среди голых скал. Рассказывают также, что в давние времена мехараджуб Вакришамитра построил в этом уединенном месте город и назвал его Эль-Мехем, что значит «Поселение Сокровенной Долины». Здесь, за высокими зубчатыми стенами, под охраной восьми высоких башен, на которых день и ночь несли стражу доблестные кшатрии в сверкающих островерхих шлемах, среди пышных дворцов и тенистых парков, владыка отыхал от важных государственных дел, коими вынужден был заниматься в своей резиденции в столице Вендии. Наслаждаясь журчанием фонтаных струй, пением и танцами многочисленных гурий, мехараджуб предавался возвышенным размышлениям о странности всего земного, сочинял стихи и перебирал струны ситара, пока не наступала пора вернуться в блистательную, но суэтную Айодхью, чтобы разоблачить очередной заговор, посадить организаторов на колья или растоптать слонами, а затем предать огню и мечу княжества непокорных раджубов.

Легенда гласит, что однажды, когда Вакришамитра сидел под тенистым фиговым деревом в обществе шести наложниц, прекрасных, как розы весенней ночью, явился ему во всем своем грозном величии сам Асур — Царь Небесный. Огненная колесница, запряженная шестью ост-

рокрылыми птицами с женскими лицами, опустилась в долину Мехем-Ту среди страшного грохота и языков пламени, погубивших оазис, но не тронувших города. Владыка же Небесной Тверди и Круга Земного приступил к мехараджубу, озадачив последнего такими речами:

«Несчастный, ничтожный и пребывающий в слепоте, — сказал Асур, — жалок удел твой! Повелевая многими, ты не властвуешь над собой, оттого твои подданные пребывают в вечном страхе и неуверенности и стали забывать меня, своего истинного повелителя. Ты же, уединяясь среди садов, не можешь сполна насладиться их тенью, и плоды древесные не в силах тебя насытить!»

Надо сказать, что Вакришамитра мало что понял из этой грозной речи. Подданные исправно платили налоги, славили мехараджуба и усердно молились в храмах. Плоды древесные, зреющие в садах Эль-Мехема, были сочны, вкусны и насыщали не хуже мяса молодых ланей, павлиньих языков и мозгов живых обезьян. Однако мехараджуб не осмелился спорить с богом, чей лик сиял ярче сотни солнц, а голос гремел, подобно тысячам боевых труб.

«Ты должен вступить на Тропу, — проревел Асур, — нельзя вечно стоять в двух лодках! Когда рыба поймана — сеть выбрасывают! Встань, умри и иди прочь!»

Странны и непонятны были речи Царя Небесного, но тут от мощных раскатов его голоса фиговое дерево затряслось, и несколько плодов упало сверху, пребольно стукнув мехараджуба по темени.

Легенда гласит, что в тот же миг Вакришамитра понял очень многие вещи, которые безуспешно пытался потом втолковать ученикам на протяжении всей своей жизни (например, почему надо выбрасывать сеть и как можно, умерев, все же куда-то идти). Бывший мехараджуб послушался Асуру и немедленно удалился в горы, где двадцать лет и три года питался одними акридами и диким медом. Прекрасные наложницы последовали за своим господином и стали его первыми слушательницами, положив начало до сих пор существующей секте вакришамитов. По-другому эти люди именуются фигиатами — в честь дерева, плоды

коего оказали на основоположника движения столь благотворное воздействие. Фигиаты живут в горах и диких джунглях, подолгу сидят со скрещенными ногами на голой земле и всегда имеют ровно по шесть жен, с коими вступают в сношения исключительно ради продления колен своих.

Легенда умалчивает, кто первым проник за стены города, много веков пребывавшего в запустении, ибо, после исчезновения мехараджуба, его законная супруга, разыскав покинутое убежище мужа, предала Эль-Мехем разграблению. Не помогли никакие ссылки на явление грозного бога: вельмож частью удавили, частью растоптали слонами, людей попроще посадили на кол или повесили на крючья возле Балдахских ворот. Не одну сотню раз проливались дожди и выгорали листья в мхемских садах, пока наконец безымянные искатели счастья вновь обосновались за его стенами.

Скорее всего это были беглые рабы из Косалы и представители низших каст из Вендии. Гонимые и преследуемые, они укрывались в горах Тайдук-Нубас и в один прекрасный день вновь открыли долину Мхем, о которой к тому времени все давно позабыли.

Некоторое время городу удавалось существовать автономно, пока о нем не проводили власти двух сопредельных держав. Тогда в Эль-Мхем прибыли сразу два наместника — косальский и вендийский. Жителям не нужен был ни тот, ни другой, поэтому хитрые и коварные мхемцы поначалу закатили пир в честь новоприбывших, а ночью перебили отряды и зарезали несостоявшихся губернаторов.

Вендийцы решили, что виной случившемуся интриги косальцев, последние обвинили во всем вендийцев. Между двумя странами разразилась война, длившаяся семь лет. Эль-Мхем неоднократно переходил из рук в руки, пока жителям это не надоело и они не подняли восстание.

Возглавил его храбрый и жестокий Хеир-Эддин, бывший косальский раб, одноглазый и уродливый, как запеченный кобольд. Сей вождь предложил вендийцам свои услуги в борьбе против косальцев, а тем — вечный союз против

вендийцев. Отлично зная окрестные горы, он заманил соперников в узкие ущелья, где кшатрии и янпачи погибли под лавинами камней, сброшенных сверху мхемцами.

Одержав столь славную победу, Хеир-Эддин повелел ставить на краю долины сторожевые заставы, дабы стеречь все горные проходы, однако последних было так много, что сие предприятие не увенчалось успехом. Горы Тайдук-Нубас — всего лишь жалкая насмешка над величественными вершинами Химелии, лежащими далее к северу, так что Эль-Мхем еще не раз становился добычей врагов, которые всегда находили неохраняемые проходы, через которые делали частые набеги и потом возвращались домой, обогащенные трофеями и исполненные презрения к обитателям Сокровенной Долины.

Впрочем, владыки Вендии и Косалы отказались от прямого владения Эль-Мхемом, смекнув, что гораздо выгоднее позволить жителям богатеть за счет целебных вод, добываемых из-под земли прямо в городе (считается, что это — дар Асурьи, оставленный мхемцам взамен сожженых огненной колесницей виноградников), и получать от них щедрую дань. Владыки только посмеивались над тщеславием мхемских князьков, гордо именующих себя шахсарами, то есть «властителями, угодными богам». Князья Эль-Мхема, ведущие род от ничтожного раба, были скорее угодны Вендии и Косале, чем небожителям.

Последний мхемский шахкар, носивший в себе частицу крови Хеир-Эддина, звался Агиб-Абу и отличался крайней, доходившей до судорожных приступов трусостью. Шесть человек должны были попробовать кушанья, прежде чем те отправлялись в утробу мхемского повелителя. Кольчужную рубашку он всегда носил под халатом и не снимал ее даже в постели. Помимо иранистанских наемников-янпачей, Агиб-Абу окружил себя черными рабами-телохранителями, а немой шемит Махра, славившийся умением всаживать метательный нож в муху за пятнадцать шагов, сопровождал господина и в женские спальни, и туда, где любой нормальный человек предпочитает восседать в полном уединении. Когда в горной долине объявился отряд

немедийских наемников, бежавших от преследований через Гирканские степи на юг, Агиб-Абу, пораженный искусством, с которым северяне владели тяжелыми прямыми мечами и невиданными доселе арбалетами, сдуру нанял воинов удачи себе на службу...

Это стало последней ошибкой в его жизни. Воспользовавшись недовольством части вельмож, сметливый Дастан по прозвищу Лис явился в сопровождении стрелков в шахсарскую купальню и наглядно продемонстрировал умение своих людей поражать плавающую цель. Черные телохранители, вспомнив старые обиды, тут же перешли на сторону восставших, а так и не успевший метнуть ножи, предусмотрительно накрытый проволочной сетью немой Махра присоединился к ним после недолгих, но весьма плодотворных размышлений, суть коих он, естественно, никому не мог поведать.

Десять дней и ночей продолжался пир в огромном шахсарском дворце. Льстивые мхемцы наперебой славили достойнейших Абу-Дастана и сотоварища его Бравгарда-нэмэ. Достойнейшие Дастан и Бравгард, по которым плачали палачи Бельверуса, Тарантии, Шамары, Кордавы, Месантии, а также десятка других городов и весей, пили сладкие вина, закусывали черепашьим супом и солеными петушиными гребешками, купались в фонтанах и ломали мебель. Остальные наемники им усердно помогали. В промежутках между этими веселыми занятиями немедийцы сравнивали достоинства шахсарских наложниц, чтобы затем поделиться впечатлениями. Поделившись, менялись женщиными, бурно выражавшими восторг, ибо все они почти забыли, что такое мужская ласка: покойный Агиб-Абу был хоть и не стар, но мало на что годен и пользовался наложницами исключительно в качестве грелок.

Выпив большую часть винных запасов и сокрушив все, что можно было сокрушить, Дастан и Бравгард отправились осматривать дворцовые подвалы, прикидывая, сколько лошадей потребуется, чтобы вывезти золото и драгоценности. Оставаться в Эль-Мехеме они не собирались, справедливо полагая, что, как только слухи о перевороте дойдут до

ушей властителей Вендии и Косалы, извечные враги объединятся, дабы навести порядок и покарать дерзких пришельцев.

Золота и драгоценностей в подвалах оказалось пруд пруди, так что и думать было нечего забрать с собой все сокровища. А в дальней камере за внушительной бронзовой дверью друзья обнаружили нечто, полностью изменившее их первоначальные планы. Во всяком случае, планы Дастана.

Это был худой голый старик, прикованный к стене железными цепями. Длинная седая борода покрывала его впалую грудь, лицо, украшенное длинным крючковатым носом, носило все признаки необыкновенной старости. В углу стоял затянутый паутиной посох и валялась одежда, сорванная с узника.

Поначалу воины решили, что старик мертв, но тот вдруг открыл глаза и вперил в немедийцев дикий и пронзительный взор.

— Вы должны меня освободить, — сказал он глухим скрипучим голосом, не прося, но утверждая эту необходимость.

— Кто ты? — спросил Дастан, пораженный тем, что монхи ожили и даже разговаривают.

— Арап-Магарбан, стигийский маг, — отвечал узник надменно. — А ты — рыцарь Дастан Толстый по прозвищу Лис. Сними с меня цепи.

Но осторожность уже взяла верх над удивлением, и бывалый авантюрист не стал торопиться с освобождением волшебника. Для начала он вступил со стигийцем в длительные переговоры, велев предварительно Бравгарду посторожить за дверью. И, как ни прикладывал тот ухо к тяжелой толстой створке, ничего не смог услышать: о чем говорили рыцарь удачи и стигийский колдун, так и осталось тайной.

К удивлению мхемцев и собственных воинов, Дастан не только освободил колдуна, вернув ему платье, посох и мешок старых рукописей, но и предложил стигийцу кров и стол, от которых старик гордо отказался. Впрочем, чародей

утверждал, что не высокомерие тому причиной, а, напротив, обет смирения, который он принес, покидая пределы родной Стигии. Таково якобы было условие, поставленное его мрачными учителями, прежде чем ему дозволили идти на все четыре стороны. Потому и не воспользовался он тайной силой, когда коварный Агид-Абу, поначалу оказавший усталому путнику гостеприимство, вероломно заключил его в темницу, тщась поставить могущество чернокнижника себе на службу.

Столь же неожиданным было решение Дастана обосноваться в Эль-Мехеме и занять престол. Придворные не осмелились роптать, рассудив, что сильный правитель лучше слабого, а какая кровь течет в его жилах — не так уж важно. Тем более что сами они вели род от косальских рабов и вендиjsких париев.

Наемники тоже не выразили особого сожаления, что отъезд откладывается на неопределенное время. Все они получили свою долю мехемских сокровищ и могли наконец наслаждаться жизнью, купив удобные дома и говоривших женщин. Ворчал поначалу только Бравгард, но и его честолюбие было удовлетворено: Дастан назначил старого приятеля главнокомандующим небольшим, но свирепым отрядом янпачей, охранявших резиденцию шахсара.

Маг удалился в предгорья Тайдук-Нубас — дабы, как было объявлено, предаваться в полном уединении своей колдовской науке. Вслед за чародеем ушел караван, нагруженный тюками, сундуками и мебелью, купленной на шахсарские деньги у заезжих купцов. Вслед за караваном отправились полсотни искусных мастеровых, выбранных между иранистанскими невольниками.

С тех пор прошло больше месяца — ни верблюдов, ни мастеров больше никто не видел. Дружина Дастана и отряд янпачей во главе с Бравгардом отразили несколько нападений небольших разбойничьих ватаг, водрузив головы поверженных врагов на кольях посреди рыночной площади. Горожане восприняли эти победы без особой радости: доходили слухи, что в Косале и Вендии собирают большие

войска, дабы идти на Эль-Мехем. Вельможи втайне прикидывали, послужит ли голова Абу-Дастана, преподнесенная на блюде владыкам двух сопредельных держав, достаточным оправданием их участия в мятеже против законного шахсара. Народ попроще ночами прятал добро в укромных местах.

И те, и другие проклинали колдуна, чье внезапное явление из сырых подвалов дворца укрепило немедийского авантюриста в крамольной мысли отбить нападение двух огромных армий и навсегда утвердиться на троне маленького княжества, затерянного среди гор.

ГЛАВА 3. Серебряный всадник

Ар-Магарбан молча провел гостей в свое убежище. Пещера была огромна. Мастеровые одели каменные стены богатейшей штучной резьбой и устроили жилище мага так, что в нем мог бы разместиться кто-нибудь поважней простого пустынника. Посредине залы был устроен обширный бассейн, в котором плескалась чистая вода, питаемая подземными источниками; несколько пышных деревьев росли по его краям, а под деревьями стояли глубокие резные кресла, покрытые мягкими шкурами пятнистых леопардов.

Высокий свод был пробит — сверху лился мягкий солнечный свет, не жаркий, как снаружи, а теплый и ласковый. Ночами Ар-Магарбан мог наблюдать сквозь круглое отверстие звезды и сверять с ними свои планы. Под потолком залы виднелись бесчисленные магические знаки и фигуры, а вдоль стен располагались столы, заваленные непонятными инструментами, и какие-то хитрые сооружения пугающего вида.

— Садитесь, — молвил волшебник, небрежно махнув в сторону кресел. Дастан и Бравгارد устроились на леопардовых шкурах, чернокнижник уселся напротив, благосклонно кивая длинным носом. Безмолвный Махра поместился за спиной хозяина, настороженно поглядывая на колдуна.

— Пребываешь ли ты в здравии, уважаемый Эд-Хатта-Оммон, и благоприятно ли сегодня расположение звезд для

нашей беседы? — спросил шахсар, снимая пропыленный головной убор и оглаживая короткую черную бороду.

— Расположение звезд благоприятно, о повелитель, что же до моего здравия, оно в последнюю сотню лет остается все тем же. Я не могу обратить время вспять, но способен замедлять его бег. Слишком поздно открыл я тайну эликсира, продлевавшего жизнь, так что остается лишь поддерживать старость, скорбя об ушедших годах...

— Многие отдали бы за подобную возможность все сокровища и левую руку в придачу! — воскликнул Дастан почти искренне. — Свет солнца все же лучше, чем вечные сумерки на Серых Равнинах.

Стигиец молча пожевал тонкими сухими губами, потом сказал:

— Не станем сейчас говорить об этом. Повелитель, твое великолодушное гостеприимство тронуло меня, и я все время размышляю о том, как бы отблагодарить тебя. Признаюсь, обещая свои услуги там, в мрачном подземелье, я представлял довольно смутно, каким магическим средством воспользоваться, дабы обеспечить защиту твоему княжеству. Эта мысль не давала мне покоя ни днем, ни ночью, и здесь, в мрачном уединении, я размышлял, не давая себе отдохна...

Он замолчал и уставился куда-то в пространство.

— Мн-э-э... — протянул Дастан, почувствовав, что пауза затянулась. — Кажется, ты говорил что-то о золотом петухе.

Старый волшебник пропустил его слова мимо ушей и торжественно продолжил:

— Много удивительного я видел уже в прошедшем, но никогда никакое чудо не возбуждало во мне такого удивления, как творение одной чародейки в плодоносном оазисе на юге Стигии. На вершине горы, с которой взор проникает даже за границы Дарфара, во времена давно минувшие, видел я медного овна, на котором сидел золотой петух с развернутыми крыльями, когда же враги приближались к городу, пел он как живой, и жители, предуведомленные этим чудом, всегда имели время принять нужные предосторожности.

— Клянусь забралом Мардука! — воскликнул Абу-Дастан.— Конечно, подобный страж был бы для меня важнее целого войска, всех богатств Вендии было бы недостаточно для вознаграждения того, кто снабдил бы меня подобным талисманом! Если бы Эль-Мехем обрел подобное диво, мы могли бы направлять силы туда, откуда грозит опасность. Но, помнится, ты обещал как раз...

Стигиец снова перебил его, словно не слыша.

— Некогда я тайно укрылся между мудрецами, которые, вдали от треволнений света, предавались изучению тайных наук. Они посвятили меня в свои священнодейства, и я не щадил живота своего, чтобы проникнуть в самый сокровенный смысл их таинств. Однажды, когда, сидя на берегу Стиksa, я рассуждал о важных предметах с одним из этих тайных учителей, собеседник мой протянул руку к гигантской пирамиде, бросающей на пустыню необъятную тень, и молвил: «Все, чему я могу научить тебя, ничто в сравнении с тайнами, погребенными под этими древними камнями. Эта пирамида стоит здесь со времен Ахерона, и в ее центре есть таинственный склеп, служащий могилой мумии одного жреца Змея Вечной Ночи, управлявшего некогда сооружением этого колосса. Мне ведомо, что могила эта скрывает свиток всемогущей магии. Сей манускрипт был завещан самим Сетом своим первым адептам и переходил из рук в руки, пока не нашел вечный покой в склепе пирамиды».

Едва только выслушал я слова мудреца, сердце мое воспыпало неодолимым желанием добыть эту чудную книгу. Я собрал несколько человек, и мы принялись рыть подземный проход, в надежде, что он приведет нас в середину пирамиды. После долгих дней постоянного и утомительного труда мне удалось добраться до выхода тайного коридора, сообщавшегося с внутренностью древнего строения.

Я смело вступил в лабиринт переходов и проник наконец с неописуемым чувством страха и почтения в склеп, где много веков покоилось тело жреца, соорудителя этой мрачной гробницы. С величайшим почтением развязал я

тесьмы, в которые была завернута мумия, и овладел бесценным свитком, лежавшим на груди ее. Едва присвоив себе это сокровище, я навсегда покинул страшное место...

— О почтенный сын Барруда из Хатта-Омона! — вскричал тут шахсар, опасаясь, что маг пустится в пространные описания своих долгих и утомительных странствий. Опасаться было чего: старик рассказывал свою историю при каждой их встрече с самого начала и каждый раз с новыми подробностями.— О светоч всех магических наук, кои только имеются в Трех Мирах! О любимец неба, а также тварей подземных! Твои странствования доставили тебе чудесные дары, перед тобой открыты сокровенные силы, удивляюсь тебе как мудрецу и чудодею, но скажи, ради всех демонов преисподней, помог ли тебе таинственный свиток решить нашу маленькую проблему?!

— Будь же терпелив, о шахсар,— несколько раздраженно отвечал чародей,— имей снисхождение к речам старших. Я с благоговением пересмотрел все записи, сделанные в манускрипте, доставшемся мне по воле судьбы. Я приобрел власть над силами, управляющими всеми явлениями Вселенной. И, хотя я дал обет смирения и клятву никогда не использовать тайные знания по собственному почину, раз ты меня просишь...

— Прошу! — вскричал Дастан, вскачивая.— Умоляю!

— ...Я исполню твое желание,— торжественно заключил маг.

Он медленно поднялся и поманил гостей за собой.

Они прошли вглубь залы, где оказалась маленькая дверца, столь низкая, что им пришлось согнуться, чтобы проникнуться внутрь. За дверцей обнаружилась винтовая лестница, уходившая вверх, в темноту.

App-Магарбан снова сделал приглашающий жест и, приподняв полы длинного одеяния, побежал по ступенькам с ревностью, которую трудно было заподозрить в столь почтенном старце. Немедийцы и немой шемит старались за ним поспевать, но вскоре отстали.

— Что скажешь, друг мой? — вполголоса спросил Дастан Бравгарда.— Если у нас будет такой страж, мы сможем

превратить Эль-Мехем в неприступную крепость. Любое ущелье, куда сунутся супостаты, станет для них могилой: не придумали еще ковали такого щита или шлема, который устоял бы против доброго валуна, сброшенного с высоты полсотни локтей!

— Я бы не стал так уж верить стигийцу, — проворчал начальник янпачей, — язык у него на двоих, а что за той болтовней — Нергал ведает...

Когда они вышли через маленькую дверь на круглую площадку, залитую ярким солнцем, маг уже стоял там, скрестив по своему обыкновению на груди руки. Задрав голову, App-Магарбан смотрел куда-то вверх, и ветер, дувший с гор, разевал его длинную седую бороду, словно победный стяг.

Площадка была локтей пятнадцати в ширину, ее окружала невысокая каменная загородка, над которой кругом шел навес, крытый медными листами, сверкавшими под лучами солнца не хуже золотых. В центре возвышался длинный шест, на конце которого виднелся флюгер, сделанный в виде серебряного всадника с поднятым копьем в руках.

— Вот, — чернокнижник указал на серебряного копьеносца, — вот то, что я исполнил.

— А где же петух? — невольно вырвалось у Бравгарда.

— Петух? Форма не имеет значения, о доблестный воин. Поясню на примере. Тебе, видимо, приходилось наблюдать, как дикий, одетый лишь в шкуры житель Асгарда одолевает закованного в броню, украшенного перьями рыцаря...

— Ну, это еще ведьма надвое сказала, — пробурчал немедиец, — ежели асиров дюжина, тогда может быть...

— Ну хорошо, — устало кивнул маг, — но если два рыцаря сходятся в поединке, совсем не значит, что одолеет тот, кто имеет на своем щите герб, изображающий петуха.

На сей раз Бравгард вынужден был согласиться. Ему самому не раз случалось отправлять на Серые Равнины разодетых в пух и прах вояк. В битве побеждает тот, у кого рука сильнее, а вовсе не обладатель толстого кошелька, способный купить красивый доспех и украсить щит замысловатым гербом.

— Так и мое творение, — заключил чернокнижник самодовольно, — я придал ему вид всадника, а не глупой птицы, тем не менее этот волшебный флюгер укажет направление, откуда грозит опасность, не хуже талисмана стигийской чародейки. Как только неприятель вступит на тропу, ведущую к Эль-Мехему, всадник опустит копье и повернется в ту сторону... Но ты хочешь еще что-то сказать, о недоверчивый меченосец?

Последние слова он произнес крайне раздраженно и принял сверлить немедица пронзительным взглядом.

— Хочу! — Бравгард вовсе не собирался уступать колдуну. — Как же повернется твой флюгер, когда ветер здесь постоянно дует с гор в сторону пустыни? Сейчас всадник указывает как раз в том направлении...

Стигиец пожевал губами.

— Вижу, — сказал он вкрадчиво, обращаясь к шахсару, — твой телохранитель крайне недоверчив. Это простиительно для человека, редко сталкивавшегося с силой тайной науки. Что ж, я хочу преподать ему небольшой урок. Прикажи своему слуге, который не выпускает под своей одеждой рукоять хассака, метнуть в меня нож.

— Но, любимец неба... — начал было Абу-Дастан, однако маг топнул ногой и заявил, что не привык, чтобы в его доме гости осмеливались перечить.

Дастану ничего не оставалось, как согласиться.

— Пусть мечет по-настоящему и целит мне в горло! — властно приказал стигиец.

Махра сделал неуловимое движение, и лезвие хассака запело, рассекая знойный воздух. Но, как ни стремителен был бросок шемита, чернокнижник оказался проворнее. Он вскинул посох, который сжимал в левой руке, что-то не ярко полыхнуло, и тяжелый нож исчез, словно его и не было.

— Думаю, убедил вас, что не бросаю слов на ветер, который для меня столь же незначительное препятствие, как для храброго немедийского рыцаря — десяток-другой асгардских варваров.

С этими словами стигиец слегка кивнул Бравграду, давая понять, что больше не таит обиды на его давешнее недоверие.

— Ты убедил нас, светоч тайных знаний, еще как убедил! — воскликнул шахсар, восторженно глядя на застывшего серебряного всадника.— Теперь мы сможем всякий раз отправлять навстречу врагу наши войска с распущенными знаменами!

— Храбрость твоя достойна всяческих похвал, о шахсар,— молвил чернокнижник,— но ты забываешь, что армии Вендии и Косалы во много раз превосходят твои силы. Даже задержав их передовые отряды в ущельях, ты не сможешь противиться мощи боевых слонов или косальской конницы, когда их основные силы прорвутся в долину. Потом, у тебя будет слишком мало времени, чтобы подготовить войска: я сказал, что волшебный флюгер указывает на неприятеля лишь тогда, когда вражеские воины уже вступили на горные дефилии...

— Тогда что проку в этой серебряной штуковине? — снова встрял начальник дворцовой гвардии.

— Прок можно извлечь даже из дохлой лягушки, если знать, как ею воспользоваться,— надменно усмехнулся маг.— Я был бы плохим учеником стигийских адептов, если бы ограничился устройством флюгера, пусть и чудесного. Для тебя, о шахсар, спасший меня из мрачного заточения, у меня есть еще кое-что. Но стоит ли посвящать в тайну твоих телохранителя и слугу?

— Бравгард не только телохранитель и глава янпачей,— отвечал Дастан,— он — мой давний боевой сподвижник и друг. Если со мной что-нибудь случится, он займет мое место. Так что можешь говорить при нем без утайки. Что же касается Махры, шемит нем, как рыба, и предан, как собака. На всякий случай мы удалим его за дверь, и тогда послушаем, что ты нам еще подготовил.

Махра удалился. App-Магарбан подвел немедийцев к краю площадки, под крышу навеса. Здесь, через равные промежутки, были установлены двенадцать бронзовых досок. На них в боевом порядке, в виде полумесяца, располагались отряды

конных и пеших воинов величиной с палец, искусно вырезанных из сандалового дерева. Возле каждой доски лежало небольшое копье, испещренное магическими знаками.

— Похоже на детских солдатиков,— недоуменно сказал Дастан, разглядывая деревянное войско.— Ты предлагаешь нам сыграть в войну?

— Я предлагаю... — начал стигиец, но тут сверху раздался мелодичный перезвон, и серебряный воин медленно повернулся к западу, опустив свое длинное копье.

— Дамбаллах,— воскликнул чернокнижник, взмахивая посохом,— какая удача! На Эль-Мехем движутся войска косальцев!

Снова раздался перезвон, на сей раз тоном выше.

— Их восемь тысяч: разведывательные отряды уже вступили в Балдахское ущелье, за ними идут пешие лучники, далее — тяжелая конница, за ней — пехота, за пехотинцами следуют верблюды, нагруженные палатками, провдовольствием и осадной техникой, едут в повозках лекари и маркитанки, а в арьергарде реет стяг военачальника, неустршимого Дальматина, окруженного своими янпачами...

— Удача?! — взревел Абу-Дастан, хватаясь за саблю.— Удача, говоришь ты?! Это гибель, а не удача! Но... Откуда тебе известно их число и даже боевые порядки?

App-Магарбан указал посохом на флюгер.

— Он сообщил мне. Перезвон, испускаемый чудесным всадником, имеет тайный смысл, но понимать его могу лишь я.

— Сет, Нергал и сын нергалий! Что же мы медлим? Надо предупредить дружину и уносить ноги, пока не поздно.

— Поздно. Отряды косальцев окружили долину и перекрыли все выходы.

Лицо Дастана помертвело.

— Ты знал об этом, проклятый колдун! Знал и заманил нас в ловушку...

— Прощаю тебе слова, сказанные в гневе,— поморщился маг,— но страх недостоин рыцаря удачи, тем более когда

рядом стоит человек, познавший силу тайных учений. Сейчас я преподам урок надменным косальцам, а заодно и вам, усомнившимся в моем могуществе и благодарности. Подойди сюда, о любимец богов, и удивляйся чудесам моей колдовской науки!

Сказав так, стигиец решительно шагнул к доске, смотревшей на закат, откуда накатывалась через горные проходы вражья сила, и решительно поднял испещренное магическими символами копье.

ГЛАВА 4. Сабля и шампур

Вазам Экатракан, пышнотелый холеный красавец в шитом золотой нитью кафтане и собранных в гармошку на голенях штанах-чудирах, потянулся и с наслаждением зевнул.

Он стоял на ступенях дворца в Айодхье и смотрел в сад.

Вазам только что совершил утреннее омовение в яшмовой купальне, позволил массажисткам прогнать дрему из разомлевших на мягких перинах членов, а цирюльникам — расчесать бороду и уложить длинные, достигавшие плеч волосы красивыми волнами. Покончив с этими приятными делами, Экатракан надел перстни (по два на каждый палец), пристегнул саблю в роскошных ножнах и решил прогуляться в тени деревьев перед тем, как приступить к дневным заботам.

Огромные сады дворца дэви были прекрасны. Вазам любил гулять по запутанным дорожкам, наслаждаясь шепотом листвы и журчанием фонтанов, любуясь сказочной красотой цветов и мурлыкающей под нос вирши собственного сочинения. Ибо слыл он лучшим поэтом при дворе, и горе было тому, кто осмелился бы высказать сомнения по сему поводу...

Особенно вдохновляли Экатракана павлины, во множестве разгуливающие среди кустов и перелетающие с дерева на дерево. Хвосты их отливали в утренних лучах солнца всеми оттенками радуги; синие шеи, изящные головки с

цветными хохолками, легкость полета — не было и не могло быть зрелища прекрасней!..

Если, конечно, не считать женщин. Вот уж ради кого вазам готов был отказаться и от созерцания великолепных птиц, и даже от сочинения стихов! А женщины на дорожках сада было не меньше, чем павлинов. Одетые в полупрозрачные сари, а то и без оных, лишь с нитками тонко позванивающими колечек на бедрах, они, смеясь и болтая, прогуливались в сопровождении молчаливых евнухов, купались в прудах и плели венки, лежа на пахучих травах.

С тех пор, как пять лет назад умер старый меҳараджуб, ставший жертвой заговора Черных Колдунов, наложницы лишились своего господина — теперь на престоле Вендии сидела женщина, красивая и властная дэви Жазмина, сестра покойного властителя. Впрочем, сие обстоятельство мало заботило одалисок: вазам и другие вельможи оказывали им достаточно знаков внимания. Евнухи же внимательно следили, чтобы красотки не приближались к мужчинам-париям, работавшим в саду: за подобное ослушание наложницу ожидала холодная яма, а работника — бассейн с голодными крокодилами.

Завидев стайку смеющихся девушек, вазам всплеснул руками и поспешил к ним с приторной улыбкой на устах.

— Дахана, цветок моего сердца, — поманил он стройное создание в голубой накидке, столь прозрачной, что упругие формы отчетливо и соблазнительно виднелись под тонкой тканью. — Приблизься, о серна моей души, дай бедному поэту насладиться созерцанием прелестей твоих!

Дахана приблизилась и охотно позволила любоваться собою, играво покачивая бедрами и поворачиваясь во все стороны.

— Всю ночь я думал о тебе, — соврал вазам, принимая томный вид, — и сердце мое пылало, словно сухой лист в печи. Твои глаза, как сливы, уста, как лалы, живот, как... э-э... словом, послушай вирши, сочиненные в твою честь, о небесная дева!

Он принял напыщенную позу и прочел:

Прекрасна ты, как персик на ветвях,
Павлином гордым ты идешь, ступая
Ногою легкой, словно лепесток,
Трепещущий от теплого дыханья!

Экатракану стоило немало усилий заучить четверостишие, вычитанное в одной древней рукописи, и теперь он декламировал его всем женщинам, с кем намеревался провести ночь.

Дахана верно оценила намерения вазама и зарделась.

— О тигр среди поэтов, — сказала она, — все, что творишь ты в уединении по ночам, столь же совершенно, как цветок лотоса на зеркальной глади озера.

— А что я творю по ночам, когда не один! — Вельможа просто расплылся от самодовольства. — Приготовься же, о сахар моих губ, когда лик Сомы озарит кущи, я приду. Пусть твои служанки достанут все необходимые приспособления любви: силы, вызванные лицезрением твоего совершенства, позволят мне совершить не один подвиг. А пока прощай, ягодка, меня ждут государственные дела.

Очень довольный собой вазам зашагал дальше мимо великолепных ротонд и мраморных арок, мимо статуй многоруких богов, вдоль оросительных желобов, выложенных красной и зеленой мозаикой. Миновав пруд, на берегах которого безбоязненно вышагивали розовые фламинго, развились ибисы и сидели зобастые пеликаны, Экатракан углубился в заросли олив и митровых деревьев, посаженных столь искусно, что можно было подумать, что находишься в настоящем лесу, хотя до зубчатых стен, ограждавших парк, было рукой подать.

Посреди зарослей находилась обширная низина, обнесенная мраморной балюстрадой. Среди зарослей клевера гуляли здесь ручные серны с небольшими изящными рожками — любимицы дэви Жазмины. Чуть дальше виднелась апельсиновая роща и розовые кусты, высаженные полукругом. Вазам с наслаждением втянул упоительный аромат растений: он всегда наслаждался чудной гармонией запахов в этом самом красивом месте дворцовых садов. Терпкий запах апельсинов, висевших среди синевато-зеленой

листвы, как праздничные фонарики, пьянящий запах роз и... запах дыма!

Экатракан застыл, словно случайно натолкнулся на вход в преисподнюю. Из-за деревьев поднималась тонкая белесая струйка, исчезая в ярком солнечном свете. Дым! Кто-то жег костер в парке, и этот кто-то, будь он самим хранителем Большой Печати, заслуживал немедленной смерти!

Распугивая серн, вельможа ринулся через клеверную поляну и вломился в апельсиновые заросли с яростью взбешенного носорога. Однако, смекнув, что может спугнуть неведомого преступника, пошелтише, стараясь не ломать ветки, и вскоре оказался на краю прогалины возле стены, окружавшей парк.

Пылая праведным гневом, вазам раздвинул кусты и увидел сидевшего на корточках возле небольшого костерка полуголого человека. Спина его, бугрившаяся мышцами, блестела от пота, а черные волосы были схвачены на затылке в пучок засаленной лентой.

Человек закусывал. И закусывал он не чем-нибудь, а мясом несчастной серны, бренные останки которой лежали тут же на обагренной кровью траве. Рядом валялись большой нож и пара шампуротов с нанизанными обжаренными кусочками.

Экатракан сидел в кустах, чувствуя бессильную ярость и горячий ком в горле. Если бы он не узнал святотатца, рискувшего покуситься на ручное животное, то тут же зарубил бы его собственоручно. Ладонь вельможи судорожно скимала рукоять сабли, однако клинок так и оставался в ножнах.

— Выходи, — сказал человек не оборачиваясь. — После поучишь через заросли лазать.

Экатракан собрал всю свою волю, гордо выпрямился и шагнул на прогалину. Черноволосый неторопливо обернулся.

— Эка! — воскликнул он, весело прищурив синие глаза. — Таракан!

Вазам застыл, уставившись на него в полном недоумения.

— Не гневайся, советник, — насмешливо прогудел похиратель серны, — я все не могу запомнить твоего имени. Вот и решил называть тебя «эка-таракан». По-моему, похоже.

Он ухватил крепкими зубами кусок мяса, стянул его с шампуря, который держал в огромных лапах, и принялся с удовольствием жевать.

— Ты... ты... — Вазам почувствовал, что задыхается и не может вымолвить больше ни слова.

— Меня зовут Конан-киммериец, — сказал здоровяк с набитым ртом, — если ты забыл. Хватит глаза таращить, присаживайся, свежатинкой угощу.

В душе вельможи боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, перед ним был не кто-нибудь, а фаворит Жазмины, пожалованный дэви званием придворного раджиба. Сей варвар некогда был вождем диких афголов, врагов вендийцев, но оказал Жазмине важную услугу, когда ее брат стал жертвой Черных Колдунов. Киммериец спас дэви, похищенную чародеями, и возвратил ей свободу. А значит — трон. Спустя какое-то время он снова появился в Айодхье и был отправлен Жазминой на юг с каким-то поручением.

Вернувшись с немалыми богатствами, но, кажется, не полностью выполнив задание, северянин тем не менее принял был милостиво и задержался при дворе, пьянивая и развлекаясь с наложницами к немалому, но тщательно скрываемому возмущению знати. И вот докатился до убийства беззащитной серны!

Одно это достойно было самого сурового наказания. И потом, этот дикарь посмел назвать его, вазама, ведущего свой род от боковой ветви самого Вакришамитры, тараканом! Оскорбление, смыываемое только кровью.

— Как смел ты... — выдавил Экатракан, намереваясь дать наглецу достойную отповедь, но в горле у него засипело, и речь прервалась, так и не начавшись.

— Если ты имеешь в виду серну, — небрежно сказал варвар, — думаю, Жазмина не обидится. Меня тошнит от изысков вашей кухни, а хорошо прожаренный кусочек, да

еще с хрящами и жилами, просто клад для моего желудка. Правда, хрящи и жилы слишком мягкие...

Вазам тем временем наконец овладел голосовыми связками.

— Ты назвал меня тараканом, презренный...

— Да ну? — изумился киммериец. — Когда?

— ...и должен смыть оскорбление своей черной кровью!

С этими словами вазам потянул из ножен длинную, украшенную изысканной чеканкой саблю.

Конан не двинулся с места: все так же сидел на корточках, дожевывая последний кусок с шампуром.

— Защищайся! — прохрипел Экатракан, становясь в позицию. — Я не стану тебя убивать, только проучу!

— Черной кровью,— пробормотал варвар, покачивая головой,— надо же... Ну да ты, слыхивал, рифмошлет, любишь говорить красиво. А что, таракан, не глянуть ли мне, какого цвета у тебя печень?

Вазам зарычал и ринулся на обидчика. Гнев заставил вельможу окончательно забыть об осторожности. Он готов был изрубить нахала на куски, даже если потом дэви обрушит на его голову свою немилость. В победе Экатракан не сомневался: в поединках, случавшихся между придворными, когда соперники дрались на деревянных саблях, он всегда одерживал верх. Сейчас сабля в его руках была настоящая, острая, из отличной даманской стали, а под рукой северянина был только нож.

Однако Конан к нему так и не прикоснулся. Вскочив, он легко отбил шампуром яростный выпад и пренебрежительно сплюнул.

— Шел бы ты к себе,— процедил киммериец,— зубы почистил. А то потускнеют.

Он снова ударили в самое больное место вельможи. Зубами своими Экатракан по праву гордился. Зубы у него были крупные, ровные, выкрашенные в шесть разных цветов — по числу птиц, запряженных в небесную колесницу Асуры. Когда вазам улыбался, рот его блестал, словно наполненный драгоценными камнями.

На этот раз было не до улыбок. Экатракан снова взмахнул саблей, и снова сталь клинка ударилась о железо шампуром, который на сей раз не выдержал и погнулся.

— Сила есть — ума не купишь,— ослабился Конан.— Ты что, дурень, смерти ищешь?

Он проворно подхватил с травы еще одну шпажку для нанизывания мяса и, орудяя согнутым шампуром как крюком, а вторым — как настоящей шпагой, вступил с придворным советником в скоротечный поединок.

— Кто наврал, что ты умеешь драться? — фыркал варвар, отбивая выпады и наступая. — Льстивые ублюдки просто ложатся под тебя, чтобы заслужить милости! Ого! Это уже лучше! Хочешь я тебя натаскаю, таракан? Это, конечно, потруднее, чем сочинять стихи, но возможно. Ну хватит, ты мне надоел, пора заканчивать, а то мясо простишет!

С этими словами киммериец зацепил согнутым шампуром предплечье противника и сильным ударом по запястью выбил из его руки саблю.

Охнув от боли и обиды, вельможа выхватил кинжал, замахнулся...

— Стой! — истошно завопил Конан, указывая на его лицо.

Рука с кинжалом застыла в воздухе.

— Что?! — в ужасе выдохнул вазам, более всего гордившийся своей смазливой физиономией.

— Зуб! Синий зуб! Он подгнил!

И, сделав стремительный выпад, варвар ткнул острием шампуром под верхнюю губу Экатракана.

В голове вазама лопнул огненный шар и, отняв ладони от лица, он с ужасом увидел изумрудно-зеленый клык, плавающий в луже темно-красной крови.

— Следующим будет желтый,— пообещал варвар, опуская свое импровизированное оружие. — Если не угомонишься.

Такого позора вазаму не приходилось испытывать никогда. Горестно подывая, незадачливый рубака опустился на землю, не отрывая взгляда от своих окровавленных ладоней. В трех перстнях на его пальцах хранились быс-

тродействующие ядовитые зелья, и в голове Экатракана промелькнула мысль тут же свести счеты с жизнью. Единственное, о чем он сожалел в этот миг, было отсутствие письменного прибора, чтобы оставить стихотворную записку, объясняющую его смерть достойными причинами. Неизлечимым заболеванием верхней челюсти, например.

— Да брось ты убиваться, — услышал он голос варвара сквозь звон в ушах, — зубом больше, зубом меньшее... Зато через дырку удобно сплевывать, когда обожрешься. Я на тебя не нападал, ты первый полез. И, заметь, кишок тебе не выпустил, поучил только немнога. И то сказать, разбей я твою башку, кто бы стал о делах государственных печься? Дэви тебя ценит. Да вон мальчишка через кусты лезет, не иначе по твою душу.

И правда, из зарослей явился запыхавшийся посыльный. Вазам успел прикрыть рот платком, а Конан отбросил шампуры и подобрал его саблю.

Юный скороход, выпучив глаза, взирал на открывшуюся картину. Только что евнух Суппра указал ему, куда удалился Главный Советник вендийского двора, и что же? Вот он, советник, сидит на земле, рот зажимает. А рядом этот страшный северянин зубы скалит и саблей мертвую серну тыкает...

— Закрой рот, — сказал страшный северянин. — Жазмина послала?

Мальчишка решил сохранять невозмутимость, как требовал того от слуг придворный этикет, приосанился и объявил:

— Дэви Жазмина, властительница Вендии, Химелии и всех земель, дарованных ей богами, немедля требует к себе господина Главного Советника и раджиба Конана-киммерийца.

И, сделав большие глаза, многозначительно добавил:

— В дарбар требует, не куда-нибудь!

ГЛАВА 5. Совет

Дарбаром именовался большой зал, где высшие сановники государства собирались на совет. На сей раз Конана и Экатракана встретила одна дэви, если не считать двух глухонемых телохранителей, покорно потевших за изголовьем ее кресла. В зале было жарко и тихо.

Завидев вазама, прижимавшего к губам окровавленный платок, Жазмина немедля пожелала узнать причину столь странного вида своего первого сановника. Экатракан только промычал что-то невнятное.

— На него напала взбесившаяся серна и боднула рогом, — объяснил варвар, без приглашения усаживаясь на низкий диван. — Пришлось ее зарезать.

— Серна?! — воскликнула Жазмина. — Ты не путаешь? Мои серны ручные, и не было случая, чтобы они причиняли кому-нибудь вред.

— Значит, это первая. — Киммериец поджал ногу и поковырял пальцем в зубах. — Вели слугам хорошенько за ними присматривать.

— Я, конечно, сделаю, как ты советуешь, но ответь мне, раджиб, отчего так блестят твои губы?

— От жира, о проницательнейшая из властительниц, от жира, текущего с обжаренных, шкворчащих, восхитительных кусочков мяса! После того как я одолел оголтелого зверя, мы с Экатраканом развели костер и приготовили отличную бастурму. Не оставлять же тушу на растерзание воронам! Вазам, правда, есть не мог, а я подкрепился.

— Это правда, Экатракан? — спросила дэви вельможу. Несчастный советник только кивнул, рассудив, что внезапно спятившая ручная серна все же менее унижает его достоинство, чем шампур варвара.

— Надеюсь, ты сможешь говорить, когда я спрошу твоего совета, — сказала Жазмина, пряча улыбку.

— Я потерял только один шуб, — с достоинством отвечал вазам, — и готов, как прежде, дать тебе любой шовет, какой только попрошишь!

— Всему свое время. — Дэви жестом приказала вазаму сесть. Тот устроился на противоположном краю дивана — подальше от Конана.

— Я пригласила вас двоих, — молвила властительница Вендии, — дабы обсудить дело, не требующее отлагательства. Из княжества Эль-Мехем, лежащего за горами Тайдук-Нубас, прибыли послы и требуют незамедлительной аудиенции.

— Так в чем же дело, — зевнул Конан, не прикрывая рта, — прими их, и дело с концом.

Вазам поморщился — то ли от зубной боли, то ли возмущаясь грубости варвара. Однако Жазмина и бровью не повела: манеры киммерийца ее, казалось, забавляли.

— Ты, Конан, у нас недавно, и, видно, не знаешь, о чем идет речь, — сказала она терпеливо, словно втолковывала малому ребенку очевидные вещи. — Княжество это мало, и войском сколько-либо значительным не обладает. Когдато мехемские шахсары, именующие себя так более по неумному честолюбию, нежели общему признанию, умели ладить с соседями. Но четыре сезона дождей назад в единственном городе княжества произошла смута, и с тех пор...

— Знавал я одного мехемца, был у меня в ватаге, — перебил речь дэви грубый варвар. — Паршивый, надо сказать, человечишко, лживый и трусливый, как шакал. Пришлось содрать с него кожу и повесить сушиться на тамариске.

Вазам вздрогнул и плотнее прижал платок к губам.

— А я думала, такое проделывают только дикие афгулы, — усмехнулась Жазмина.

— Ты забыла, что я был их вождем. Впрочем, запамя-
товал, я, кажется, просто вырезал ублюдку печень.

Конану было скучно. Ему было скучно с тех пор, как он вернулся из Гадхары, где испытал немало передряг и сподобился даже предстать перед лицом самой Богини Смерти — кровожадной Хали. До сих пор в груди его поднимался холод, когда пронзительный взгляд богини, обратившейся в кобру, являлся ему во сне. Взгляд, несущий гибель... или бессмертие.

Все это осталось позади и, слоняясь по садам дворца, деля ложе с Жазминой или, втайне от дэви, с одной из ее придворных хаджибок, задирая трусливых придворных и пьяниц, к их глубокому возмущению, с париями-садовниками, варвар все более склонялся к тому, что жаркий и влажный климат Вендии ему порядком надоел. Из Кофа доходили слухи, что там готовится большая заварушка, и киммериец собирался податься туда в ближайшее время — навстречу новым приключениям.

А тут — какие-то ничтожные мехемцы...

— Если ты не будешь меня перебивать, мы быстрее доберемся до сути, — услышал он мелодичный голос Жазмины, в котором на сей раз прозвучали гневные нотки. — И возьми на том столике зубочистку, если уж хочешь воспользоваться привилегиями фаворита и ковырять в зубах в присутствии дэви. Я готова простить тебе многое за прежние заслуги, но, если ты станешь плевать на пол и рыгать в присутствии слов, как в прошлый раз, я рассержусь.

— И скормишь меня голодным крокодилам, — пробурчал варвар, но зубочистку взял.

— Четыре года назад, — продолжала Жазмина, — престол Эль-Мехема захватил какой-то немедийский рыцарь...

— Немедиец?! — воскликнул Конан, забыв о предупреждении дэви. — Откуда он взялся?

— Думаю, оттуда же, откуда и ты — с севера. Говорят, он отважен и не глуп.

— А если не глуп, отчего польстился владеть страной, которую каждый может захватить? Ведь ты говоришь — войска у него нет...

— Так доносят лазутчики. Однако четыре года назад немедиц разгромил армию косальцев численностью в восемь тысяч человек.

— Это как же?

— Выставил против них десять тысяч конных янпачей и вдвоеину — пеших лучников.

— Призвал наемников?

— Княжество Мехем лежит между Вендией и Косалой, и, чтобы в него проникнуть, нужно пройти через территорию одной из этих стран. Передвижение такого огромного войска не осталось бы незамеченным.

— Думаю, пдешь не обошлось без колдовства, — подал голос вазам.

— Теперь я припоминаю, — сказал Конан, щелчком посыпая зубочистку прямо в нос одного из телохранителей, — три дня назад повстречал я в местной харчевне одного афгула. Мы были когда-то знакомы. Бедняга совсем сдал, побирается на руках. Напоил его вином, разговорились.

Он поведал, как с год назад ходил в набег на этот самый Мехем. Ужасы какие-то рассказывал. Говорил, будто бы против их банды вышло многотысячное войско с развернутыми знаменами и всех порубило. Он один спасся, в плечо стрелой раненный. Наконечник показывал — на память о той переделке хранит. Наконечник от афгульской стрелы. Я думал, спяину заливает. И то сказать, кому придет в голову выставлять против банды афгулов регулярное войско, да еще под стягами?

— Твой знакомый — не единственный, кто рассказывает подобные вещи, — кивнула Жазмина. — После гибели своей армии косальцы больше не ходили в долину, но мелкие шайки не раз пытались овладеть Эль-Мехемом. И всякий раз терпели сокрушительное поражение. Немногие оставшиеся в живых тоже твердили о многотысячном войске, но им никто не верил.

— Колдовство, как ешь колдовство! — снова воскликнул Экатракан, вскакивая и размахивая руками. — Морок то, а не войско!

— Хорош морок, который рубит насмерть и стрелы посыпает, — хмыкнул киммериец. — Вот только отчего знакомец мой наконечник от афгульской стрелы хранит — непонятно. У янпачей и косальских лучников стрелы другие.

— То, что здесь замешана магия, мне доподлинно известно, — сказала дэви. — Не смотри на меня так недоверчиво, киммериец, я все же владительница великой державы, а не просто женщина, с которой... — Она осеклась и быстро глянула на советника.

— Великая женщина, — кивнул северянин совершенно серьезно.

— При дворе Эль-Мехема у меня есть свой человек. Он доносит, что немедиц снохался со стигийским колдуном, который построил в предгорьях башню, а на вершине установил магический флюгер в форме всадника с копьем в руке. Копье указывает направление, откуда можно ждать незванных гостей.

— Но это не объясняет, откуда у немедица многотысячное войско.

— Не объясняет. Что скажешь, вазам?

Экатракан приосанился и изобразил на лице глубокую задумчивость. Потом изрек:

— Думаю я, о повелительница, что никакого войшка вовсе нет. Это либо морок, либо демоны, принявшие обличье воинов.

— А ты что скажешь, раджуб Конан?

— Думаю я, о повелительница, — передразнил вазама киммериец, — что вызвать из преисподней сотни тысяч демонов по силам разве что самому Нергалу. Но повелитель Серых Равнин не стал бы заботиться о безопасности какого-то ничтожного княжества. Не может армия немедица быть и миражом. Миражи — это бесплотные видения и не могут причинить вреда. Тут есть два объяснения. Либо все байки о силе великой рассказывают побежденные, чтобы спасти свое самолюбие, либо — стигийский маг сумел привести наемников в Мехем незаметно, пользуясь колдовством. А что доносят твои шпионы?

Жазмина задумчиво помолчала, поигрывая золотыми браслетами на тонком запястье.

— Мои люди смогли обнаружить только волшебный флюгер. В единственном городе княжества сидит дружина немедийца, дворец охраняют иранистанские янпачи. Никто не видел большого войска, разве что оно укрыто в горах.

— Но в горах слишком шухо и ветрено! — напомнил вазам.

— Они могли устроить пещеры, — сказал Конан.

— Могли, конечно, — согласилась дэви, — но растительность там слишком скудна, чтобы лошади могли прокормиться. Да и людям надо есть. Но никто не видел карараванов с провизией, уходящих из города.

— Да, темная история, — проворчал киммериец. — Ты, кажется, говорила, что межемские послы просят аудиенции...

— Они не просят, они требуют! А это значит — сила у них за спиной нешуточная.

— Так давай их об этом и спросим, — ухмыльнулся варвар. — Хочу глянуть на этих недоносков.

ГЛАВА 6. Условия мира

В сопровождении почетного караула межемское посольство двигалось по бесконечным коридорам дворца.

Восемь человек шли через многочисленные залы, украшенные витыми колоннами, через внутренние дворики, где цвели удивительные цветы и гуляли чудные птицы, мимо фонтанов, балконов, поднимались и спускались по мраморным лестницам, проходили под стрельчатыми арками, задирая головы и невольно ломая шапки. Их окружало тончайшее мраморное кружево многочисленных решеток, разделявших покой, мрамором были облицованы стены, полы, своды галерей. И повсюду журчала вода: она сбегала по многочисленным желобам, переливаясь из одного в другой, вытекала из стен, охладившись в их каменной толще, бежала дальше, растекаясь по каналам в полу, собираясь в водоемы — и так на всех этажах, во всех залах и покоях, которым не было числа.

Семеро межемцев таращились на это диво, не в силах скрыть восторга. Дворцы Эль-Мехема были великолепны, но они бледнели перед величайшим строением Вендии, как бледнеет лунный лик, когда встает из-за окоема лучезарное солнце. И в Эль-Мехеме не было столько воды: окруженные пустыней, жители города ценили влагу на вес золота. Правда, под их ногами находились целебные источники, но они всецело принадлежали шахсару и нескольким богатым откупщикам.

Сосуды с шипучей водой, запечатанные воском, несли на плечах семеро. Восьмой посланник, не похожий на остальных, длинный, светловолосый, с костистым обветренным лицом, вышагивал решительно, не глядя по сторонам. На нем была помятая кираса, грязные сапоги, кожаные штаны и перчатки с отворотами. У пояса висел длинный прямой меч.

Процессия миновала широкий двор, посреди которого находился глубокий бассейн с фонтаном посредине, и вошла под высокие своды приемного зала. Его гладкие стены локтей тридцати высотой были слегка склонены внутрь, что могло бы производить гнетущее впечатление, если бы не яркая расцветка камней, из которых они были сложены. Посреди залы возвышался трон из резной слоновой кости, на котором, облаченная в шелк и шелк, ожидала гостей дэви Вендии. Многочисленные придворные стояли полукругом возле престола, держа в руках серебряные и золотые кубки.

Высокий человек с мечом у пояса тяжелыми шагами пересек зал и застыл напротив трона, скрестив на груди сильные руки. Он не поклонился и не проронил ни слова.

— Приветствуя тебя, посол Эль-Мехема, — раздался мелодичный голос Жазмины. — С каким известием прибыл ты к нам и как прикажешь тебя величать?

— Величают меня Бравгардом, — отвечал посланник хрипло, — а пришел я для того, чтобы заключить вечный мир между нашими великими державами.

Среди сановников прокатился ропот: доселе никто из мхемцев не осмеливался именовать свое княжество «великим».

— Разве между нами война? — спросила дэви спокойно.

— Спору нет, ваши воины не переступали наших границ, — кивнул Бравгард. — Пока. Видимо, участь косальцев вас кое-чему научила.

Вельможи зашумели сильнее — наглость посланника была неслыханной. Однако дэви жестом приказала им умолкнуть и спросила, не повышая голоса:

— Откуда ты родом, раджеб?

— Какая разница? — буркнул тот, злобно глядя на женщину исподлобья.

— Вижу, ты — северянин, а северяне никогда не отличались хорошими манерами. Так чего ты добиваешься, немедиц, ведя столь дерзкие речи?

— Ах, тебе даже известно, где я родился! Это говорит о том, что Вендия засыпает к нам шпионов, готовясь к войне. Не выйдет! Времена, когда мхемские шахсары платили вам дань, навсегда ушли. Теперь мы будем диктовать условия.

— Условия мира?

— Да!

— И каковы же они?

— Отныне Вендия обязана платить дань Мхему. Перечень — в этом пергаменте.

И посол бросил к подножию трона тугой свиток, перевязанный грязной ниткой.

На этот раз вопли сановников были столь пронзительны, что лопнула и разлетелась вдребезги огромная ваза, стоявшая позади трона.

И на сей раз дэви властно приказала вельможам умолкнуть.

— Сдается мне, ты добиваешься войны, а не мира, — произнесла она, едва сдерживаясь.

— Это как тебе будет угодно, — ухмыльнулся немедиц. — Достаточно мы терпели ваше высокомерие! Достаточно вы брали у нас целебную воду, чтобы пользоваться ею задаром. Больше этого не будет! Разбейте кувшины!

Последние слова были обращены к обомлевшим от страха мхемцам. Бедняги вовсе не ожидали такого поворота событий, они считали, что вода предназначена в подарок властительнице Вендии и сейчас не в силах были разжать пальцы, судорожно сжимавшие ручки сосудов.

— Выполняйте или я снесу ваши глупые головы! — проревел Бравгард, хватаясь за рукоять меча.

Кувшины полетели на пол и разбились, залив мраморные плиты пузырящейся жидкостью.

— Теперь можешь посыпать своих кшатриев, — подбоченясь, бросил посланник. — Мы не боимся ни твоих слонов, ни твоих воинов, у нас есть чем ответить!

— Чарами стигийского колдуна?

Жасмина спрашивала вполголоса, вкрадчиво.

Немедиц побагровел.

— Что ты еще знаешь, женщина?!

— Знаю о серебряном всаднике и его копье. Только это вам не поможет. Сколько бы воинов ни выставил Мехем, вендицы будут сильнее.

Бравгард отер пот с лица и расхохотался.

— Флюгер! Ах вот что, ты проводила о флюгере. Хвала богам...

Он замолчал и скорчил свирепую мину.

— Тогда тебе ведомо, женщина, что у нас есть многотысячное войско, свирепое и непобедимое! Хочешь помериться силами — давай, твои кшатрии найдут могилу в пустынях Мехема. С именем Абу-Дастана на устах мы пойдем в бой и победим!

— Может быть, кто-то и пойдет в бой, только не ты, — вскричала дэви, потеряв терпение. Она вскочила и, топнув ногой, указала на немедица.

— Взять его и немедленно обезглавить!

— Не торопись, грозная повелительница, — в голосе Бравгарда, не двинувшегося с места, прозвучала явная насмешка, — я не пришел бы сюда, не заручись надежным залогом. Если хоть волос упадет с моей головы, вендиских купцов, захваченных в Эль-Мехеме, ждет мучительная смерть на крючьях возле Балдахских ворот.

— Это подло! — воскликнула Жасмина, падая на сиденье трона.

— А рубить послу голову не подло? — ехидно осведомился немедиц. — Еще толкуешь о хороших манерах...

Он сплюнул, круто повернулся на каблуках и решительно запагал к выходу. Мехемцы засеменили следом, в ужасе оглядываясь на женщину, сидевшую в резном кресле, безвольно уронив руки.

Миновав двор с бассейном и углубившись в неширокий коридор, Бравгард мысленно поздравил себя с успехом

опасной миссии. Никто не препятствовал посольству покинуть дворец.

Даст, старый Лис, оказался прав: женщина есть женщина, и сердце у нее мягкое, даром что бьется в груди повелительницы великой державы, чьи воины не раз заливали кровью окрестные земли.

Пожалела каких-то купцов! Что ж, он достаточно задел самолюбие дэви, чтобы Эль-Мехем мог готовиться к нападению вендийского войска. Эль-Мехем! Скорее бы вернуться туда, да в баню...

В этот миг мраморная плита у него под ногами провалилась, и немедиц полетел вниз, в смрадную бездонную пустоту.

— Ты зря это сделал, Конан, надо было его отпустить.

— Отпустить этого ублюдка? Да я еле сдержался, чтобы не раскроить его череп. Но потом мне пришла мысль получше.

— Они убьют купцов.

— Не убьют. Я велел отпустить мехемцев, они сообщают, что Бравгард жив и сидит в темнице. Думаю, он не очень ушибся, падая в колодец, а воздуха там хватит, хотя дышать и затруднительно — трупы прежних узников еще воняют. Бравгард, подозреваю, не на последнем месте в дружине этого Дастана, так что будет хорошим заложником.

— Отчего же шахсар прислал сюда приближенного человека? Это рискованно.

— Видать, никто из мехемцев не смог бы держаться столь вызывающе, как немедиц. Он из наемников, сразу видно, а публика эта грубая и бесцеремонная. Надо сказать, постарался он на славу, ты до сих пор вся дрожишь.

Они лежали на широком ложе в опочивальне дэви под синим, украшенным серебряными звездами пологом. Тонкая рука Жасмины покоялась на груди варвара, ее густые черные волосы щекотали ему плечо.

— Значит, они хотят войны, — прошептала женщина, крепче прижимаясь к киммерийцу. — Зачем?

— А зачем вообще люди сражаются друг с другом? Так заведено богами и ничего тут не поделаешь. Мехемцы каким-то образом одолели войско Косалы и теперь хотят, чтобы ты двинула кшатриев в их долину...

— И я сделаю это! — воскликнула Жазмина, резко сядясь на постели. — Пусть им помогают все колдуны Стигии, мои войска хлынут в Сокровенную Долину, как волны бурного моря, и сметут всякого, кто встанет у них на пути!

Конан ласково обнял ее за плечи и уложил рядом.

— Сдается мне, Дастан как раз того и добивается. Не знаю зачем, но он хочет, чтобы ты направила на Эль-Мехем все имеющиеся силы.

— Он пожалеет о своей самонадеянности!

— Может быть, да, может, нет. Только не следует идти на поводу у противника. Давай сделаем так: я отправлюсь через горные перевалы с небольшим отрядом, разведаю что к чему, а потом решим, как поступить. А сейчас — хватит о делах, пора заняться кое-чем поприятней!

И они занялись тем, чем занимались почти каждую ночь с тех пор, как Конан вернулся из Гадхары.

Когда Жазмина уснула, варвар выбрался из-под леопардовой шкуры, служившей одеялом, бесшумно оделся и выскользнул в коридор.

Он миновал сеть запутанных коридоров, спускаясь все ниже этаж за этажом, пока не оказался в подвале. Дремлющий стражник встрепенулся и, завидев раджиба Конана, отсалютовал ему круглым щитом. Варвар небрежно кивнул и пошел дальше. Своды становились все ниже, проход — уже, под сапогами хлюпало, на стенах висели комки паутины. Несколько раз из-под его ног с писком разбегались крысы.

Свернув за очередной поворот, Конан остановился, прислушиваясь. Ему почудилось, что кто-то крадется следом, осторожно ступая по жидкой грязи. Нет, показалось. Да и кому придет в голову шастать в полумраке подвала ночью — разве что варвару, замыслившему черное дело.

Отвалив длинный узкий камень, киммериец с трудом протиснулся в темную щель. В нос ударили сладковатый

запах, столь знакомый любому воину, которому доводилось ехать через бранное поле на следующий день после битвы.

Он оказался в круглом помещении, едва освещенном тусклым светом, льющимся из небольшого отверстия, пробитого где-то высоко вверху. Смутная тень заворочалась возле стены, раздался хриплый крик... и Конан тут же ударил кулаком, валя наземь человека, бросившегося на него с отчаянием смертника.

— Убери свой меч, Бравгард, — сказал киммериец спокойно, — здесь негде размахнуться. Давай поговорим.

Достал из сумки на пояске свечу и кресало, чиркнул, запалил огонь. Увидел бледное лицо немедийца с кровоподтеком во всю щеку. Плененный посланник сидел на куче соломы, сжимая клинок с обломленным концом.

— Кто ты? — прохрипел узник. — Палач?

— Что, не терпится на Серые Равнины? Нет, брат, я не палач. Я такой же наемник, как и ты.

— Наемник? — Бравгард судорожно облизнул пересохшие губы. — Вижу, ты не вендиец. Откуда?

— Какая разница? У воинов удачи нет родины. Вернее — родина там, где платят больше. А здесь платят мало, слишком мало.

— Зачем ты пришел?

— Поболтать. Надоели, знаешь, велеречивые ублюдки, которые слова в простоте не скажут. Хлебни-ка.

И варвар протянул немедийцу небольшой мех с вином.

Бравгард жадно припал к нему и осушил наполовину.

— Ладно, — сказал он, вытирая губы, — напоил. Может, и закусить чего принес?

— Закусывать будешь в своем Эль-Мехеме, или как там эта дыра называется. Чего таращаешься? Не веришь, что отпущу?

— Не верю, — признался посол. — Если ты простой наемник, как узнал, где меня держат?

— Да пьянствовал я тут с местным палачом, — объяснил Конан небрежно, отхлебывая из меха оставшееся вино, — знатно тот выпивал, даром что вендиец. А налакавшись,

стал хвастать: дескать, таких застенков, как в Айодхье, нигде не сыщешь. Повел показывать, а я запоминал, что к чему, неровен час — пригодится. Колодец этот тоже мне показал, дэви сюда людышек сбрасывает, когда хочет, чтобы те навсегда исчезли.

И варвар указал на пару скелетов и полуразложившееся тело в изодранной рубахе.

В глазах Бравгарда засветилась надежда.

— Выпусти меня, земляк, — сказал он просительно, — век не забуду! В Эль-Мехеме золота много, к нам придешь — богатым будешь!

— Богатство — это хорошо, — согласно кивнул Конан, — а порешим мы с тобой так. Сейчас уйти не могу, дела кое-какие в Айодхье остались. Говоря по правде, не дела, а делишки: надо одному ублюдку печень вырезать. Долг чести, сам понимаешь. Ну а там, Кром даст, свидимся. Дэви большое войско собирает, на Эль-Мехем идти хочет. Я с кшатриями пойду, погляжу, как все обернется. Ежели вендийцы победят и город твой возьмут — не обессудь, тогда я сам твое золото заберу. И тебя кончу, коли под руку подвернешься. Служба, брат. Ну а если Дастан твой одолевать станет, так я в плен сдамся. Тогда уж не позабудь, кто тебя из неволи вызволил. И про золотишко обещанное не забудь — мой меч дорого стоит!

— Ну ты и тип, — только и сказал немедиец с уважением.

Когда Конан, отворив потайную калитку, выпустил его за городскую стену, Бравгارد обернулся и хлопнул варвара по плечу.

— Ты — настоящий рыцарь удачи, брат, — молвил он торжественно. — Мы еще повоюем бок о бок, вот увидишь!

— Давай двигай, — подтолкнул его киммериец, — пока я не передумал.

ГЛАВА 7. Перебежчик

Когда сияющая колесница Асуры плывет по небу над благословенной землей Вендии, Солнечный Бог любуется творением рук своих. Густые джунгли, полные зверя и птицы, перемежаются долинами широких рек, вдоль которых располагаются поля, дающие жителям сей страны пропитание.

Прекрасные города и величественные храмы украшают страну, как белые и голубые опалы в оправе из сочно-зеленого змородона. Плодоносные сады окружают селения, нитки дорог пересекают державу из конца в конец, с севера на юг и с востока на запад — к горам Тайдук-Нубас.

Асура любуется склонами этих гор, обращенными на закат. Джунгли достигают их отрогов и, редея, отступают, как морская волна, набежавшая на берег, спешит уйти обратно в море, оставив мокрый песок. Выше растут лиственые деревья, а за ними — высокие сосны, между стволов которых висят, цепляясь за ветви, словно куски тончайшей ваты, облака. То тут, то там на склонах видны селения, прозрачные ручьи весело бегут среди камней, а на лужайках дети пасут коротконогих буйволов с черной блестящей шкурой и стада крутогорых коз.

Но, когда колесница, запряженная шестью птицами с женскими лицами, переваливает вершины Тайдук-Нубаса, Асура спешит отвернуться, чтобы не видеть горячие желто-красные откосы, ниже которых — только мертвый щебень.

И погоняет Царь Небесный упряжку, чтобы быстрее миновать место, опаленное, когда он спускался на грешную землю, дабы наставить Вакришамитру на путь истинный.

Каждый вендиец по эту сторону гор помнит, что пустыня совсем недалеко — за перевалом. Оттуда, из долины Мехем-Ту, льется через ущелья зной, летит по ветру сухой песок, рассеивается над полями и селениями, проникает в окна, набивается в рот, обжигает глаза. Впрочем, такое бывает редко: ветры чаще дуют в долину Мехем-Ту, словно в огромную раскаленную чашу, но когда порывы его все же одолеваются перевалы, вендицы молят богов послать дождь. И дождь выпадает, спасая урожай, охлаждая воздух, наполняя его свежестью и ароматом трав. Дождь выпадает по эту сторону гор, на восточном склоне, на западных откосах всегда сухо. Плохое место долина Мехем, и делать там простым людям нечего.

Другое дело кшатрии. Боги сотворили их, дабы постоянно испытывать мужество рода человеческого. Что там пустыня, если нужно, воин и в огонь пойдет ради славы. Из другой глины сделаны кшатрии, что и говорить, не чета простолюдинам...

Так судачили между собой жители горных сел, когда отряд в сотню конников с длинными копьями, с луками, колчанами и круглыми щитами, сопровождаемый сотней пехотинцев, проследовал единственной дорогой, ведущей от приграничного города Балдах в Сокровенную долину. Впереди вышагивали трубачи и литаврщики, знаменосцы и десяток гвардейцев в высоких конусообразных шапках, золотых кольчужных рубашках и красных сапогах с загнутыми носами. За гвардейцами шел длинноногий верблюд, между его горбов под широким зонтом ехал начальник войска — черноволосый гигант в червленой броне и шлеме, украшенном страусовыми перьями.

Завидев столь великолепную процессию, селяне спешили к своим плетням, махали миртовыми ветками и радостно вопили, приветствуя воинов, которых редко видели в этих местах. «Куда вы идете?» — кричали те, кто посмелей. «Идем покорять Эль-Мехем, — отвечали воины, — за-

дадим перцу наглецам!» В ответ раздавались крики одобрения, в воздух летели шапки.

Сидя между горбов верблюда и важно надувая щеки, Конан только посмеивался про себя. Пожалуй, с такой шумихой Абу-Дастану не нужен никакой волшебный флюгер. Если шахсар держит шпионов в приграничных селениях, он будет знать о выступлении вендицев очень скоро. И будет знать, что по Балдахской дороге движется отряд всего в две сотни копий. Киммерийцу очень хотелось посмотреть, какое войско выставит немедиц, когда кшатрии ступят на землю «великого» княжества.

С этим он, впрочем, не торопился. Еще три отряда скрытно двигались к границам Мехема, намереваясь пройти малооженными ущельями. Это была часть плана, который варвар предложил дэви: сделать вылазку в четырех местах и решить, какими силами на самом деле обладает противник. Жазмина собирала тем временем в Айодхье большое войско, готовясь нанести удар там, где оборона мехемцев окажется наиболее уязвимой.

Нужно было дать время трем другим отрядам прорваться через горы, поэтому Конан, миновав со своими людьми перевал, решил заночевать на небольшом каменистом плато, где росли чахлые кусты и искривленные ветрами и зноем деревья.

Велев расседлать коней и выставить караулы, киммериец отправил вниз четверых лазутчиков и задремал сидя, завернувшись в плащ и прислонившись спиной к теплому камню.

Ему казалось, что он вовсе не спит, а сидит с открытыми глазами и смотрит на яркие холодные звезды. Их далекие огни светили, словно костры огромного войска, разбившего лагерь в черном поле. Возможно, то была армия Мардука, небесного воителя, безжалостного Бога Войны.

И вдруг две звезды, самые яркие, стремительно понеслись вниз и превратились в ледяные иглы, нацеленные ему в сердце. Голова огромной кобры неумолимо надвигалась из мертвых глубин Пустоты, а звезды были ее глазами — безжалостными, несущими гибель...

Конан вскрикнул и проснулся.

— Раджеб, наши поймали мхемца! — услышал он голос сотника Аджара, начальника своих пехотинцев.

Двое воинов вытолкнули в круг света, отбрасываемый небольшим костерком, испуганного человека в изодранной одежде. Борода его торчала клочьями, лицо было разбито в кровь.

— Я все скажу, все! — заголосил человек, падая на колени.— Я сам к вам шел, все рассказать хотел!

Конан мотнул головой, сграживая остатки ночного кошмара. Занималось утро: солнце уже золотило вершины гор, но на плато еще лежали глубокие холодные тени.

— Ты кто? — спросил он пленника.

Тот, опасливо оглянувшись на кшатриев, стукнул лбом в землю, потом сел на пятки и сказал, постаравшись придать солидность своим словам:

— Да будет тебе известно, о достойнейший из военачальников, что зовусь я Абу-Гарим и звание имею немалое: младший викиль шахсара эль-мхемского.

— Важная птица,— усмехнулся варвар, разглядывая разбитую физиономию викиля.— А чего в горах забыл? Или послал кто?

— Сам бежал, о лев среди кшатриев! — воскликнул Абу-Гарим и ударил себя в грудь в знак подтверждения искренности своих слов так, что закашлялся.— Нет сил терпеть узурпатора, проклятого немедийца, севшего на престол силой коварства и попустительством наших вельмож, кои далее своего носа ничего видеть не желают!

— А ты, значит, позорче оказался. И что же узрел такого, что иные не смогли?

— А узрел я, о могущественный, гибель скорую, грозящую нашему княжеству и всем, кто имеет глупость оставаться за стенами Эль-Мхема. Ибо дэви Жазмина справедлива и покарает отступников...

— Брешь, собака! — раздался голос подошедшего сотника конников Мугаджара. Воин держал в руке обнаженную саблю, явно намереваясь снести пленнику голову.— Ты — лазутчик!

Несчастный викиль снова пал ниц, потом, воздев руки и не поднимаясь с колен, заголосил жалобно:

— Не лазутчик я, клянусь Асурой, да поразит меня огненный смерч, если есть в моих словах хоть толика не-правды! Не нужны шпионы проклятому Дастану, ибо обладает он неким чудесным талисманом, хранящим его земли до поры до времени. А чтобы не сомневались вы в моей искренности, открою страшную тайну! Есть в предгорьях Тайдук-Нубаса башня, построенная стигийским колдуном, а на башне той — чудесный серебряный всадник...

Он замолчал, выпучив глаза на черноволосого раджиба, хохотавшего во все горло.

— Уморил! — едва выговорил Конан, утирая слезы.— Великая тайна! Кажется, о вашем флюгере не болтают только ослы, да и то потому, что лишены дара речи. Так ты это хотел рассказать, направляясь в Вендию? Новость, за которую в базарный день не дадут и медного гроша. Если хочешь сохранить голову, скажи лучше, откуда у Дастана войско, разгромившее косальцев?

— Этого я не знаю.

— Давай, Мугаджар,— кивнул киммериец сотнику,— руби...

— Нет! — завопил Абу-Гарим.— Все скажу! Только не убивайте!

— Убери саблю, Мугаджар,— приказал варвар,— послушаем, что почтенный викиль нам поведает. А там решим, что с ним делать.

Викиль, всхлипывая и жалобно постанывая, стал клясться всеми богами, а также здоровьем чад и домочадцев, что не знает, откуда взялось войско, подвластное стигийскому колдуну.

Но войско есть, и оно непобедимо. Ходят слухи, что чародей устроил в горах огромные пещеры, соединенные подземным ходом не то с Иранистаном, не то с Тураном, и оттуда приходят грозные янпачи, неустранимые в бою, как дикие тигры. Они всегда появляются там, откуда грозит нападение, и нет щады, дерзнувшим посягнуть на княжество Мхем...

— Отчего же ты бежал из этого благословенного места, коли так? — перебил Абу-Гарима Конан.

— А бежал я потому, о начальник кшатриев, — отвечал Викиль, — что властитель, доверивший безопасность своего государства магии, губит и себя, и свою страну вместе со всеми подданными. Абу-Дастан, дерзкий чужеземец, вообразил, что держит волшебника за бороду, тогда как сам он — лишь игрушка в руках стигийца. И стоит чернокнижнику осерчать на шахсара, как все благоденствие Эль-Мехема рухнет, как замок, построенный на песке. Ввиду же того, что между Дастаном и Апп-Магарбаном отношения ухудшаются день ото дня, я и принял решение бежать в Вендию, дабы помочь дэви Жазмине — да продлятся дни ее! — воспользоваться ссорой шахсара и волшебника и восстановить попранную справедливость.

— Что же произошло? Говори толком!

— Позволь мне, о лев воинской доблести, изложить события по порядку, дабы тебе стало ясно, сколь коварен стигийский колдун и сколь шатко благополучие проклятого Дастана...

— Дайте ему вина промочить горло, — распорядился Конан, и мхемец, сраженный столь неслыханной щедростью, тут же бросился целовать грязные сапоги киммерийца.

Утолив жажду и поудобнее усевшись на собственных пятках, Викиль принял выдавать государственные секреты.

ГЛАВА 8. Дворцовые тайны

После того, как взявшееся невесть откуда войско на-несло сокрушительное поражение косальцам и головы убитых врагов были сложены на главной площа-ди Эль-Мехема в большую пирамиду, дабы вызывать в сердцах жителей ликование и гордость, Абу-Дастан предложил магу половину всех сокровищ, хранившихся в подва-лах шахсарского дворца.

«Оставь у себя сокровища свои, — ответил колдун, приняв самый смиренный вид, — желания человека моих лет весьма ограничены. Кроме того, я дал обет смирения своим учителям. Дай мне лишь небольшую сумму, необходимую на незначительные переделки в моем скромном жилище, и на сем желания мои будут удовлетворены».

«Ты обладаешь духом истинного мудреца, — отвечал Абу-Дастан, весьма довольный умеренностью стигийца, — то, ради чего другие идут на подвиги и преступления, в глазах твоих не имеет никакой цены, но нас связывает непоколеби-мая дружба, скрепленная победой над извечными врагами мхемцев, и я сделаю все, что ты попросишь».

«Запомню твои слова», — сказал маг, и сказал это при свидетелях.

Тотчас было дано повеление хранителю шахсарской казны выделить необходимые средства и не жалеть ничего, для удовлетворения малейших прихотей спасителя Мхемена.

— В силу своей должности, — говорил Абу-Гарим, — я надзираю за распорядителями работ, и потому не раз бывал

с мастерами в пещере волшебника. Это только так говорится — пещера, на самом деле стигиец устроил в недрах горы настоящий дворец! Апп-Магарбан приказал иссечь в скалах несколько помещений, украсил их блестящими материями, китайскими вазами, пол выстелил гранитными плитами, и уставил комнаты роскошными диванами с горами самых мягких подушек, покрытых вендинскими тканями. «Я стар и хил, — говорил этот лицемер, — и не могу спать на жестком ложе, как в молодости. В конце концов, я заслужил в свои годы некоторые удобства».

Потом он приказал устроить купальню, снабженную всеми принадлежностями роскоши и неги, утверждая, что ароматные ванны необходимы старикам, чтобы смягчить иссохшие члены и успокоить болезненную тревогу мозга, измученного долговременными трудами и учением.

— Клянусь Кромом, — осклабился варвар, слушая викиля со все возрастающим весельем, — не иначе старичок решил пожить в свое удовольствие, прежде чем отправиться к Нергалу!

— Да не торопится он на Серые Равнины! — возмущенно воскликнул Абу-Гарим. — Все знают, что колдун владеет тайной эликсира, продлевавшего человеческую жизнь. Стигиец крепок и может бегать так быстро, что и молодой не угонится. А все притворяется немощным старцем. Утверждает, что даже солнечный свет ему вреден. Потому приказал развесить в пещерах серебряные и хрустальные лампы, которые горят сами собой — посредством чудесного масла, приготовленного по старинным стигийским рецептам. «Лампады сии, — говорит, — крайне экономны и не требуют пополнения горючего материала. Их слабый свет позволит мне продолжать в уединении научные разыскания, коим я посвятил себя на благо людей...»

Между тем, несмотря на подобное самоотвержение, которым не переставал хвастаться стигийский чародей, отделка его убежища стоила огромных сумм. Казнохранитель, видя беспрерывное истощение сокровищницы, только хватался за голову, но, не смея ослушаться приказания шахсара, исправно выплачивал деньги работникам, поставщикам и

художникам. Наконец, когда какой-то камбуец потребовал две тысячи золотых за чучело белой обезьяны, невесть зачем понадобившееся чародею, терпение казнохранителя лопнуло, и он отправился с докладом к шахсару.

Немедиц долго чесал бороду, после чего изрек слова, слышанные всеми присутствующими: «Да, не дешево стоят скромные желания нашего друга, но мы обязаны ему своим словом, а слово шахсара — дороже золота! Кроме того, безопасность Эль-Мехема, защищенного отныне от всякого покушения врагов, вдесятеро вознаградит нас! Отныне мы можем грозить любой державе и диктовать наши условия».

— Что-то я не слышал, чтобы мехемцам удалось превратить кого-нибудь в своих данников, — прервал рассказ викиля киммериец. — Впервые за все время они дерзнули обратиться с подобным требованием к дэви Вендин, да и то безуспешно. Говорят, посол Дастана до сих пор сидит в айодхийской темнице.

— Посол вернулся, о храбрейший, — с готовностью доложил Абу-Гарим, — ему удалось бежать.

— Да ну! — хмыкнул Конан. — Вот каналья.

— Говоря о том, что сможет грозить соседям, шахсар ошибался, — продолжил викиль. — Стигиец заявил, что его войско не может покидать границ княжества. Тогда они первый раз поругались с Дастаном. Немедицу пришлось смириться с тем, что армия колдуна лишь защищает княжество, уничтожая проникнувшего в долину неприятеля. Это подтверждает мои слова о том, что игру ведет стигийский маг, а не человек, именующий себя повелителем Эль-Мехема.

— То-то Бравгард так старался заманить войска дэви к себе в пустыню, — пробормотал Конан так тихо, что мехемец его не рассыпал.

Немедицу пришлось довольствоваться тем, что в город потянулись купцы, привлеченные безопасностью торговли. Войска колдуна одержали еще несколько побед, и всякий раз головы поверженных врагов складывали на рыночной площади.

Убежище чародея вмещало все самое ценное, что ранее находилось в шахсарском дворце. Вельможи роптали, Дастан со своими людьми предался необузданному пьянству. Немедийцы вели себя в Эль-Мехеме как в захваченном городе, все более возбуждая ненависть жителей.

А колдун не унимался. Однажды он явился к казнохраниителю и сказал ему, скромно улыбаясь: «Теперь, любезнейший, все мои желания об успокоении исполнились, отныне я живым похороню себя в своем милом уединении и посвящу наукам дни, оставшиеся мне по милости богов. Не требую более ничего, кроме малой безделицы, которая развлекала бы меня в перерывах между важных занятий».

«Да исполняются твои желания», — с поклоном отвечал казнохраниитель, мысленно прикидывая, во что обойдется очередная «безделица», понадобившаяся чернокнижнику.

Однако дальнейшие слова мага поразили даже его.

«Мне хотелось бы иметь несколько танцовщиц, прекрасных во всех отношениях», — молвил старец.

«Танцовщицы!» — воскликнул казнохраниитель, изумленный желанием, столь мало сообразным с обликом человека, посвятившего себя размышлению и общению с высшими силами.

«Чему ты так удивляешься? — холодно спросил мудрец. — Я люблю созерцать прекраснейшие создания зиждителя Вселенной. Тебе должно быть известно, что вид юности и красоты возрождают утраченные силы стариков. Да не покажется трудным исполнить это мое желание: я не прихотлив, и на первое время мне понадобится совсем немного хорошеньких девушки. Скажем, дюжины две».

Конан снова расхохотался.

— Силен, стариашка! — воскликнул он, хлопая себя по коленям. — Две дюжины! Видать, колдун не терял зря времени, изучая тайные науки, и сварил себе знатное зелье!

— Ты прав, о справедливейший из раджибов, — льстиво захихикал Абу-Гарим, — и это было только начало! Всякий раз, одолев врагов с помощью своей магии, колдун требовал новых красоток, так что вскоре их пришлось выписывать из-за границы. Дастан же, натешив свою гордость победами,

заскучал. Народы и племена, ранее совершившие набеги на княжество, ужасаясь непрерывных неудач, смекнули наконец, что Эль-Мехем находится под покровительством сверхъестественных сил, и решили оставить нас в покое. Подозреваю, что немедиец уже собирался плонуть на все и покинуть город со своими людьми, как тут, на нашу беду, серебряный всадник вновь опустил копье и указал им на юг...

— Но там ничего нет, кроме моря, — заметил сотник Аджар. — На вас напали пираты?

— Уж лучше бы это были пираты! — горестно воскликнул викиль, заламывая руки. — Ты прав, о кшатрий, к югу от Эль-Мехема лежит среди гор узкая бесплодная долина, выходящая к берегу Вендийского моря. Места эти пустынны и безжизненны, никто там не селится. Шахсар приказал отправить туда отряд под водительством Бравгарда, ибо чудесный всадник, испуская разнообразные мелодичные звуки, которые понимает только стигиец, сообщает колдуну о численности и принадлежности войск противника, но на этот раз он молчал.

— И что же оказалось? — нетерпеливо спросил киммериец.

— Вернувшись, Бравгард сообщил, что неприятеля не обнаружил, а его люди нашли чудно прелестную девушку, привязанную к скале на взморье.

— И что же сделали с этой девушкой?

— Ее привезли к Дастану. Немедиец пришел в восторг, и было отчего. Она вошла в главную залу дворца покрытая бурнусом из тонкой белой шерсти, а когда ткань упала к ее ногам, шахсар увидел во всей очаровательной девической наготе краснеющую и бледнеющую от стыда девушку лет шестнадцати, красота которой превосходила все, что может создать воображение...

— Ну так уж и все, — проворчал Конан, который на своем веку повидал не одну сотню обнаженных женщин — и краснеющих, и нагло улыбающихся, и объятых ужасом...

— В моих словах нет ни грана преувеличения, о сокол прозорливости, — заверил мехемец, — ибо Дастан завел обы

чай демонстрировать прелести своих наложниц всем придворным, и я присутствовал при сем событии. Клянусь Жудом и Мажудом, ее красота несравненна! Она, как невиданный драгоценный камень, требует оправы более изысканной, чем грубая власть немедийца. Но даже этот неотесанный вояка, место которому у котла с похлебкой, а не на троне, не посмел обидеть ее грубым словом. Он весьма изысканно осведомился, кто она и откуда.

Незнакомка отвечала самым сладостным голосом, но слова ее поначалу были не совсем ясны.

«Повелитель, я не та, за кого ты меня принимаешь, — сказала она, — но твое великодушие может сравниться с моим несчастьем. Ты видишь перед собой дочь бодейского губернатора, доверившегося одному своему неверному капитану. Этот низкий человек, с которым я вышла в море, дабы полюбоваться беспредельными просторами и игрой волн, воспыпал ко мне низкой страстью и хотел учинить насилие прямо на корабле. Встретив сопротивление, он решил отомстить страшным злодеянием и высадил меня на пустынном берегу, отлично зная, что в этих местах нет людей. Я стала бы добычей хищных зверей, если бы твой доблестный военачальник не освободил меня и не спас от ужасной смерти».

Немедиц прямо-таки пожирал глазами свою будущую одалиску. Однако App-Mагарбан, присутствовавший во дворце по какой-то надобности, уединившись с шахсаром, принялся остужать его пыл. Он сказал...

— Тебя они тоже пригласили? — насмешливо спросил варвар.

— Нет, о внимательнейший из раджибов, но стены во дворце имеют уши, поэтому беседа мага и немедийца не осталась неизвестной.

«Не доверяй льстивым словам этой женщины, — сказал колдун, — наука открыла мне, что мнимая дочь бодейского губернатора очень может оказаться одной из тех северных волшебниц, которые облекаются в самые обольстительные формы, дабы поймать в свои сети неосторожных. В облике ее и малейших движениях нахожу я нечто нео-

быкновенное... Вспомни, серебряный всадник указал ее местонахождение, опустив копье, а так он указывает на врагов. Эта красавица и есть враг, которого надо опасаться».

Шахсар только насмешливо улыбнулся и ответил, что хорошо разбирается в женщинах, а к этой девушке чувствует страсть, которую давно не испытывал.

«Ничто не возбуждает во мне подозрений, и я оскорбил бы Митру, пренебрегая таким неоценимым даром», — заметил он.

«Друг мой, — не унимался чародей, — обрати взор внутрь себя и ответь честно: не мне ли ты обязан многочисленными победами, уничтожившими всех твоих врагов?»

«Не отрицаю этого», — согласился немедиц.

«Помнишь ли ты свое обещание, не жалеть для меня ничего, что бы я ни попросил?»

«Помню. Но не обвиняй меня ни в неблагодарности, ни в скучости, ибо ты всегда получал все, что хотел».

«Я и не думаю обвинять тебя, — вкрадчиво молвил колдун, — напротив, хочу оказать безвозмездно еще одну услугу. Выдай мне эту пленницу, которая угрожает твоей безопасности и безопасности твоего государства. Я уведу ее в свое убежище и заставлю звуками эльдура услаждать свой слух, дабы прогонять бессонницу моей печальной старости. Она будет под моим беспрестанным присмотром, и я смогу узнать, та ли она, за кого себя выдает. Если она дочь губернатора, ты сможешь получить богатый выкуп, если же мои подозрения оправдаются, я найду способ справиться с колдуньей».

Но Дастан на сей раз был непреклонен.

«Клянусь железной пяткой Мардука! — вскричал он. — Да ты самый продувной мудрец из всех чернокнижников! Как! Тебе мало танцовщиц, заживо погребенных в твоем склепе, и ты, ненасытный старик, готов возжелать каждую женщину, которая попадется тебе на глаза! Право, почтенный, ты преувеличиваешь свои силы, а вернее, силу лекарств, дающих твоей старости слишком много обманов чувств».

Маг еще долго уговаривал шахсара, все более мрачнея.
«Я требую от тебя не жертвы, а доказательства доверия, ибо пекусь исключительно о твоем благе», — заключил он сердито.

«Хватит! — потерял тут терпение бывший наемник. — Твой льстивый язык не переменит моего решения. Кто бы ни была эта девушка, она станет моей!»

Стигиец, злобно бормоча что-то на своем языке, удалился, а Дастан предался всем неистовствам страсти. Торговцы и ремесленники сносили к ногам одалиски блестящие золотые и шелковые ткани, редчайшие драгоценности, тончайшие благовония — подарки возобновлялись ежедневно. Шахсар вводил все новые налоги, дабы пополнить опустевшую казну. Празднества следовали за празднествами, пиры сменялись пирами, но та, ради которой так старался Дастан, смотрела на все глазами особы, привыкшей быть окруженной гораздо более утонченной роскошью и негой. Она равнодушно принимала знаки обожания и, казалось, поставила себе целью сделать дикого немедийского волка ручной собакой.

— Так, значит, Дастан не взял пленницу силой? — удивленно спросил Конан.

— Не взял, о раджиб, — кивнул мхемец отчего-то печально. — Наверное, он воспыпал к девушке подлинной любовью. Такое случается даже с грубыми северянами. Когда же домогательства шахсара становятся слишком навязчивыми, она берет в руки эльуд и начинает музенировать. Видно, в звуках, которые она умеет извлекать из серебряных струн, заключается нечто сверхъестественное, ибо немедиец сразу же погружается в благоговейное онемение, за которым следует забвение страсти и сладостная истома...

— Готов поверить, что эта баба настоящая ведьма, — проворчал варвар. — Погрузить в сладостную негу немедийского наемника — все равно что уговорить Нергала посадить розы на Серых Равнинах. Так что же, шахсар и колдун окончательно рассорились?

— Чернокнижник с тех пор ни разу не появлялся во дворце, а Дастан, кажется, не выходит из сераля...

— Слушает сладостные звуки эльуда?
— Может быть, уже и не слушает. Ибо пленница наконец решила сдаться его домогательствам.

— Вот как!
— Да, но поставила одно условие: чтобы Абу-Дастан совершил великое деяние, достойное ее любви.
— И какое же?

— Разгромил Вендию.

При этих словах оба сотника схватились за сабли, но Конан остановил их нетерпеливым жестом.

— Значит, — сказал он, что-то обдумывая, — это шестнадцатилетняя девчонка объявила нам войну. Тем хуже для дурня, который, видать, из-за бабы потерял остатки разума. Возможно, колдун, обидевшись, не станет помогать на сей раз немедийцу. Что ж, посмотрим. Мугаджар, вели седлать коней, Аджар, поднимай людей. Мы выступаем.

— Я могу показать потайную калитку в городской стене, — с готовностью предложил викиль.

— Если доберемся, покажешь. Дайте ему лошадь, он поедет рядом со мной.

Солнце уже встало над вершинами гор, и тени попрятались на дне разломов, когда отряд кшатриев спустился в Сокровенную Долину. Перед ними была пустая, покрытая щебнем равнина с невысокими холмами — до самого окося.

— Ты — советник, а значит, много чего знаешь, — сказал Конан ехавшему рядом Абу-Гариму. — Мне сегодня приснилась змея. К чему бы это?

— Какая змея, о искуснейший из военачальников?

— Кобра.

— А какого цвета?

— Черная.

— Да убоятся враги твои возмездия... — начал было викиль, но варвар прервал его, буркнув:

— Что ты там болтаешь — возмездие... Всем известно, что змеи снятся к несчастью.

ГЛАВА 9. Разгром

Дно долины лежало среди низких отрогов гор, словно раскаленная суповая тарелка. С высоких башен Эль-Мехема зоркий глаз еще мог заметить темнеющие у самого окоема склоны, но от пределов пустыни не было видно ничего, кроме холмов и щебня.

Отряд вендинцев едва ступил на раскаленную землю княжества, отойдя от скал не более двухсот шагов. Конан сменил верблюда на сильного пегого жеребца, викиль ехал рядом и рассказывал киммерийцу легенду о колеснице Асурь, спалившей некогда цветущую местность. Где-то впереди за холмами исчезли разъезды, посланные Конаном на разведку.

Ровный горячий ветер дул в спины, трепал перья на островерхих шлемах. Отряд двигался медленно, ожидая возвращения разведчиков. В небе кружили темные птицы, словно следили за людьми с высоты.

— И остался лишь город, нетронутый небесным огнем, — говорил Абу-Гарим, смахивая с длинных ресниц налипшие песчинки. — С тех пор ветры дуют с гор, но, достигнув стен Эль-Мехема, слабеют и не опаляют сады, приносящие по три урожая в год...

— А мне сдается, что вон то облако пыли движется нам навстречу, — сказал варвар, внимательно глядываясь в ближние холмы.

— Наверное, это один из тех вихрей, что гуляют по пустыне, — предположил викиль. — Их носит во всех на-

правлениях, и они причиняют немало неудобств путникам...

— Это не вихрь, — сказал Конан, натягивая поводья, — это пыль, поднятая копытами сотен лошадей. Нас встречают.

Желтое облако вставало из-за холмов, поднимаясь все выше к яркому солнцу. Уже слышно было ржание коней, звон оружия и брони, гортанные крики невидимых еще всадников. Миг, и они показались: бесчисленное множество шлемов блестели в ярких лучах, свет играл на наконечниках копий и алебард, на драгоценных камнях, украшавших рукояти сабель и сбруи лошадей. Огромное войско двигалось навстречу отряду кшатриев.

— Стой! — Конан поднял руку, останавливая своих людей. — Проклятый колдун послал-таки свою армию. Ты солгал, викиль, ты заманил нас в ловушку.

Абу-Гарим задрожал всем телом, едва не выпав из седла.

— Я не лгал, о справедливейший раджиб, я говорил правду: шахсар поссорился с чародеем! Что произошло с тех пор, как я покинул город, мне неведомо, но я...

— Умолкни, — приказал киммериец нетерпеливо. — Мугаджар, Аджар, отводите людей к скалам. Не биться же нам на равнине с тысячами, когда нас всего две сотни.

Распоряжение было исполнено незамедлительно: вендинцы развернулись и в полном порядке отступили к склонам Тайдук-Нубаса, где и укрылись за камнями.

В сопровождении сотников и все еще дрожавшего викиля Конан поднялся на крутой утес, выступавший над склоном, словно огромное ласточкино гнездо. Здесь была удобная площадка, откуда можно было хорошо видеть, что делается внизу.

По равнине, взметая тучи пыли и мелкого щебня, двигались войска. Реяли стяги, доносились звуки труб и литавр, топот множества ног и резкие команды военачальников. Впереди двигались легкие конники и пешие лучники, далее стройными рядами шла тяжелая пехота, а по бокам, выстраиваясь в огромный полумесяц, — главные силы кавалерии.

— О ужас! — воскликнул Абу-Гарим, судорожно вцепившись в гриву своей лошади. — Кто бы мог подумать, что у стигийца такие огромные силы! Они выстраиваются в древний боевой порядок, словно решили дать огромное сражение. Смотрите, впереди рассыпной строй всадников, именуемый «Утро псового лая», за ними фаланги пехоты — «День помощи» и «Вечер потрясения», на флангах гарпуют янпачи в алых и золотых доспехах, стремительные в атаке и безжалостные к врагам.

— Да ты стратег, — насмешливо прервал его киммериец, внимательно глядываясь в шеренги, двигавшиеся по равнине. — Тогда объясни мне, с кем собираются сражаться эти тьмы воинов?

— Как с кем? — удивился викиль. — Конечно с вами.

— Но нас всего две сотни. Неужели стигиец столь труслив, что послал против нас десятки тысяч конных и пеших, опасаясь, что, будь его воинов хоть на дюжину меньше, победы им не видать? Ты же утверждал, что серебряный всадник указывает своему хозяину не только направление, откуда наступает неприятель, но и численность его сил.

— Не знаю, — растерянно пробормотал мхемец, — может быть, это акт устрашения...

Глаза варвара были столь остры, что он отлично видел малейшие подробности происходившего внизу. Будучи вождем афтулов, он не раз участвовал в сражениях с турецкими войсками и хорошо представлял их боевое построение. Сейчас он видел авангард, состоявший из легких конников, имевших по два лука и несколько легких дротиков, притороченных к седлам, пеших лучников, прикрывавших обычно тяжелую конницу и столь быстроногих, что могли не отставать от всадников даже при форсированном марше, пехотинцев с большими треугольными щитами и длинными копьями... Фаланги «Дня помощи» и «Вечера потрясений» выстраивались в шахматном порядке, за ними следовали отборные дружины резерва, вступавшие в бой только в крайнем случае. На флангах двигались отряды янпачей, именуемые «одами», и над ними реяли стяги вождей — зеленые, желтые и черные.

Главное знамя развевалось в тылу войска, где, в окружении гвардии, гарцевал на гнедом жеребце неведомый полководец в золотых доспехах и шлеме с высоким гребнем. Лицо его было прикрыто забралом в форме птичьей головы с длинным клювом. Вымпел на знамени был Конану незнаком, и киммериец терялся в догадках, чьи именно силы призвал себе на помощь стигийский чернокнижник.

Вся эта масса людей медленно переваливала через гребни близких холмов, катясь к скалам, словно неумолимая лавина.

Но самым удивительным было то, что за войском показался караван верблюдов, везущий осадные и штурмовые машины, словно таинственный военачальник вознамерился брать приступом стены неведомого города.

— Кром, — пробормотал киммериец в полной растерянности, — может быть, они решили прямым ходом двигаться через перевалы на Айодхью?

В это время слева от войска показалась маленькая группа всадников, во весь дух летевших к скалам. Кшатрии подняли было луки, но Конан, разглядев вендиев, отправленных им недавно на разведку, приказал не стрелять.

Никто не препятствовал всадникам, обогнув наступающие колонны, достигнуть отрогов. Командир разведчиков поднялся на утес и предстал перед киммерийцем, едва переводя дух.

— Ты не слишком торопился с донесением, — зло бросил варвар, — неприятель у нас под носом.

— О раджиб, — ударил себя кулаком в грудь кшатрий, — мы ничего не видели, пока войска не возникли, словно из-под земли! Сначала заклубилось плотное облако, а когда оно рассеялось, вокруг нас уже были марширующие колонны!

— И они вас не тронули?

— Клянусь Асурой, я сам не понимаю, в чем тут дело. Мы видели, как какие-то люди напали на другой разъезд и зарубили наших. Потом они поскакали к нам, и я приказал отступать. Однако те воины (кажется, это туранцы), среди которых мы внезапно оказались, не обращали на нас

ни малейшего внимания, так что мы смогли промчаться сквозь их порядки и спастись.

— А что за люди напали на другой разъезд?

— Они одеты как местные воины, но я заметил, что это хайборийцы. Кожа у них светлая, глаза голубые или серые, и многие пользуются прямыми мечами.

— Немедийцы, — пробормотал Конан, — наемники Дас-тана...

— Что будем делать, раджиб? — спросил Мугаджар. — Отойдем в горы и постараемся задержать войска в уще-лье?

— Увы, увы! — заголосил вдруг викиль, яростно дергая себя за бороду. — Нет спасения от силы великой...

Мугаджар треснул его кулаком по шее, и мехемец, охнув, смолк.

— Сейчас поглядим, что это за сила, — сказал Конан, открывая кожаную сумку, висевшую у него на поясе. До-стал большой хрустальный шар и, приложив к глазам, снова посмотрел вниз.

— Надо послать гонцов в Айодхью, — предложил Ад-жар, — самим нам не справиться.

— Ну, это мы еще поглядим, — хмыкнул варвар. — При-казываю выставить пехотинцев у подножия скал, а конни-кам готовиться к атаке.

Сотники недоуменно уставились на своего командира. Им показалось, что киммериец спятил от жары, если решил сражаться на равнине с огромным войском. Или страсть, питаемая раджибом к деви Жазмине, вскружила ему голову, и северянин решил с честью погибнуть, но не отступать?

— Позволь заметить, — осторожно сказал Мугаджар, — что наша атака причинит противнику столько же вреда, сколько укус комара слону...

— Ты что, испугался горстки каких-то немедийских наемников? Взгляни!

И Конан протянул сотнику хрустальный шар.

Кшатрий посмотрел сквозь него на равнину и вскрик-нул от изумления.

— Но там никого нет! Что за чудо?! Только щебень да полсотни воинов с прямыми мечами!

— Справишься с ними?

— Еще бы! Но что это за штука, заставившая исчезнуть целую армию?

Он недоуменно покрутил в руках сверкавший гранями кусок хрустала.

— Никакой армии нет, — усмехнулся Конан, — это морок, насланный стигийцем. Ты сейчас смотрел на пустыню через глаз демона, которого я не так давно прикончил на дне пропасти, лежащей посреди княжества Гадхары. Сие око, доставшееся мне в качестве боевого трофея, способно различать иллюзорные явления и отделять подлинное от мнимого. Теперь мы знаем, что армия колдуна — всего лишь мираж. Очевидно, призрачные воины вселяют врагам ужас, а немедийцы делают все остальное. Что ж, сегодня им придется расстаться с мифом о собственной непобеди-мости. Страйте воинов, и да поможет нам Асур!

— А что делать с пленным? — спросил Мугаджар, кивнув на викиля. — Разреши снести ему голову, он нам боль-ше не нужен.

— Нет, — оборвал Конан, — дайте ему саблю и пусть в бою докажет свою преданность. Он знает потайную калит-ку, ведущую в город, а это нам еще пригодится.

Узнав, что несметные силы, марширующие по пустыне, всего лишь мираж, вендийцы приободрились и резво спустились вниз. Пехотинцы выстроились в шеренгу, став на одно колено и прикрывшись щитами. Свои длинные копья они воткнули древками в землю и наклонили их в сторону приближавшегося неприятеля. За спинами пехотинцев вста-ли лучники.

Мугаджар вывел всадников вперед и, подняв своего горячего коня на дыбы, взмахнул над головой саблей.

— Смерть мехемцем! Да здравствует Вендия!

— Вперед! — рявкнул Конан. — Во имя Крома, Мардука, Асуры и Митры — вперед!

Вендийские конники понеслись навстречу наступающим. Все ближе надвигались первые ряды воинов стигийского

колдуна, миг — и... кшатрии промчались сквозь их ряды, словно сквозь туман на лесной поляне. Они пытались рубить саблями, но клинки проходили сквозь призрачные тела, не причинив им никакого вреда, а вороги, глядя прямо перед собой невидящими глазами, все так же упорно двигались вперед, не замечая, что противник уже проник в их ряды.

— Ищите немедийцев! — отдавал Конан приказы своим людям. — Убейте их всех!

— Я вижу их, раджеб, — услышал он крик викиля. Мехемец вдруг развернул коня и во весь опор погнал его прямо на киммерийца.

— Я узнал тебя, проклятый Дастан! — завопил он, размахивая саблей. — Умри же, немедийский пес!

— Да ты сиятил! — гаркнул варвар, едва успев отбить удар мехемца. — Протри глаза, дурень, я что, похож на шахсара?

Викиль снова размахнулся и... исчез. Вместо него Конан увидел светловолосого рыцаря в помятой кирасе, шишаке и с длинным мечом в руке. Клинок взлетел, целя в голову варвара, и Конан, испустив яростный боевой клич, вступил в схватку.

Они рубились посреди марширующих призрачных воинов, некоторые из которых проходили прямо сквозь сцепившихся не на жизнь, а на смерть противников, лишь на миг окутывая их туманными облачками. Звенели клинки, пот заливал глаза киммерийца, а в груди его клокотал бешеный гнев. Откуда взялся этот рыцарь? Кто он — один из немедийских наемников? Как бы то ни было, ублюдок найдет свою смерть на этом поле!

Предчувствие не обмануло: отбив очередной выпад рыцаря, варвар обрушил свой клинок на его шлем. Шишак выдержал удар, но из-под шлема потекла темная струя крови, воин зашатался и рухнул на землю. Склонившись над поверженным, Конан не смог сдержать крик изумления: перед ним, распростершись на горячем щебне, судорожно подергивалось в предсмертных муках тело Абу-Гарима.

— Проклятье! — взревел варвар, поворачивая коня обратно к скалам. — Стигийский колдун обманул-таки меня!

Он пустил коня в галоп, стараясь побыстрей миновать призрачные колонны. И, вырвавшись вперед наступавших, понял, что опоздал.

Вендейцы яростно сражались с вендейцами. Страй пехотинцев был разорван, многие лежали на земли в лужах крови, другие отчаянно отбивались от всадников Мугаджара. Конан увидел с дюжину трупов кшатриев, пронзенных стрелами: очевидно, летя в атаку на своих, воины Мугаджара стали жертвами лучников, укрывшихся за спинами пехоты.

— Назад! — отчаянно завопил киммериец, поднимаясь в стременах. — Это колдовство!

Тщетно взывал он к своим людям. «Смерть мхемцам!» — вопили конники, рубя своих товарищев. «Смерть немедийцам!» — откликались те, нанося ответные удары.

Конан увидел, как сцепились в смертельной схватке сотники Аджар и Мугаджар. Аджару удалось выбить противника из седла, и они рубились пешими, осыпая друг друга страшными проклятиями. Варвар направил коня к дерущимся, надеясь разнять их, но в этот момент сабля Мугаджара рассекла грудь соперника. Падая, Аджар успел поразить своего недавнего приятеля, и оба они рухнули на землю, обливаясь кровью.

Еще немного, и вендейскому отряду пришел конец. Ни один из кшатриев не уцелел: все они полегли под ударами своих же товарищев, думая, что сражаются с мхемцами или немедийцами. Это был разгром, полный и бесспоротный.

Конан редко испытывал страх на поле брани, но сейчас ужас сковал его члены. Так вот в чем была тайна стигийского колдуна! Не призрачные войска и не дружины наемников одерживали победы над врагами: нападавшие сами уничтожали друг друга. Косальцы, туранцы, афгулы и кто там еще приходил себе на погибель в Сокровенную Долину...

Оглянувшись, Конан увидел, что призрачное войско исчезло. Только мертвая пустыня расстилалась перед ним, и

по белому щебню неторопливо приближался к варвару отряд высокорослых светлокожих людей с прямыми мечами у пояса.

Впереди, улыбаясь ему как старому знакомому, ехал Бравгард: левая рука уперта в бок, правая поигрывает тяжелой булавой.

— Привет тебе, раджиб,— осклабился он, подъехав.— Что же это твои кшатрии друг дружку перебили? Перегрелись небось на нашем солнышке. Ай-яй-яй!

— Ваша взяла,— проворчал варвар, подавая немедийцу свой меч.— Помнишь уговор? Я сдаюсь.

— Как же, помню,— хохотнул Бравгард,— долг платежом красен!

Сказав так, он быстро взмахнул булавой и обрушил ее на пернатый шлем Конана.

Качнувшись в седле, киммериец тяжело рухнул под ноги своего взмыленного коня.

ГЛАВА 10. Соблазн

Голова раскалывалась. Конан с трудом открыл глаза. Он лежал на широком ложе, покрытом шелковым покрывалом. В полумраке комнаты едва трепетал слабый свет, и варвару показалось, что в его ногах сидит какое-то существо.

Лампа вспыхнула ярче, озарив тонкий стан, маленькие груди и точеные плечи нагой девушки, сидевшей, скрестив ноги, на краю кровати. Ни малейшего смущения не было на ее свежем зеленоглазом лице.

— Кто ты? — прохрипел варвар, облизывая пересохшие губы.— Дочь бодейского губернатора?

— Какой догадливый,— проворковало прелестное создание.— Сильный и умный мужчина, даром что киммериец. Можешь называть меня Ганкуль. Я исполняю волю дэви Жазмины в Эль-Мехеме.

— Ты-ы?..— выдохнул Конан, даже не стараясь скрыть изумления.

— Узнаешь? — Девушка подняла тонкий пальчик, на котором красовался изящный перстень с изображением Черного Лотоса — тайный знак Жазмины, известный лишь немногим приближенным.

— Значит, история с коварным капитаном — легенда?

— Мы придумали ее вместе с дэви. Поверь, женщины не столь уж глупы, как иногда хотят казаться. Но откуда ты узнал историю моего появления в Эль-Мехеме?

— Рассказал один перебежчик, мир его праху. Это ты сообщила Жазмине о стигийском чернокнижнике и его волшебном флюгере?

— Я.

— Но ведь серебряный всадник — далеко не главное! Колдун каким-то образом умеет заставлять нападающих уничтожать друг друга. Я видел это собственными глазами, все мои воины погибли...

— На вершине башни, которую построил стигиец, есть площадка с двенадцатью бронзовыми досками, обращенными на все стороны света. На досках укреплены резные фигурки воинов. Стоит колдуну прикоснуться к ним магическим копьем, как воины начинают поражать друг друга, заставляя делать то же самое неосторожных захватчиков. Дастан тоже развлекался этой забавой, пока ему не надоело.

— И это тебе известно!

— Шахсар влюблена в меня и полностью доверяет. Мы не раз бывали в гостях у App-Магарбана.

— Но если так, почему ты не сообщила об этом дэви?

— Потому что хотела, чтобы ты отправился в Мехем и мы встретились.

Конан молчал, теряясь в догадках. Пожалуй, первый раз в жизни он не в силах был разгадать мысли женщины.

Ганкуль поднялась с ложа и прошлась по комнате, потягиваясь, как большая гибкая кошка. Потом взяла стул и уселась на него верхом, опершись подбородком о высокую резную спинку и уставившись на киммерийца зелеными немигающими глазами.

— Послушай, Конан-варвар, — сказала она своим вкрадчивым мелодичным голосом. — Я вовсе не дочь бодейского губернатора и даже не преданный исполнитель воли дэви Вендии. У меня свои планы — относительно тебя, App-Магарбана и вообще мира, в котором мы живем.

— Кто же ты?

— Я родилась в Гиперборее, стране волшебников, и до двенадцати лет воспитывалась согласно тамошним законам. Ты слыхал о колдунах Белой Руки?

— Слыхал. И даже сражался в ваших краях на гладиаторской арене.

— Ах вот как! Ну, тогда ты должен знать, что все гиперборейцы, принадлежащие к высшему сословию, владеют секретами магии. Многие из тайн открылись и мне за время моего ученичества. Скажу тебе, это весьма мрачные тайны... Моим отцом был пленный бритунец, понравившийся моей матери силой и удалью. Когда отца принесли в жертву нашим богам, мать оставила меня в качестве законной наследницы. Поэтому я полукровка, и полукровка неблагодарная. Бритунская кровь не позволила полностью прииться служению темным силам, и я бежала из сумрачной страны через Врата Черепа в Иглофийских горах. Знаешь, что начертано над теми вратами?

Конан знал, что там начертано. «Врата Гипербореи — это врата смерти для тех, кто пройдет через них непрощенным». Он сам когда-то пересек Иглофийские горы, бежав из гладиаторских казарм Халоги.

— Среди искусств, мною освоенных, — продолжала Ганкуль, — есть одно, весьма ценимое женщинами. Я умею так уложить волосы, накрасить лицо и подвести брови, что даже старуха превратится в юную красавицу. Поэтому, оказавшись в Айодхье, я предложила свои услуги дэви Жазмине и вскоре стала ее любимейшей хаджебой, то есть, говоря западным языком — придворной дамой...

— По-моему, Жазмина не нуждается в приукрашивании своей внешности, — буркнул киммериец.

— В тебе говорит влюбленный, Конан-варвар! Спору нет, дэви прекрасна, но даже самая первая из красавиц не устоит перед соблазном стать еще чуточку обаятельней. Такова уж наша природа. А так как я умела выполнить любую прихоть властительницы Вендии, Жазмина вскоре стала доверять мне не только свое тело, но и душу. Вазам Экатракан и остальные придворные даже не подозревают, что место первого советника при дворе давно заняла женщина...

— Гиперборейская колдунья, — проворчал Конан.

— Ну, это громко сказано. Я всегда была слишком ленивой ученицей, чтобы овладеть подлинной силой гиперборейской магии. Умею толковать полет птиц, расположение брошенных на блюдо зерен, руны на сосновых дощечках... Не много, но достаточно, чтобы быть уверенной в своей счастливой судьбе.

— И для полного счастья тебе понадобился я?

— Я же сказала, что ты страшно догадливый! — звонко рассмеялась Ганкуль. — Да, киммериец, мне нужен ты, сильный, обладающий железной волей, умеющий добиваться своей цели. Руны сказали мне, где искать такого человека — я не случайно оказалась во дворце Айодхьи. И я все сделала для того, чтобы мы встретились в нужном месте и в нужное время.

— Но зачем?!

— Чтобы стать королевской четой, повелевающей миром!

Конан молчал. Да и что он мог сказать? За словами гиперборейки скрывалось либо безумие, либо нечто такое, отчего кровь начинала стыть в жилах.

— Слыхал ли ты о садах Иштар? — спросила Ганкуль, не отрывая от лица варвара немигающего взгляда огромных зеленых глаз.

— Сады Асуры, сады Иштар... Кажется, у каждого небожителя есть свой участок. Много чего я слышал, да не всему можно верить.

— Настоящий киммериец! — снова рассмеялась девушка. — Но сады Иштар существуют, и я в них бывала.

— Бывала на небесах?

— Чудесные места расположены гораздо ближе, чем мы часто думаем. Ну, может, не сами места, а вход, через который в них можно проникнуть.

— И где же находится калитка в куши Небесной Девы?

— То там, то здесь, в зависимости от воли богов. Я нашла ее в пустынях Шема.

— Каким ветром тебя туда занесло?

— О, я побывала во многих местах, зачастую весьма удивительных. У каждого своя судьба, и не следует дони-

мать богов вопросами, почему они ведут нас теми или иными дорогами. Скажу только, что я была пленницей дикого племени, но мне удалось бежать. Проскитавшись среди песков два дня, я не нашла ни одного оазиса, ни капли воды. Наконец показалась одинокая пальма, а рядом обнаружился пересохший колодец. Проклиная судьбу, я упала на горячий песок и приготовилась умереть. Солнце малопомалу погружалось в золотистый туман, веки мои слипались...

Когда я открыла глаза, было уже утро, а рядом, всего в десяти шагах, высились стены неизвестного города. Сначала я подумала, что неведомая сила перенесла меня ночью к его воротам, но потом, увидев пальму и высохший колодец, поняла, что город возник сам собой в силу неясных пока причин.

В надежде разыскать воду, я вошла в ворота. За ними лежали прямые широкие улицы, вдоль которых высились великолепные здания, на площадях шумели фонтаны, крытые рынки могли бы вместить тысячи торговцев, а между тем город казался необитаемым, и таинственное молчание господствовало повсюду.

Побродив по улицам и переулкам, я очутилась перед дворцом, окруженным прелестными садами. Кругом виднелись бассейны с прозрачнейшей водой, окруженные душистыми рощами и деревьями, гнувшимися под тяжестью плодов. Я утолила жажду и голод, так и не встретив ни единой души.

Не знаю почему, но тайный страх овладел мною в этом безлюдном месте, и я поспешила выбежать из дворца, побежала по улицам и захлопнула за собой створки ворот.

Очутившись среди песков, я обернулась, чтобы еще раз взглянуть на чудесное явление, но увидела только бесплодную пустыню и желтые барханы, простирающиеся до самого предела земного круга.

Я побрела, сама не зная куда, проклиная себя за то, что не догадалась запастись водой и фруктами в странном городе. Боги смилиостились: на следующий день мне повстречался небольшой оазис, где, в полном уединении,

жил старый отшельник, которому я рассказала свое приключение.

«Дочь моя, — сказал этот старик, — ты видела дворец и сады Иштар, чудо пустыни, являемое путникам для возобновления их утраченного мужества. Потом, когда упоительное зрелище неги и роскоши исчезает, странник, сгибающийся голодом и усталостью, с новым ужасом видит перед собой лишь мертвую пустыню. Таким образом Небесная Дева напоминает людям о бренности всего земного и ничтожестве наших усилий обрести покой в земных царствах».

«Неужели никому не дозволено остаться в садах Иштар навсегда?» — воскликнула я, пораженная несправедливостью светлой богини.

«Такое по силам лишь душам просветленным, — отвечал пустынник, — полностью отречившимся от всего сиюминутного и проходящего. Либо же, как я слышал, обладателям магической силы, превосходящей всякое волшебство, которое мне известно. Но об этом я говорить не хочу...»

Конан поймал себя на мысли, что перестает улавливать смысл ее слов, а слушает лишь мелодичное журчание девичьего голоса, не в силах оторвать взора от ее по-детски припухших розовых губок. Он мотнул головой, страхивая наваждение, и сказал:

— Ладно, не забивай мне голову высокими материалистами. Я всего лишь варвар и мало что в этом смысле. Все эти просветленные души кажутся мне либо прохиндеями, либо недоумками, по которым плачет скорбный дом. Что же касается магии и чародеев, я их не люблю. И скажу тебе так: если есть ворота, их лучше открывать добрым тараном либо перебраться через стену с помощью веревки с железной кошкой на конце.

На этот раз Ганкуль лишь слегка улыбнулась.

— Зачем нужен таран, когда есть ключ?

— А он есть?

— Да, и совсем неподалеку. App-Магарбан обладает древним стигийским манускриптом, в котором есть все нужные заклинания. Осталось только...

— Осталось только заставить его перенести сюда ворота чудесного города, — перебил варвар насмешливо.

— Он уже сделал это. Старик пытает ко мне страстью, вызванной эликсиром молодости, который стигиец принимает по два раза в день. Ради моей любви он готов на все, и уже доказал это, воздвигнув возле своей пещеры врата, через которые можно проникнуть в сады Небесной Девы. Теперь мы завладеем свитком Сета (ибо только он позволяет отворять и закрывать вход), укроемся за стенами, неприступными ни для одного войска, и станем оттуда повелевать миром!

— Мы? — переспросил варвар. — Почему ты так уверена, что я соглашусь на твое предложение?

— Согласишься! — Голос гиперборейки стал жестким. — Ты ведь мечтаешь о собственном королевстве, я знаю. А что может быть величественнее державы, объемлющей собою все земные пределы! Не сомневайся во мне, Конан, мне вовсе незачем тебя обманывать. Послушай мой план. Стигиец давно выпрашивал меня у шахсара, но Дастан ни за что не соглашался, хотя и обязан колдуну всеми своими победами. Тогда я рассказала ему о чудесном городе и предложила то же, что и тебе — укрыться за его волшебными стенами и с помощью стигийского манускрипта стать властелином мира, ибо в рукописи содержатся формулы, способные вызвать такие силы, что они сметут с лица земли любое государство, осмелившееся нам перечить.

— Думаю, немедиц не стал артаться, — вставил Конан.

— Еще бы! Но Дастан не тот, кто мне нужен. Он всего лишь пешка в моей игре. А вот App-Магарбан — фигура поважней. Я тайно переговорила со стигийцем, объявив, что готова принадлежать ему, если он откроет вход в сады Иштар.

Старик чуть с ума не сошел от радости и, когда Дастан обратился к нему по моему наущению с той же просьбой, охотно согласился. Теперь оба надеются, что будут наслаждаться моим обществом в чудесном дворце, где нет тече-

ния времени и жизнь продолжается вечно, и даже не подозревают, что вход открывается совсем для другого человека. Для тебя, Конан-варвар!

Киммериец помолчал, о чем-то раздумывая.

— Да, — сказал он, — Вендия потеряла в твоем лице настоящий клад. Ты всех готова обвести вокруг пальца — дэви, шахсара, колдуна — ради достижения своей цели.

— Нашей цели, Конан, нашей с тобой великой цели! Конан Король Мира — звучит, а?

— Звучит, — кивнул киммериец, — поглядим, что из этого выйдет. Но как мы завладеем свитком?

— Это твоя задача. Я сведу немедийца и колдуна возле входа, именуемого Вратами Вечности, и сделаю все, чтобы между ними вспыхнула ссора. Ты воспользуешься ситуацией и отберешь у стигийца манускрипт.

— А как я попаду к воротам?

— Ты забыл, что сдался, чтобы поступить на службу к шахсару? Дурень Бравгард ударил тебя по голове не затем, чтобы убить, а чтобы покрасоваться перед приятелем, объявив, что пленил тебя силой. Одно мое слово, и ты станешь личным телохранителем Дастана!

— Ты говоришь очень убедительно, — согласился варвар, — я даже забываю, что на тебе нет одежды.

— А зря, — улыбнулась юная красавица. — Теперь, когда мы обо всем договорились, можешь об этом вспомнить.

— Уже, — сказал Конан. — Жду тебя, моя королева!

— Сначала я приму ванну и воспользуюсь своими мазями, чтобы немного поправить внешность, — кокетливо проворковала Ганкуль, поднимаясь со стула. — Вон за той занавеской есть небольшая купальня. Подожди, мой король!

И она легкой походкой удалилась в нишу в конце комнаты.

— Воспользуюсь мазями, — пробормотал про себя варвар, — где это видано, чтобы юная девушка...

Он замолчал, приподнялся на локте и огляделся.

На нем была нижняя туника и короткие штаны — кто-то снял доспехи и куртку, прежде чем уложить его в постель. Рядом на столике лежала кожаная сумка.

Открыв ее, Конан достал хрустальный шар, задумчиво повертел в руках, потом встал с ложа и, неслышно ступая босыми ногами, направился в сторону купальни. Слегка отодвинув занавеску, он увидел Ганкуль, сидевшую к нему спиной перед большим зеркалом.

Варвар уже подносил к глазам хрустальное око демона, когда забранное цветными стеклами окно со звоном лопнуло и в деревянную панель чуть выше его головы вонзилась тяжелая длинная стрела.

ГЛАВА 11. Впереди — вечность

П рости, что испортил тебе шлем,— сказал Бравгард, умирая.

Конан закрыл немедийцу глаза и поднял свой окровавленный меч. Узкий проулок был завален трупами мехемцев. Проулок оканчивался тупиком — было ошибкой укрыться здесь от погони. Клиники киммерийца и немедийского рыцаря удачи славно поработали, отражая натиск восставших, и все же стрела одного из мехемцев пронзила грудь начальника янпачей.

Где те янпачи, дворцовая гвардия шахсара, раздери их Нергал?! Частью перебиты, частью перекинулись на сторону победителей. Из дружины Дастана тоже немногие уцелели: коварные мехемцы вырезали большую часть ничего не подозревавших наемников, пьянизовавших по поводу славной победы над вендийцами, к которой не имели, если говорить честно, ни малейшего отношения.

Судьба немедийцев мало тревожила Конана. Но ему нужно было попасть к Вратам Вечности возле пещеры стигийского колдуна, попасть вместе с Дастаном и Ганкуль, поэтому киммериец сражался, прикрывая их бегство, бок о бок с воинами удачи, многие из которых почти разучились владеть мечом от долгого безделья за стенами хранимого магией Эль-Мехема.

Все они были убиты. Последним пал Бравгард, единственный немедиец, к которому Конан испытывал нечто вроде уважения: дрался Бравгард отчаянно и ругался

при этом так, что Нергал зажимал уши на Серых Равнинах.

Восстание вспыхнуло неожиданно для шахсара. Кто-то распустил среди народа слух, что стигийский маг готовится навсегда уйти под землю, оставив город на произвол судьбы. Без защиты волшебника мехемцы становились легкой добычей любого, кто пожелал бы овладеть княжеством. Более всего жители страшились вендийских войск, готовых отомстить за гибель своих товарищей. Многие вельможи присоединились к бунтовщикам, надеясь вымолить прощение дэви Жазмины, повесив Дастана и киммерийца на крючья возле Балдахских ворот.

И все же Дастану и Ганкуль удалось бежать через потайную калитку в городской стене. Теперь Конану предстояло их догонять.

Легко подтянувшись, варвар перевалил через кладку, запиравшую проулок, и спрыгнул в маленький дворик, где сушилось на веревках белье и разгуливали куры. Выбив ногой дверь, он ворвался в жилище какого-то мехемца, не обращая внимания на вопли женщин, ринулся к выходу и выскоцил на соседнюю улицу.

По улице с победными воплями метались горожане, вооруженные пиками, кольями, топорами и трофейными немедийскими мечами. Опьянев от крови, восставшие тщетно искали врагов, которые все уже полегли на мостовых и во дворах Эль-Мехема.

Явление киммерийца вызвало дикий переполох: часть бунтовщиков бросилась врассыпную, другие ринулись на варвара, намереваясь тут же с ним расправиться. Те, кто вовремя унес ноги, оказались умнее: нападавшие мехемцы полегли под ударами тяжелого меча Конана, как сухой тростник.

Сбив с лошади какого-то вельможу, тщетно пытавшегося достать его саблей, варвар вскочил в седло и во весь опор помчался вдоль улицы, ведущей к Балдахским воротам. Ворота были открыты: жители готовились встретить передовые отряды вендийцев и продемонстрировать таким образом свое повиновение.

Успев заметить несколько трупов немедиев и иранистанских янчай, висевших на вбитых в стену крючьях, Конан вихрем промчался мимо разинувших рот горожан и погнал коня по пыльной дороге, убегавшей к горам Тайдук-Нубас. Он опасался, что Дастан и Ганкуль скроются в скалах прежде, чем он их заметит, и тогда найти пещеру колдуна станет делом почти безнадежным.

Ему повезло: вдали он увидел облачко пыли и вскоре настиг шахсара, сопровождаемого преданным Махрой, и девушку.

— Ты один? — спросил Дастан, придерживая коня.— Где дружина, где Бравард?

— Все убиты, — отвечал киммериец.— Браварду я сам закрыл глаза. Он пал с честью.

— Да примет Митра его душу, — грустно молвил Дастан, осеняя лицо круговым движением ладони — знак в честь Светлого Бога.

Он молча поехал вперед, шемит, гиперборейка и киммериец последовали за ним.

Когда они поднялись на террасу, вырубленную в скале, из-за камня со скрежетом выступил железноголовый страж. Из отверстий едва сочились тонкие струйки желтого дыма. Страж двигался с большим трудом, внутри у него что-то щелкало и позванивало.

— Уйди, урод, не до тебя, — бросил немедиев чудищу и проехал мимо.

Монстр так и остался стоять возле камня, не сделав попытки преградить всадникам дорогу.

Спешились возле входа в пещеру. Апп-Магарбан встретил их внутри, лежа на атласном диване. Возле его ног сидели несколько миловидных девушек, тихо перебирая струны ситар и эльудов. Стигиец подозрительно глянул на Конана, но ни о чем не стал спрашивать.

— Чего еще может желать бедный дряхлый старик, кроме спокойного места для своей старости? — заговорил колдун слабым голосом, обводя широким жестом пещеру, более похожую на залу роскошного дворца.— Я больше не честолюбив, не жажду удовольствий и наград. Я исполнил

твое последнее желание, о шахсар, единствено для того, чтобы доказать тебе искренность моей дружбы. Не требую ничего из твоей сокровищницы за свою работу, но, думаю, ты не откажешь в единственной безделице, о которой я тебя просил.

— Просьба твоя мне удивительна, — отвечал немедиев, — но я не стану вникать в надобности твоего магического искусства. Видно то, о чем ты просишь, необходимо тебе для совершения каких-то ритуалов. Быть посему! Отведи же нас поскорее к вратам, ведущим в сады Иштар. Хочу убедиться, что они так прекрасны, как о них рассказывают.

Маг поднялся и, опираясь на посох, повел гостей через анфиладу вырубленных в скале комнат, роскошно убранных и полных самой изысканной утвари и украшений. Когда они вышли на солнечный свет с противоположной стороны убежища колдуна, Конан увидел стоявшую на каменистой площадке черную арку локтей десяти высотой. С одной стороны на гладком граните была вытесана рука с раскрытой ладонью, с другой — изображение ключа.

— Вот, — торжественно молвил чернокнижник, — вход в самое надежное убежище, где нет ни страданий, ни бега времени. Там можно вечно наслаждаться покоем среди прекрасных садов и фонтанов, слушая пение птиц и...

— Но там ничего нет, — оборвал его Дастан, заглянув в проем арки.— Только камни и какие-то колючки...

— В этой-то способности оставаться скрытым от всех глаз и заключается безопасность этого убежища, — нетерпеливо объяснил стигиец, — сады Иштар предстанут твоим глазам не прежде, чем ты переступишь через порог ворот. И, пока кто-нибудь не завладеет манускриптом и не узнает формулу, заставляющую мраморную руку схватить каменный ключ, никакая сила, ни человеческая, ни чародейская, не одолеет владыку этих мест, ибо врата будут заперты наглухо.

— Так открывай их, да поживее, — вскричал немедиев, позабыв о всякой восточной учтивости.

Маг злобно зыркнул на него темными глазами, но промолчал и вытащил из-за пазухи свиток. Развернул и, утк-

нувшись в пергамент носом, пробормотал несколько странно звучащих слов.

В тот же миг под аркой полыхнул яркий язык пламени, и красная огненная черта пробежала через основание входа.

— Врата открыты, — возгласил стигиец торжественно, — можно входить!

— Но первой войдет дама, — раздался решительный голос гиперборейки. — Надеюсь, все вы достаточно вежливы, чтобы соблюдать этикет?

Не дожидалась ответа, она шагнула за огненную черту и исчезла. Все те же камни и сорная трава были видны за входом, а девушка словно растворилась в воздухе.

— Куда она делась? — с тревогой спросил Дастан. — Отвечай, колдун!

— Она уже в садах... — начал было стигиец, но тут из пустоты прозвучал мелодичный голос девушки.

— О, как здесь прекрасно, какое великолепие и свет, свет!

Дастан поспешил было ко входу, но чернокнижник решительно загородил ему дорогу.

— Помнишь ли ты свое обещание? — вскричал он, широко раскинув руки и выставив вперед седую бороду.

— Да, — несколько растерянно отвечал немедиц, — ты должен получить первого кузнечика, который скакнет за черту. Но я не понимаю...

— Предлагаю тебе сдержать слово и уступить мне девушку, ибо ее имя на гиперборейском языке и значит «кузнецик»!

Дастан захотел, сочтя слова чародея за шутку, но когда тот с важностью повторил свое предложение, схватился за рукоять ятагана и, побледнев от гнева, воскликнул:

— Апп-Магарбан, перестань столь неосторожно насмеяться надо мной! Я поклялся именем Митры Пресветлого и знаю всю святость этой клятвы и наказание, которое налагает Податель Жизни на отступника. Но ты говорил о насекомом, а не о женщине!

— Правда? — подбоченился маг. — Ты можешь назвать хоть одного свидетеля, который подтвердит, что я упоминал

насекомое? Нет, о шахсар, я сказал «кузнецик» и только «кузнецик», а это слово произносится на разных языках по-разному и может относиться к кому угодно. В данном случае оно звучит — Ганкуль!

— Оставим этот спор, старик, — Дастан едва сдерживал злость, клокотавшую в его груди, — возьми из моих сокровищниц столько золота, сколько захочешь, но оставь в покое девушку!

Стигиец разразился сухим лающим смехом.

— Сокровища! Что мне в твоих ничтожных богатствах? Если бы я захотел, то мог бы собрать у своих ног все золото мира! Кроме того, у тебя за душой нет ни гроша: в подвалах эль-мехемского дворца давно хоряничают бунтовщики. Это бедствие послано тебе в наказание за то, что не хотел прислушиваться к моим предостережениям!

— Все твои предостережения вызваны одним желанием — завладеть моей женщиной!

— Да, и я это сделаю, даже если вынужден буду принудить тебя соблюдать клятву силой!

— Ты принудишь меня?! — возопил Дастан, дав наконец волю гневу. — Ты, ничтожный старик, которого я освободил из застенков! Такова твоя благодарность, проклятый фокусник! С каких это пор бродяга, земной червь смеет восстать против своего повелителя?

— Ты — мой повелитель? — прервал его стигиец, заходясь еще более диким смехом. — А давно ли грязный наемник считает себя способным бороться с могуществом человека, ведающего тайны стигийской магии? Это ты — червь под моими ногами! Отныне я лишаю тебя своего покровительства. Дамбаллах-гард-осса-манту!

Не успел волшебник произнести эти слова, как на вершине башни, высившейся над скалой, что-то оглушительно треснуло и сверху посыпались осколки бронзовых досок. Магическое войско стигийца распалось в прах.

— Убей его, Махра! — выкрикнул Дастан срывающимся голосом.

Немой телохранитель сунул руку за пазуху, но, прежде чем он успел извлечь хассак, чернокнижник поднял посох,

ослепительная искра сорвалась с его наконечника и ударила в грудь шемита, обратив несчастного в горстку пепла.

Конан не стал больше медлить. Резким движением он вырвал из цепких пальцев стигийца свиток, быстро сунул себе за пояс, потом ухватил обомлевшего мага поперек туловища и поднял над головой. Старик повис в воздухе, болтая руками и ногами...

— Я жду тебя, Конан! — раздался из-под арки голос Ганкуль, низкий и повелительный, и не было в нем больше и следа прежней напевной мелодичности.

— Пожалуй, я уступлю место старшему, — рявкнул в ответ киммериец и швырнул тело колдуна в ворота.

Ужасный вой, полный тоски и злобы, вырвался из-за врат, раздался грохот, словно рушились стены сотен крепостей, черный монолит треснул и стал рассыпаться. По земле побежали разломы, из которых ударило пламя...

...Конан и Дастан успели вскарабкаться по склону горы и теперь сидели на камнях, наблюдая, как мержнет подземный огонь в трещинах и оседает пыль, поднятая рухнувшими воротами.

— Проклятая баба, — ворчал немедиец, утирая пот с толстых щек. — Так она предала меня и хотела уйти в сады Иштар с тобой?

— Ты говоришь «проклятая баба», а еще недавно готов был положить к ее ногам все золото мира и самую жизнь свою, — усмехнулся варвар, разглядывая стигийский свиток.

Пергамент был ветхим, осыпавшимся по краям, и знаки, покрывавшие его, если смотреть на них долго, вызывали головокружение и легкую тошноту.

— Она просто лишила меня разума, — сказал Дастан. — Сейчас, как ее вспомню, так мороз по коже. Чем только делал бодейский губернатор свою дочь?

— Думаю, бодейский губернатор даже не подозревает о существовании нашей с тобой знакомой. Она — гипербoreйская колдунья...

И Конан коротко пересказал немедийцу то, что узнал сегодня утром, не умолчав и о предложении стать повелителем мира.

— Не понимаю, — сказал Дастан, выслушав варвара, — отчего ты отказался? Ты что, так предан своей Жазмине?

Киммериец хмыкнул.

— Я лишь исполнил то, что обещал дэви Вендии. Проник в Эль-Мехем, поступил к тебе на службу (для того и отпускал Бравгарда), разгадал тайну твоей непобедимости и уничтожил ее причину. Ну, не я уничтожил, а маг, но это все равно. Теперь вендийцы могут снова задарма пить целебную воду.

Дастан задумчиво почесал бороду.

— Я должен бы тебя убить, но отчего-то мне не хочется этого делать. Ты мне нравишься, киммериец. Словно пелена упала с глаз, когда исчезла ведьма. И все же объясни — отчего ты отказался от предложения гипербoreйки и не ушел с ней?

— Видишь ли, — сказал Конан, доставая из сумки хрустальный шар, — есть у меня вот эта штука, которая показывает истинный облик всего сущего. Прежде чем мехемцы пошли на штурм дворца, я успел разглядеть через нее «прекрасное создание» поближе.

— И что ты увидел?

— Лучше тебе не знать, с кем ты собирался провести остаток вечности. Знаешь, что я думаю, немедиец? Я думаю, что лучше видеть женщину такой, какой она хочет казаться. И пусть все остается, как есть: колдунья сидит в очарованных садах под присмотром Иштар, а земные красавицы всегда радуют нас своими прелестями.

Высказав столь глубокие умозаключения, варвар размахнулся и швырнул свиток Сета и хрустальный шар в тлеющую внизу расщелину.

— Правильно, — одобрил Дастан, — всяким магическим штукам место в Нижнем Мире. Куда теперь думаешь податься, киммериец? В Айодхью?

— Нет, брат, жара мне порядком надоела. Да и мыслю, что Жазмина тоже не прочь упрятать меня в свои «очарованные кущи». А это скучно, согласись, немедиец. Хочу податься в Коф и подороже продать свой меч принцу Альмурику.

— Пожалуй, я отправлюсь с тобой, — сказал Дастан, — если ты не против.

— Не против, Лис. Интересно, уцелели ли наши лошади?

Кони оказались невредимы, не пострадало и жилище мага в недрах скалы. Варвара и немедийца встретили испуганные невольницы.

— Я освобождаю вас властью шахсара, — объявил им Дастан, — отныне вы свободны и можете идти куда захотите.

— И наберите столько добра, сколько сможете унести, — добавил Конан, — мы же возьмем лишь несколько монет на дорожные расходы. Я не хочу марать руки о золото, к которому прикасался колдун.

Варвар не стал марать руки. Он всегда носил в сумке перчатки с шипами, очень полезные в кулачной драке. На сей раз они пригодились для гораздо более мирного занятия: чтобы наполнить мешки.

Вскоре облако пыли скрыло двух всадников, спешивших покинуть место, еще долго после описанных событий считавшееся среди мхемцев дурным и опасным.

Говорят, что какой-то пастух, бродя многие годы спустя возле опустевшего и полуосыпавшегося жилища колдуна, обнаружил в скалах трещину, из которой пробивался неясный свет. Приникнув к щели, он увидел прекрасный сад, фонтан, широкое ложе, стоящее в тени персиковых деревьев, и двух обитателей таинственного места.

Зрелище так понравилось пастуху, что он ходит туда до сих пор. И каждый раз, подсматривая сквозь расщелину, видит одну и ту же картину: горбоную старуху, раскинувшуюся на богатых подушках, и бледного седобородого старика, сидящего у ее ног и перебирающего костлявыми пальцами серебряные струны эльдура.

Иногда старуха на что-то гневается и колотит старика длинным посохом, покрытым таинственными знаками.

И так будет длиться целую вечность — пока существуют зачарованные сады Иштар.

Глава первая

Черноглазая красотка с длинными, почти до пят косами, взмахнула тонкой ручкой и исчезла за бархатным пологом. Кумбар Простак — здоровенный ребенок средних лет с красной свинячьей физиономией — уныло посмотрел ей вслед.

Никогда еще он не был так равнодушен к женским прелестям. Третью луну подряд вереница красавиц из высшего общества Аграпура проходила перед ним, изо всех сил пытаясь произвести впечатление на верного слугу самого Илдиза. Они танцевали, бренча браслетами и лукаво стреляя глазками, пели старинные песни о любви высокими, дрожащими от волнения голосами, ныряли в бассейн за золотым яблоком и прыгали через веревочку, натянутую меж двух пальм — все это было чудесно, но лишь поначалу.

Спустя несколько дней Кумбару наскучила роль экзаменатора; душными турецкими ночами ему стали сниться обнаженные прелестницы с тигриными или лошадиными хвостами, с мордами ослиц и волчиц, а то и поросшие шерстью с головы до ног. Просыпаясь в холодном поту, Кумбар бежал к своему повелителю и молил отослать его обратно в войско, где он восьмой год уже служил сайгадом — старшим тройки, но Илдиз со смехом гнал его прочь: кто же, кроме Кумбара, всем известного знатока и любителя женщин, сможет выбрать для него из двух сотен девушек шестерых, самых красивых, самых умных и самых

скромных? А из них, в свою очередь, уже он, Великий и Несравненный, правитель всего Турана, выберет самую желанную — ту, которая станет его супругой и подарит ему наследника. Потому-то Кумбару и приходилось, то и дело утешая себя вином, день за днем осматривать красоток.

К концу третьей луны он оставил во дворце дюжину наипрекраснейших: Малику, Карсану, Дану, Алму, Баксуд-Малану, тройняшек Ийну, Мину и Залаху, Фариму, еще одну Фариму, Физу и Хализу.

Теперь ему предстояло выяснить, кто из них уберется обратно к своим родителям, а кто будет песнями и плясками ублажать светлейшего Илдиза. Но как это выяснить? Все они были воистину прекрасны; каждая обладала чудесным тонким голоском, у каждой по плечам струился водопад густых и мягких волос — просто черных и черных с отливом, и каждая смотрела на мир нежно и немного робко огромными чистыми глазами молодой газели.

Прежде Кумбар не стал бы задумываться особенно: привел бы к повелителю всю дюжину и на том посчитал свою миссию законченной. Увы, прежде он не был так близок Великому и Несравненному. Будучи простым солдатом, Кумбар не боялся никого и ничего, со всеми — и со знатным нобилем и с последним бедняком — говорил на равных.

О многочисленных подвигах его ходили легенды, большую часть которых он самолично и распускал в кабаках да тавернах; как-то придворный поэт, такой же как Кумбар вертопрах и любитель веселых дружеских пирушек, написал балладу о славном сайдаде — длинную, словно дорога из Аграпура в Кутхемес. Строки сего творения в скром времени достигли ушей самого Илдиза, и тогда-то Великий и Несравненный и соизволил познакомиться со своим верным слугой.

Он был весьма удивлен, узнав, что столь прославленный воин до сих пор не поднялся выше сайдада, но исправлять положение не спешил. Кумбар же — по прозвищу хоть и Простак, а на деле весьма хитроумный и ловкий парень — явно не стремился стать капитаном; он был вполне удов-

летворен поистине с небес свалившейся на него милостью Светлейшего — тот пожелал ежедневно видеть во дворце бывшего солдата; поверяя ему свои чаяния, Илдиз скоро заметил, что сайдад без лишних слов и обещаний старается исполнить малейшую прихоть владыки, а краткие советы его — «почтительны, но не льстивы» — блещут остроумием и мудростью. «Мы доверим ему то, чего никто сделать не может, — рек однажды Илдиз на Собрании Советников, — и он сие непременно сделает».

Такая высокая оценка не могла не сказаться на отношениях Кумбара с советниками: возмущенные вторжением на их территорию простого солдата, они использовали любую возможность насолить ему, строчили подметные письма, устраивали провокации и как-то раз пытались даже отравить его. Кумбар оказался непоколебим: за правым его плечом стоял сам владыка, а за левым сам Мишрак — мудрейший из мудрейших, визирь повелителя и вершитель судеб. Он один из всех сановников благоволил сайдаду, то ли имея на него виды, то ли просто не ожидая от него подвоха.

Спустя пять лун Илдиз со своей обычной сладкой улыбкой объявил о распуске Собрания Советников, причем речь шла не о ликвидации Собрания вообще, а лишь о замене этих советников на других, набранных большей частью из самого простого сословия. Главным владыка назначил все того же Кумбара, и вскоре новое Собрание уже решало дела государственные, да так умно, что даже народ остался доволен, не говоря о самом Илдизе и визире его Мишраке.

Давно не появлялся Кумбар Простак в казарме, но со служивцев не забывал. По-прежнему устраивал в кабаках пирушки, швыряя деньги без счета, и по-прежнему девицы разного возраста и сословия приникали к его могучей груди тогда, когда он того желал. И все это продолжалось бы, наверное, до самой его безвременной смерти, если бы странная и несколько запоздалая прихоть Илдиза: имеющий уже десяток жен и без малого два десятка детей владыка порешил жениться еще раз и наследником назначить именно сына своего от новой супруги. Объяснялось это тем, что

прежняя — любимая — жена, родившая ему сына два года назад, лишилась рассудка, и прилюдно призналась, что понесла ребенка не от Илдиза, а от одного из его советников. После этого неожиданного выступления на празднике богов неверная прыгнула в бассейн и там благополучно утопла, а расстроенный и оскорбленный до глубины души светлейший супруг ее повелел отослать всех жен вместе с детьми в деревню под Аkitом, ибо не доверял теперь ни одной.

Но горевал он недолго — по воле богов во сне увидел владыку незнакомку, с ног до головы завернутую словно в кокон в кусок синего шелка; в руках она держала прелестного черноглазого младенца, похожего на Илдиза так, как только сын может быть похож на отца; тонкие нежные руки ее, унизанные великолепными браслетами, ласково касались жирных обвислых щек повелителя, обещая сказочные ночи; с тихим смехом она удалялась, потом снова приближалась и снова удалялась...

Во сне Илдиз просто потерял голову от возбуждения и вдруг пробудившихся в нем давно позабытых чувств душевного свойства. Едва солнечные лучи коснулись его морщинистых век, он велел позвать Кумбара, и когда тот явился, незамедлительно высказал ему свое пожелание: не теряя времени созвать во дворец красавиц из высшего общества, проэкзаменовать их, отобрать шестерых и представить ему, Светлейшему.

Среди этих шестерых Илдиз надеялся найти свою незнакомку. То, что лица ее он так и не увидел, ничуть не смущало владыку — волей богов он узрил ее во сне, их же волею узнает ее и наяву. А прославленный знаток женщин Кумбар уж точно не ошибется и выберет из сотен достойных найдостойнейшую стать супругой Великого и Несравненного... Так началось падение бывшего сайдага, а ныне главного советника Илдиза Туранского Кумбара Простака.

* * *

В таверне с грустным названием «Слезы бедняжки Манхи» к вечеру всегда бывало шумно и весело. Большой квадратный зал, освещаемый дорогими светильниками с

пальмовым маслом, заполнялся до отказа всевозможным окрестным и приезжим людом. Из золотых кадильниц курился ароматный дым, клубами поднимаясь к завешенному тонкой, серо-голубого цвета тканью потолку; на стенах висели картины здешних художников, изображавшие либо нагих и очень толстых матрон с апельсином в мясистых пальцах, либо фрукты и овощи, в беспорядке разбросанные по столу и частично прикрытые зачем-то тряпкой.

В самом дальнем углу зала сидел на высоком табурете изящный чернобородый человечек с грустными глазами и услуждал слух гостей таверны нежными звуками цитры. Со стороны кухни в зал вплывали божественные запахи, и оттуда же слышался беспрестанный звон монет — отбирая у посетителей деньги, расторопные слуги тотчас сдавали их хозяину, его же работа заключалась в немедленном пересчете выручки, ее сортировке и упаковке в холщовые мешки.

Высокие гости обычно восседали посередине зала, где свет был не так ярок, звуки цитры не так громки, а благоухание кадильниц не так едко; гости попроще занимали места похуже, у стен; совсем бедные сюда и вовсе не заходили, ибо таверна «Слезы бедняжки Манхи» в Аграпуре считалась одной из самых дорогих: обычная кружка пива стоила тут в два раза дороже, чем в любом другом кабаке города, а кусок жареной говядины — пусть и обсыпанный всякого рода специями — тянул едва ли не на целого быка.

Кумбар любил бывать здесь. Деньги у него не переводились с тех самых пор, как Илдиз Туранский произвел его в Главные Советники, да и не жалел он денег на удовольствия. Правда, удовольствия эти в последнее время стали несколько однобоки: полдюжины бутылей хорошего вина, добрая беседа со старыми приятелями и воспоминания о былых подвигах вслух — женщин он не то что обнимать, а и видеть теперь не мог, отчего чувствовал себя как смертельно больной человек.

Пышные девицы таверны напрасно касались его горячими бедрами, проходя мимо стола — Кумбар так недвусмысленно морщился от этих знаков внимания, что в конце

концов люди стали поговаривать о том, что старый солдат, по всей видимости, нашел утешение в каком-нибудь юном молодце. И в самом деле, не мог же нормальный мужчина громко рыгать от ужаса при виде направляющейся к нему красотки! Нет, толковали между собой постоянные гости таверны, наверняка Кумбар Простак заболел неведомой болезнью и скоро покинет этот мир, переселится на Серые Равнины и там уже будет рассказывать о своих подвигах древним демонам.

Сам Кумбар думал о себе точно так же. Воображение рисовало ему страшные картины совокупления с женщиной, и холодный пот бисером выступал на его красных щеках. Он стал плаксив, раздражителен; старые приятели перестали понимать его шутки, прежде такие тонкие и остроумные; придворная сволочь шепталась за его спиной, предвкушая скорое падение фаворита; в довершение ко всем несчастьям у него начали дрожать руки. Сайгад понимал, что положение сие если не безнадежно, то уж точно отчаянно.

Осложнялось оно тем, что Илдиз явно терял к нему интерес, все больше увлекаясь беседами с цирюльником Гухулом — врагом Кумбара и его коллегой по Собранию Советников. Тот был умен и весел почти как сам сайгад, но обаяния в нем не хватало, и прежде обстоятельство это помогало Кумбару удерживать владыку на своей стороне.

Теперь все было иначе. Хитрая ухмылка Гухула стала привлекать повелителя так же, как раньше привлекал его негромкий заразительный смех Простака. Да, следовало признать: позиции старого солдата пошатнулись; слава его дала трещину, и преизрядную; а здоровье — физическое ли, душевное ли — не позволяло снова сесть за козлы и править Тураном, править почти единолично, как было прежде...

Мрачные мысли, одолевавшие сайгада теперь ежедневно и еженощно, туманили его голову и сейчас, за маленьким круглым столиком красного дерева посередине зала. Опустившись уже две с половиной бутыли дорогого, привезенного

из далекого Аргоса белого вина, Кумбар, нахмурив выцветшие редкие брови, завороженно смотрел на крошечную винную каплю, сползающую по крутому боку серебряной чаши.

В ней видел он свое отражение, уменьшенное стократ, и ничего привлекательного в этой физиономии не находил. Мысли его разбредались, путались; то одно, то другое приходило вдруг в голову, но все неизменно печальное — иного, казалось ему, уже не дано. Если бы в таверне не было так шумно, а соседи сайгада сидели бы к нему поближе, они сумели бы расслышать то, что бормотал он себе под нос, а расслышав, решили бы, что старый солдат несомненно лишился разума, ибо нес несусветную — для постороннего и непосвященного — околесицу. «Из дюжины шесть... Из дюжины шесть? Как? Они одинаковые... Я не знаю, кто недостоин... И кто достоин... Из дюжины шесть!»

— Из какой дюжины? — Низкий, чуть хрипловатый голос, такой глубокий, что сердце сайгада ухнуло к самым пяткам при первых же его звуках, раздался вдруг за его спиной.

Он оглянулся, облегченно вздохнул. За его плечом стоял огромный парень лет двадцати с лишком, атлетического сложения, с длинными черными волосами почти до лопаток, суровым лицом и синими глазами уроженца Севера.

— Какой такой «дюжины шесть»? — с интересом повторил он, бесцеремонно усаживаясь за столик Простака.

— Выпей вина, Конан, — кисло улыбнувшись, выдавил Кумбар, подвигая парню початую бутыль. — Отличное вино... аргосское...

— Ты не ответил на мой вопрос.

— Ах, ты об этом... — вяло протянул сайгад. — Дюжина — это значит двенадцать. Понимаешь? Двенадцать кружек пива есть дюжина, и двенадцать солдат тоже есть дюжина... А полдюжины — значит, шесть. Шесть мечей есть полдюжины, и шесть жеребцов тоже есть полдюжины, и даже шесть сочных кусков барашка есть полдюжины, и ни куском меньше... — заунывным голосом вещал Кумбар, не замечая удивленного взгляда соседа. — Ну и, ясно, ни кус-

ком больше... А если, к примеру, взять трех жеребят, то это будет...

Он вдруг словно опомнился, смущенно взглянул на парня и неуклюже попытался реабилитироваться.

— Какая дюжина, Конан?

— Клянусь Кромом, ты заболел, сайгад,— бодро объяснил северянин то, о чем все только думали, но сказать открыто не решались.— Ты хмур, бледен и глуп. Прежде я не видел тебя таким. У нас в Киммерии это называли «поцелуем мертвого кургана», понял? Хр-рм-м... Хорошее вино...

Он в несколько глотков осушил бутыль и взял другую. Похоже, состояние сайгада не слишком волновало его: чем-то очень довольный, парень выхлебал еще полбутыли и только тогда соизволил обратить внимание на понурого Кумбара.

— А что, толстый, правду говорят, что ты у Илдиза в приятелях ходишь?

— Я не толстый,— впервые проявил живое чувство сайгад.— В боях окрепло мое тело, в боях мои руки...

— Тьфу! — раздраженно сплюнул Конан на чисто вымытый деревянный пол зала.— Да ты и впрямь рехнулся. Не могу слышать, когда воин идет словно девица! Ну-ка, выкладывай, о какой это дюжине ты тут пел!

И тогда сайгад решился. Быстрым шепотом он поведал киммерийцу всю историю своей грядущей уже опалы, особенно упирая на то, что все красавицы хороши безумно и выбрать из дюжины необходимую шестерку никак нельзя. Вздрагивая всем телом, он живописал Конану прелести девушек, их ум, скромность и изящество; он даже изобразил их голоса, перепугав своим визгом ближайших соседей до полусмерти; вскочив, весьма художественно показал гнев Светлейшего и собственное отчаяние. Наконец Кумбар выдохся, сел, вопросительно посмотрел на парня.

— М-да-а...— задумчиво покачал головой Конан.— Влип ты в историю, приятель. Недаром говорят наши старики: «Чем выше заберешься, тем дальше будешь падать». А от себя добавлю — и тем больше ударишься...

— Не болтай же, Конан! — взмолился сайгад, чувствуя, что слезы вот-вот полются из глаз, как это частенько случалось в последнее время.— Придумай лучше, что мне делать? Сыпал я, что ты в Агропуре недавно, но успел многое... За такого наемника, как ты, варвар, я б десятка парней не пожалел...

— Не болтай зря,— остановил его киммериец.— Дело твое пустое, и помочь тебе я могу. Но прежде ты должен исполнить одно мое условие...

— Какое? — Кумбар выпучил глаза и насколько мог вытянул короткую бычью шею.— Проси что хочешь, варвар. Я на все согласен! На все!

Ухмыляясь, Конан посмотрел на возбужденного сайгада.

— На все? Что ж... Вот мое условие: кликни-ка во-он ту красотку, да отведи ее наверх... Сам знаешь, куда... И зачем...

— Ты... Ты что? — задохнулся от возмущения Кумбар.— Я же сказал тебе — в последнее время у меня с этим ничего не выходит...

— И смотри мне! Чтоб девица потом не жаловалась!

Конан расхохотался, не обращая ровно никакого внимания на пылающие щеки сайгада и струящиеся из тусклых глаз слезы — старый солдат все же не смог удержаться и заплакал, в душе проклиная себя за эту слабость,— открыл новую бутыль и прильнул к ней губами, с наслаждением глотая терпкий напиток. Кумбар обреченно вздохнул.

Он знал варвара без малого пять лун, знал, что ему можно довериться и что каждый парень из туранского войска мечтает стать его куншаком — другом, что женщины тянут к этому синеглазому великану словно мух к варенью из бананов; сам же сайгад давно не чувствовал под ногами опоры — с того дня, как Илдиз назначил его экзаменатором для девиц — и давно жаждал разделить свое горе с надежным человеком.

И вот такой человек волею богов ниспослан ему в таверну «Слезы бедняжки Манхи», но его условие... Нет, оно невыполнимо... Конечно, невыполнимо...

— Я согласен,— сумрачно буркнул Кумбар, не глядя на развеселившегося Конана.— Где там эта рыжая корова... Эй, крошка! Иди ко мне!

Пышнотелая Кика, в восторге от приглашения столь именитого гостя, ринулась к нему, сшибая по пути менее почетных посетителей. Под одобрительные вопли присутствующих Кумбар, пошатываясь от отчаяния, повел подругу по узкой винтовой лестнице наверх.

Когда дверь за ними захлопнулась, киммериец свистнул слугу, велел принести мяса и еще вина и приготовился ждать.

* * *

Конан, который с утра еще успел и нализаться и пропасться, допивал шестую за этот вечер бутыль славного аргосского. Он не стеснялся заказывать вновь и вновь, справедливо полагая, что сайдад с удовольствием заплатит за все. То есть, может, и без удовольствия, но обязательно заплатит.

Громко чавкая, варвар уплел баранью ногу, блюдо тушеных овощей и целую связку крабовых палочек из заказа Кумбара. Немного насытившись, он обвел осоловевшим взглядом зал, не без тайной гордости отметил обращенные к нему томные глаза здешних девиц, и еще раз за нынешний вечер сказал себе, что пришел сюда не зря. Обычно он предпочитал кабаки попроще — и не потому, что там было все гораздо дешевле, а потому, что в них веселье шло полным ходом.

Настоящее веселье, не то что тут... Но утром Алма передала ему с посыльным крошечный золотой медальон, а сие означало непременное свидание; на словах же мальчишка просил Конана ждать ее перед полуночью в «Слезах бедняжки Манхи» — таверна эта была наиболее удаленной от дома Алмы, а значит, и вероятность встречи со знакомыми значительно уменьшалась.

Алма происходила из знатного и богатого аграпурского рода Мисхинов. Единственная дочь, она росла в холе и неге, обожаемая родителями и слугами, и уже четвертый год от

женихов ее не было отбоя — девушке едва исполнилось четырнадцать лет, как в дом зачастили мужи всех возрастов, от юнцов до седовласых старцев. Каждый предлагал высокородным Мисхинам оценить по достоинству его кандидатуру; к величайшему сожалению добрых родителей достоинство кандидатур состояло исключительно в золоте, в то время как они хотели бы видеть супругом дочери мужчину, а не сундук с деньгами — умница и красавица Алма без сомнения заслуживала того. Потому женихов приветливо и почтительно встречали, но затем так же приветливо и почтительно выпроваживали.

Но что сказали бы добрейшие родители, когда б узнали, что сердце дочери давно уже отдано? Оросили бы щеки их слезы радости? Снизопала бы в души их благодать? Вряд ли. Ибо, хотя они и желали ей счастья, но с благородным, честным и все-таки не слишком бедным аграпурцем. Алма же мечтала о Конане — нищем варваре из Киммерии, наемнике войска Илдиза Туранского, который к тому же был известен уже в Аграпуре как гуляка и забияка. Так что добрейшие родители, узнав о выборе дочери, скорее всего, стали бы рвать на себе волосы и рыдать слезами не радости, но ужаса и отчаяния; именно поэтому умница Алма и не спешила сообщать им о своих встречах с синеглазым киммерийцем.

...Конан выудил из кармана золотой медальон Алмы, бросил его в чашу с вином. Маленький желтый диск в мгновение опустился на дно и тускло заблестел там, пускай короткие косые лучи во все стороны. Очертания девичьей головки чуть сдвинулись, и киммерийцу показалось, что красотка кивает ему со дна чаши, то ли приглашая, то ли обещая что-то...

Хмыкнув, он сунул в вино палец и поболтал им; словно по крошечному озеру разбежались круги, пожелав изображение девушки — губки ее обиженно изогнулись, а брови дрогнули; в ответ и Конан нахмурил брови, потом запустил в чашу всю руку и достал медальон.

— Что ты делаешь, Конан? — с любопытством склонилась к нему Алма.

Она подошла неслышно, мягкими шагами, положила тонкую, необычно бледную для туранской девушки руку на его могучее плечо. Киммериец широко улыбнулся ей, из чего она незамедлительно заключила, что он уже порядком набрался: обыкновенно Конан лишь ухмылялся криво, и ухмылкой сей выражал всю гамму чувств — от гнева до удовлетворения или радости.

На миг Алма ощутила легкий укол недовольства, но сразу опомнилась. Конан не любил оправдываться, а она не любила всего того, чего не любил он, потому и улыбнулась ему ласково, присела на край высокого табурета.

— Так жаль, Конан...

— Чего еще жаль? — проворчал он, любуясь ее волнистыми, черными с медным отливом волосами.

— Я не могу быть с тобой столько, сколько хочу. Нынче ночью в доме высокие гости, я должна принимать их...

— Кром... А я-то думал, мы пойдем в «Маленькую плутовку»...

Он подхватил ее и усадил к себе на колени, боковым зрением отмечая взгляды, устремленные со всех сторон на его красавицу. Пожалуй, даже тут, в «Слезах бедняжки Манхи», таких не видали. Да и разве могли сравниться с нежной, хрупкой, будто воздушной Алмой здешние толстозадые, хотя и румяные девицы?

Конан удовлетворенно икнул, с вожделением вдыхая легкий аромат розы и чистоты, исходящий от девушки, затем смачно чмокнул ее в уголок рта и усадил обратно на табурет.

Алма незаметно вздохнула. Увы, любимый не отличался хорошими манерами, к коим так привыкла она в своем доме. Видели бы ее сейчас родители рядом с ним... Девушка попробовала взглянуть на Конана глазами отца и матери, ясно представила себе их вытянутые лица и не смогла сдержать улыбку.

Огромный варвар, присосавшийся к чаше с вином, с мутными синими глазами и сосульками черных длинных волос, одна из которых плавала в той же чаше, громко икающий на весь зал, непременно произвел бы на них

впечатление. Вот только какое... Алма протянула руку и слегка коснулась его плеча.

— Конан...

— М-хм-м?

— Мне пора...

— Ухм-м-ху...

Даже не посмотрев ей вслед, Конан слизал с края чаши последние капли, снова икнул, потом аккуратно вытер губы полой куртки, заляпанной еще с утра винными и жирными пятнами; зевнув, он уронил голову на стол и вскоре уже захрапел во всю мощь своей луженой глотки, заглушая печальные стоньи цитры и беседы посетителей.

Глава вторая

Перед рассветом Кумбар наконец спустился вниз. И без того всегда красные щеки его горели, а предвольная масляная ухмылка не сходила с губ — он нутром чуял, что былая слава вот-вот вернется к нему, ибо слышал уже трепет ее крыльев где-то за спиной.

Подобно полководцу, выигравшему сражение, он величаво выплыл из комнаты с гордо вскинутой головой, но тут же сник, с сожалением оглядывая пустой зал: предполагаемые свидетели его триумфа давно разошлись, только Конан еще сидел за столом, но и он упустил случай лицеареть появление победителя, ибо сладко спал, завесив лицо волосами и похрапывая.

Горько вздохнув, сайдад разбудил почивавшего на табурете возле кухни слугу, велел ему немедленно принести кувшин пива и сел за стол рядом с киммерийцем. Звякнули пустые бутыли на столе, задетые неосторожной рукой Кумбара, и Конан тут же пробудился. Взирая на старого солдата с недоумением и неприязнью, варвар силился припомнить, где он видел уже этого свинообразного, хорошо одетого господина, который усился за его стол и словно умалишенный быстро зашевелил губами. Муть, плававшая в глазах обоих, была разного свойства: у одного она происходила от вина, у другого от любви, но одинаково туманила мозг и порождала некую тяжесть в груди. Первым подал голос Кумбар.

— О-го-го, это было чудесно... — пробормотал он, качая головой.

Слуга, приволокший огромный кувшин пива, с любопытством уставился на сайдада. Ему не терпелось узнать о новых похождениях знаменитого на весь Аграрпур Кумбара Простака, любимца самого Илдиза, а потому он поставил кувшин на стол и начал медленно, якобы с усилием открывать его, ожидая продолжения рассказа. И продолжение тут же последовало.

Привыкший не замечать прислугу сайдад закатил глаза, приложил к холмику на груди, за коим билось сердце, толстые руки и заголосил, надеясь, что варвара наконец проймет:

— Клянусь Эрликом и пророком его Таримом, это было воистину чудесно! О, грудь Кики! Я велю сложить оэду о ней, и да восславится она в веках! О... Слушай, Конан, давай выпьем за нежную и гладкую кожу всех бывших девственниц! Право, они стоят того...

Радостно кикнув, слуга помчался за вином. Конан же ухватил кувшин с пивом за пузатые бока и начал жадно глотать прохладный ароматный напиток, чувствуя, как с каждым глотком к нему возвращается жизнь. Утолив первую жажду, варвар наконец более-менее осмысленно взглянул на сайдада.

— Прах и пепел... Ты, Кумбар?

— Ну да, — кивнул сайдад, нимало не удивленный. И с ним порой случались подобные казусы, когда он после бурной ночи любви и возлияний не сразу узнавал даже самого Илдиза.

— Третий день гуляю, — сумрачно заявил Конан, вновь поднимая кувшин с пивом.

— А я пятый, — пожаловался Кумбар. — И всюду девицы чудятся... То ли дело в казарме! Эх...

Он с отвращением посмотрел на свой расшитый золотыми и серебряными нитями камзол, принял у варвара уже почти пустой кувшин и вылил на себя остатки пива. Наконев, нити сразу стали одного цвета — грязного, но зато Кумбар был вполне доволетворен.

— В казарму бы... — мечтательно вздохнул он. — На расвете гонг — блямс! блямс! бум-м... Подпрыгнешь, а потом

уж и глаза откроешь, начнешь одеваться... А парни толкаются, бранятся... Весело!

— Много болтаешь, сайдад. Ты, я понял, выполнил мое условие?

— Еще бы,— зарделся Кумбар.— И теперь ты поможешь мне выбрать из дюжины шестерых наидостойнейших?

— Помогу. Сколько у тебя девиц?

— Двенадцать. Малика, Карсаны, Дана, Алма, Баксуд-Малана, тройняшки Ийна, Мина и Залаха, две Фаримы, Физа и Хализа,— скороговоркой вышли сайдад, с надеждой глядя на угрюмое лицо варвара.

— Убери тройняшек, Физу и обеих Фарим,— небрежно бросил Конан, взял принесенную слугой бутыль с вином и присосался к ней.

— Ты их знаешь? Почему именно их?

— Тогда Малику, Карсану, Дану, Алму...

— А почему их?

— Тыфу! Прах и пепел... Убери любых, все равно кого. Главное, чтобы осталось — шесть. Их и покажешь Илдизу как самых красивых.

— О... О-о-о, мудрый... Мудрый и отважный, достойный взгляда Эрлика и пророка его Тарима... Да будут золотыми все следы твои, да не коснется тебя клинок врага, а только губы юной девы, да проведешь ты в неге и покое всю оставшуюся жизнь...

— Еще чего,— фыркнул варвар. Про себя он уже решил, что Кумбар все-таки рехнулся, а потому и тратить время на болтовню с ним больше не желал.— Как раз вечного покоя мне и не хватало!

Он встал, с презрением отворачиваясь от залитой слезами восторга жирной физиономии сайдада, и нетвердой походкой направился к выходу, предоставив Кумбару оплачивать стол.

— Как мне отблагодарить тебя, о варвар из варваров? — возопил тот, простирая руки к конановой спине.

— Очень просто.— Киммериец обернулся, с усмешкой посмотрел на старого солдата.— Пусть невесту Илдиза зовут не Алмой.

* * *

В великолепных покоях, отданных на время в распоряжение Кумбара Простака, под звуки лютни заезжего музыканта отдыхали двенадцать красавиц. Застывший у дверей как изваяние толстый, низкорослый и широкий словно тумба евнух Мингал-Арет-Каши-Бандурина мрачно взирал на столь прелестное общество, в душе проклиная нелегкую свою долю. С гораздо большим удовольствием он поохранял бы мальчиков-пажей, таких юных, таких нежных — во дворце их не менее полусотни, и все хороши как на подбор. А эти девицы... Бандурин считал величайшей ошибкой богов сотворение женщины — от нее и соблазн, от нее и разврат и вообще все беды на земле от нее, да заберет ее Нергал в свое мрачное царство...

Он почесал взмокшую лысину, обрамленную игривыми завитками седых волос, и кинул заинтересованный взгляд на музыканта. Тот был весьма мил, свеж и румян; белокурые длинные волосы волнами лежали на узких плечах; тонкие стрельчатые брови цвета скорее рыжего, чем белого, сейчас сошлись у переносицы, а прекрасные синие глаза с тоскою смотрели в заоконную даль. Музыка, льющаяся из-под пальцев его, не задевала души Бандурина — ибо душа эта давно очерствела в дворцовых интригах и сплетнях,— зато сама изящная рука, ласкавшая струны, возбудила в евнухе прежние тайные желания.

С вожделением оглядев гибкую невысокую фигуру музыканта, Бандурин твердо решил нынче же наведаться к нему, для чего ему всего лишь требовалось обойти конюшню и пересечь сад. Там-то, в караван-сарае для гостей Великого и Несравненного, и поселили приезжего, повелев в качестве платы за стол услаждать нежный слух императорских невест.

Он и услаждал сейчас: музыкой — нежный слух невест, видом своим — жадный взор Бандурина. Впрочем, играл он искусно, и в первый же день приезда сумел понравиться самому Илдизу, а это немалого стоило. Но из девушек лютниста слушала только Алма, остальные шептались, причесывались, спали и просто смотрели в потолок.

— Тихо! — взвизгнул евнух неожиданно сильным, хотя и тонким голосом.

Разодравшиеся тройняшки мгновенно отпрянули друг от друга, с завидным проворством приняв невиннейший вид. Но Бандурина не могли обмануть опущенные долу глазки; он с отвращением отвернулся от них и занялся мыслями о мальчике-лютисте — сие, по крайней мере, могло доставить удовольствие.

Внезапно двери распахнулись, и тут же чудесная музыка резко оборвалаась. Щеря в улыбке редкие, но крепкие и белые зубы, в покой ступил сам Кумбар Простак. При виде его склонился в низком поклоне евнух, девушки встали, опустив головки, а музыкант, растерянно посмотрев на того и других, решил все же последовать примеру Бандурина и тоже согнулся, отчего длинные волосы его разметались по цветастому ковру.

— По местам, — благодушно скомандовал сыйгад, усаживаясь в широкое кресло у самых дверей.

Он нашел глазами Алму и с любопытством уставился на нее. Что общего может быть у этой красавицы с неотесанным варваром? На миг Кумбар забыл, что и сам не был особенно отесанным, а вспомнив о том, мотнул головой, недовольный собственной несправедливостью. Что ни говори, а Конан действительно помог ему. Хотя до такого простого решения он мог бы додуматься и самостоятельно. Но ведь не додумался же!

Обретя нынешней ночью как бы вторую жизнь — за что тоже надо было благодарить Конана — Кумбар с присущей ему в прежние времена похотливостью разглядывал красоток. Он одинаково хотел и Малику, и Карсану, и Дану, и Баксуд-Малану... Вот Алму, пожалуй, он и в мыслях опался хотеть, ибо, по его мнению, принадлежала она киммерийцу. Зато и тройняшек, и обеих Фарим, и Физу с Хализой с удесятеренной страстью завалил бы на свою широкую и мягкую тахту.

Глазки сыйгада потеплели и почти растаяли от горячего желания, охватившего вдруг его чресла; он тихонько застонал и заерзal в кресле; воображение упрямо рисовало то

пышные ягодицы Кики, то ее же огромную словно два бурдюка с пивом грудь... Кумбар захрипел, разрывая шелковый многослойный ворот, схватил услужливо поднесенную евнухом чашу со слабым и терпким вином, в мгновение осушил ее. Холодный напиток несколько остудил пыл старого солдата. Прищурившись, сыйгад снова посмотрел на девушек, указал пальцем на Карсану и сипло произнес:

— Ты. Ступай домой, к родителям. Бандурин выдаст тебе подарки утром.

Затем участь изгнанниц постигла обеих Фарим, Малику и Дану. Оставалась Алма, которая с замиранием сердца ждала своей очереди. Ей совершенно не улыбалось стать одной из жен довольно противного с виду Илдиза, а то, что она ею станет, если Кумбар не отправит к родителям и ее, не было сомнений: владыка собирался взять в жены всех шестерых оставшихся после отбора красавиц, выделив, правда, среди них ту, что назовется потом «любимой». И тогда — тогда прощай, синеглазый киммериец, и крошечная уютная комнаташка на втором этаже «Маленькой плутовки», и жаркие ночи любви мужчины, а не старца... Алма закусила губу, и только тем выдала волнение.

Сыйгад заметил это, улыбнулся.

— И ты, Алма.

В отличие от отвергнутых Фарим, Малики, Карсаны и Даны, кои рыдали во весь голос, бия себя в нежную грудь, Алма ликовала вместе с остальными девушками, будущими невестами повелителя. Евнух и лютнист смотрели на нее с недоумением, Кумбар — с пониманием. В чем, в чем, а в мужественной стати он признавал первенство за Конаном, против которого невзрачный Илдиз казался огарком свечки против солнца. С умилением вытерев непрошеную слезу, сыйгад жестом отоспал прочь обеих Фарим с Карсаной, Даной и Маликой и подошел к Алме.

— Беги к нему, девочка, — шепнул он ей ласково. — И целуй его нынче крепче прежнего.

Злобно скрипнул зубами за их спинами Бандурин, но ни Алма, ни старый солдат ничего не слыхали. Алма с призна-

тельностью улыбалась Кумбару, а тот уже торопился к выходу, желая поскорее вернуться в «Слезы бедняжки Манхи» и разбудить для утех пышнотелую Кику. Этой ночью она была так хороша!

* * *

Переваливаясь с боку на бок, евнух со скоростью бегового верблюда несся по саду от дерева к дереву, от куста к кусту, вжав голову в жирные плечи и воровато озираясь по сторонам. Сад Светлейшего был велик: за целый день не обойти всех его уголков, не истоптать всех его тропинок. Сам владыка, каждое утро прогуливаясь меж плодовых дерев и кустарников, открывал что-то новое, неизведенное и не виданное еще прежде.

По россыпям отливающих алым и золотым цветом камешков важно прохаживались красавцы-павлины, клекоча дурными голосами и с презрением взирая на людей; даже императора сии птицы не жаловали, что уж говорить о несчастном садовнике, вынужденном не только не убивать их, но еще и кормить. Несметное количество яблок, апельсинов, фиников, бананов и прочих фруктов усеяло зеленые ветви деревьев, а под ногами можно было найти всевозможных сортов ягоды и грибы, столь буйно растущие в северных королевствах, а здесь, в Туране, выращиваемые специально для стола Великого и Несравненного.

Бандурин шмыкнулся в розовые кусты возле самого караван-сарай и тут же сдавлению пискнул от боли — шипы вонзились во все его жиры, заставив богообязненного евнуха излить поток проклятий на голову ии в чем не повинного Эрлика. Именно он, этот суровый туранский бог, через пророка своего Тарима испытывает человека лишениями и страданиями.

Но — как рассуждал Бандурин — Эрлик все же должен понимать, что не все люди расположены страдать. Лично он, создание нежное и духом и плотью, намерен жить благостно и покойно, а за подвиг сей лелеять и холить себя, любимого, того же ожидая и от бога с его пророком. И хотя в кусты он свалился по собственному недогляду, досталось

все же бедному Эрлику, коего евнух назвал грязным недумком, ублюдком и даже бородатой свиньей.

Выдираясь из объятий коварных роз, Бандурин тихонько подывал, горячо надеясь, что стража не заметит его тушу возле караван-саarya, куда двордовым обитателям вход был строго-настрого запрещен: мало ли какие тайны приспичит разузнать заезжим, а на патриотизм своих сановников и малоумный Илдиз не слишком рассчитывал. Нарушившего же запрет ожидало страшное наказание в виде ямы, полной змей и пауков.

Однажды Бандурин осмелился подойти к ней и посмотреть на несчастного, невесть за какие прегрешения туда угодившего. Много ночей после снились ему столапые и стохвостые чудовища, впивающие в его плоть свои ядовитые жала и зубы. И тогда евнух дал себе клятву никогда не преступать закон, быть послушным богам (на всякий случай — всем богам, что только существуют на этом свете) и время от времени подавать кое-какую мелочь ниццим.

Так что сейчас, вытягивая короткую мясистую шею и сам себе напоминая тем самым аиста — а Бандурин всегда заблуждался по поводу собственной внешности, и в данный момент был похож скорее на вытянувшего шею бегемота, — бедный евнух дрожал от страха и молился только что оскорбленному им Эрлику, выпрашивая лунное затмение или, на худой конец, дождь, способный прогнать стражу в их уютные теплые домики.

То ли Эрлик внял просьбам Бандурина, то ли Тарим уговорил его помочь влюбленному скопцу, но стражников поблизости не оказалось, и евнух, жалобно пища от ужаса, на четвереньках обполз шеренгу розовых кустов и вскоре проник в караван-сарай.

Судя по обстановке внутри дома, Илдиз Туранский не слишком благоволил гостям своим. Обшарпанные стены, двери, грустно висящие на одной петле, а то и вовсе отсутствующие, грязный пол, весь в дырах и трещинах, застоявшаяся вонь неизвестного происхождения — если учесть, что караван-сарай возвели всего-то пять лет тому назад, разрушения эти не поддавались объяснению. Бандурин же, впер-

вые попавший сюда, со свойственной ему проницательностью сразу решил, что, видимо, по мысли архитектора сего сооружения гости не должны были задерживаться здесь надолго; а если б кому и пришла в голову такая странная идея — остаться еще на пару деньков, — суровые стражи, каждое утро возникающие в проемах дверей немым укором, и самого стойкого заставили бы поторопиться.

Крадучись, евнух прошел до конца длинного коридора, всякий миг опасаясь низвержения утробно трещащего потолка, и наконец страшное путешествие его завершилось: он стоял возле комнаты юного лютниста, коего отлично видел сквозь дыру шириною в два пальца меж наличником и дверью. Мальчишка полулежал на узком топчане, подперев голову тонкой рукой, и улыбался, слушая чей-то шепот.

Кто мог быть здесь в такое время, когда тьма уже сгустилась над Аграпуром? Вор? Но красть у нищих гостей императора, кои в большинстве своем были жалкими комедиантами да бродячими лекарями и астрологами, стал бы только слепой, так что сию догадку евнух отверг. Стражник? Или... Или такой же, как он сам, любитель юношей прекрасных?.. От этой мысли скопца передернуло. Неужели его опередили?

В отчаянной попытке подслушать разговор Бандурина облился потом, но так и не разобрал ни слова. Лютнист, то и дело откидывая с высокого чистого лба белокурые пряди, с улыбкой отвечал собеседнику — и тоже шепотом; скопец, превратившийся в одно большое ухо, по прошествии некоторого времени все же начал разбирать отдельные слова, а то и целые фразы.

Так, например, услышал он имя юноши — Динис, и умилился славному его звучанию; что значило «бежать отсюда подальше», евнух не понял, зато отлично понял прощальное «я тоже люблю тебя», побледнев, скзал пухлые кулачки и едва сдержался, чтоб не ворваться в комнату и не прервать взогласом крайнего возмущения объятия влюбленных, если, конечно, таковые имели место.

Дверь скрипнула, выпуская позднюю гостью. Не заметив Бандурина, который стоял в углу коридора, девушка

быстро пробежала к выходу и вскоре скрылась в темноте. Лица ее евнух не смог разглядеть, но, мельком увидев профиль, узнал соперницу: то была Алма, столь неблагородно отпущеная Кумбаром Простаком из императорских невест. Не лютниста ли имел в виду старый солдат, наказывая девушке «деловать его крепче»? Бандурин сморщился от ревности, сдавившей холмистую грудь его, и, стараясь не слишком заметно колыхать жирами, вошел в освещенную одною свечой комнату юноши.

* * *

— Хр-р-р... Мр-р-р... Ур-р... О, красивый и отважный орленок, парящий в небесах над Аграпуром! Весь день по-мышиллю узрить твои глаза, твои руки и гибкий стан... — бормотал Бандурин, переминаясь с ноги на ногу. — Не прогоняй же раба твоего ни нынешней ночью, ни будущей! Готов принести тебе в дар я все богатства, накопленные долгим и тяжким трудом, готов лобызать стройные ноги твои, только позоволь прилечь на скромное ложе сие и разделить с тобою одиночество и печаль...

Динис с удивлением смотрел на жирную тушу скопца, плохо понимая, что тому нужно. Зачем он хочет лечь на его топчан? Устал? А может, ему негде жить? Но почему он пришел именно к нему?

— Я алкал... — сильным писком продолжал тем временем Бандурин. — Алкал встречи с тобою, мой юный друг. О, нежный и душистый лепесток большой красивой розы... Роза, — счел нужным пояснить евнух, — это мое сердце, ибо... ур-р-р... Ибо я алкал...

Красноречие скопца иссякло, и теперь он стоял перед юным лютнистом молча, тараща на него маленькие черные бусинки глаз.

Так и не сообразив, что нужно от него этому жирному старцу, Динис устало вздохнул. Природное спокойствие и уважение к преклонным годам не позволяли ему изгнать незваного гостя, но после целого дня во дворце, где он без отдыха играл на лютне праздным придворным и будущим императорским невестам, сил осталось только на то, чтобы

положить голову на свернутую в жгут куртку и уснуть. Евнух же, судя по всему, уходить не собирался: пыхтя и потея, он выжидательно смотрел на юношу, и каждый вздох — глубокий и невозможна печальный — сопровождал чесанием за ухом.

Динис с отвращением взглянул на его руки, белые, пухлые и холеные, как у женщины, но при этом волосатые; да и весь облик пришельца заставлял его алкать немедленного ухода скопца, так же, как тот алкал встречи с ним.

Вздохнув в унисон с Бандурином, лютнист вежливо улыбнулся и промолвил нежным звонким голоском:

— Не гневайся, любезный... Я очень устал. И... уди, прошу тебя.

Пораженный в самое сердце, евнух качнулся от горя, умоляюще взглянул в синие глаза.

— Уди, — твердо повторил Динис. — Эрлик не велит шастать по ночам оскопленным.

— Ка-а-ак? — выдохнул изумленный Бандурин. — Ты уверен?

— Мне было видение, — кивнул ободрившийся юноша. — Тарим явился ко мне в сон прошлой ночью. Ведай, говорит, мальчик: да не выйдут в ночное время из дома скопец и пьяница, ребенок и музыкант...

— А музыканту почему нельзя? — разочарованно осведомился евнух, только что намеревавшийся пригласить лютниста к себе, если уж Эрлик так против его ночных прогулок.

— Сам удивляюсь, — пожал плечами Динис, зевнул и, более не желая продолжать беседу, свернулся клубочком на своем топчане. — Ну, ступай. Ступай же, любезный...

Сонный голос его действовал на скопца завораживающе, но делать было нечего. Вторично обозвав про себя Эрлика бородатой свиньей, чинящей препятствия покорным рабам своим даже в любви, Бандурик последний раз взглянул на юного красавца, наполнил следующий вздох печалью и удалился.

Динис к тому времени уже спал.

* * *

Илдиза Великолепного с самого утра мучила одышка. Он и проснулся на рассвете в своих роскошных покоях не от первых, мягких и теплых, лучей восходящего солнца (кои, впрочем, и не проникали сквозь темные бархатные занавеси, задернутые по распоряжению заезжего лекаря), а от недостатка воздуха. Настой минь-сина, привезенный из Кхитая придворным астрологом, лишь чуть облегчал страдания Великого и Несравненного.

Сия и хрипя подобно простуженному ишаку, владыка взбрался на трон, бережно поддерживаемый цирюльником Гухулом и сайгадом, и велел позвать наконец невест для личного досмотра. С радостью исполнил Кумбар желание правителя. В тот самый миг, когда варвар преподнес ему идею сортировки девиц, старый солдат словно заново родился. Теперь, казалось ему, благоволение Илдиза вновь озарит его жизнь; вновь Светлейший подарит его шуткой, а то и похвалой; челядь перестанет шептаться за его спиной, пророча всякие гадости, а Гухул, собака, отправится в свою цирюльню стричь да брить — то есть делать то, для чего и был рожден на этот свет.

Под предводительством евнуха стройной цепочкой подплыли к правому плечу сайгада красавицы-невесты, послушно построились в ряд. Даже их, с детства привыкших к роскоши, поразила обстановка тронного зала. Стреляя глазами по сторонам, они предвкушали счастливое времяпрепровождение в этих прекрасных стенах, увешанных дорогими коврами пастельных тонов, золотым и серебряным оружием, коллекцией колокольцев разных стран. Пол, искусно выложенный мозаикой, представлял собою целый рассказ о династии императоров Турана; Физа, ногами угодившая прямо на уродливое лицо прадедушки Илдиза, в ужасе таращилась на Кумбара, боясь сдвинуться с места — сайгад посмотрел вниз, пожал плечами и толчком передвинул красавицу поближе к ее товарке.

Увы, теперь уже Физа стояла на лунообразной физиономии злодейки Хайраны — бабки Илдиза, и двигаться дальше было некуда. Но владыка, по всей видимости, привык к

тому, что всякий в этот зал попавший топтал его родственников почем зря, а потому на страдания Физы внимания не обращал.

Все девушки очень понравились сладострастному императору. Он бросил на Кумбара благосклонный взгляд и негромко хлопнул в ладоши, возвещая начало экзамена.

— Физа, Хализа, Баксуд-Малана! — провозгласил сыйгад трубным голосом.

Красавицы сделали шаг вперед и так низко склонились перед повелителем, что он со своего возвышения без труда рассмотрел их пышные зады, прикрытые полупрозрачным шелком. Зады ему понравились не меньше свежих личиков и высоких грудей; с томлением под желудком обозревая сии округлости, Илдиз промедлил, и когда опомнился наконец и повелел им разогнуться, оказалось, что вся троица покраснела словно арбузная мякоть.

Ехидные тройняшки не удержались от хихиканья, за что тут же получили предупреждение от Кумбара в виде щипков за те места, кои так оценил владыка у их подруг.

Ничего не заметивший повелитель, тяжело дыша то ли от болезни, то ли от возбуждения, ласково кивнул Физе, Хализе и Баксуд-Малане, призывая их продолжить представление.

Долго усаждали взор и слух Светлейшего новоиспеченные невесты. Разомлев от удовольствия, он прихлопывал в ладоши, притоптывал, и даже удостоил присутствующих пением, вторя чудесному голоску Баксуд-Маланы. С умилением придворные прослушали от начала и до конца заунывину туранскую балладу в исполнении владыки и его невесты; никого не смутил слабый и отрывистый, как у старого павлина, голос Илдиза — потом все уверяли, что пел он прекрасно, и жаль только, что плохо воспитанная Баксуд-Малана заглушала его, но, конечно, безо всякого дурного умысла: она лишь хотела очаровать Великого и Несравненного.

К полудню первая тройка закончила испытание, и с успехом. Полумертвая от счастья Баксуд-Малана едва сумела выйти из зала самостоятельно; товарки ее казались

удовлетворенными, но и только. Сестрички же — Ийна, Мина и Залаха — уверяли Кумбара, что у них все получится гораздо лучше. В доказательство они кинулись ему на шею, чуть не своротив огромную вазу у подножия лестницы, и горячо расцеловали, так что в результате довольными остались все.

Все, кроме Бандурина. Поскольку ему поцелуи красавиц были ни к чему и могли разве что испортить настроение, он презрительно зашипел на них, отгоняя подальше. Думы о юном лютнисте не оставляли несчастного скопца и на миг. Спускаясь впереди процессии в покой для невест и с гадливостью косясь на возбужденных главным экзаменом девушек, он представлял себе изящные руки Диниса и его гибкий стан, глубокие синие глаза и копну белокурых волос, тонкую мальчишескую шею и нежное, безусое пока лицо... Душа евнуха, неожиданно для него самого отверзшая неглубокое нутро свое, жаждала любовных утех; жалкие и однообразные мысли его, прежде покойно дремавшие в дивной пустоте под затылком, вдруг пробудились, забеспокоились, с непривычки ворочаясь медленно и не в ту сторону. Скопец уныло почесал толстыми пальцами потный висок, но так и не додумался до чего-либо дельного.

Да, стариk был не на шутку влюблен. Но зачем о том знать этим глупым красоткам и неотесанному сыйгаду? Бандурин напрягся, изобразил на жирной физиономии своей более-менее приятную улыбку и обернулся к компании.

Глава третья

оспешая на следующее утро в императорские покой, Кумбар был убежден, что владыка непременно пожалует его улыбкой и приятной беседой. А потому сердце у него чуть не остановилось при виде нахмуренных бровей сонного и неумытого еще Илдиза.

— Пес! — бросил Светлейший, кривя тонкие губы.— В клетку с тиграми захотел?

Он запахнул халат, оставив обнаженной лишь дряблую грудь, и злобно посмотрел на онемевшего от ужаса сайдага.

— Где та девица, которая нам приснилась?

— О-о... — пробормотал Кумбар вмиг пересохшими губами.— Я не удостоился узнать... узреть... твой сон, могущественный лев Турана...

— Что-о? — взвизгнул Илдиз, вскакивая. Халат его при этом распахнулся, и теперь уже смущенному взору сайдага представились все бледные и немощные телеса повелителя и поникшее в печали худосочное мужское достоинство. Скромно отведя взгляд, Кумбар приосанился. Первый страх, и то больше от неожиданности охвативший его, прошел: отлично зная вздорный, но отходчивый характер Великого и Несравненного, старый солдат ожидал сейчас затишья, а потом и раскаяния, ибо Илдиз, в сущности, был мягок и долго сердиться не умел и не любил.

На всякий случай сайдаг все же рухнул на колени, уткнувшись носом в красивый узор ковра и с неудовольствием обнаружив целый слой пыли на нем. Кумбар неза-

метно подвигал задом, устраиваясь поудобней, и принялся наблюдать за метанием расшитых золотом туфель повелителя — длинных и узких, с загнутыми вверх носами.

Такие же туфли носил и он, вечно спотыкаясь и проклиная в душе того, кто их придумал: как истый солдат Кумбар презирал вычурность придворных бездельников, готовых обмотать себя парчой и шелком с ног до головы, только бы поразить окружающих.

И пусть им при этом будет жарко и душно, и пусть не сдвинуться с места, все равно они задерут носы к потолку и... Тыфу! Негодование сайдага выразилось сейчас в том, что он незаметно для повелителя плонул на ковер, потом растер плевок ладонью.

— Восстань, раб!

Торжественный и чуть виноватый голос Илдиза прервал размысления старого солдата. Проворно вскочив, он со всей почтительностью поклонился владыке, преданно уставился в блеклые глаза его.

— Мы простили тебя, верный Кумбар. Мы более не хотим сердиться. Но ты все же верни во дворец ту... которая приснилась...

— Малику? — бухнул наугад сайдаг, опасаясь напомнить, что он не видел этого сна.

— Не Малику, пустоголовый... — мягко усмехнулся Светлейший.— Не Малику. Алму.

Кумбар вздохнул. За миг до того, как владыка произнес имя, он сам назвал его про себя, ибо в глубине души был убежден, что Алма действительно самая красивая и, пожалуй, самая привлекательная из всех девушек. Но кто же о том донес Великому и Несравненному?

— Алму... — с деланным недоумением повторил сайдаг.— Но, мой повелитель, мне казалось, Баксуд-Малана...

— Что Баксуд-Малана? — прервал Илдиз, опять раздражаясь.— Она хороша, но нам снилась другая. И мы полагаем, что то была именно Алма.

— Я уже отправил ее к родителям... — неуверенно забубнил Кумбар, понимая тем не менее, что отговорить владыку уже невозможно.

— Ну так пусть теперь они отправят ее во дворец! — снова перебил его Светлейший. — Ступай же! Ну? Ступай!

Сайгад задумчиво кивнул и, забыв поклониться, повернулся и вышел на ватных ногах. В голове его после этого разговора осталась одна мысль: что сказать Конану? Суровое лицо варвара, такого, по мнению Кумбара, юного, а потому горячего и яростного словно пожар, вставало перед ним, и он заранее начинал оправдываться, суетясь и боясь, что ему не поверят. Может быть, доставить во дворец вместо Алмы Карсану? Или все ту же Малику? Но мысль сия, только появившись, была отвергнута старым опытным солдатом.

Правда — Кумбар твердо в это верил — когда-нибудь обязательно раскроется. Он сам не раз бывал свидетелем краха обманщиков; и знатные нобили, могущество коих казалось вечным, в один миг теряли то, что было сколочено годами, десятилетиями — богатство, славу, имя... Впрочем, славу они не теряли; она просто-напросто изменяла свой облик, из доброй становясь дурной, некрасивой, а порою и гнусной. И все из-за того, что давний обман вдруг раскрывался, вся грязь выливалась на улицу, и белое тут же окрашивалось в черный... Да, таково свойство всех обманов: однажды тайное все равно становится явным, как бы оно ни было скрыто...

Посылая евнуха с двумя стражниками в дом Алмы, Кумбар, не теряя времени, отправился разыскивать киммерийца. Скорее сообщить ему о провале их плана — вот то единственное, что может он сделать сейчас.

* * *

На втором этаже «Маленькой плутовки», в крошечной уютной комнатке с единственной, но зато широкой кроватью, ныне царила печаль. Алма, чье светлое, обычно веселое лицико побледнело и было залито слезами, в который раз уже повторяла Конану одни и те же слова.

— Ничего не получилось... Ничего... Я ему понравилась. Он сказал, что назначит меня любимой женой, ибо... О-о-о, Конан... Я приснилась ему... Значит, я сама во всем

виновата... Зачем? Ну зачем я приснилась ему? Он такой старый, Конан... Такой... такой некрасивый... Я знаю, что нехорошо говорить так о повелителе, но... Он не кажется мне Великолепным... Ну зачем же я приснилась ему! Зачем? Зачем?.. О чём ты думаешь, Конан?

— Я думаю, кто доноситель? Кому это нужно?

Мрачные думы и в самом деле занимали сейчас варвара. Он служил в армии Илдиза Туранского всего-то шесть лун, но успел уже понять, что все — абсолютно все — здесь покупается и продается. Его окружали лучшие — бравые парни, солдаты, которые, кажется, одни только и понимали в этом городе, что есть правда и что есть честь. Сам Конан никогда о сем не задумывался, но когда приходило время действовать — действовал единственно верно. Так считал он, так считали те, кто был рядом и на его стороне. Хотя, как сказал однажды Иава Гембех, «отсутствие сомнений есть признак слабого ума». Вспомнив о том, Конан пожал плечами: может быть. Он и тогда ответил ему: может быть, на что шемит, улыбаясь, подмигнул и более на эту тему не заговаривал.

Мысли киммерийца перескочили с несчастья Алмы на прошлое; как странно тогда все получилось! Маленькая хрупкая девочка из племени антархов, встреченная им в горах Кофа, ее рассказ о далекой стране Ландаагген, о вечно зеленой ветви маттенсай, которая должна спасти и антархов и эту страну, о полудемоне-полубезьяне Гринсвельде, что живет на Желтом острове в море Запада...

А потом... Потом он нашел храбрую маленькую Мангельду на задах постоялого двора, пронзенную насквозь деревянным колом... Даже теперь, два года спустя, Конан вспоминал об этом с неугасимым чувством стыда: он должен был оберегать ее, такую юную, такую хрупкую, такую беззащитную... Он должен был быть рядом с ней до тех пор, пока она не достигла бы Желтой башни, где спряталась с вечно зеленой ветвью маттенсай горилла Гринсвельд. А он же...

Он же напился до беспамяти, не слыша и не чувствуя ничего, совершенно ничего. В это время и погибла Мангельда.

да. И тогда Конан принял на себя ее клятву: добраться до Желтого острова, отнять у гориллы ветвь маттенсаи и вернуть ее в Ландаагген, вернее, в деревню антархов, коих в живых к тому времени осталось только двое — мальчик и девочка...

Затем долгая дорога к морю Запада с шемитом Иавой Гембехом, разноглазым бродягой и... и мудрецом. Киммериец впервые встретил такого человека: за веселым и легким нравом он не сразу распознал чистую, светлую и мудрую душу.

Весь путь он был добрым и верным товарищем для девятнадцатилетнего варвара, а в конце пути и спас ему жизнь... Конан ясно увидел разрушенное тело шемита, скрипнув зубами. Иава не просто спас друга — он поменял свою жизнь на его, прикрыв раненого киммерийца собой, приняв страшный удар меча Гринсвельда на себя.

Качнув головой, варвар попытался отогнать эти видения. Но — мелькнуло вдруг — жаль, что сейчас нет рядом Иавы. Ему очень пригодился бы такой друг здесь, в этом гадючнике, где каждый сам за себя, где каждый готов прощать родного человека ни за что...

Конечно, Конан понимал, что несколько несправедлив: и в Аграпуре были и есть хорошие люди, и кое с кем он даже знаком. А чем плох, например, Кумбар? Он честно пытался выполнить свое обещание и... Да по сути, он ничего и не обещал...

Мысли варвара снова перескочили на Алму. Он не любил ее, но его неизменно привлекала ее нежность, чуждая большинству здешних красоток, ее ум, добрый нрав и, главное, ее любовь к нему. Молодой киммериец был не столько польщен — ибо женщинам он всегда нравился, и ничего странного в том не находил, — сколько признателен ей за самоотверженность, с какой она, девушка из очень богатой и знатной семьи, предпочла его, нищего и безродного, всем аграпурским женихам благородного воспитания и происхождения.

Она даже попала наперекор родителям, которые, правда, пока ничего не знали о ее любви к простому солдату, но

скоро уже должны были узнать: последнее время Алма порывалась рассказать им все, хотя Конан и удерживал ее от этого. Он не собирался жениться — не только на Алме, но и вообще ни на ком. Во всяком случае, пока...

— Что же делать, любимый?

Алма встревоженно смотрела на него огромными чистыми глазами, и он впервые не нашел, что ей ответить.

— Что же делать? — повторила она, кажется, не ожидая уже ответа.

Но Конан все же ответил:

— Не знаю, девочка. Клянусь Кромом, не знаю.

* * *

В сумерках прогуливаясь по императорскому саду, Бандуриин то и дело бросал мечтательные взгляды в сторону караван-сарай; мысленно же он был там постоянно. В душе его, такой же мясистой, как и тело, уже начинали свою песню сладострастные голоса любви — запредельно высокие, бесполые, бездушные, — заставляя скопца корчиться душными ночами на одиноком ложе своем. Как сильное насекомое уничтожает более слабое, так жажда плотских утех, неутоленная, а потому все более мучительная, постепенно сжирала все прочие желания и мысли Бандурина.

Он даже забыл о суровых стражниках, охраняющих караван-сарай от посторонних, о яме с пауками и змеями, о гневе Эрлика и пророка его Тарима; лишь инстинкт самоохранения заставлял его дождаться темноты, но только над Аграпуром повисал мрак, и скопец ломился через сад как безумный, тряся жирами, сокрушая кусты и цветы, падая, сопя и по привычке поискивая.

Увы. Юноша смотрел на него по-прежнему бесстрастно, хотя и понял, в чем заключается истинная цель визитов евнуха.

Прекрасные синие глаза его холодели при виде жирной туши влюбленного, превращались в прозрачные льдинки, к коим Бандурину так и хотелось прикоснуться пальцем, чтобы ощутить обжигающий холод, особенно чудесный вечно жарком турецком климате.

Евнух приносил ему драгоценные безделушки, за годы службы наворованные у императорских жен, фрукты, которые срывал по пути в караван-сарай, великолепные вина, купленные в лучшем аграпурском винном погребе... Юный лютнист принимал подарки спокойно, не отвергая, но и не благодаря подносятеля; жаль, но при этом глаза его не становились теплее. Он умудрялся смотреть сквозь все жиры евнуха будто сквозь стекло. Ни разу полные нежные губы его не шевельнулись, произнося слова — молча он сидел на узком топчане своем, молча перебирал тонкими пальцами струны лютни и молча отворачивался, когда Бандурин наконец уходил.

Пухлые руки скопца так и не прикоснулись к бархатной коже Диниса, и в пустоту проваливались все вдохновенные речи его, все комплименты, подготовленные заранее — мальчишка словно не слышал ничего. Евнух подумал было, что он заколдован (хотя бы тем же коварным Эрликом), и мысль сия пришла ему по вкусу, но потом со вздохом вынужден был признать, что, вероятнее всего, Динис просто не оценил пока его представительной внешности и высокого положения в императорском дворце. Следовало подождать, дать ему время открыть сердце для любви, какой он не испытал еще по чистоте своей да по молодости лет, и Бандурин готов был ждать сколько понадобится, ибо и он, несмотря на преклонные уже года, подобной любви до сих пор не испытывал.

Слышал он прежде, что такая любовь прекрасна, не верил, но завидовал; и вот теперь выяснилось, что не верил он правильно — ничего прекрасного в сем чувстве не содержалось; мука, сплошная мука, грызущая душу и мозг, да еще, пожалуй, томление в груди, в районе сердца. Евнух и рад был избавиться от этакого счастья, да опоздал: невидимыми и невесомыми цепями сковала его всего проклятая любовь. Он начал читать презираемые раньше стихи, находя в них отклик на собственные ощущения, начал вслушиваться в мелодичные звуки лютни Диниса, и там тоже обнаружил нечто близкое ему теперь, начал замечать величие храмов и красоту изображения в скульптурах и карти-

нах, коими полон был императорский дворец... Душа Бандурина будто похудела за это короткое время, а похудев, сумела вознестись к небесам, прочувствовать великое, смеющее, вечное... Так, посредством порочной страсти, приобщился старый жирный скопец к будущему...

* * *

Весь день двенадцать служанок под руководством евнуха готовили Алму к приему высокого гостя. Ее мяли и мыли, скребли и стригли, поливали ароматными маслами, вплетали в косы разноцветные ленты, умело превращая красоту земную в красоту небесную. К вечеру девушка едва стояла на ногах от усталости, и, только за служанками и евнухом закрылась дверь, она упала на новое мягкое ложе свое и тотчас уснула, крепко, без сновидений. На следующее утро после омовения она должна была встречать Илдиза Великолепного, но даже эта мысль не помешала ее сну.

* * *

Страшную весть разнес по дворцу Бандурин. Он первый вошел с утра в покой будущей любимой супруги императора, не по желанию — как объяснял он каждому, — а по службе, ибо именно в его обязанности входит подготовка невесты к брачной церемонии. Обнаружив прекрасную Алму с удавкой на шее, он тут же кинулся к Кумбару, а уже тот побежал с ужасной новостью к владыке. Илдиз негодовал. Более всего его возмущало то, что он так и не прикоснулся к бархатной коже красавицы, не облобызать ее грудь, и не дал ей облобызать свою.

Гораздо меньшее взволновало его то, что буквально подкосило всех остальных — присутствие во дворце убийцы: будучи уверенным в расторопности дворцовой стражи, повелитель считал, что поимка преступника есть дело одного-двух дней. Увы, сама стража этой уверенности не разделяла.

Никого не было возле покоев девушки всю ночь, а значит, никто ничего не видел. К тому же во дворце постоянно

живет не менее сотни человек — как найти среди них убийцу? А если он и вовсе был пришлый?

Опечаленный Кумбар до самого полудня принимал сановников, почти не надеясь узнать от них нечто полезное. Всем известно, что эти твари только и делают, что едят да спят. Но и на слуг сайдад не слишком рассчитывал, по опыту зная, что они больше придумывают, чем видят в действительности. Жаль, что Мишрак уехал прошлым вечером в Султанапур. Он сумел бы разобраться в происшедшем наверняка лучше старого солдата.

А к вечеру весь дворец уже кипел и бурлил. Слухи разносились с необыкновенной скоростью от одного к другому, а от другого к третьему; по дороге разрастаясь, они в мгновение взлетали к последним этажам дворца и также мгновенно возвращались, уже видоизмененные до неузнаваемости. Кумбар то и дело слышал о шайке бандитов, о пиратах, чей корабль потерпел крушение у берегов Аграпура и потому они занялись разбоем на суше, а именно — во дворце самого Илдиза Турецкого.

Жуткая история про демона из подземелья, родившуюся в чьей-то большой голове в сумерки, затмила все прочие версии, всколыхнув все этажи и чуть не доведя до принадка бешенства сайдада: только-только с помощью варвара он избавился от одной болезни, а ему уже предлагают другую! В конце концов, голова его не железная! Потому он благосклонно принял более простую версию, предложенную поваренком — Алму удавил Черный Всадник, жуткий бандит, монстр, кочующий по Турану на могучем вороном коне. Кумбар не стал напоминать мальчишке, что Черного Всадника — великана высотою почти в полтора человеческих роста — довольно трудно не заметить даже бестолковым бездельникам из дворцовой стражи, к тому же в городе он никогда не появлялся, а если бы появился, о том сразу стало бы известно всем.

История с Алмой осложнялась тем, что Илдиз, неудовлетворенный и от того расстроенный, заперся в своих покоях и приказал наружной страже никого к нему не впускать. Какие мысли могли бродить сейчас в его голове? Какое

решение мог принять он, не обладающий ни умом, ни хитростью? Кумбар опасался не гнева владыки, но его повелений, кои прежде так часто ему приходилось оспаривать вместе с Мишраком, искусно поворачивая разговор так, что Илдизу казалось, будто это он придумал новое решение сложного вопроса. Нынче только этого ему и не хватало. Был бы Мишрак...

При мысли о том, что убийца, возможно, бродит сейчас по дворцу, а то и распускает вместе с другими нелепые слухи, сайдад бледнел и покрывался холодным потом. Но что делать? Как найти преступника среди сотни сановников и слуг? Не написано же, в самом деле, на его роже: я убил, хватайте меня все!

Перед полуночью в глазах Кумбара двоились и троились допрашиваемые, виски ломило, а в голове грохотал молот. Отослав всех, он побрел, шатаясь, в свою уютную комнатку и там вскоре уснул. В отличие от несчастной Алмы ему виделись сны, в которых потоками лилась кровь, падали зарезанные и задушенные красавицы, а над ними, оскалившись, безумно хохотал Черный Всадник.

* * *

На удивление за весь разговор Конан выпил мало, всего пару кувшинов пива. Прежде Кумбар не видел его таким хмурым, но прежде и не убивали его любимую девушки. Сайдад морщился от жалости, глядя в потемневшие синие глаза киммерийца. Он отлично представлял себе ту боль, рвущую душу, которая, вероятно, мучила сейчас варвара.

Старый солдат ошибался. Конана не мучила боль, и ничто не рвало его душу. Тяжелая и темная злоба, охватившая его всего, заменила все прочие чувства; он не мог переварить ее, как желудок не мог переварить булыжник; не ярость, что ослепляет и наносит удар прежде, чем нанесет его противник, но именно злоба, наоборот прояснившая взгляд и мысли.

То же он чувствовал, когда погибла Мангельда, но тогда его злоба была направлена на самого себя, ибо именно он

с бравадой молодости вызвался проводить девочку до Желтого острова и помочь ей отобрать вечнозеленую ветвь маттенсай у Гориллы Грина, а потом напился подобно асгардскому богу Быку и уснул — без чувств, словно мертвый. Словно... Потому что он-то наутро пробудился, а вот Мангельда нет...

Конан видел сейчас Кумбара особенно отчетливо, видел его добрые, блеклые и, он только теперь заметил, близорукие глаза, глядевшие на него с опаской и с сочувствием. Реакция варвара на сие последнее всегда бывала одинаковой — он раздражался и готов был выразить раздражение действием; теперь же он лишь передернул плечами, отвернулся. Расчетливый мозг его не тратил время на воспоминания о погибшей Алме — он уже искал ее убийцу.

— Если бы я знал, кто мог это сделать, — тихо произнес сайдад, словно прочитав мысли киммерийца, — сам задушил бы ублюдка. Такая девушка... Лучшая из лучших...

Но киммериец не склонен был разделять с Кумбарам переживания.

— Ты слышал про Озаренных? — буркнул он, припадая губами к узкому горлу кувшина.

— Нет, — удивленно помотал головой сайдад.

— Это такие парни... Кром, я и сам мало что знаю про них. Живут они в горах на границе Стигии и Турана. Я там не был, но мне рассказывал один... один мудрец, путешественник... Там что-то вроде храма, а при нем деревня — большинство жителей стигийцы, но есть и кхитайцы, и туранцы, и аквилонцы... Бог у них — Умбадо, козел с кетушиным гребнем и человеческими пальцами вместо копыт. Гнусный ублюдок...

— Погоди, Конан. — Сайдад, до сих пор слушавший с недоумением, наконец решился проявить недовольство. — При чем тут этот козел и... и Озаренные? Ты забыл про Алму?

— Прах и пепел! Я ничего не забыл! И если ты помолчишь немного, то все поймешь!

Вспышка киммерийца, неожиданно яростная, удивила Кумбара, но более возражать он не стал, мысленно поблаго-

дарив судьбу за то, что Конан не служил под его начальством — стычка была бы неизбежна, и чем могла она закончиться, ведомо одним богам. Он не понимал, что и до сих пор Конан сдерживал себя с трудом, выговаривая слова тихо, медленно и четко; взрывная натура его вовсе не предполагала спокойного высиживания в кабаке в то время, как убийца его подруги разгуливал на свободе. Но сейчас, наученный опытом (иной раз горьким), он знал, что торопливость хороша далеко не всегда и не во всем. Сила его никуда от него не денется, а потому сначала надо подумать, как лучше сей силой воспользоваться, а главное — против кого ее направить.

Не часто удавалось Конану провести в жизнь эту умную мысль, но теперь удалось. Потому он загнал глубоко внутрь всю ярость, вдруг пlesenвшую на поверхность, и вновь стал мрачен, но спокоен и рассудителен.

— Слушай, сайдад. То, что я говорю, ты потом должен будешь повторить — не мне, Илдизу...

— Что? — поперхнулся Кумбар, но, увидев глаза варвара, из синих ставшие вдруг фиолетовыми, умолк, кивнул согласно и жестом просил продолжать.

— Вторую половину каждого дня Озаренные проводят в молитве Умбадо. Они ни о чем не просят его, только восхваляют да еще рассказывают ему о себе — что делали нынче, о чем думали, о чем беседовали и с кем. По истечении двух лун они приносят в жертву Умбадо младенца, родившегося за это время, на ночь зажигают огромный, высотой в дом, костер и расходятся по домам. Теперь несколько недель они вовсе не будут молиться.

И тут-то — слушай внимательно, приятель! — начинается самое интересное. Все, что хотели узнать Озаренные (помнишь, они рассказывали Умбадо, о чем думали), открывается им на протяжении следующей луны.

Тут Конан замолчал и вопросительно посмотрел на сайдада.

— Ну? — пожал плечами старый солдат. — А зачем это Илдизу?

— Кром... Только Озаренный сможет найти убийцу!

— Кром... — машинально пробормотал сайдад. — Кром! Отлично придумано, парень! А как вытащить Озаренного из деревни?

— Не надо никого вытаскивать. Я и есть Озаренный.

— Ты-ы-ы? — Изумлению Кумбара не было предела. За миг взгляд его, обращенный на киммерийца, исполнился еще большего уважения, чем прежде. Кажется, он даже дополнился благоговением.

— Тыфу! — в сердцах сплюнул варвар. — Конечно, я не Озаренный. Или ты можешь представить меня молящимся?

Несмотря на некоторое разочарование, Кумбар ухмыльнулся, и в самом деле попытавшись представить молящегося варвара.

— Ну вот, — правильно отреагировал на его усмешку Конан. — Я должен попасть во дворец как Озаренный, понял? А дальше уже мое дело. Я точно знаю, что Алму прикончил кто-то из вашей шушеры. Больше некому. Клянусь Кромом, я найду его. Найду и...

Синие глаза киммерийца вдруг отразили такую дикую первобытную ярость, что сайдад невольно покрылся мурашками.

— Э-э-э... Я все понял, Конан. Ты это хорошо придумал, — вяло забормотал он, пока еще не слишком вникая в смысл плана приятеля. — Я расскажу владыке. Завтра же...

— Сегодня, — решительно мотнул головой Конан. — А завтра я уже должен быть во дворце.

Он допил остатки пива из кувшина, махнул рукой Кумбару и вышел из «Слез бедняжки Манхи», с присущей ему деликатностью позволив сайдаду снова оплатить счет.

Глава четвертая

Новый чудесный день пришел в Аграпур. Яркое солнце повисло в чистом голубом небе, и стайки белых легких облачков медленно плыли под ним. Южный ветерок, такой слабый, что казался скорее случайным сквозняком, обдувал загорелые лица аграпурцев, кои, вопреки ожиданию, были сумрачны и торжественно строги.

Именно так подействовали на жителей великого и славного города слухи, просочившиеся из дворца Илдиза Туранского. Справедливо считая, что Аграпур, а не жалкий Султанапур и уж тем более не Хоарезм, есть истинная звезда Турана, этой огромной империи, что, в свою очередь, является настоящей жемчужиной всего мира, они испили до дна всю чашу позора, узнав, что в самом императорском дворце злоумышленник осмелился совершить преступление, и какое! Он посягнул на священную жизнь невесты Илдиза Великолепного! Разве возможно вынести сей позор честному гражданину?

Потому и окрасился чудесный солнечный день в черный цвет — цвет траура. Аграпурцы скорбели об утраченной чести своей, ничуть не сомневаясь, что и в их прекрасном городе найдется змея, которая выдаст их страшную тайну чужеземцам. Впрочем, немало чужеземцев уже сейчас, как и в любой другой день, бродило по улицам города, так что никакой тайны уже не существовало. Ее не существовало с самого начала, когда возле тела убитенной Алмы стояла толпа придворных, и среди них юный лютнист-ак-

вилонец, бродяга, повидавший весь свет и наверняка не имеющий намерения оставаться навсегда в Агралуре. Он один мог разнести позорную весть по миру, что уж говорить о прочих...

В тавернах и лавках, на улицах и базарах, в бедных домах и богатых, говорили нынче о том, что произошло во дворце. И снова люди выдвигали всевозможные версии, клеймили убийцу, сетовали на жизнь, полную опасностей в нелегкое это время, и все как один сходились на том, что позор всему Турану принесет не столько само преступление, сколько забвение его — из этого следовало, что необходимо найти злоумышленника, продемонстрировать его всему миру, а затем и казнить, не особенно милосердствуя.

А потому, узнав о появлении во дворце одного из Озаренных, призванного раскрыть тайну убийства, честные агралурцы воспрыли духом, просветлели лицами и без счета воздавали хвалу Эрлику и пророку его Тариму за удачное решение проблемы.

Люди, имевшие счастье лицезреть Озаренного собственными глазами, описывали его по-разному. Одни считали, что он высок и аскетично тощ, а под длинной хламидой на боку его ясно вырисовываются очертания огромной секиры; другие говорили, что он низок и толст, голову имеет круглую и лысую,олосом обладает писклявым и при этом довольно угрюм — эти, без сомнения, приняли за Озаренного евнуха Бандурина, тут же были осмеяны и отправлены прочь; третий толковали об исполнине с длинной седой бородой и седыми же усами, но волосом на голове черным, с глазами синими и удивительно юными, с плечами широкими и руками крепкими, и вообще, как считали эти самые третьи, Озаренный очень напоминал с виду Конана-киммерийца, наемника армии Илдиза Туранского, широко известного в городе буйным, но справедливым нравом своим, необузданной дикой силой да любовью к вину и к женщинам.

Надо сказать, что последние, безусловно, были совершенно правы, ибо в роли Озаренного выступал не кто иной, как варвар собственной персоной. Маскарад был противен ему,

но другой возможности попасть во дворец, а главное — по распоряжению самого императора спрашивать, смотреть и даже пытать с полным на то правом, у него не было.

Пришлось привыкать к приkleенным усам и бороде, мириться с тем, что кожа под ними сильно чесалась, и учиться говорить степенно, когда так и хотелось зарычать и поклясться Кромом. Впрочем, раз увидев в зеркале свое новое отражение, Конан неожиданно для себя самого остался вполне доволен. Озорная молодость все еще играла в его жилах — да и то сказать, ему недавно исполнился двадцать один год, каковую цифру лишь он один в Агралуре считал возрастом зрелого, уже склонного к мудрым морщинам мужа; приключение сие ничем не походило на прежние — ни сила его, ни ловкость, ни прочие умения, свойственные воину, в данном случае, кажется, не требовались. А в общем, они и так не требовались.

Ни войны, ни междоусобицы ныне не тревожили мира могущественного государства, так что жизнь наемника была порядком скучна, и в глубине души, несмотря на печальный повод, киммериец был рад возможности поразматься, показать, на что способен бывший шадизарский вор. Опыт, приобретенный им в этом городе, в воровском квартале Пустынка, уже не раз выручал его, так пусть же выручит и теперь.

Спустя всего половину дня он понял, что усы и борода еще не самое тяжелое испытание для его выдержки. От благоговейных взглядов придворных ему становилось поистине тошно, а работенные заискивания потенциальных подозреваемых заставляли его сжимать под хламидой кулаки и скрипеть зубами, что пугало окружающих до полусмерти.

Таинственный Озаренный, ступивший на территорию дворца, мгновенно стал самой известной фигурой: о нем говорили, о нем спорили, обсуждали его одежду, походку, взгляд и нрав, стремились, и в то же время опасались попасться ему на глаза. Каждый искренно верил в то, что пришелец сумеет разгадать загадку, но втайне каждый боялся, что преступником окажется именно он.

Такова уж природа — думал привыкший последние дни философствовать Кумбар, — скажи авторитетный человек черному как ночь кушиту, что он бел и светловолос, и он поверит; скажи юному солдату все войско, что он заслуженный ветеран, потерявший правую руку на поле боя, и он поверит — заплачет от разрывающих душу сомнений, но поверит.

Так и тут: укажи Озаренный пальцем хоть на парализованного дедушку двоюродной тетки Илдиза, что уж третье десятилетие лежит без движения в маленькой комнатке на верхнем этаже дворца, и тот поверит, что ночью спустился вниз и задушил красавицу, в жизни не виданную им ни разу, и все поверят, удивятся, конечно, но поверят... Тыфу... Как же все это мерзко. Старый солдат в унынии посмотрел на Конана, который изо всех сил пытался почесать под бородой, и налил ему еще вина.

— Уверен ли ты в силах своих, о варвар? — спросил Кумбар с печалью в голосе.

— Кром! — рыкнул Конан, поперхнувшись первым же глотком. — Речь твоя, сайдад, напоминает мне кучу дерма — такая же вязкая и вонючая. Ты можешь говорить просто?

— Я-то могу, — обиделся Кумбар. — Но такому седобородому старцу, как ты, вовсе не следует говорить просто. Всяк, кому придет в голову проверить, в казарме ли Конан-киммериец...

— Он в деревне под Шангарой... Ты же сам послал его туда... А я — Озаренный!

Варвар приосанился, поглаживая длинную бороду жесткого волоса, взглянул на свое отражение в зеркальную гладь винного озерка, окруженного серебряными берегами чаши.

— Похож?

— Я, что ли, видел настоящего Озаренного? — буркнул сайдад. — Старик как старик... Вот только пить тебе сейчас надо побольше... Глаза сверкают — как у молодого. А выпьешь, так они и замутятся. И хорошо, если еще и заслезятся...

— Я не так стар, чтоб у меня слезились глаза, — недовольно заметил Конан. — Ты лучше делом займись, а не меня разглядывай...

— Я готов, — со вздохом ответствовал Кумбар, с трудом отводя взгляд от вислых усов приятеля. — Кого прикажешь доставить к тебе для допроса?

— Того, кто нашел ее.

— Ф-ф-ф... Этого жирного ублюдка... — Сайдада передернуло. — Что он может знать?

— Прах и пепел! — сурово прорычал варвар. — Кто Озаренный? Я или ты?

— Ты, — грустно согласился сайдад.

— То-то же! Таси сюда жирного ублюдка!

* * *

После ухода Кумбара Конан вновь погрузился в мрачные думы свои. Он вспоминал нежные пальчики Алмы, ее чуть насмешливый, но ласковый взгляд чистых глаз, голос, словно созданный для того, чтобы шептать слова любви... Теперь душа ее бродила по Серым Равнинам с сотнями тысяч таких же невинно убиенных и жаждала отмщения... Хотя Конан сомневался в том, что она действительно жаждала отмщения. Алма была добра сердцем и мягка нравом.

С раннего утра и до позднего вечера к дому ее устремлялись нищие и убогие со всех концов Аграпура, среди которых — Конан видел сам — было полно притворщиков, к тому же не слишком удачно играющих свою роль. Алма не отличала их и отличать не желала; для нее все были одинаково несчастны, и каждого дарила она улыбкою, добрым словом, монетой, свежей лепешкой с сыром... Так что Алма — решил варвар — уже простила того, кто отправил чистую душу ее в холодный мрак Серых Равнин. Зато он — не простили, и если уж кто и жаждет мщения, так это он, Конан.

На миг вспомнил он, как ухнуло сердце в груди при виде хрупкого, неживого тела ее, и вновь ощутил такой же удар, сменившийся затем ноющей, подсасывающей болью

где-то над лопatkой. Непроизвольно расслабленные мышцы его вдруг напряглись, сильные пальцы сжались, словно коснулись уже шеи убийцы... В глазах киммерийца потемнело. Еще чуть, и из глотки его вырвался бы тот дикий звериный рык, что достался ему в наследство от самой природы, ибо был он ее сын — первобытный, первозданный, рожденный землею и водой, так часто льющейся с неба Киммерии, оставшийся в живых после того, как посмотрел на него, тогда младенца, взглядом-молнией суровый северный бог Кром...

— Хм-м-м... — прервал мысли варвара сиплый голос Кумбара.

Конан поднял глаза, темно-синие, почти черные, окинул тяжелым взглядом сайдага и стоящего за ним жирного коротышку.

— Выполняя волю твою, Озаренный... — продолжил озадаченный несколько Кумбар. — И волю козла твоего... то есть бога твоего Умбадо... Вот... тот, кто нашел девушку...

Он оглянулся на евнуха и прошипел сквозь зубы:

— К стопам! К стопам припади!

Бандурин рухнул на пухлые подушки колен и проворно пополз к ногам Конана, обутым в кожаные солдатские сандалии. Варвар едва успел спрятать ноги под кресло, брезгуя мокрых губ скопца и его самого в целом.

— Прочь!

Громовой голос Озаренного в мгновение остановил передвижение евнуха и заставил его в ужасе отпрянуть.

— А ты... — Конан величественно протянул руку, пальцем указывая на сайдага. — Понес вон!

Кумбар приподнял брови и удивленно — ибо это была его комната, — с легкой укоризной посмотрел на киммерийца.

— Ну и ну... — пробормотал он, удаляясь. — Вот и пускай во дворец таких...

С облегчением варвар проводил взглядом Кумбара: при нем он в любой момент мог сбиться с игры и расхохотаться, а сего допустить было никак нельзя. Тем не менее остался наедине, пусть и в одной из лучших комнат дворца, с

жирным воючим скопцом представлялось ему тоже удовольствием не из приятных.

Но — делать было нечего. Евнух, шныряющий по всем этажам, должен знать побольше других, а ради открытия тайны Конан готов был даже дотронуться пальцем до его пухлой волосатой руки. Потому он сдержал гrimасу отвращения, криво улыбнулся и кивком велел евнуху сесть в кресло.

Дрожа, Бандурин исполнил желание Озаренного, промстил обширный зад свой на краешке кресла, чуть не сверзясь при этом на пол, и преданно уставился в синие, на удивление молодые глаза.

— Поведай мне, о верблюжий горб... как возлежала убиенная девица... — с запинкой начал варвар, мгновенно покрываясь потом в попытке составить правильно непривычные слова, — что у нее висело... на лилейной шее...

— Удавка висела, — с готовностью ответствовал скопец, подаваясь вперед. — То есть не висела, а тут же валялась... Длинный такой шнурок, шелковый.

— Грм... А девица возлежала как?

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Возлежала хорошо, — промямлил Бандурин, не в силах уразуметь вопроса. Как же можно возлежать? Обыкновенно. Как все возлежат на ложе своем. Он бросил опасливый взгляд в суровые синие очи Озаренного и тут же благочестиво опустил голову, сложил руки на коленях.

Едва сдержав злобный рык, Конан удовольствовался тем, что про себя обозвал евнуха воючей задницей, шкурой шелудивого осла и дерымом нергалова отродья. Но следующий его вопрос поверг бы в недоумение и мудреца, прочитавшего сотни книг.

— Каковы очи ее были и куда таковые очи сии направлены были?

Бандурин начал стремительно багроветь. Из всего вопроса он понял только слово «очи», и теперь ему следовало как-то распорядиться этим словом, чтобы Озаренный остался им доволен.

— Оч... — просипел несчастный скопец, — очи сии буде
страстны... Лесом густым покрыты...

— Хр-р-р... — зарычал подобно льву седобородый ста-
рец, сверкнув своими юными синими глазами. — Каким
лесом, навозная куча? Каким еще лесом?

— Лесом ресниц, — робко пояснил Бандурин.

Конан задумался. Евнух явно не понимал его запу-
танных речей, хотя несомненно старался: от натуги крас-
ный словно роза в императорском саду, он так вращал
маленьными глазками, что они грозили вот-вот вывалиТЬ-
ся из орбит. Испустив тяжелый вздох, заставивший Бан-
дурина подпрыгнуть в кресле, киммериец продолжил
допрос.

— Каковая собака шныряла возле тела убиенной деви-
цы?

— Собаки не было, — воспрял духом скопец, впервые
уловив смысл речей Озаренного. — Эрликом клянусь, гос-
подин, ни единой собаки не было!

— Под собакою человека разумел я, дурень! — сквозь
зубы прощедил варвар, приподнимая полу хламиды и выти-
рая ею взмокший лоб.

— Деву ли? Мужа? — деловито осведомился Бандурин
и осмелился наконец поднять глаза на Озаренного.

— Все равно, деву или мужа! Говори, жирная курица,
был кто в ее комнате или нет?

— Никого, — доложил скопец, ничуть не оскорбленный
«жирной курицей». — Ни единой собаки!

— Какой собаки? — заревел Конан, поднимая огромный
кулак и поднося его прямо к короткому пятаку евнуха.

— Под собакою человека разумел я, господин, — пропи-
щал бедняга. По лицу его ручьем лился пот ужаса; руки
дрожали, и все волоски на них вздыбились; ягодицы по-
крылись зябкими мурашками и зачесались. С мольбою
обратив взгляд на Озаренного, евнух бухнулся на колени и,
не успел Конан отодвинуться, припал к босым пальцам ног
его мокрыми губами.

Последовавший за этим удар отбросил скопца к про-
тивоположной стене, но не убил, так что пару мгновений спустя

Бандурин, успокоенный и даже умиротворенный, смог за-
нять свое место в кресле.

— А теперь, — зловеще ухмыльнувшись в бороду, про-
изнес Конан, — говори мне всю правду. Всю, тучный червь,
не то я тебя скормлю нашему козлу... то есть нашему богу
Умбадо!

Бандурин затрясся.

— Да что говорить-то, господин? — Он тоскливо огля-
делся, словно надеясь узреть в этой комнате нечто, способ-
ное помочь ему понять хитрые речи Озаренного.

— Правду! Я все знаю! Все! — гремел киммериец, со
вкусом входя наконец в свою роль. — Ты! Скопец! Посяг-
нул! На...

Евнуху стало дурно. На миг встало перед ним чистое
нежное лицо Диниса, и несчастный содрогнулся.

— Грешен! Грешен, господин мой! — возопил он, уже
совсем ничего не соображая. — Алкал чужого тела я, нич-
тожный раб! Но был отвергнут... И тогда взял я шелковый
шнурок и...

— Что?..

Ошеломленный внезапным признанием, киммериец за-
стыл в кресле, чувствуя, как сердце остановилось на миг, а
затем застучало в удвоенном темпе. Не отрывая глаз от
жирных волосатых лап скопца, он представлял, как тяну-
лись они к нежной шее Алмы, как дрожал зажатый в
потных пальцах шелковый шнурок...

— Грешен! Грешен! — визжал Бандурин, раскачиваясь в
полубезумии. — Алкал чужого тела я...

Конан встал, но не успел сделать и шага к распластер-
той на полу туще евнуха, как дверь распахнулась, и в
комнату вбежал Кумбар с двумя стражниками. Молча
схватили они несчастного скопца под руки, молча потащи-
ли вон...

Долго еще доносились из коридора визги преступного
евнуха. С тяжелым сердцем варвар смотрел на закрытую
дверь; он не ощущал победы, лишь какое-то опустошение —
словно все чувства вылетели из его души на время, оставил
после себя одни воспоминания.

— Вот и закончилась эта история,— сопя, подвел итог Кумбар.— Не ожидал я, что из твоей затеи, варвар, что-то получится.

— Я и сам не ожидал,— пожал плечами Конан.— Ты подслушивал за дверью?

— Ну,— легко согласился сайдад.— Было очень интересно. Правда, я так и не понял, какие очи тебе понадобились от жирного ублюдка, но...

— Очи, очи...— ворчливо перебил его киммериец.— Дались вам эти очи... Кром, ну и бестолковый же народ в Туране! Ты принес вина?

Кумбар с улыбкой фокусника полез за пазуху, выудил оттуда огромную бутыль и водрузил на круглый столик посреди комнаты.

Но даже вино чудесного рубинового цвета, заключенное в прозрачном сосуде и сулящее высокие мгновения покоя и свободы, не облегчило душу варвара. Он выпил первую чашу с сумрачной ухмылкой на губах, затем вторую... А когда, храня молчание, приятели допивали третью, в дверь тихонько постучали.

— Ну? — отозвался Кумбар, недовольный тем, что кто-то осмелился прервать священное действие.

Дверь открылась, и в комнату робко ступил юный лютнист. Лицо его было бледно, синие глаза потускнели; не-ловко держа лютню обеими руками, он прислонился к стене и исподлобья посмотрел на Конана.

— А тебе что надо? — грозно прогрохотал Кумбар, поднимаясь.

— Проходи,— сказал варвар, ногой подвигая к столу высокий табурет.— Выпей с нами, Диния.

— Диния?..

* * *

Выпучив глаза, сайдад в изумлении смотрел на хрупкую фигурку лютниста, пытаясь отыскать в ней какие-то признаки женщины, но так ничего и не нашел. Просторная одежда без труда скрывала то, что было,— если там действительно что-то было,— и Кумбар с гордостью подумал,

что восточные женщины все же несравненно пышнее прочих, а значит, и желаннее, и горячее. А эта девушка, хотя и выглядела довольно мило, все же, по мнению знатока женщин, вызывала скорее жалость, нежели желание. Он со вздохом налил ей вина в чашу Конана и, подперев голову рукой, стал смотреть, как она пьет: осторожными маленькими глотками, боязливо поглядывая на варвара, а на сайдада и вовсе не осмеливаясь поднять глаз.

Когда в чаше ее осталось не больше половины, Кумбар с удивлением обнаружил, что жалость его куда-то пропала, уступив место иному чувству. Он уже иначе взирал на изящные гибкие руки ее и тонкие пальцы, длинную белую шею, нежный овал бледного лица, синие, чуть светлей конановых глаза в пушистых ресницах, рыжеватые стрелки бровей... Определенно, Диния начала ему нравиться. Запыхавшись, сайдад выхватил из-под носа у киммерийца бутыль и подлил девушке еще вина. Она выпила, и щеки ее порозовели. Тогда наконец Кумбар решился нарушить молчание.

— Что привело тебя к нам, красавица?

— Я... Я хотела видеть Конана...

Старый солдат с укором взглянул на невозмутимо прильнувшего к горлышку бутыли варвара, вновь обратился к Динии.

— Зачем он тебе, милая девушка? Он молод и неопытен, он не сможет дать тебе всего, что... Хм-м-м... Что может дать зрелый муж, отмеченный... А почему ты переоделась в мальчика? — встрепенулся вдруг сайдад, вспомнив наконец о своей службе.— И что тебе надо во дворце?

— Мне ничего... Я... Я играю на лютне...

— Это мне известно,— сурово продолжал Кумбар.— Но сие не причина для подобного богопротивного действия

— Причина,— тихо возразила Диния, не поднимая глаз.— Женщинам не разрешается играть на лютне.

...В рубиновой лужице на белом мраморе столика отразился солнечный луч, сверкнул и снова пропал. Киммериец спиной ощущал облако, закрывшее солнце; казалось, стоит ему встать и протянуть руку в окно, и он сможет дотро-

нуться до этого облака, оттолкнуть его от яркого желтого шара... Вдруг запульсировала на шее Конана жилка, и он прижал ее пальцем, удерживая горячий ритм крови... Чего-то здесь было не так — наконец-то понял киммериец, — в чем-то он ошибся... Чутье, то самое первобытное, врожденное, истинно варварское чутье никогда еще не подводило его, и теперь не должно. Недаром толчками поступала в его голову кровь... Словно история эта не закончилась, а оборвалась на половине, а значит... «И тогда взял я шелковый шнурок»... Нет, что-то здесь определенно было не так.

— ...А в Аквилонии и вовсе говорят, что лютня — это инструмент Нергала, так что даже мужчинам нельзя на ней играть, что уж говорить про женщин...

— Это правильно, — важно согласился сайдад. — Женщины должны заниматься мужем, домом и детьми.

— У нее нет ни мужа, ни дома, ни детей, — вмешался Конан. — Оставь ее, приятель. Пусть девочка делает то, что ей нравится.

Кумбар напыжился, скептически посмотрел на обоих.

— Коли каждый будет делать то, что ему нравится, — поучительно произнес он, — то мир наш, покоящийся на теплой спине слона, скоро разрушится!

— С чего ты взял? — фыркнул варвар. — Клянусь Кромом, эту байку тебе сообщил наш многомудрый Илдиз... Мир, чтоб ты знал, поконится на ходячей спине черепахи, которая стоит в море и когтями упирается в морское дно. И если каждый будет делать то, что ему нравится, черепаха станет приятно, только и всего.

Диния улыбнулась, поняв, что Конан дразнит сайдада, но тут же улыбка на тонком лице ее сменилась выражением страха.

— Хей, девочка, что случилось? — Киммериец протянул руку и легко тронул белокурую прядь ее волос.

— Я боюсь...

— Чего? — спрашивал Кумбар, пытаясь заглянуть ей в глаза.

— Кого? — уточнил вопрос Конан.

— Всех... Мне кажется, кто-то хочет меня убить... Как Алму...

— Ты знала Алму? — поинтересовался сайдад.

— Да. В тот день, когда ты отправил ее к родителям... Она пришла ко мне. Она сразу поняла, что я женщина. Ей пришлась по душе моя музыка и... Мы подружились... Она рассказала мне все, Конан. Она так любила тебя...

Суровое лицо варвара помрачнело. Он с силой рванул нелепую бороду, прилипшую к его подбородку, отшвырнул ее в сторону; потом оторвал и усы. Схватив со стола бутыль, в два глотка допил остатки вина и отправил пустой сосуд вслед за фальшивой бородой. Мрак в душе его, чуть развеявшийся в течение легкой беседы, вновь сгустился. Словно наяву услышал он звонкий ласковый голос Алмы: «Что же делать, любимый? Что же делать?» Она ждала от него помощи, верила ему, а он... Не смог помочь или не захотел?

Глаза Конана сузились. Сейчас он был не на шутку разъярен, но, как это бывало чрезвычайно редко, ярость его была обращена не на врага, а на себя самого. Он давно научился сознавать и соизмерять свои силы и потому отлично знал, что если бы он и вправду любил Алму, он смог бы помочь ей, и, наверняка, без особого труда. Неприятность заключалась в том, что он ее не любил, и тем тяжелее казалась ему собственная вина перед бедной девушкой. Неужели она не имела права на его защиту только потому, что была одной из многих? Та же Диния — разве она не имеет права просить его о помощи только потому, что кроме нее у Конана полно подружек? Диния...

Конан увидел ее в «Маленькой плутовке» за два дня до происшествия. Короткого взгляда на нее было достаточно для того, чтобы понять: не юный лютнист потягивает пиво из большой кружки, но юная лютнистка. В облике Динии, в самом строении ее фигуры киммериец мгновенно уловил некое сходство с Мангельдой, девочкой из племени антархов, погибшей на постоялом дворе в горах Кофа. Та тоже была переодета в мальчика, но по своим причинам... И в то же время Конан видел, что сходство это только внешнее:

надорванность Мангельды, ее тоска и боль никак не подходили к синим пронзительным глазам этой юной красотки. Варвар не стал долго разглядывать ее. Просто подошел, присел рядом, спросил: «Ты откуда, девочка?» Она покраснела, на мгновение замешкалась, но потом все же ответила: «Из Аквилонии...» Конану понравилось тогда, что она не стала спорить с ним и отрицать очевидное. Он принес за ее столик свои кувшины с пивом, а ночью ушел с ней...

Неожиданно для себя Конан на мгновение почувствовал вдруг ту боль, какую могла испытать Алма, узнав, что она была всего лишь одной из многих. И все же в последнее время Алма занимала в его жизни особое место. Никто не отдавал ему столько любви и тепла... Вздрогнув, Конан обратил взор на застывших собеседников. Оба смотрели на него с неподдельным участием, ожидая, когда боль отступит от сердца его. Киммериец не стал им объяснять, что то была не боль, а вина — чувство жестокое и мстительное, способное раздавить человека... Он ответил им долгим взглядом, потом усмехнулся и сказал:

— А что, Кумбар, не сходить ли нам в «Маленькую плутовку»?

— Лучше в «Слезы бедняжки Манхи», — мотнул головой Кумбар, поднялся и, пересчитав в поясном узелке монеты, довольно подмигнул приятелям. — На всех хватит! Вперед!

Глава пятая

Темный подвал аграпурской темницы, мрачный и сырой как все подвалы мира, был полупуст. Кроме несчастного Бандурина здесь коротали дни до казни еще трое преступников: заимодавец, отравивший наскучившую ему супругу, нищий, перерезавший горло другому нищему прямо на ступенях меселе — храма доброго бога Аххада, и сапожник, воткнувший нож в сердце капризному заказчику. Бандурин смотрел на них со страхом и презрением, полагая, что эти люди заслуживают самой жестокой кары, ибо — по мнению умного евнуха — всякое убийство должно быть наказуемо, и непременно смертью.

О своем собственном преступлении он старался не думать, заполняя долгий день мечтами о Динисе, а отход ко сну молитвами. Но один вопрос не давал покоя скопцу: зачем он удавил эту девчонку? Если лютнист и в самом деле был в нее влюблен, то следовало лишь немного подождать — она перешла бы на половину императорских жен и доступ к ней имел бы только Илдиз да он, евнух. В злобе на Эрлика, который подстроил ему такую хитрую ловушку, Бандурин кусал ногти и тихонько подывал, не обращая внимания на недовольство соседей. Впрочем, те и сами беспрестанно стонали, хныкали, рыдали и наперебой громко клялись в своей невиновности, надеясь, что стража услышит их и, может быть, освободит. Стража безмолвствовала.

Ровно в полдень узников кормили. Кусок хлеба, апельсин и кружка воды — все, что получал евнух за целый

день. Он отошел — если можно так сказать про толстого, как свиноматка, скопца; жиры его обвисли, щеки тоже; живот утробно урчал, требуя пищи — под эту музыку Бандурин засыпал, под нее и пробуждался. Не раз приходили в голову его преступные мысли вроде похищения апельсина у бледно-зеленого и потому очень противного заимодавца, который даже из нехитрой темничной еды умудрялся сэкономить кусочек с целью затем продать его собратьям по несчастью.

А так как ни один пленник здесь ничем не владел, кроме собственной одежды, ее и отдавали в обмен на крошечный, с пол-ладони ломоть хлеба, апельсинную дольку, глоток воды. Зачем приговоренному к казни ростовщику понадобилась одежда — Бандурин понять не мог, но все же и он однажды снял с себя роскошные туфли с загнутыми вверх носами и молча сунул их в костлявые руки, получив взамен хлебную корку и тут же с жадностью ее проглотив. На воровство он так и не решился.

Пшел всего пятый день пребывания скопца в темнице, но ему казалось, что минуло уже не меньше луны — однобразие не тяготило его, но пугало. Жизнь словно замерла. Без солнца, без луны, в застоявшемся смрадном воздухе подвала пленники ощущали себя уже на Серых Равнинах, но если бы судья предложил им заменить казнь пожизненным заключением, они согласились бы не раздумывая. Умирать не хотел никто.

Пожалуй, один Бандурин, все больше и больше погружавшийся в собственные мысли, о предстоящей казни думал без содрогания: не представляя тело свое отдельно от головы, он твердо верил в справедливость небес, которые узят в душе его мир и отведут руку палача. Думы сии были приятны; евнух даже прослезился, представляя свою беседу с богами и дальнейшее существование под их охраной; растревоженная фантазия начала наконец работать, и узник увлекся долгими дружескими разговорами с самим Илдизом, что полюбит его, конечно, больше Кумбара и Гухула, посещениями храмов Эрлика и мерселе Аххада, где жрецы будут устремляться к нему с вопросами и просьба-

ми дать умный совет... Постепенно Бандурин весь ушел в спасительные мечты, не забывая при том из живых одного только Диниса: ему он отводил почетное место рядом со своей особой, его знакомил с Илдизом и жрецами, с ним выходил в народ и на его глазах судил, мирил и наказывал.

Соседи беспокоили скопца все меньше и меньше. Он попросту не замечал их, этих ничтожеств, недостойных и короткого взгляда почтенного и уважаемого всеми евнуха. Стражник, подающий ему очередной жалкий пай, не удивлялся отсутствующему виду пленника — за время долгой службы он встречал много таких же, отвергнувших реальность и заменивших ее бесполезными фантазиями.

Потом, когда по велению суды они все же, вопреки ожиданию, отправлялись на Серые Равнины, пелена падала с глаз, и они, словно проснувшись, начинали страшно вспить и биться в припадке ужаса у ног палача. Боги не желали им спасения, и только, наверное, стража темницы знала — боги и не видели этих несчастных, занятых то ли более важными делами, то ли вообще забывшие о рабах своих на земле.

Между тем приближался Байо-Ханда — день казни особо опасных преступников, назначенный на конец луны. Глашатаи напоминали о нем народу каждое утро, так что зрителей ожидалось немало. Все бледнее и мрачнее становились узники, все светлее делалось на душе старого скопца. Он стоял на самом пороге безумия, и, как ирочие, ему подобные, страстно желал лишь одного: поскорее сделать последний шаг — в эту бездну, где ничто уже не потревожит его покоя и тишины.

* * *

На половине невест было сумрачно. Даже благозвучная, чуть печальная музыка Диниса не обращала девушек к светлым думам. Привычное течение их жизни нарушилось; дни, полные приятных забот и пустых разговоров, остались в прошлом, и сейчас им казалось — навсегда. Страх, особенно жуткий душными, черными турецкими ночами, сковывал их кроткие души; маленькие сердечки бились с

непривычной силою, и каждый шаг, каждый случайный посторонний звук отзывался в них сначала сосущей пустотой, а потом барабанной дробью.

Древний Мальхоз — евнух, приставленный к императорским невестам вместо Бандурина, был совершенно глух, мал ростом и немощен, так что на его помощь рассчитывать не приходилось.

И ни на чью помощь рассчитывать не приходилось, ибо после страшного убийства Алмы вся стража переместилась поближе к покоям Илдиза, что находились на другой половине дворца. С невестами же, кроме Мальхоза, был только юный Динис — днем, а ночью возле дверей густо хранил толстый старый стражник, коего никакими силами нельзя было разбудить. Однажды Ийна вышла к нему перед самым рассветом, напуганная стрекотаньем цикад и павлиньими воплями, но как ни тряслася его, как ни щипала, он даже не пошевелился.

Забытые всеми, девушки целые дни проводили в тягостном молчании. Только самая младшая и смешливая — Хализа — как-то скрашивала эту странную жизнь. Легкий нрав ее не выдерживал ни долгого страха, ни долгой тоски. Стараясь хранить на тонком свежем лице своем такое же скорбное выражение, как у остальных, она молча вышивала или смотрела в окно, и все же порой не выдерживала: то, что-то вспомнив, тихонько прыскала в кулак, а то и вовсе разражалась звонким заливистым смехом.

Товарки отвечали ей укоризненными взглядами, шикали, покачивали головами, и Хализа в смущении замолкала — с тем, чтобы через пару-другую вздохов снова пискнуть и захихикать. Так и теперь. Вдруг замерев с иглою в нежных пальчиках, она ахнула, повалилась на тахту и затряслася от беззвучного смеха. На этот раз не выдержала и Мина. Возмущенно поглядев на Хализу, она, неожиданно для самой себя, всплеснула руками и тоже захихотала, с каждым мгновением чувствуя, как уходит несвойственная и ей тоска и облегчается душа.

— Глупые курицы! — вскричала Баксуд-Малана, раскрасневшись от негодования.— Замолчите!

Но было уже поздно. Словно освобождаясь от чуждого их возрасту тяжелого молчания, все девушки с великой радостью подхватили этот бессмысленный, но весьма и весьма приятный смех. В конце концов даже Баксуд-Малана, самая старшая и самая рассудительная, не смогла удержаться от тихого — в платочек — хихиканья. Щеки красавиц заалели, глаза заискрились; в добром порыве кинувшись друг к другу, они завалились в кучу-малу и началась прежняя, такая милая детская возня.

С улыбкой смотрел на девушки старый мудрый Мальхоз. Он знал: ничто так не спасает душу, как освобожденный смех, а потому не стал призывать к порядку расшалившихся императорских невест. Закрыв глаза, он погрузился в привычную дрему — без мыслей и сновидений, и только где-то глубоко, у самого сердца, скреблась мягкими коготками старинная, так хорошо знакомая боль. Мальхоз давно уже не придавал ей никакого значения, ибо всякий одинокий старец испытывал то же самое, и поправить сие не представлялось уже возможным — следовало смириться и продолжать жить, иначе маленькая боль могла перерости в огромную, а с той справиться было бы гораздо труднее. Легко вздохнув, Мальхоз снова улыбнулся и уснул.

* * *

— Не путай меня, Конан, — сердито сказал Кумбар, отодвигая пустую бутыль.— Если не он, то кто?

— Надо поискать, — пожал плечами киммериец.— Я и сам не пойму, в чем дело, но... Прах и пепел! А что как этот жирный кастрат не убивал Алму?

— Он же сам признался! Ты слышал: «И тогда я взял шелковый шнурок...»

— Вот! Клянусь Кромом, тут что-то не так. Зачем он его взял?

— Ты удивляешь меня, варвар... Как «зачем»? Чтобы удавить...

— Кого?

...Кумбар едва сдерживал раздражение. Не понимая мотивов, коими руководствовался сейчас Конан в странном

стремлении начать заново всю историю, он желал поскорее напиться и покинуть «Маленькую плутовку». И даже Диния, которая молча потягивала пиво, не принимая участия в беседе, не могла сейчас его удержать.

Прошло всего несколько дней с тех пор, как он представил Илдизу убийцу, и его порядком подмоченная репутация чуть «подсохла» — владыка благосклонно выслушал верного слугу своего и допустил к колену с лобзаниями. А теперь киммериец хочет запустить колесо в обратную сторону! И если окажется, что преступник и в самом деле не евнух, Кумбар наверняка навсегда потеряет расположение Великого и Несравненного, тем более, что другого преступника у него нет... Потому-то, несмотря даже на присутствие Динии, которая нравилась сайдаду все больше, он хотел улизнуть отсюда: пусть варвар сам решает, что делать. Он, Кумбар, в этом ему не помощник.

Тем не менее он спросил:

— Ты хочешь опять прикинуться Озаренным?
— Кром! Конечно, нет. Игра кончилась, сайдад.

Конан был на удивление терпелив. Но, пытаясь объяснить Кумбару свои сомнения, он и сам толком не знал, что же все-таки не устраивает его в этой разгадке тайны преступления.

Тучный, вечно потный евнух, казалось, как нельзя более подходил на роль убийцы, если учесть, к тому же, что вряд ли о нем кто-нибудь пожалел бы после казни. И если бы с Алмой в действительности расправился он, варвар готов был сам воткнуть меч в его жирное брюхо, но — только сам, и только свой меч. Это соображение он незамедлительно решил повторить сайдаду в надежде на то, что тот наконец его поймет.

— Ты же не можешь сам казнить каждого преступника, — так ничего и не понял Кумбар. — Оставь, Конан. Эрликом клянусь, я устал от этой истории!

— Оставлю. Но только после того, как жирный боров выйдет из темницы... Хей, сайдад, не скрипи зубами. А вдруг не он удавил Алму? Тогда будет еще одно убийство, но только теперь на нашей с тобой совести.

Никогда прежде киммериец не считал ублюдков, отправленных им на Серые Равнины, но тут явно что-то было не так. Собственное упрямство и ему казалось глупым, что уж говорить о сайдаде. Конан отлично понимал состояние старого солдата — ведь из-за казни невиновного он мог лишиться всех благ, к коим привык уже во дворце; и все же, отводя глаза — первый раз в жизни! — от маленьких свинячьих глазок Кумбара, варвар настаивал на освобождении евнуха или, хотя бы, на новом его допросе.

— Будь по-твоему! — выдохнул сайдад, и на этот раз уже он отвел глаза от синих конановых льдинок. — Я прорвусь к нему. Но подумай: кому он нужен? Кто прольет о нем хоть одну слезу?

— А это уже не наше с тобой дело, — отрезал Конан, поднимаясь. — Идем!

Диния, за весь разговор не вымолвившая и короткого слова, смотрела им вслед с печалью. Сильные, здоровые мужчины, которым только воевать да веселиться с красотками, тратят драгоценное время свое на этого жирного ублюдка. Она не стала признаваться в том, что скопец принял ее за мальчика и влюбился, что посещал ее в караван-сарае и предлагал свое тучное грязное медвежье тело; она вовсе не хотела привлекать к нему излишнее внимание Конана. Бандурин уже достаточно наказан за свою наглость, так зачем же усугублять?.. Гораздо больше ее занимало другое: отметит ли наконец варвар ее влюбленный взгляд? Кажется, он ничего не замечает... А может, замечает? Может, просто нет в нем пока таких чувств, коих достаточно для истинной любви?

С глубоким вздохом Диния представила яркие синие глаза киммерийца, самую малость темней ее собственных. Как мечтала она однажды заглянуть в них и увидеть то, отчего сразу под сердцем похолодеет и приятная истома сдавит грудь... Увы, Конан одинаково смотрел на всех девушек, она успела это понять — чуть насмешливо, чуть ласково, а в мгновения страсти... Нет, она не видела его глаз в эти мгновения. Зато она ощущала его тело, его руки... Такие сильные, жесткие и... такие нежные... Никогда прежде

не приходилось ей так любить. Огромный могучий варвар с буйной гривой черных волос, с ухмылкой на твердых губах и суровым рубленым лицом, сплошь испещренным старыми и новыми шрамами, вдруг словно околдовал ее. В Аквилонии остался возлюбленный — Альнис, но и он для Динии сейчас был далек и ненужен, а образ его расплывчат, да и в памяти почти не возникал. Только одного Конана помнила она и хотела помнить, только его жаждала видеть, только к нему прикасаться кончиками пальцев, только его обнимать так жарко, насколько хватало сил...

Но он не стремился к ней. Диния всегда трезво смотрела на жизнь, а потому сейчас понимала, что для варвара она всего лишь одна из многих — эта формула ее пугала, и прежде она давала себе слово, что никогда ни один мужчина не заставит ее быть одной из многих, но... Жизнь все повернула по-своему.

Жизнь все поворачивает по-своему. Диния недавно догадалась об этом, приняла сию новость с грустной улыбкой и согласилась... Согласилась на такую жизнь, согласилась быть одной из многих, согласилась любить бесплатно... Только бы его не отняли у нее совсем. За это она готова была пожертвовать чем угодно... При этой мысли она внезапно вздрогнула, пожала плечами и затем кивнула сама себе: да, за это она готова была пожертвовать чем угодно... даже жизнью.

* * *

Низкорослый лупоглазый стражник с пышными усами и кривым носом привел Бандурина, приковал его к специальному крюку возле двери и с поклоном удалился.

Мрачно оглядел Кумбар несчастного евнуха, чьи жиры повисли так укоризненно, чьи румяные щеки так побледнели. На миг старый солдат и впрямь почувствовал укол совести, но только на миг. Безумие, мелькавшее в глубине зрачков сконца, еще раз подтвердило его уверенность в том, что Алму удавил именно этот тучный недоумок — разве решился бы на сей ужасный проступок нормальный человек?

Передернув плечами, Кумбар отошел к дальней стене, предоставив варвару лично вести допрос.

Теперь, когда не было необходимости притворяться и коверкать обычную речь, Конан надеялся вызнать истину. Он тоже заметил безумие в зрачках пленника, но, в отличие от сайдада, расценил его верно: в темнице, да еще перед казнью, простому человеку трудно сохранить ясный ум, особенно — про себя не удержался Конан — если такового ума от рождения не было. Бледнея в безучастное лицо евнуха, варвар словно надеялся сразу увидеть в нем ответы на все вопросы, ибо — и ему бы следовало это признать перед сайдадом — беседовать снова с вонючим жирным верблюжьим горбом ему совсем не улыбалось. С досадой сплюнув на каменный пол, киммериец прислонился спиной к стене, с удовольствием ощущив ее прохладу после уличного жаркого полудня, и, стараясь говорить отчетливо и просто, произнес:

— Ты помнишь Алму?

Низкий и гулкий, будто из бочки, голос варвара вывел евнуха из оцепенения. Он взглянул пустыми глазами своими в синь, плескавшуюся меж черных длинных ресниц, да так и зацепился за нее.

Бессмысленный неподвижный взгляд узника вновь поднял ту волну раздражения, которую еле утихомирил варвар перед приходом сюда.

— Я спросил: ты помнишь Алму? — прогремел он, забыв о фарфоровой хрупкости душевнобольных.

Но, как ни странно, лицо Бандурина несколько прояснилось. Он задвигал губами, явно силясь сообразить, кто эти люди и чего они от него хотят, перевел взгляд на сайдада, потом опять на варвара.

— Алму? — прощелестел он едва слышно. — Кто это? Ал-ма... Ал-ма... Ал-ма... Помню, — неожиданно заключил евнух с согласным кивком.

Конан оживился.

— Ты видел на ее шее шелковый шнурок?

— Да, — качнулся евнух.

— Это ты его... гм-м... туда положил?

— Нет...

— А кто?

— Не зна-ю... не зна-ю... — Муть снова начинала заволакивать его глаза.

— В ее комнате кто-то был? — заторопился киммериец, опасаясь, что скопец сейчас опять впадет в пристрацию.

— Н-н-е-ет...

— А зачем ты взял шелковый шнурок?

— Я был виноват, — прокричал вдруг Бандурин почти осмысленно. — Я алкал... чужой плоти... А он не захотел... Не захотел...

— Кто он? Чего не захотел?

— Он... Красивый и отважный орленок... Моей плоти не захотел...

— Я не спрашивал тебя про орлов! Прах и пепел... Отвечай, зачем ты взял шелковый шнурок?

— Я был виноват...

— Погоди, — от внезапной догадки в груди Конана похолодело. — Так ты решил...

— Повесить преступное тело свое, — помог Бандурин оформить догадку варвара словами, затем отвел от него взгляд и блаженная улыбка расплылась по его физиономии. — О, красивый и отважный орленок... Позволь мне прилечь с тобой... Позволь лобызать ноги твои... Эрлик простит нас, тебя и меня. Он возьмет нас к себе, и мы заживем между облаками, оба такие юные, такие красивые...

Уставившись в крошечное окошко под потолком, толстяк бормотал свою околосицу с воодушевлением, пуская слюни и почесывая жирную грудь.

Но Конан уже не слушал его. Подмигнув сайгаду, который с удивлением смотрел то на него, то на евнуха, киммериец кликнул десятника стражи.

Повинуясь пристальному взгляду приятеля, справедливый Кумбар повелел снять с пленника цепи и отправить его во дворец. Теперь ему казалось, что и он знал заранее о невиновности Бандурина; только как доказать это повелителю, а главное — как объяснить то, что евнух до сих пор

сидел в темнице в качестве приговоренного к смерти? А самое главное — где взять нового убийцу? Владыка непременно потребует, чтобы преступник был найден. Нельзя же оставлять безнаказанным того, кто осмелился поднять руку на святое — на то, что принадлежит императору!

Незаметно вздохнув, старый солдат покосился на киммерийца. Ни тени насмешливой улыбки, или презрения, или превосходства не увидел он на его лице, и душа сайгада дрогнула. Дернувшись вслед за Конаном к двери, он старался не думать, чья холодная костистая лапка заскреблась вдруг в груди; вернее, он отлично понял уже, чья это лапка, и сам был противен себе. Зависть — вот тот грех, который Кумбар ни прежде, ни сейчас не прощал никому. Он презирал сию слабость и в нищем, и в богатом, и в красавце, и в уроде, и вот — оказалось, что и он подвержен этому недугу... Кумбар посмотрел на евнуха. И такой-то человек встал между ним и Конаном!

Вид тучного обслонявшего скопца мог бы вызвать отвращение и не у столь утонченного человека как сайгад; пытаясь не дышать, старый солдат прошел мимо него — падая с толстых коротких ног, цепи бренчали, но звук сей, способный осчастливить любого узника, не произвел никакого впечатления на впавшего в детство евнуха — и скользнул за дверь.

* * *

Оранжевым жарким шаром солнце неподвижно висело в небе — словно озорной мальчишка подбросил вверх апельсин, да так и не дождался его обратно. Аграпур плавился под раскаленными лучами; на плоских крышах зачахли без воды и скрючились тощие кустики; вода в наузах — бассейнах внутри дворов нагрелась так, что в ней можно было варить мясо; жизнь продолжалась только на рынке да под раскидистыми ветвями деревьев, где лежала теплая и рваная, но все же тень.

Золотой купол дворца сверкал так, что глазам было больно на него смотреть, но и не смотреть тоже больно, ибо подобной красоты не видывал и самый бывалый путеше-

ственник, коему достопримечательности мира давно уже приелись и лишь раздражали душу и мозг.

Казалось, солнечные лучи играют на куполе в веселые догонялки, и небо, увлеченное их игрой, подпускало в желтый и золотой немного яркого синего и чуть-чуть голубого. Цепочки белоснежных птиц, усеявших карниз, будто новое кружево, сплетенное мастерицами из Ванахайма, ограничивали буйную пляску цветов и оттенков. Мозаика, коей сплошь были покрыты стены дворца, отличалась более спокойными тонами, и на ней глаз, так же радуясь, отдыхал.

Если бы кто-нибудь из пробегавших мимо, спасающихся от дикой жары людей, знал, что творится сейчас за великолепными стенами дворца, незамедлительно разнес бы новость по всему Аграпуру. Но посторонних нынче во дворец не допускали, точно так как своих оттуда не выпускали, и сие распоряжение владыки исполнялось безукоризненно, точно и безо всяких поблажек кому бы то ни было.

А суть происходящего (или, точнее, уже прошедшего) заключалась в том, что на половине императорских невест где-то между рассветом и полуднем нашли юную красавицу Хализу с кинжалом в груди.

Товарки ее, с огромными трудами выведенные из обморочного состояния, утверждали, что не видели девочку после ночи, и лишь Баксуд-Малана, которая обнаружила труп, клялась, что купалась с ней в наузе «только сейчас...» Разъяренный Кумбар носился по всем этажам дворца с рычанием, достойным вендинского тигра: теперь-то было совершенно ясно — убийство совершил некто, проживающий во дворце или вхожий в него постоянно.

И, как ни хотелось сайгаду обратить свой гнев на почивавшего в своей комнатке Бандурина, сделать это не представлялось возможным — всю ночь и все утро проспал евнух на своем ложе под неусыпным присмотром двух верных Кумбара стражей. Они твердо сказали, что покоеv он не покидал, и старый солдат без колебаний им поверил. Да и стоило только раз взглянуть на вялого, с отекшими глазка-

ми скопца, как становилось понятно, что кто-то, а он точно никакого отношения к преступлению не имеет.

Илдиз рвал и метал. Когда взъерошенный, побледневший сайгад осмелился войти к нему, Великий и Несравненный чуть было не удушил его, тем самым продолжив список жестоких убийств. Ползая по ковру, Кумбар клятвенно обещал владыке сделать все, что в его силах, а также то, что совсем не в его силах, то есть найти преступника. Как его найти — он понятия не имел, но одно знал наверняка: если развить бурную деятельность, результат не заставит себя ждать. В глубине души он был совершенно уверен, что результат и в самом деле не заставит себя ждать, так как его просто вообще не будет, зато будет видимость, а это порой заменяет все остальное. И сайгад приступил к выполнению своих обещаний.

К вечеру были обысканы все покои на всех этажах (правда, с какой целью — никто не знал; и сам Кумбар толком тоже не знал). Челядь из последних сил пыталась делать лица честными, а глаза чистыми — новое появление Озаренного грозило и новыми неприятностями для одного из них, и, как в прошлый раз, каждый чувствовал раздражающий зуд в горле и постоянное желание виновато откашляться.

Когда оранжевое солнце нехотя опустилось за горизонт, Кумбар принял то единственное решение, каковое, думалось ему, не только приведет к поимке убийцы, но и восстановит безопасность во дворце: он испросил величайшего соизволения и — вызвал Конана-киммерийца.

Глава шестая

Конана сайгад нашел в «Маленькой плутовке», где доблестный киммериец отдыхал после ночной смены вместе с дюжиной крепких парней, одетых в такую же форму наемников армии Илдиза Туранского. Звон кружек, взрывы гулкого раскатистого хохота, смачные шлепки и визги девиц были для этого заведения привычной музыкой.

В отличие от «Слез бедняжки Манхи» здесь не играли на цитре приятные и приличные мелодии — тощий лысый старик выдувал из длинной и узкой деревянной трубы гнуснейшие звуки, способные довести до умопомрачения даже благонравных жрецов мэрселе Аххада. Но нервы посетителей «Маленькой плутовки» ничто не могло потревожить. Они и не слышали никакой дудки. Они вообще, кроме себя, никого не слышали. Стаясь перекричать друг друга, они поднимали такой гвалт, что случайный прохожий незамедлительно решал, что тут происходят богопротивные действия, и торопился поскорее пройти сие странное место.

Привыкший давно и ко всему Кумбар невозмутимо вошел в грязный зал, пропитанный запахами пота, пива, дешевого кислого вина и благовоний, которыми пользовались исключительно здешние потасканные девицы и которые, по убеждению старого солдата, можно было вдохнуть только один раз — а потом спокойно умереть; узрев в затемненном углу здоровую фигуру варвара, он направился к нему, прилагая

неимоверные усилия, чтобы идти медленно, а не бежать подобно загнанному псу.

— Кром! — удивленно поднял брови Конан. — А тебе что здесь надо?

Нельзя сказать, чтобы киммериец был ему рад — с горечью подумал Кумбар, но виду не показал, а улыбнулся как мог приветливее и срывающимся голосом молвил:

— Здесь так душно, Конан... Не прогуляться ли нам по улице?

— Ха! — хрипело гаркнул сосед киммерийца — высокий широкоплечий парень с круглым лицом, покрытым недавними шрамами. — К нам пожаловал сам Кумбар! Встаньте, собаки, и поклонитесь!

Громовой хохот заставил сайгада поежиться. Прежде он пребывал в счастливой уверенности, что является истинным героем Агралура и, возможно, всего Турана, а следовательно, и кумиром войска. Теперь волей случая выяснялось, что низы вовсе не признавали его за такового. Новость была печальная, но в данный момент Кумбара больше волновало все же нечто другое.

— Тихо!

Негромкий рык варвара без труда перекрыл гогот солдата. Все мгновенно умолкли, с неудовольствием посмотрели на Кумбара. Тот терпеливо стоял у самого плеча киммерийца, ожидая его решения.

— Кром! Если ты опять с тем делом...

— Не совсем... Не совсем, Конан. Эрлик свидетель...

— К Нергалу Эрлика! Пойшли.

Конан встал, неверными шагами направился к дверям. По дороге он успел недвусмысленно ущипнуть за широкий зад разодетую девицу средних лет, отчего та едва не задохнулась от счастья и с завистью поглядела на более удачливого, по ее мнению, Кумбара — ведь он завладел варваром первый. Кумбар ответил ей таким же яростным взглядом — опасаясь, как бы она не перехватила у него Конана, — потом уставился в широкую спину переди него, про себя умоляя богов сейчас же убить эту девицу и обещая за это внести пожертвования во все агралурские храмы; видя,

что варвар и не думает останавливаться, он с облегчением выскошил за ним на улицу, все же не удержавшись и сильно хлопнув дверью этого мерзкого кабака.

— Ну? — сурово вопросил его Конан, поворачиваясь и с высоты своего огромного роста скептически взирая на старого солдата.

— Убийство... — выдохнул сайдад, наконец позволив себе расслабиться и по обыкновению выпучить глаза.

— Кром... Где?

— Да во дворце же, Конан... Во дворце... Только теперь ублюдок всадил кинжал в грудь той хорошенкой девочки, Хализы... Помнишь ее? Хотя... Откуда ты можешь ее помнить...

— Не суетись.

Киммериец скривил губы и мрачно посмотрел в ночное небо, на котором грустно посверкивало несколько маленьких звезд. Он с трудом соображал сейчас, кто такая Хализа и о чем, собственно, толкует Кумбар.

— А что жирный? — наконец подал он голос, вновь опуская глаза на сайдада.

— Он тут ни при чем, — отмахнулся Кумбар. — Он после подвала как ошалел — спит и ест, ест и спит...

— Я же говорил тебе, сайдад, — медленно произнес Конан, в упор глядя в крошечные, тускло сверкающие в ночной темноте глазки старого солдата — родные сестры нынешних звезд, — как только жирный выйдет из темницы — я оставляю эту историю. Ты сам просил меня об этом.

— А теперь прошу о другом... — заторопился Кумбар.

— А утром попросишь о третьем... — перебил варвар и широко зевнул. — Нет, сайдад. С меня хватит и службы на твоего Илдиза... А во дворец... Когда-нибудь я буду жить во дворце, но не как охранник...

Он тихо засмеялся, и смех его был похож на раскаты грома где-то вдали, за горами Ильбарс. По телу Кумбара волны побежали мураски: последняя надежда ускользнула от него. Один Мишрак способен был распутать это дело, но ждать Мишрака сайдад не имел ни времени, ни желания — такого поражения владыка не простит ему. Кумбар рассчитывал на

Конана — с его поразительным чутьем (как он догадался, что евнух не убивал Алму?) он мог бы спасти честь сайдада, но... Он явно не стремился вновь оказаться во дворце, вновь помогать вконец растерявшемуся и запутавшемуся старому солдату... Да, Кумбар уже и думать боялся о том, чтобы сохранить свое место при повелителе; остается спасти честь, а больше ничего у него не осталось...

— Прошу тебя... — забормотал он, стесняясь смотреть на Конана. — Помоги... В последний раз... Ты сумеешь, я знаю... Эрликом заклинаю тебя, помоги...

— Тыфу... — с досадой передернул плечами варвар. — Да с чего ты взял, что я смогу найти убийцу?

— Тиш-ше... — в отчаянии зашипел сайдад. — Никто не должен знать об этом...

Лоб его взмок; он резко поднял полу куртки и вытерся, лихорадочно соображая при этом, как же можно уговорить киммерийца.

— У тебя все? — осведомился тем временем Конан, делая шаг к таверне.

— Нет! Послушай, Конан... Я... Я дам тебе денег... Много...

— Хей, сайдад! Ты в своем уме?

— Не уходи! — взмолился Кумбар. — Я обещал владыке, что приведу тебя. Я сказал ему, что только ты... Только ты можешь найти убийцу...

— Что?! Кром! Я воин! Воин, а не ищейка! И не сторож для девиц Илдиза!

В ярости глухо порыкивая, варвар решительно двинулся к дверям «Маленькой плутовки», что призываю скрипели от легкого сквознячка. Кумбар предпринял последнюю попытку.

— Значит, меня казнят вместо жирного ублюдка, — с тихой грустью произнес он, понурившись.

— Прах и пепел...

Киммериец остановился.

— Ладно, — буркнул он после некоторой паузы, — я пойду с тобой во дворец. Но помни, сайдад — я ничего не обещаю тебе!

— Да, Конан! — едва сдерживая ликовение, быстро сказал Кумбар. Сердце его стучало как бешеное, удары его отдавались в виски, в затылок, в лоб... Он верил, он твердо верил, что киммерийцу удастся найти настоящего преступника, а это значило, что честь его останется в целости и сохранности. И только сейчас сайдад понял, что лукавил сам с собой: если убийца будет установлен, то кроме чести при старом солдате останется и все прочее, заслуженное во дворце Илдиза. Он ухмыльнулся, посмотрел в спину — опять в спину! — угрюмо шагавшего впереди варвара и легким шагом последовал за ним.

— И еще... — вдруг обернулся к нему Конан. — Я не буду переодеваться в Озаренного! Ты понял?

* * *

Всю дорогу варвар упорно молчал, не оглядываясь на семенящего за ним сайдада и не обращая внимания на его тяжелые вздохи и стоны. Точка звезды лениво плыла впереди, словно указывая путь; черная прохладная высь, бесстрастная как старый палач, взирала на трепещущую во сне землю сквозь призму невидимых сейчас облаков. Луна так и не показала свой бледный лик, и потому каждая ночь представлялась вечной.

В совершенной тишине ночных города спутники подошли к высоким воротам дворца. Великолепный императорский сад, воспетый в сотнях баллад, легенд и од, и во мраке поражал красотою: искусно освещенный фонарями, что мерно, с тихим скрипом покачивались на длинных шеях, он казался волшебным — так велики и гладки были плоды, так стройны стволы и так густы ветви. Все цвета и оттенки мира сложились здесь в один божественно прекрасный ковер, на который даже солнце смотрело с восхищением и завистью.

Пропустив вперед Кумбара, Конан прошел за ним через сад к ступеням белого с серебряными прожилками мрамора, ведущим во дворец. Ночные стражи, не смыкавшие суровых настороженных глаз, увидев сайдада, почтительно отступили в стороны, освобождая проход.

Отворились тяжелые, в золотых завитушках двери, и Конан ступил в огромную пышную залу, во всех четырех углах которой в высоких изящных треногах горел огонь.

Он в два прыжка догнал Кумбара, достигшего уже второго этажа, и дальше пошел рядом с ним по длинному коридору; ноги утопали в толстом мягким ковре, и у варвара сразу мелькнула мысль, что убийце нетрудно было пройти к покоям Алмы, а потом и Хализы бесшумно.

С неудовольствием отметил он и отсутствие стражи здесь: они миновали уже третий поворот, но так и не встретили ни одного охранника. Учитывая то, что во дворце произошло два убийства подряд — а это уже вряд ли можно назвать случайностью — подобная беспечность казалась по меньшей мере странной, и в этом Конан видел вину сайдада. Он распоряжался всеми службами во дворце, он ведал каждым шагом каждого слуги, начиная от личного винокурения Илдиза и кончая последним поваренком, ему поверили свои тайны, ему доносили чужие, а также сплетни и наветы, так что киммериец одарил профиль старого солдата презрительным взглядом и тут же резко остановился, ткнувшись грудью в его плечо.

— Вот! — объявил Кумбар торжественным шепотом. — Самая дальняя комната дворца. Я велел приготовить ее для тебя... Входи.

— Ты знал, что я соглашусь? — подозрительно спросил Конан.

— Верил... Надеялся... — Сайдад легонько подтолкнул варвара к двери, а сам, словно боясь, что Конан передумает, шагнул назад и быстро исчез за поворотом — только серебряный галун, коим обшита была его щегольская куртка, блеснул будто вспыхнувший светячок в полумраке коридора.

Оглядев свое временное жилище, киммериец удовлетворенно хмыкнул. Широкое ложе в углу, покрытое толстым, в два его пальца жестким ковром — то, что надо, Конан терпеть не мог мягкие пуховые подушки, в которых утопает и расслабляется тело; тренога с неглубокой тарелкой,

похожая на те, какие он видел внизу, только низкая — в ней потрескивал огонь, лениво пожирая мелкие угли; огромное кресло, точно под стать ему, а рядом приземистый столик с круглой крышкой — вот и все убранство комнаты.

По всей видимости, сайдад неплохо изучил привычки и пристрастия варвара: ни излишней пышности, ни излишней скромности, самое необходимое для жизни и удобства, а больше Конану ничего не нужно.

С особенной приязнью киммериец посмотрел на поверхность столика, уставленную бутылями разных видов и, наверняка, с разными сортами вин. На узком длинном блюде покоилась аккуратно нарезанная толстыми ломтями холодная свинина, издававшая чудесный нежный аромат; под золотой крышкой Конан нашел большой кусок свежего хлеба; довершала это великолепие драгоценная чаша на тонкой ножке, сделанная из серебра и украшенная самоцветами — предполагалось, что из этой чаши гость будет вкушать напитки.

Прикрыв за собой дверь, гость незамедлительно уселся в кресло, открыл три бутыли одну за другой и принял с превеликим удовольствием вкушать напитки, жалея о том лишь, что у него не три глотки.

Розовое оффирское оказалось превосходным — терпким, чуть сладковатым, но некрепким, и его киммериец оставил до утра. Красное бритунское понравилось ему более крепостью, нежели вкусом: слишком вязким было оно, склеивало губы, чего Конан не выносил. Попробовав третье вино, он решил остановиться сейчас на нем.

Белое аргоское, прозрачное как кхитайский хрусталь, мгновенно охватывало грудь приятным жаром, а вкусом могло поспорить с лучшими винами швейцарских нобиляй — в свое время Конан пивал их немало, и ему всегда хотелось еще, но одна бутыль такого напитка стоила в несколько раз дороже, чем десяток бутылей обычного, кислого и крепкого вина, так что приходилось выбирать: количество или качество. Конан всегда выбирал количество.

Опустошив сосуд с аргосским и откупорив следующую бутыль с ним же, он вновь вернулся мыслями к убийству Алмы. Кумбар сказал, что погибла еще одна невеста владыки... Как ее... Хализа. На этот раз убийца не стал использовать шелковый шнурок — просто всадил кинжал в грудь девочки, даже не удосужившись вынуть его потом и выбросить. А может, такие кинжалы носит половина дворцовых обитателей и он не боится, что его смогут узнать по оружию?

Нет, Конан решительно ничего не понимал в этой темной истории. Допив вторую бутыль, он стал понимать еще меньше. А когда показалось дно третьей, мысли в голове совсем перепутались.

То ему казалось, Кумбар крадется по коридору с клинком в руке, озираясь и пуская слюни, как тот скопец... То виделся сам Илдиз, достающий из-под ковра кинжал, обагренный кровью, и целующий его с безумным смехом... А вот тот же Илдиз выгуживает из глубокого кармана халата шелковый шнурок... Дикий блеск глаз, трясущиеся руки...

Конан зевнул. Единственную верную на данный момент мысль проскользнула и пропала было, но он успел ухватить ее за крыло: спать. Надо спать.

Пройдет ночь, наступит новый день, и тогда — тогда все фантазии растворятся и обретут свое истинное название — бред; тогда тайное в панической попытке скрыться от дневного света, проясняющего ложь, может ненароком выдать себя; тогда...

Рот варвара снова раскрылся в длинном зевке, но на половине его захлопнулся — с неимоверными усилиями Конан заставил себя подняться, с закрытыми уже глазами сделать шаг к тахте...

Через мгновение он уже был далеко-далеко, в стране сновидений и мрака, но и там ему сейчас было совсем неплохо.

* * *

Конан отлично выспался, и с самого рассвета пребывал в отличнейшем настроении. Розовое оффирское помогло ему

достигнуть высот духа, и на половину невест он прибыл с улыбкой на устах, хотя и несколько кривой: красавицы оказались бледными, напуганными, с красными глазами от недосыпания, но самое неприятное — вооруженными. Каждая сжимала в тонких пальчиках внушительного вида кинжал, и сие никак не могло понравиться варвару. Правда, узрев в своих покоях такого мужа, девушки заметно приободрились. Мощные бронзовые плечи, буйная грива черных густых волос, суровый взгляд синих глаз, обрамленных пушистыми ресницами — всего этого великолепия не приходилось им видеть в богатых домах родителей и здесь, во дворце.

Одна, вторая, третья... Поодиночке они тихонько исчезали за дверью, а потом так же тихонько возвращались, но уже более опрятно одетые, причесанные, умытые и без оружия.

Такое превращение вполне устроило киммерийца. Он по-хозяйски уселся в одно из глубоких удобных кресел, с удовольствием осмотрел красавиц и вместе и по отдельности и только затем соизволил еще раз улыбнуться. Пять девушек стояли перед ним, робко потупившись, перебирая пальцами роскошные свои волосы.

Увы, ни одна из них не напомнила Конану Алму — все же она была и красивее и утонченнее этих. Но, с другой стороны, и оставшаяся в живых пятерка невест отличалась от тех девиц, которых случалось обнимать варвару в «Маленькой плутовке» и других кабаках: стройные, изящные, нежные, большеглазые, они смотрели на Конана из-под ресниц с таким интересом, с таким — почти нескрываемым — желанием, что и он почувствовал вдруг, что задавать вопросы об их убиенных подругах ему совсем не хочется.

Веселые лучи солнца — лучи жизни — светили в окна, заставляя витражи переливаться всеми возможными цветами, и свежий легкий ветер бездумно трогал длинные руки деревьев — все, решительно все на улице призывало к любви, а не к допросу. С досадой Конан рыкнул, мотнул головой, отгоняя лишние мысли, и, устремив взор на

высокую черноокую красотку с полными яркими губами, вымолвил:

— Как твое имя, красавица моя?
— Баксуд-Малана... — еле слышно прожурчала девушки тонким нежным голоском.

Тембр и тон ее весьма понравился варвару.

— Теперь ты назовись, — предложил он второй, чьи волосы отливали золотом.

— Физа...

И ее голос также понравился варвару.

— Ийна...

— Мина...

— Залаха...

Конан одобрительно кивал головой, не в силах выбрать себе подругу на следующую ночь. Каждая была по-своему хороша, и хотя Алма, без сомнения, оставалась лучшей, эти красотки тоже заслуживали внимания со стороны киммерийца. В конце концов, ему просто было их жаль: стать женами Илдиза...

Какое, должно быть, несчастье для молоденькой прелестной девушки всю жизнь посвятить немощному старцу, пусть и венценосному, но все же...

Со вздохом Конан остановил взгляд своих ярких синих глаз на Баксуд-Малане. Кажется, она среди них самая старшая, так она и будет первой, чтоб потом не путаться...

Удовлетворенный таким справедливым решением, киммериец вернулся к цели своего визита на половину невест.

— Кто-нибудь из вас видел Хализу в тот день?

— Да, господин, — с поклоном ответствовала Баксуд-Малана, словно почувствовав, что ей первой будет представлена возможность уснуть в объятиях варвара.

— И кто же?

— Все, господин, — снова ответила Баксуд-Малана.

— Что она делала?

— Купалась в наузе, просила Диниса научить ее играть на лютне, но... Мальхоз не разрешил...

Она качнула головой в сторону маленького тщедушного старичка, что сидел в уголке и спокойно дремал, даже не заметив появления варвара.

— Мальхоз — это новый евнух?

— Он старый, господин... Он очень старый... Но Бандурина теперь с нами нет...

— Я знаю. Что дальше?

— Потом... Потом мы все вместе учились кланяться нашему будущему супругу и повелителю.

— Ну-ка, ну-ка... — живо заинтересовался Конан, устраиваясь в кресле поудобнее.

Баксуд-Малана повернулась к девушкам, подала им почти незаметный для постороннего глаза знак, и пятеро красавиц вдруг разом повалились на колени, разметав по полу свои прекрасные волосы. Всего миг спустя они так же быстро вскочили, плавно повели правой рукой в правую сторону, а левой — в левую, свесили головки набок и в такой позе застыли.

Конан подождал немного, надеясь, что это еще не все, но девушки продолжать явно не собирались.

— Клянусь Кромом, — наконец пробормотал варвар не слишком-то уттиво. — Вы похожи на задушенных куропаток...

Баксуд-Малана обиженно вскинула подбородок, но тут же в глазах ее пробежали искорки смеха.

— Я тоже так думаю, господин, — произнесла она серьезным голосом. — Но Мальхоз говорит, что это старинный обычай, и нарушать его нельзя.

— Прах и пепел! Пусть ваш Мальхоз засунет этот обычай себе... То есть, я хотел сказать, что не всегда прежние обычай хороши... Кром! Все это вздор! Говори, Баксуд-Малана, что было дальше?

— Дальше... Мы разошлись по своим комнатам, Мальхоз нас запер... И все. А потом... Потом я вышла. Ко мне пришли родители... К нам всегда приходят родители около полудня... Вышла, а там — она...

Баксуд-Малана опустила голову, полные губы ее дрогнули. Другие девушки уже и не сдерживали слез — тон-

кими струйками текли они по нежным щекам, по подбородкам...

— Прах и пепел... — пробормотал Конан, оглядываясь на старичка. — Хей, приятель, ты жив?

Он вскочил, слегка тряхнул евнуха за тощее плечо. Приоткрыл морщинистые веки, Мальхоз без интереса и удивления посмотрел на киммерийца, потом перевел взгляд на девушек.

— Тих-ха-а... — просипел он добрым голосом, потом улыбнулся, качнув головой.

В строю красавиц сразу воцарился покой. Они ответили старичку такими же милыми улыбками и вновь обратили мокрые и оттого еще прелестные глазки на Конана.

— Значит, ты нашла Хализу? — упрямо возвратил варвар Баксуд-Малану к прежней беседе.

— Я.

— Она была уже мертва?

— Нет.

— Что?!

Конан привстал, вперил гневный взгляд в черные очи Баксуд-Маланы.

— А что же ты раньше о том молчала?

— Меня никто не спросил, господин, — испуганно проглопетала девушка. — Но Хализа все равно скоро умерла...

— Она ничего не сказала перед этим?

— Что-то шептала... Но я не поняла — что...

— Повтори ее слова!

— Кажется... Кажется, «че... ди... ня...» Вот... А, еще она сказала «би».

— Когда? До «че-ди-ня» или после?

— Кажется... После...

— Значит, она сказала «че... ди... ня... би...»?

— Да... — неуверенно согласилась Баксуд-Малана.

В устах Конана те слова Хализы, что она услышала, казались весьма странными. Сейчас она уже сомневалась, что правильно их разбрала. Да и Конан, в первый момент

ощущивший свежее дыхание надежды, сник: кто мог понять эту оклесицу?..

Даже не слова — звуки, штичий клекот... «Че... ди... ня... би...» Тьфу...

Он посмотрел на Мальхоза, который снова задремал в своем уголке; потом мысль его переместилась подальше, к Кумбару. Может быть, он сумел бы помочь ему? Он знал Хализу, он знаком со всеми во дворце, и он все-таки советник Илдиза — должно же быть что-то у него в голове?

Конану вдруг захотелось вернуться в свою комнату, к оставленным на столе полным еще бутылям. Если б можно было прихватить Баксуд-Малану прямо сейчас... Можно смело поклясться бородой Крома — эта девушка оправдает любые ожидания.

— Господин, она еще говорила мне, что влюблена в одного человека... — неожиданно подала голос маленькая Ийна.

— Она что же, лежала с кинжалом в груди и разговаривала? — нахмурил брови Конан.

— Нет... Я не видела ее с... с кинжалом... Это было утром, в наузе. Мы купались и Хализа... так смеялась, а потом перестала смеяться, и шепнула мне: «Я так люблю одного человека...»

— Как его зовут?

— Я хотела спросить, но она сразу вышла из науза и пошла во дворец.

— Я думаю, она имела в виду нашего повелителя, — попыталась восстановить доброе имя подруги Баксуд-Малана.

— Кром... Теперь уже все равно, — Конан махнул рукой. — Но сдается мне, этот самый «один человек» и прикончил вашу Хализу.

— Тогда я думаю, — не моргнув глазом предположила Баксуд-Малана, — она имела в виду не нашего повелителя.

— Господин, ты уже знаешь, кто... убил Хализу? — робко спросила Ийна.

— Господин, ты будешь охранять нас?

— Господин, ты придешь к нам нынче ночью?

— Господин, ты не позволишь ему убивать нас?

Словно очнувшись, девушки наперебой задавали киммерийцу свои вопросы. Они уже не опускали глаз. В страхе и отчаянии забыв все правила, они смотрели на него своими прекрасными бархатными глазами, в коих еще не высохли слезы, и ждали ответа. Ответа не было.

Поклявшись про себя, что немедленно найдет Кумбара и заставит его выставить на половине невест караул, Конан поднялся, хмуро подмигнул замершим в ожидании его слов красавицам, и вышел вон. Ответа у него и в самом деле пока не было.

Глава седьмая

На третий день своего пребывания во дворце киммериец, мрачный как туча на небосклоне в пасмурное утро, сидел в кресле возле низкого круглого столика и, попивая красное бритунское — по вкусу наиболее подходящее для нынешнего настроения, — внимал стенаниям Кумбара.

— Слушай, сайдад, — наконец произнес он, задумчиво глядя сквозь рубиновую муть в дно чаши. — Нет ли у тебя где-нибудь в Шеме или в Аргосе давнего врага, отравляющего жизнь твою и сон твой?

Столь витиеватые речи из уст варвара не приходилось еще слышать старому солдату. Удивленно выпятив нижнюю губу, он покачал головой и ответил:

- В Аргосе и Шеме нет.
- Может быть, в Аквилонии? Или в Зингаре?
- И там нет.
- А здесь, на дорогах Турана, не обижал ли тебя кто?
- Никто меня не обижал, — начал сердиться Кумбар.

Я и сам кого угодно обижу. А зачем ты спрашиваешь?

— Хочу убить твоего врага, — со вздохом пояснил Конан. — Ты сказал, что жизнь твоя в опасности — я готов тебе помочь. Но не мое это дело — вести дознание. Если б нужно было украсть что-либо для тебя, или сломать кому-либо шею, или... Я — воин! Пошли меня воевать, и тебе не придется сожалеть о том! А задавать вопросы и в каждом видеть убийцу — нет. Не могу.

Сия речь удивила сайдада еще больше. Он покосился на два пустых сосуда, уныло стоявших на краю стола, откупорил следующий, отпил.

— Видишь ли, варвар, — глубокомысленно заявил Кумбар после нескольких мгновений молчания, — у меня нет знакомых драконов, змей и колдунов, которые покушались бы на мою жизнь... А то я б тебя, конечно, послал... Есть, правда, один... Гухул, собака, но с ним я и сам справлюсь... Ты не привык думать? Тебе трудно размышлять? Хорошо. Поведай мне, что ты узнал за эти дни, и я буду думать и размышлять за тебя. Но я не умею другого — чувствовать. У меня и сомнений не возникало, что Алму удавил не евнух. Он же признался, я сам слышал! А ты — ты сразу понял: убийца не он. Вот что мне от тебя нужно! Твое чутье! И мне не по нраву казнить невиновного, поверь. А чтобы такого не случилось — ты должен мне помочь.

— Не могу, — упрямко качнул головой Конан.

— Можешь, — невозмутимо парировал сайдад. — Ты обещал. И я тебе верю.

— Прах и пепел! — взъярился варвар. Синие глаза его потемнели, кулаки скжались. — Не ходи на руках, когда есть ноги, и не запрягай осла в плуг — говорят наши старики, — ибо в том нет простого смысла! А ты запрягаешь в плуг даже не осла — льва! И при этом хочешь, чтоб он вспахал твое поле!

В гневе Конан смахнул со стола пустые сосуды, и они с печальным звоном отлетели в угол. Старый солдат, пряча улыбку, вызванную бесхитростным сравнением юного варвара себя со львом, допил остатки вина из бутыли и взял яблоко.

— На моем поле работают только львы, Конан, — мягко заметил он. — Потому-то мой маис выше и гуще остальных, да и зерна в нем будут покрупнее...

Он с хрустом надкусил яблоко, в упор посмотрел на варвара. Тот ответил ему тяжелым, сумрачным взглядом. Лишь сейчас он понял, как сумел сайдад занять почетное место во дворце, стать правой рукой Илдиза Туранского. Хитрый и умный шут! Все его слезы, стоны и суета — одно

притворство! Вон как уставился — глаза в глаза, твердо, спокойно.

— И еще, Конан, — тихо добавил Кумбар. — Я никогда не забываю своих львов...

Губы его дрогнули в ласковой улыбке, но киммериец уже не верил ему. Усмехнувшись в ответ, он взял бутыль, крепкими белыми зубами вытащил из горлышка пробку и налил вина в свою рескошную чашу.

— Будь по-твоему, приятель, — медленно произнес варвар, и в голосе его чуткое ухо без труда уловило бы угрозу. — Я согласен бросить кости еще раз, но если ничего не получится...

— Все получится, — отрезал Кумбар, вставая. — Ты и в самом деле лев, Конан. Настоящий лев. И ты поможешь мне.

Он резко повернулся и вышел из комнаты, оставив после себя тонкий запах дорогих благовоний. Конан ухмыльнулся, соображая. Да, этот сайдад был совсем не похож на того, прежнего.

Но, как ни странно, сей монолитно спокойный муж со стеклянными глазами понравился варвару больше — по крайней мере, он не стонет и не щебечет беспрестанно всякую чушь. Конан вспомнил их первую встречу в «Слезах бедняжки Манхи», фыркнул, вдруг развеселившись, и окончательно утешился.

А теперь надо кликнуть Физу — уже вечер, и нынче ее очередь согревать постель временно одинокого варвара... Конан закинул голову, разметав по спинке кресла свои длинные черные волосы, и расхохотался.

* * *

Сайдад, которому давно надоело изображать перед варварам слезливого старикашку, выйдя из его комнаты, облегченно вздохнул. Жизнь во дворце — такая пышная, такая скучная и такая нелегкая — просто вынудила его, солдата, нацепить на себя маску; к ней он привык настолько, что даже наедине с самим собой вел ту же игру, и в конце концов маска стала его лицом, а истинное...

Куда же подевалось истинное лицо Кумбара? Об этом он ничего не знал. Редкие движения души иной раз обнажали суть, но всегда так неожиданно, что сайдад не успевал уловить ее. Он не жалел о том. Кому нужна была во дворце его суть? Илдизу? Челяди? Нет. Иначе разве стал бы он дурить их из года в год... Вот только Конан... Этот варвар понравился ему сразу. Давно не приходилось ему видеть таких жестких, упрямых и в то же время чистых парней. Жаль, что он по привычке сыграл свою роль и перед ним.

Шагая по длинному коридору второго этажа, Кумбар думал о последнем разговоре с киммерийцем. Он понял — сайдад сразу почувствовал это — его суть, увидел его истинное лицо. Но, кажется, не совсем верно: Кумбар все же не столь холоден и бесчувствен, как это могло показаться парню. А впрочем, пусть лучше он считает его каменной статуей, чем глупцом и плаксой...

Не глядя под ноги, сайдад перескочил две ступеньки, завершающие коридор; поворачивая на лестницу, один марш которой был покрыт розовым ковром, а второй светло-красным, он столкнулся с Бандурином. Бесцветные маленькие глазки скопца были пусты; бездумно скользнули они по лицу Кумбара — на миг он увидел в них свое отражение, — но ни тени мысли не проявилось в белесой мутни. Словно оживший мертвец, проплыл евнух мимо старого солдата. Сайдад остановился и какое-то время смотрел вслед несчастному.

Короткий укол в сердце возвестил о том, что совесть Кумбара еще не отошла в мир Серых Равнин, а, будучи смертельно больной, все же пока дышала. Он дернулся всем телом от внезапного озноба, помянул проклятого Нергала, застившего глаза, но тут же и оправился. Покачивая головой, сайдад спустился вниз и вышел в сад. Здесь его уже ждал десятник императорской стражи.

* * *

Новый день выдался тихим, нежарким. Ровно, в неспешном ритме тянулось время, уставшее от бешеных ска

чек по миру. Казалось, жизнь замедлила свой ход, но — словно перед разбегом.

Конан нашел Динию в императорском саду. Там, под абрикосовым деревом, она сидела на мягкой шелковистой траве, тоскливо глядя в голубое небо. Оранжевый диск, уже готовый к закату, потускнел, и на него можно было смотреть — не больше нескольких мгновений. Конан легко опустился на траву рядом с девушкой и с улыбкой заглянул ей в лицо.

— Конан!

Диния ласково тронула тонкими, но сильными пальцами его огромную длань, улыбнулась в ответ.

— Я думала, ты не придешь нынче...

— Я пришел, моя красавица. И, клянусь Кромом, ты не пожалеешь об этом.

— Я не пожалею...

Диния приникла к мощной горячей груди и так засыла, слушая биение его сердца. Она не ждала сегодня своего возлюбленного — невесты Илдиза делили с ним его ложе, по одной каждую ночь. Играя им на лютне легкие и светлые мелодии, девушка с болью в душе слушала бесконечные беседы о киммерийце. Ее не стеснялись: она была чужой, и — для них она была мальчиком, нищим мальчиком, коего во дворце держат из милости. А ее лютня...

Ни одна из императорских невест ничего не понимала в музыке; только Алма слушала с неподдельным интересом и искренним наслаждением, уважая ее искусство, восхищаясь ее тонкими быстрыми руками. Теперь Алмы нет, и слушать музыку некому. Ах, Диния давно ушла бы из дворца, из Аграпура, ушла бы далеко-далеко, туда, где ее лютня будет считаться не менее почетным инструментом, чем шило сапожника или топор плотника, ушла бы, но — здесь Конан.

— Ты еще здесь? — насмешливый голос варвара вернулся на землю. — О чём ты так задумалась?

— О тебе. — Она сказала почти полную правду.

— И что же ты думала обо мне?

— Скажи, любимый... Кумбар знает, что... невесты приходят к тебе ночью?

Ей показалось, что горячая грудь его вдруг стала холодной, будто камень после долгой северной ночи. Однако он даже не пошевелился.

— А тебе это откуда известно? — Его голос был так же холоден.

— Ты забыл... Я каждый день развлекаю их своей игрой.

— Кром... Всю жизнь мечтал найти немую красавицу и на ней жениться... Языки у женщин длиннее хвоста Сета! А ты? Не вздумала ли ты ревновать?

— Что ты! — Диния испугалась. — Что ты, Конан... Я же знаю... Кто я тебе? Так, одна из многих...

— Одна из лучших... — проворчал киммериец. Голос его тем не менее слегка потеплел. — Да, Кумбар знает. Здесь такие странные законы... Невестой императора должна быть непременно девственница, но брачное ложе занимает уже женщина, и в том заслуга не Илдиза...

— А чья? — удивилась Диния.

— На сей раз — моя, — нехотя пояснил варвар. — А вообще этим занимаются ребята из личной охраны владыки. Но Кумбар с ними договорился...

— О-о-о, Конан... Это ужасно...

— Почему? — Он пожал плечами. — Если у Илдиза на это не хватает сил — кто-то обязан ему помочь... Девушки только рады. Можешь себе представить, что ждет их дальше? Кроме евнуха да престарелого супруга им уже не видать мужчин... Потом дети — и все. Лет через двадцать бедняжкам будет нечего вспомнить, кроме той, первой ночи...

— С тобой?

— Со мной. А чём я хуже Илдиза?

Довольный своей шуткой, Конан тихо рассмеялся.

— Ты лучше, — не приняла его тона Диния. — Ты лучше всех, любимый...

Она положила руки ему на плечи, заглянула в темные синие глаза. Но любви, коей жаждала, не увидела там. Конан смотрел легко, беспечно, не думая вовсе о любви, но с удовольствием рассматривая нежную, почти прозрачную

кожу девушки, голубоватые вены на висках, выюющиеся пряди белокурых густых волос... Только раны на сердце не дано увидеть ему...

— О!

Диния отшатнулась вдруг. Гримаса отвращения исказила ее прелестные черты.

— Зуб Нергала!

Киммериец с удивлением проследил за ее взглядом и на морщинистой коричневой коре дерева заметил маленького желтого жучка с черными поперечными полосками. Он хотел было сощелкнуть его, дабы успокоить девушку, и не успел — Диния быстро смахнула насекомое на траву и ловко придавила его торцом своей лягни.

— Все! — Она торжествующе посмотрела на варвара и, кажется, готова была даже поклониться, словно только что закончила играть.

— Он ядовит? — поинтересовался Конан, ложась на спину и прикрывая веки.

— Да! Это самый настоящий Зуб Нергала! Я видела таких жуков в Аквилонии. После его укуса тело начинает гореть будто в огне, и так продолжается несколько дней... А потом — потом наступает смерть... Но человек уже ничего не чувствует... Откуда он взялся в императорском саду?

— Нергал знает... — лениво пробормотал варвар. — Сыграй-ка лучше что-нибудь веселое...

— Здесь?

— Можно и здесь.

— Садовник услышит... Меня могут прогнать из дворца...

— Тогда пойдем к тебе.

Конан открыл глаза, с улыбкой посмотрел на порозовевшую Динию.

— Пойдем к тебе, — повторил он. — До ночи еще есть время...

* * *

Кумбар мрачно стоял над распростертым на полу телом Баксуд-Маланы. С кинжалом, зажатого в его руке, мед-

ленно капала кровь, тут же впитываясь в толстый багровый ковер. На свинячьей физиономии сайдад ясно было написано отчаяние.

Стражник, охранявший половину невест, побежал за Конаном, скуля от ужаса: он уснул на посту, и сайдад разбудил его несколько мгновений назад яростным пинком в бок. Теперь парня ждала незавидная участь, но Баксуд-Малане это уже не могло помочь.

В ее широко раскрытых глазах Кумбар прочитал удивление, которое, вероятно, пришло на смену радости — на губах девушки застыла улыбка, чуть робкая, ласковая; подол длинного белого платья разметался по ковру; рукав, как и грудь, был обагрен кровью. Она шла к Конану — в этом старый солдат не сомневался. Но кто — кто? — мог ждать ее с кинжалом в руке в коридоре дворца, с обеих сторон замкнутом стражниками? Стражниками... Кумбар с горечью посмотрел в самый конец коридора, где и сейчас еще спал один из них. Он даже не проснулся от вопля своего приятеля! Тыфу!

Наконец из-за угла выскочил полуголый Конан — сайдаду показалось, что его не было вечность, — подлетел к трупу девушки, опустился на одно колено. Кумбар вздрогнул от короткого негромкого рыка, что вырвался из глотки варвара: столько боли и ярости услышал он в нем, столько первобытной силы, способной смести на своем пути все лишнее, все ненужное, что ледяная волна страха окатила старого солдата.

Не окажется ли ненужным и лишним он? С огромным полудиким киммерийцем вряд ли смог бы сразиться хоть один воин из войска Илдиза Туранского. Раздраженный сим неприятным чувством, которое, конечно, было навеяно дыханием ночи и смертью девушки, сайдад отворотил взгляд от Конана и вновь посмотрел на спящего вдали охранника. Его охватило вдруг горячее желание подойти к этому храпящему во всю глотку недоумку и дать ему хорошего пинка — такого, чтоб кубарем скатился с лестницы и проснулся наконец! Сайдад заскрипел зубами в ярости, и тут варвар поднял голову.

Взгляд его темно-фиолетовых глаз был страшен. «Зверь,— подумал Кумбар восхищенно,— настоящий зверь...» Налипшие силой мускулы юного гиганта перекатывались под бронзовой кожей; спутанные черные волосы покойно лежали на широких плечах, готовые вновь взметнуться крылом ветра при первом же движении киммерийца; искаженное гневом лицо с грубыми, но правильными чертами сейчас было прекрасно.

Несмотря на трагические обстоятельства, сайдад залюбовался великолепной фигурой парня — сильной и гибкой, достойной резца ваятеля... «В Аграпуре нет таких ваятелей,— промелькнуло в голове Кумбара.— Все глупцы и бездари... Понатыкали везде толстого бородатого Эрлика, а в глазах его ничего — пустота, как у бедолаги Бандурина...»

— Я сделал все, как ты сказал,— заторопился сайдад, отвечая на взгляд варвара.— Поставил в коридоре двух охранников. Но эти деревенские козлы... Они его проспали!

Конан медленно поднялся. Ярость, полыхавшая в его глазах, погасла — будто бы на огонь ее плеснули воды,— но еще тлела желтой кошачьей искоркой в глубине зрачков; на миг он прикрыл ее длинными густыми ресницами, а когда вновь посмотрел на старого солдата, взор его был уже холoden и отстранен. Кумбар насторожился.

— Ты знаешь, кто это сделал? Ты знаешь, Конан? — с тревогой и надеждой вопросил он.

— Мне надо подумать...— медленно произнес варвар, глядя сквозь сайдада куда-то в конец коридора.

«Что там? Стражник?» Кумбар отодвинул свое большое тело с дороги конанова взгляда, посмотрел в том же направлении. В самом деле, там спокойно продолжал почивать стражник, и храп его доносился сюда скрипом несмазанного колеса. «Тьфу! Чтоб тебя к Нергалу...» Сайдад погрозил огромным кулаком в сторону груды бесчувственного мяса, облаченного в железные доспехи, а киммериец уже направлялся туда, неспешным шагом, чуть вразвалочку. Но только успел Кумбар злорадно ухмыльнуться, представляя себе веселящую сердце картину трепки нерадивого

охранника, как тут же удивленно поднял белесые брови: варвар переступил через тушу, закрывавшую собой проход к лестнице, и скрылся за поворотом. В следующее мгновение на стене мелькнула его тень, потом и она пропала.

Старый солдат хмыкнул, пытаясь сообразить, что же все-таки надо Конану; знаком велел дрожащему от страха первому стражнику убрать тело девушки. Бросив последний короткий взгляд на несчастную Баксуд-Малану, сайдад вздохнул и поспешил вслед за киммерийцем, по пути бормоча сквозь зубы ругательства и проклятия богам и чувствуя, как с каждым бранным словом освобождается и успокаивается душа. Боги спали и ничего не слышали.

* * *

На улицах и в переулках Аграпура властвовала тьма — младшая и любимая сестра ночи, и пустота — их родная тетка. Луна, вялая, бледно-зеленая, словно только что оправившаяся после болезни, заняла свое место на черном беззвездном ковре, но светила едва-едва, так что казалось — дунешь легонько в небо, и она погаснет.

Бледнаваясь во мрак, сайдад семенил по самой середине широкой улицы, вымощенной круглым булыжником. Конан шагал уже далеко впереди, и Кумбар с трудом различал маячившую в конце длинного ряда домов черную точку его фигуры.

Сначала он подумал, что варвар направляется в «Маленькую плутовку», но потом тот свернул за два поворота до этой таверны, и сайдад припустил быстрее — стоило Конану на миг лишь исчезнуть из поля зрения, и он его уже не найдет. Но, как не спешил старый солдат, киммериец он все же потерял.

Учитывая то, что в Аграпуре существовало не менее сотни всякого рода кабаков и таверн — дорогих и дешевых, с громкими красивыми названиями и без мазваний вовсе, центральных и окраинных,— сайдаду ничего не оставалось делать, как только вернуться во дворец и по горячим следам продолжить расследование страшных преступлений. Так он и поступил.

В глубине души Кумбар не сомневался, что расследовать такое запутанное дело ему не под силу. И Конану — в этом, несмотря на его последние слова у тела Баксуд-Маланы, он уже тоже не сомневался, — не под силу. Ни сам он, ни юный варвар не обладали достаточной для такого сложного занятия смекалкой и ловкостью. Был бы Мишрак — хитрая лиса — может быть, Баксуд-Малана и осталась бы жива.

На сем соображении Кумбару вдруг стало стыдно, что являлось еще одним доказательством того, что совесть его хотя и была на последнем издохании, но пока не умерла. Киммериец предупреждал его: в охрану на половину невест надо ставить не менее десятка солдат — лучших солдат. Кумбар же счел, что и двух будет вполне достаточно, и — послал деревенских увальней, тупых и ленивых, и лучшего способа проворонить убийцу нельзя было найти. Будь он на месте Конана, несомненно усмотрел бы в таких действиях злой умысел...

Фонари императорского сада сайгад заметил издалека — оазисом тихого ласкового света виделись они в ночной неприветливой тьме. Он подмигнул им как старым друзьям и заспешил к воротам. Треск огня в треноге, ложе, устланное мягкими подушками, бутыль доброго вина на столике — что может быть милее в такую страшную ночь...

Губы Кумбара расплзлись в невольной улыбке; он прибавил шаг, предвкушая славный одинокий ужин в уютной своей комнатушке, и забыл о всех печальных событиях. В конце концов, почему бы и не вызвать Мишрака? Не по такому уж важному делу отбыл он из Аграпура... А искать преступника — его прямая обязанность. Кумбар к темной стороне жизни дворца вообще отношения никогда не имел...

Обругав стражу на воротах за медлительность, он быстро пошел к ступеням дворца. Луна стояла высоко в небе, даря земле ленивый свой свет, от коего тени деревьев казались широкими и длинными, а собственная тень Кумбара толстой и короткой. Фыркнув, он плонул в нее, но промахнулся; не сбавляя шаг, обернулся и плонул еще раз — и теперь попал.

Окрыленный победой, которую почел за знак богов и обещание удачи, сайгад на миг остановился — чтобы вдохнуть свежий ночной воздух, пропитанный нежными, еле уловимыми ароматами сада, — но только снова двинулся вперед, к матово блестевшим под луной ступеням дворца, как тихий шорох за спиной заставил его настороженно замереть. Опытный вояка, он умел различать звуки: то было движение живого существа, а не травы или листьев.

Сердце старого солдата радостно застучало — всего пару вздохов, и убийца будет в его руках! Он подобрался, изготавясь к прыжку назад, чуткие уши его поймали чье-то дыхание... Ноги Кумбара оторвались от земли и — в тот же момент на голову его обрушилось небо, а может, луна... Сноп искр разлетелся перед его глазами. Потом вдруг стало совсем темно — как видно, упала все же луна, — а потом и ничего не стало. Сайгад кулем повалился на землю, под персиковое дерево, и там уже лег спокойно и недвижимо.

* * *

В маленьком кабачке без названия на окраине Аграпура Конан топил печаль свою в вине. Он взял полдюжины бутылей дешевого красного — редкой кислятины и занял угловой столик, откуда хорошо виден был вход, а также весь зал, кривоватый квадрат с земляным полом, в глубоких трещинах которого произрастали даже длинные узкие травы. Грязь здесь была неимоверная.

Казалось, хозяин нарочно расстарался загадить весь пол, стены, потолок и столы для привлечения наилуче гнусной публики. Так и выходило: жулики, бродяги, нищие, бандиты и девицы не самого пристойного поведения отдыхали тут после нелегкого трудового дня, а то и подыскивали новых клиентов. И если в светлое время иногда забредали сюда случайные прохожие, выпивали кружку-другую пива и торопились выйти на свежий воздух, обещая себе в будущем обходить стороной этот грязный кабак, то ночью здесь гулял весь окрестный сброд.

Привычный ко всему варвар находил сие заведение отвратительным, но одно преимущество все же было, оно и влек-

ло его порой сюда: никто не знал тут Конана-киммерийца, никто не подходил к нему, то ли опасаясь его внушительных размеров и разбойничьей стати, то ли просто не признавая в нем своего, и никто ни о чем не просил. Хозяин — кривоно-гий коротышка со сломанным сизым носом и быстрыми колючими глазками — уже узнавал его в лицо, кланялся подобострастно и тоже особенно не докучал.

Выпив в одиночестве две-три бутыли вина или кувшин пива, Конан удалялся, умиротворенный и готовый продолжать вечер, но уже в знакомой компании и в знакомом, более приличном кабаке типа «Маленькой плутовки». Он и сейчас пришел сюда за этим — за одиночеством. Но не то, простое одиночество — когда можно уйти от всех, запереться в комнате — требовалось иногда юному варвару. Он жаждал иного: погрузиться в нехитрые мысли свои и мечты среди людей, которые не станут заглядывать в глаза, словно потеряли в них золотой, не спросят, не скажут, не заденут рукавом... В казарме ему никогда не удавалось оставаться одному: кто-то непременно вторгался в запретную зону личного, неприкосновенного.

К счастью, желание такого одиночества обуревало Конана весьма и весьма редко — раз или два-за все его пребывание в Аграшуре. Косые, уродливые, чумазые, тупые и пьяные рожки здешних завсегдатаев не приводили его, конечно, в ужас или негодование: видел и не таких; но и наслаждения от созерцания их получать не мог. Зато он умел их не замечать вовсе. Шум, гам, визг и звон разбитой посуды — привычная музыка — никак не тревожили его мыслей. А сейчас тем более. Ему было о чем подумать в эту ночь. Алма, Хализа, Баксуд-Малана... Они только начали жить...

В груди варвара вновь заклокотала, забурлила горячая ярость; он сжал в ладони кривобокую глиняную кружку, только представив себе, что сжимает горло убийцы, а когда она треснула, рассыпаясь, и по руке заструилось холодное красное вино словно кровь, свет померк в его глазах. Тайна перестала быть тайной, суть ее открылась в одно краткое мгновение, и мысль Конана, дрогнув, перенеслась вдруг в бездну чужих, неведомых миров. Там, в гнетущей пустоте, ощущил он явно

тот мрак, в коем пребывала до сих пор душа убийцы... Конан содрогнулся. Все его прежние подозрения оказались верны, как ни желал он, чтобы было иначе. Дитя ужаса, порождение Нергала всеми корнями проросло во дворце, и теперь, установив имя, оставалось только уничтожить плоть... Алма, Хализа, Баксуд-Малана...

Киммериец скрипнул зубами в бессильной ярости. Как мог он не понять этого раньше, как мог не поверить своим догадкам? Раздев он сию гнусную тварь пару дней назад или даже вчера, и тогда, может быть, хоть Баксуд-Малана осталась жива... Алма, Хализа, Баксуд-Малана... Кого этот демон в человеческом обличье наметил своей следующей жертвой?

Конан открыл новую бутыль и припал губами к узкому горлышку. Вино — щедрый дар богов людям — и сейчас сотворило доброе дело: с каждым глотком угасал бушующий в груди варвара огонь, прояснялись мысли, холодела кровь. Зло ухмыльнувшись, он швырнул опустошенный сосуд на пол и знаком приказал хозяину принести еще две бутыли. Алма, Хализа, Баксуд-Малана... Перед глазами его проплывали их нежные милые лица, в ушах звучали звонкие голоса...

Конан готов был признать свою вину — убийца все время находился рядом с ним, но свободный и безнаказанный, — и готов был эту вину искупить кровью, разумеется, не своей. Меч его давно не покидал ножен, так что для него работа будет только в радость... Для него — да, в себе же Конан не был так уверен. Прежде ему не приходилось обагрять рук кровью друга, пусть даже коварного и бесчестного... Алма, Хализа, Баксуд-Малана... Киммериец еще раз и еще упрямо повторял про себя эти имена, желая вновь поднять в груди волну благородной ярости, которая поможет ему унять сомнения и позволит мечу без колебаний свершить правосудие, но — дрожь, охватившая все тело в момент открытия имени преступника, не проходила. Конан вытер рукавом взмокший лоб, тяжело поднялся и пошел к выходу. Он должен это сделать, должен... Алма, Хализа, Баксуд-Малана...

Глава восьмая

Выйдя на улицу, Конан с удивлением обнаружил, что уже близится рассвет. Он постоял немного у дверей, с наслаждением — после духоты и вони кабака — вдыхая свежий предутренний воздух. Первозданная тишина царила на темных еще улицах Аграпура, но в преддверье дневных звуков уже начинала гудеть под ногами земля. Конан стопами чувствовал сей дивный, означающий продолжение жизни гул. Не в эти ли мгновения когда-то, двадцать один год назад, в Киммерии, родился он? А может, тогда шел дождь? Или снег? И небо было покрыто темными тяжелыми тучами?

Жаль, что человеку не дано помнить миг своего рождения. Зато память сохраняет годы отрочества, юности, зрелости... Придет день — подумал вдруг Конан с усмешкой — и он расскажет сыну о драках и сражениях, о друзьях и врагах, объясним ему, что такое честь и предательство, и как отличить истину от лжи... Каждому определен богами свой, особый путь, и путь этот записан в Книге Жизни, что хранится в небесной пещере под гнездом орла — так говорили старики, а мудрее старииков, чем в Киммерии, Конан пока не встречал. И все же он был убежден: если есть воля, если есть сила, человек может изменить направление своего пути. Что прихоть богов, когда всякая жизнь все равно закончится на Серых Равнинах!

И все же он не прочь был заглянуть в эту самую Книгу — что там боги напридумывали для него, Конана-варва-

ра? Они ли направили его вместе с киммерийскими мужчинами на штурм аквилонской крепости Венариума — а в ту пору ему едва исполнилось пятнадцать — или он сам, перечеркнув записанное, встал в ряды взрослых воинов? Они ли подкинули ему сосуд с заточенным там сумеречным демоном Шеймисом, или он сам, опять же перечеркнув записанное, вышел к берегу моря и выловил несчастного пленника? А гладиаторские казармы в Халоге?

А встреча с шемитом Иавой Гембехом в горах Кофа и дальнейшее путешествие к Желтому острову? Да мало ли приключений пришлось ему пережить к настоящему времени, и как узнать, предназначено ли се богами, или же совершено Конаном наперекор их воле? Когда-нибудь, может быть, он и доберется до Книги Жизни, и если понадобится, свернет шею орлу, который ее охраняет, а пока... Пока впереди еще долгий путь по земным просторам... Но сначала нужно все-таки дойти до императорского дворца. При этой мысли Конан нахмурился.

Сопровождаемый редкими и бледными светилами, поблескивающими в матово-черном небе, он шагал по улицам, по переулкам, подавляя в себе острое желание свернуть в казарму: любое дело требует своего завершения, и посему он должен идти во дворец. Интересно, а записано ли в Книге Жизни, что именно он, Конан-варвар, будет разоблачать таинственного убийцу, ввергшего в ужас чуть не половину населения Аграпура? Тяжело вздохнув, он повернулся на широкую улицу, и, как незадолго до него Кумбар, подмигнул фонарям императорского сада. Не успеет взойти солнце, как эта гнусная история закончится... Еще раз тяжело вздохнув, Конан решительно вошел в ворота и направился ко дворцу.

* * *

Кумбара обнаружил на рассвете гуляющий по саду Бандурин. С тихой песней бродил он по тропинкам, дразня павлинов и надкусывая плоды, и думы его были туманны и блаженны. Любовь, приведшая его на край пропасти и столкнувшая затем в пучину безумия, прошла бесследно.

Вернее, он просто забыл о ней; она осталась в прошлой его жизни, к коей ныне он уже не имел никакого отношения.

Наголкнувшись внезапно на большое тело сайгада, возлежащее под персиковым деревом, скопец присел на корточки рядом с ним и принял усилиенно размышлять. Первая мысль его была достаточно здравой для того, чтобы снова попасть в темницу, а потом и в руки палача: если разрубить эту тушу на куски, а куски закопать в землю, вырастут ли из них новые люди? Мечтательно улыбаясь, Бандурин ясно представил себе воздвигшиеся средь плодовых дерев огромные ноги и руки, кои он с превеликим удовольствием приходил бы поливать и окучивать, а после — собирать с них урожай.

Тут его фантазия дала сбой, ибо какой урожай могли принести ноги или руки, даже для безумного скопца представлялось загадкой. Следующая мысль понравилась ему больше: взвалить тело на тележку, отвезти на рынок и там продать за хорошие деньги. Сайгад — человек известный и в Аграпуре и в окрестностях, а потому за его останки наверняка можно выручить не менее пяти золотых. Оставалось только найти тележку. Воспрявший духом Бандурин вскочил и прытко поскакал по саду в поисках необходимого средства транспортировки тела. Увы, и этим мечтам не суждено было сбыться: ни в каморке садовника, ни в кустах, ни в яме у ограды ничего подходящего он не нашел. Зато в результате пробежки хаотичные мысли в его голове несколько прояснились, и он пришел к единственно правильному решению: тушу сайгада продать, но не на рынке, а здесь же, во дворце.

Тогда и тележки не нужно — просто прикрыть драгоценную находку какой-нибудь тряпкой и поспешить во дворец, поискать покупателя, готового предложить приличную цену. Так он и сделал. Задрапировав массивное тело Кумбара собственными халатом и накидкой, полуобнаженный скопец ринулся обратно во дворец, моля Эрлика послать ему честного и богатого купца.

Но вероломный Эрлик и на сей раз жестоко посмеялся над несчастным Бандурином — только нога его коснулась

мраморной ступени, как здоровенная волосатая рука стражника крепко ухватила бедолагу за шиворот и так внесла внутрь. Странная картина представала глазам скопца: огромная зала была полна челяди, что выстроилась в стройные ряды и сурово взирала на болтающегося в воздухе Бандурина. Он сфокусировал взгляд свой на их сдвинутых бровях и искривленных губах, возмущенно пискнул, явно не согласный с таковыми выражениями лиц, и вдруг, словно почуяв что-то опасное для себя, пронзительно завизжал, забарахтался, пытаясь вывернуться из цепких железных пальцев стражника.

— Убийца!

Он не разглядел, кто крикнул это ужасное, гадкое, мерзкое слово первым. А потом и разглядывать было нечего: орали все.

- Жирный ублюдок!
- Пес вонючий!
- Нергалово отродье! Козлиный кал!
- Смерть ему!
- Смерть..
- Смерть..

Последнее слово, раз прозвучав, уже не смолкало. Напуганный до колик в животе скопец, не в силах понять, за что вдруг на него ополчились все эти люди, отчаянно извивался, рычал и плакал, но все без толку. Стражник не отпускал его ворота, челядь бесновалась, и казалось, что этому кошмару не будет конца. Но конец все же наступил. Равнодушное время, словно споткнувшись, остановилось, и потянулось длинное, длинное мгновение — мгновение звенящей тишины, сквозь которую даже были слышны крики птиц в саду и шелест листьев; закрылись рты; Бандурин, тоже умолявший, перестал дергаться и замер. Но даже самое длинное мгновение должно обязательно кончиться. Стражник протянул другую руку и ею ухватил Бандурина за шаровары, потом, ухнув, качнул его и — с размаху вбил головой прямо в стену, разукрашенную чудной мозаикой. Раздался треск. Челядь выдохнула изумленно-восхищенное «Ах!», монолитные ряды ее дрогнули, но не распались. Сотня

глаз в полном молчании смотрела, как мозаика окрасилась кровью, как стекали на роскошный ковер розовые струйки, тут же впитываясь и цветом своим оживляя бледный серо-зеленый цвет ковра. А потом все разошлись.

* * *

Ближе к полудню, когда солнце уже вовсю светило в окна, Кумбар велел слуге принести ему вина погорячее и, кряхтя, начал выпутываться из покрыва. Борьба продолжалась долго: коварное покрывало крепко опутало ноги старого солдата, так что ему пришлось напрячь все силы и порвать врага.

Освободившись, он с волнями и стенаниями забрался в кресло, схватил чашу, доверху наполненную расторопным слугой, и жадно выпил ее. Настроение было ужасным, и неудивительно. Баксуд-Малана мертвa, Конан пропал — никто его нынче не видел, затылок саднил и ныл, и уже сейчас на нем красовалась огромная, как булыжник, шишка, а в довершение всех неприятностей дурень стражник, направлявшийся на смену караула, заметил безумного евнуха у его тела и размозжил бедняге башку, приняв его за искомого убийцу.

Впрочем, по поводу евнуха сайдад не слишком переживал: видно, такую судьбу уготовил ему Эрлик с пророком своим Таримом. Но куда подевался варвар? И кто, в конце концов, подкараулил его самого, наперсника Илдиза Туранского, личность неприкосновенную, ночью в саду и не постыдился камнем пробить голову?

Кумбар поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее, сопровождая занятие сие стонами и печальными вздохами, и снова обратился к чаше с вином. Крепкий, обжигающий грудь напиток пробудил дремлющий до сих пор аппетит старого солдата.

Кликнув слугу, он приказал немедля принести жареного каплуна с бобами и масукой — кисло-сладкой травой и связку любимых им крабовых палочек; тенью метнулся тот за портьеру, шаркнув туфлями по волнистому ворсусу ковра — Кумбар сморщился: он терпеть не мог бессловес-

ность и исполнительность дворцовой челяди... Но куда же подевался Конан? Может быть, и он пал жертвой предательского нападения в саду? Нет, покачал раненой головой старый солдат — кого-кого, а варвара преступнику убить не удастся... А вдруг?..

Губы сайдада внезапно пересохли. Он сунул руку под халат и начал с остервенением чесать живот, покрытый жестким волосом — верный признак того, что Кумбару не по себе. Воображение услужливо рисовало ему картину за картиной, и одна была страшнее другой. То видел он демонов, терзающих мертвое тело юного варвара, то Черного Владыку, воткнувшего копье в его шею, то стаю грифов, нарезающих круги в зловеще багровом небе, а внизу, разметав гравюу черных волос по траве, опять же лежит Конан, а в груди его торчит рукоять кинжала убийцы...

Впечатлительный Кумбар совсем развелся. Он вытянул толстую руку и растопырил пальцы, проверяя, дрожат ли они. Они дрожали. Тогда сайдад вновь припал губами к спасительному напитку, шумно отхлебнул глоток, чувствуя, как живая горячая струя водопадом низвергается в его желудок, смывая все гнусности последнего времени туда, откуда им потом нетрудно будет выйти вместе с прочим ненужным человеку хламом; второй глоток позволил старому солдату криво улыбнуться; после третьего он понял, что на самом-то деле все складывается не так уж плохо — Баксуд-Малана и евнух переселились на Серые Равнины, а кто сказал, что там хуже, чем в подлунном мире? Никто оттуда пока еще не возвращался; Конан найдется; убийца... А что убийца? Должен же и он когда-то успокоиться и остановиться...

Слуга бесшумно появился с подносом в руках, проворно расставил на маленьком столе требуемые яства. Кумбар схватил жирную гузку каплуна, вцепился в нее крепкими зубами и, когда сок потек по его подбородку, уяснил наконец суть всего происходящего: не прося богов о лучшем дне, ибо сей день и есть лучший. Старый солдат предовольно ухмыльнулся, вытер рукавом жир с лица и продолжил трапезу.

* * *

«Алма, Хализа, Баксуд-Малана... Алма...» Глаза нестерпимо болели от яркого света, проникающего сквозь ресницы и веки,— словно кто-то поднес к лицу пламя свечи; в голове гудели, вошли и грохотали дудки и барабаны, и Конан все порывался вскочить, полагая, что началась война и надо чистить оружие и вставать в первые ряды. Но тело его как будто окаменело, и только сердце осталось пока живым, но и оно уже стучало глухо, медленно, неровно. «Алма, Хализа, Баксуд-Малана...»

И вдруг киммериец ясно припомнил все, что произошло с ним ночью: перепуганный стражник, фальцетом вопящий о новом убийстве; потом холодное уже тело Баксуд-Маланы, которая должна была прийти к нему в полночь, но смертоносный кинжал настиг ее раньше; грязный кабак на окраине Аграпура, вино, струящееся по руке, и — озарение...

Что же было дальше? Он пошел во дворец с единственной целью — вытащить из норы убийцу и показать всем, чтобы исчез страх, чтобы ни одна душа не отправилась на Серые Равнинны от руки демона в человеческом обличье... Диния налила ему вина — ароматного, горько-сладкого, липкого... Конан глотнул лишь раз, и прежде, чем он успел произнести хоть слово, вязкий туман окутал его голову; перед глазами закружились стены, лютня, Диния, потолок, снова стены...

Конан открыл глаза, с удивлением обнаружив, что сделять это оказалось совсем не трудно, и вперил взор в обшарпанный потрескавшийся потолок. Солнечный свет, который он принял за пламя свечи, залил всю комнату, и лучи его играли на потолке и стенах, прорываясь в дыры легкой занавеси, болтавшейся на окне. Звуки дудок и барабанов неожиданно слились, и оказались монотонной печальной мелодией, исходящей от лютни Динии. Конан быстро поднялся, сел на узком топчане.

Тонкая рука скользнула вниз, обрывая музыку. В наступившей тишине киммериец явственно услышал собственное тяжелое дыхание, а еще клекот павлинов в саду и далекие крики городских обходчиков. Синие глаза его, как

ни странно, свободные от похмельной муты, вперили взгляд свой в такую же синеву глаз напротив. И еще раз поразился Конан искусству богов, создавших поистине неземную красоту. В Динии не было яркости, не было живости здешних горячих девиц, но зато в ней самой существовала музыка — не та, которую слышат уши, а та, которую слышит тело.

Эта девушка могла быть торжественной оэдой, сочиненной придворным музыкантом, и могла быть тоскливой песней гирканского кочевника; под ее взором обряды черных дикарей Зембабве с их резкими ритмичными танцами свершились бы без всяких тамтамов, а старухе-рыбачке из далекого Ванахайма не пришлось бы брать в сухие морщинистые руки трехструнную мангру, чтобы спеть надтреснутым голосом своим монотонную старинную балладу — глаза Динии сыграли бы все это и так.

Конан расчесал пятерней спутанную гризу, прокашлялся. Его охватило страстное желание снова ощутить в своих руках ее хрупкое гибкое тело, вдохнуть запах ее волос — травяной, чуть терпкий, услышать ее тихий, завораживающий голос... Но, вдруг появившись, желание сие так же вдруг пропало. Сглотнув горький похмельный ком в горле, киммериец взял со стола кружку с теплой водой, в два глотка осушил ее. Затем, все не спуская глаз с Динии, нащупал на топчане у стены свою куртку, накинул на плечи. Проверил пряжку кожаных штанов — застегнута. Кажется, больше заняться было нечем.

Диния подняла лютню, что лежала на полу, дернула пальцами струны. «Уа-ау-у», — взвизгнула лютня, недовольная таким обращением. Девушка усмехнулась, бросила инструмент под ноги варвару. «Алма, Хализа, Баксуд-Малана...» Он жестко усмехнулся ей в ответ и наступил на узкий и хрупкий, как тело лютнистки, гриф. Раздавшийся в тишине легкий хруст был подобен разрыву молнии: Диния дернулась; в синих глазах ее пробежала искорка боли и страха.

Солнце, сыплющее серебро и золото на ее белокурые волосы, скрылось на миг за белым пухлым облачком, и

тень изменила черты девушки. Жесткие складки легли у губ и меж бровей, глаза потемнели, и взгляд их стал неприветлив, сух. Но вот солнечный луч вновь проник в комнату — Конан глубоко вздохнул, узнавая прежнюю Динию, смотревшую на него с любовью и нежностью. Ему захотелось плюнуть в эти глаза.

— Зачем? — прохрипел он, только сейчас начиная чувствовать похмельный гул в голове.

— Что? — звонкий негромкий голосок-колокольчик заставил его вздрогнуть, как то бывало прежде.

— Зачем ты убила Алму?

— Она любила тебя, — пожав узкими плечиками, пояснила Диния. — Она говорила, что ты возьмешь ее в жены... Что вы уедете вместе, в Киммерию.

— Ты... Ты хуже любого демона... Ты грязная тварь...

— Я поняла потом, что она только мечтала, — невозмутимо продолжила девушка. — Но она не смела даже мечтать о тебе.

Озоб пробежал по коже варвара. Он ощущил, как поднимается в груди знакомая волна дикой ярости, первобытного гнева. Но для этого еще не пришло время, а посему он усилием воли загнал вглубь себя все чувства и через пару вздохов смог посмотреть на лютнистку так спокойно, как только умел.

— Как... Клянусь Кромом, не могу понять, как ты смогла задушить ее?

— Вино, — легко ответила Диния. — То же вино, какое и ты отведал нынешней ночью.

— И какое пили стражники в коридоре на половине невест?

— Да. Но мне пришлось смешать его с их пивом.

— И Алма...

— Алма уснула после первого же глотка, а затем... Затем все было просто.

— А Хализа? А Баксуд-Малана?

— Глупые индюшки, — сморщила Диния хорошенъкий носик. — Хализа приняла меня за мальчика и влюбилась. Мне пришлось нелегко: она все порывалась затащить меня в постель.

От такого цинизма даже видавшему виды варвару захотелось сплюнуть на пол. Что он и сделал.

— И поэтому ты убила ее?

— Нет. Ты... Ты отпустил жирного ублюдка — ты понял, что не он удавил Алму. Что мне оставалось делать? Я боялась... — пухлые губки Динии изогнулись, — пойми же, Конан... Пока он был в темнице, я могла жить спокойно — убийцей считали его! Но потом — потом ты снова стал бы искать... настоящего преступника... Что мне оставалось делать? К тому же, я хотела избавиться и от евнуха...

— А он-то чем тебе не угодил?

— Он тоже думал, что я мальчик. И... О, Митра... Конан, послушай, он приходил сюда каждый вечер, он... Он ревновал меня к Алме, глупец... Сначала я даже была этому рада: он решил разлучить меня с ней и напшелтал Илдизу, что сайдаг скрыл от него самую красивую...

Все оказалось проще, нежели предполагал прежде Конан. Она убила Хализу только для того, чтобы подозрение вновь пало на евнуха, коего в тот день освободили из темницы. Но при чем тут Баксуд-Малана?

— Но при чем тут Баксуд-Малана?

— Она говорила, что хочет убежать с тобой.

— Вздор! Клянусь Кромом, ты несешь вздор! Ты отлично знаешь, что я не стал бы убегать отсюда ни с Баксуд-Маланой, ни с Алмой, ни с тобой! — прогремел варвар, поднимаясь с топчана и сжимая кулаки.

— Чего ты хочешь, Конан? — испуганно отшатнулась Диния.

— Правду! Я хочу правду и больше ничего!

— Хорошо.

Она на миг задумалась, как бы размыслия, сказать правду или снова солгать. Синие глаза ее потухли, и теперь казались блекло-голубыми, почти бесцветными, рыбими... Конан с неприязнью отвернулся.

— Я родилась в Шамаре...

— Ты родилась в царстве Нергала, — грубо перебил киммериец.

— Может быть... Я не помню дня своего рождения...

Она повторила ночную мысль Конана, и от этого ему стало еще противнее.

— Шамар — город в Аквилонии. Не такой большой, как Тарантия, но очень красивый... Дома там...

— Мне наплевать на дома в Шамаре! Я хочу знать, почему... Почему ты — гнусная убийца!

— Дома там — высокие, в два этажа, — упрямо повторила она.— На окнах — витражи. Похожие на те, что здесь, во дворце. Это так красиво, Конан... Внутри я никогда не была, но мне рассказывали, что потолки там изукрашены лепниной, а у самых богатых и мозаикой! Я мечтала жить в таком доме... Но... Я жила в жалкой хибаре у восточных ворот, с теткой — старой злобной гадиной, которая каждый день убивала меня... Палкой, словом, снова палкой...

— Хватит! — рявкнул Конан, теряя терпение.— Какое мне дело до твоей тетки и до тебя! Не тяни и говори толком, а не то, клянусь Кромом, я не выдержу и сверну твою нежную шейку!

— Алма, Хализа и Баксуд-Малана не знали, что такое нищета. Они росли в красивых домах, они спали в чистых мягких постелях, а не на соломе, как я! И им никогда не пришлось бы бродить по миру и зарабатывать себе на жизнь!

— Нет,— устало помотал головой Конан.— И это тоже вздор. Ты убила их не поэтому.

— А почему? — Она удивленно приподняла стрелы бровей, но в глазах ее удивления не было.

— Просто тебе нравилось... убивать. Кром! Мне тоже нравится убивать, но в драке! Когда мой меч встречается с мечом, а мой кулак с кулаком... А ты — ты просто грязная тварь, и я хочу отправить тебя туда, откуда ты пришла — к Нергалу...

— Я не боюсь Серых Равнин, Конан. Возьми!

Рука Динии ловко нырнула под половицу и выудила кинжал — такой, каким была убита Баксуд-Малана — с простой рукоятью, обоюдоострый.

— Возьми! — снова сказала она, протягивая варвару клинок.— И убей меня.

— Я лучше голыми руками раздавлю вонючую ящерицу, чем дотронусь до тебя,— с гадливостью выдохнул Конан, делая шаг к двери.

Диния засмеялась. Еще вчера этот смех — переливчатый, нежный — заставлял его сердце трепетать в предвкушении ночи, но сейчас... Он пинком распахнул дверь и, не оглядываясь, вышел.

* * *

Сумерки — как это часто бывает в Аграпуре — наступили вдруг. Но в покоях Кумбара было светло: в треноге весело трещал огонь, и блики его порхали светлячками на бутылях темного стекла, кои высились на столе громадой сплоченного войска, и даже двум чашам места здесь не осталось, так что Конану и сайгаду приходилось не выпускать их из рук. Они не выпускали их с большим удовольствием.

Кумбар, с трудом удерживавший на весу замотанную в три слоя тряпок голову, тем не менее пребывал в прекрасном расположении духа. Илдиз даровал ему нынче меч с рукоятью, усыпанной самоцветами, в золотых ножнах, а также благосклонно вернул свое расположение, что, несомненно, стоило дороже всякого богатого подарка — такова была награда за верную службу и за установление имени убийцы.

Пусть теперь Гухул из кожи лезет, пытаясь вновь завоевать милость владыки! Старый солдат не будет ему мешать — все равно не пройдет и двух лун, как цирюльник окажется там, где и надлежит ему быть, то есть в цирюльне... Кумбар опрокинул в глотку остатки вина из чаши, и сразу налил ее доверху из новой бутыли.

Конан с удовольствием последовал его примеру, хотя настроение его не было столь воздушным и безмятежным. В глазах его и сейчас стояла та мрачная картина, какую обнаружили они с сайгадом в караван-сарае днем: комнатка, в коей он, Конан, провел немало приятных ночей, сначала показалась пустой. Но потом, когда Кумбар отодвинул занавесь, впуская ускользающий солнечный луч, они уви-де-

ли в самом темном углу скрюченную фигурку. Диния с кинжалом в сердце лежала на спине и...

И улыбалась. Киммериец наклонился над ней, надеясь, что гримаса смерти исказила прелестные черты, но нет. Самая настоящая улыбка застыла на побледневших уже, таких красивых губах. Она убила себя после его ухода, не медля и вздоха — в этом варвар не сомневался. Она не страшилась смерти и хотела ее...

Юная лютнистка оказалась убийцей — так нежный цветок бывает ядовитым, так из маленького добродушного щенка вырастает злобный пес... Конан начал догадываться об этом давно, и все же любые подозрения рассеивались при виде хрупкой, такой беззащитной фигурки девушки.

Он вспомнил вдруг, как она раздавила Зуб Нергала, какое наслаждение мелькнуло в ее синих глазах. Ха! Конан тысячу раз видел Зуб Нергала — огромный, величиной в полладони белый жук с кривым рогом. Потом он понял — Диния просто опять хотела убить... Хотя бы такую мелочь, как безвредное насекомое, ибо она не могла не знать, как выглядит настоящий Зуб Нергала — в Аквилонии их водится побольше, чем в других странах... Как могло родиться на свет такое чудовище, да еще в образе красивой девушки? Несомненно, мать ее и отец были нечеловеческого рода...

А что в Книге Жизни записано про Динию? Определены ли там ее путь? Или этим и впрямь занимались демоны? Мысленно Конан перелистнул огромные страницы, мельком увидев знакомые имена — Карела, Мангельда, Ордо... Потом взгляд выхватил его собственное имя, начертанное вязью красными с золотом буквами, но пролистал дальше, и вдруг в какой-то момент Конан ясно понял: нет ее там.

Нет и быть не может, ибо порождению Нергала место не в Книге Жизни, но в выгребной яме. Конан вновь ощутил однажды уже прочувствованный им мрак, содрогнулся; ледяной колючий сквозняк легко — пока легко — коснулся его щеки; смрад ударил в нос. Скулы варвара свело — вино показалось горше незрелого миндаля. Он зло ухмыльнулся, про себя обещая когда-нибудь посетить это царство

ужаса уже наяву, но сейчас ему было рановато туда стремиться; он ограничился тем, что послал туда воображаемый смачный плевок и отпил пару порядочных глотков, что сразу растопило лед сквозняка и превратило его в теплый ветерок.

А был ли тот мороз в душе Динии? И таял ли когда-нибудь снег на ее сердце? Конану хотелось ответить себе — да, ведь не одну ночь, жаркую, страстную, провели они вместе. Неужели она целовала его с тем же мраком, с тем же холодом внутри? Но вот ее черная душа переселилась на Серые Равнинны, а может, в царство демонов, но стало ли Конану оттого легче? Митра свидетель, он и сам свернулся бы ей шею, но после тех ночей... Киммериец так и не смог ответить себе на этот вопрос — больно сложен! А посему он долил в чашу вина, осушил ее и тотчас долил снова.

— Пей, Конан, пей, — Кумбар благодушествовал. — Одной дрянью на свете меньше — и хорошо. Но на эту девочку я б в жизни не подумал... Убийца... Такая красоточка, на лютне бренчит...

Речь сайгада текла плавно, монотонно, и все мимо ушей. Киммериец, задумчиво прихлебывая из чаши аргоское, вспоминал Алму, чья жизнь оказалась так коротка, и Баксуд-Малану... Хализу он и не видел, но и она наверняка была прехорошенькой, если судить по остальным невестам Илдиза Великолепного...

— Да и кто знает, что там внутри человека... У кого одна пыль, у кого песня, у кого камень, — разглагольствовал Кумбар. — Только богам ведомо, какой на самом деле я, а какой ты. И про ту лютнистку тоже одним богам было ведомо...

— Демонам... — уточнил Конан, глядя в переливающиеся алым светом угли в треноге.

— Что? Ну да, демонам...

Сайгад зевнул во всю пасть, продемонстрировав киммерийцу крепкие зубы и меж ними словно кусок мяса толстый красный язык.

— Все, — пробормотал он, поднимаясь. — Спать.

Кивнув, Конан встал. Его тень на стене тут же выросла, стала такой огромной, что часть ее перешла на потолок. Красные языки пламени заплясали яростнее, быстрее, словно дикиари на обряде жертвоприношения. Варвар подошел к окну, отодвинул тяжелую бархатную занавеску, посмотрел в небо. Кажется, уже готов к выходу на землю новый день — небо на горизонте чуть просветлело, и ночная тишина насторожилась, ожидая сигнала проснуться...

— Ко-онан... — простонал Кумбар, заворачиваясь в покрывало.

Киммериец обернулся и бросил быстрый взгляд на стол. Вина еще вдосталь, и он может допить его в своей комнате. Прихватив полдюжины бутылей, он прижал их к себе с искренней любовью и направился к выходу.

— Хей, варвар... — скрипнул с тахты сайгад.

— Ну?

— Я так и знал, что ты не сможешь найти убийцу.

Он задушенно захихикал, упал головой в подушки и тут же уснул, не услышав уже глухого и гулкого, словно раскаты грома вдали, за горами Ильбарс, истинно варварского смеха.

ГЛАВА 1. Предсказание

Он был зол. Он готов был грызть зубами золотые безделушки и сверкающие камни своей сокровищницы, так он был зол. Вид неисчислимого богатства, которое было тем ценнее в его глазах, что принадлежало лишь ему одному и никому больше, всегда успокаивал и радовал его, но сейчас не помогало и это. Он набрал в грудь побольше воздуху, задержал дыхание, сколько хватило сил, потом резко выдохнул. И сказал как мог спокойнее:

— Ну чего, чего же тебе еще не хватает? Глупая женщина! Я собрал здесь самые редкостные, самые удивительные драгоценности со всех концов света, и все это — твое, пока ты со мной. Ты хотела парчу, шелка и бархат, чтобы одеться — я достал их. Потом ты потребовала перин и одеял, потому что, видите ли, не можешь спать в холода — и я принес их тебе. Скажи мне, что тебе нужно, и, клянусь Первым Яйцом, я достану все, что потребуется!

В продолжение всей этой речи он сидел к Рaine спиной, но на последних словах обернулся так резко, что девушка вздрогнула. Но все равно упрямо покачала головой:

— Нет, чудовище. Ты не заставишь меня.

Он качнулся всем телом в ее сторону, и, хотя их разделяло не меньше десятка шагов, она тотчас почувствовала у самой щеки его горячее, нетерпеливое дыхание.

— Разве такое уж я чудовище? — вкрадчиво проговорил он ей в самое ухо. — Посмотри мне в глаза и скажи.

— Я не желаю смотреть в твои желтые глаза! — крикнула девушка. Она сидела на груде золота, сжавшись в комочек, обхватив колени тонкими руками.— Уже тысячу лет я не видела ни одного простого человеческого лица, только твои желтые безумные глаза!

Маленькой ножкой в ажурной кожаной сандалии она пнула арфу, и та жалобно зазвенела.

— Раина, у меня золотые глаза,— еще более вкрадчиво проговорил он, лястясь к ней.— Чудные, сияющие золотые глаза. Не упрямься.

— Буду. Что ты мне сделаешь?

— Не дам сладкого. Посажу в пещеру с летучими мышами.— Глаза его, и в самом деле цвета жидкого золота, лукаво блеснули.— Или... не пущу посмотреть на закат. Я собирался, но раз ты такая гадкая...

Он отвернулся и притворно вздохнул. Раина подняла мокре от слез лицо.

— Это правда? Или ты смеешься надо мной?

— Ты споешь мне? — живо спросил он.

Раина стиснула кулачки и в отчаянье ударила его в грудь, но только подцарапала кожу о сверкающий небесно-голубой панцирь. Тогда она разрыдалась.

— Ненавижу! Ненавижу тебя! Тюремщик мой, палач! Желтоглазое чудовище!

— Спой мне о том, как сильно ты меня ненавидишь,— невозмутимо предложил он. Ответом ему были только горькие всхлипы, и тогда он заметил: — А солнце меж тем спускается все ниже и ниже. Скоро оно исчезнет в море, и не на что будет смотреть.

И так велико было желание бедной девушки хоть ненадолго выбраться на свет из темных, душных залов подземного дворца, что она поспешно утерла слезы и встала.

За все те неисчислимые годы, что провела она здесь, ее тюремщик впервые сам предлагал ей прогулку наверх. Все ее просьбы об этом до сих пор оставались без ответа, и она боялась, что неожиданное великолудие оставит золотоглазого хозяина так же внезапно, как и появилось.

— Я буду петь тебе весь вечер, если ты и впрямь выпустишь меня наверх, пока не сядет солнце,— пообещала она.

Между этими двумя существовал нерушимый договор: можно бесконечно изворачиваться и увиливать от ответа, но если слова произнесены, отказаться от них невозможно. Данное обещание, коль скоро оно давалось, должно было быть исполнено, как им, так и ею. Поэтому он перестал торговаться и удовлетворенно хмыкнул.

— Тогда живо иайди что-нибудь, чем завязать тебе глаза. Я не хочу, чтобы ты знала путь наверх.

Кривая усмешка исказила ее губы.

— Боишься, что сбегу? В открытое море?

— Нет,— спокойно ответил он.— Боюсь, что будешь слишком часто бывать наверху, и у меня больше не останется способа уговорить тебя петь мне.— Он помолчал, завязывая ей глаза вышитой турецкой шалью, затем небрежно добавил: — К тому же от долгого сидения на солнечном ветру могут прощасть мои чары, и ты превратишься в столетнюю старуху, какой уже наверняка бы стала в любом другом месте.

Раина испуганно вскинула руки и провела кончиками пальцев по своим щекам, словно проверяя, не утратила ли ее кожа нежность и бархатистость.

— Опять ты надо мной потешаешься,— сердито проговорчала она.— Сколько раз я просила тебя принести мне зеркало?

— Столько же, сколько я отвечал тебе: нельзя, заклятие утратит силу. Ну, идем?

По залам и переходам дворца Раина всегда путешевствовала на его спине — что не составляло для него никакого труда. Сама она сбила бы себе все ноги о камни, передвигаясь почти ощущую в полуутьме.

Дворец был огромен и большей частью темен — колдовской свет он переносил с собой из зала в зал. В сущности, это было гигантское хитросплетение пещер, узких проходов и больших галерей, которое он за много сотен лет превратил в подобие рукотворного жилища. День он проводил в

одном зале, день — в другом, третий — в сокровищнице, что занимала три огромные пещеры. Раину он всюду таскал с собой, не желая расставаться с ней ни на миг.

Он подставил ей плечи, и девушка привычно уселась верхом ему на шею, туда, где смыкались под гибкими пластинами панциря мощные лопатки.

Сила его всегда поражала Раину, и, как ни противна была ей самая мысль об этом, она почувствовала упоительное томление внизу живота, когда упругие мышцы заходили у самого ее лона. Но, благодарение Митре, любитель музыки никогда не претендовал на ее тело, лишь на голос и искусные пальцы.

Путь в темноте длился, казалось, целую вечность. По тому, как ее несколько раз приподнимало, Раина догадывалась, что они миновали две или три лестницы. Один раз, несильно разбежавшись, он прыгнул. Наконец в лицо девушке пахнул свежий морской ветер, она почувствовала вкус соли на губах и в нетерпении сорвала повязку с глаз.

И едва не ослепла.

— Тише, дурочка! — рассмеялся он.— Не так быстро! Зажмурься и открывай глаза постепенно.

Она послушно зажмурилась и потихоньку, сквозь пушистые ресницы, снова взглянула на гаснущее солнце. Огненно-красный диск медленно опускался в воду, протягивая к ее ногам золотую дорожку. Она как была, в сандалиях, не подобрав подола, шагнула в воду, протягивая к солнцу раскрытые ладони.

И увидела собственные руки — не в полуутяме пещер, при мертвенно-синем волшебном светильнике, который даже золото лишал желтизны и яркости, а при солнечном свете, пусть даже и приглушенном закатом. Поспешно оглядев себя всю, она в ужасе ахнула: ее кожа, постоянный предмет зависти подруг, из светло-бронзовой стала землисто-серой. Так могли выглядеть руки и плечи покойника, выкопанного из могилы.

— Что ты сделал со мной... — потрясенно вымолвила Раина.— Ты превратил меня в стигийскую мумию! Я не человек! Я призрак! Митра, Пресветлый Митра, обрати ко

мне свое Око! Я гибну здесь одна, я умру на этом острове, и никто даже не вспомнит обо мне!

Она снова заплакала.

— Добрые боги, — пробормотала она, всхлипывая.— Спасите меня, добрые боги. Я совсем, совсем одна...

Он щурился на закат, делая вид, что не слышит ее притчаний.

— Перестань реветь и взгляни туда. Разве это не великолепно? Я разрешу тебе посмотреть, как зажигаются первые звезды, если ты перестанешь плакать.

— Я умру тут одна, — повторила Раина, но плакать перестала. Закат и в самом деле был великолепен. Сизые тучи рдели по краям багрянцем и золотом, их пробивали сияющие лучи, такие четкие, что, казалось, их можно взять в руку. Солнце садилось в море, и вода из синей и зеленой становилась молочно-белой — лишь сияла Дорога Счастья, уводящая за край мира.

«Надо попробовать достать ей мужчину, — подумал он, глядя, как светятся желто-алым мокрые дорожки на бледных щеках Раины. — Если после этого она вздумает бунтовать — что ж, я всегда смогу его убить и потом достать другого. Может, это ее развлечет на какое-то время».

Сам он был совершенно равнодушен к удовольствиям плоти. Во всяком случае, до сих пор ни одно живое существо не вызывало в нем ни малейшего желания.

* * *

Конан и Тай Юэнь вернулись в Тай Чанру в самом конце весны. За те две с половиной луны, что провели они в горах, князь Благословенного Края волшебно преобразился: исчезла страшная худоба и болезненный блеск глаз, лихорадочный румянец на щеках сменился ровным темным загаром.

Тай помолодел и снова стал похож на того Юлдуза, которого Конан знал когда-то в Туране. Киммериец зорко следил за тем, чтобы Тай Юэнь весь день проводил на ногах — в поисках пищи или просто неспешном продвижении от одной стоянки к другой — и к вечеру ощущал

настоящую усталость и голод. Ибо ел князь до смешного мало, и Конан пускался на всевозможные хитрости, чтобы заставить его есть больше.

Нельзя сказать, что киммериец считал себя опытным лекарем. Но он точно знал, что при чахотке нельзя делать двух вещей: сидеть в четырех стенах и есть один Нергал знает какую дрянь, приготовленную из пяти сортов овощей. Тай пытался сопротивляться поначалу, объясняя другу, что учение Падды запрещает убивать и питаться трупами.

На это Конан не без ехидства заметил, что пока святейший кайбон был еще просто Юлдузом, жил в Туране и чтил Эрлика, он не воротил носа ни от хорошо зажаренного барашка, ни от вина. Последним доводом Конана был моток крепкой веревки и обещание вязать Тай Юэня на стоянках по рукам и ногам и кормить насильно. Князь рассмеялся и бросил упрямиться. Конан был прав: когда выбор стоит между жизнью и смертью, ни один светлый бог не поставит тебе в вину некоторое уклонение от его закона. Тем более речь идет всего лишь о еде.

Но князь Тай Цона согласился не только по этой причине. Он знал, что не слепым случаем, а предопределением судьбы оказался Конан в его княжестве в тот год, когда Тай Юэню перестали помогать травы, а кашель начал выходить с кровью. Не выходя из своего дворца, золотые крыши которого сияли на вершине холма над Тай Чанрой, Тай Юэнь мог видеть, как он сам говорил, «почти все из того, что есть, немногое из того, что было, и уж совсем немногое из того, что будет».

Его дар предвидения был не искусственным умением гадальщика, не мудростью старца, чей жизненный опыт позволяет предсказать многое, а внезапным ответом на возникший вопрос. Иногда ответы приходили раньше, чем возникали их вопросы — и тогда это было как ударившая с неба молния в ночную грозу, когда в белой ослепительной вспышке на миг появляется весь мир, видный до последней травинки, чтобы в следующий миг исчезнуть, оставив боль в глазах и ощущение чего-то огромного.

Порой лишь годы спустя понимал он, что же открылось ему, и эту часть своего дара он считал мучительной и бесполезной.

Когда же требовалось получить ответ на вопрос — урожайным ли будет год, где искать вот уже три дня как пропавшего ребенка, выиграет ли Император Кхитая новую битву — он просто задумывался и получал ответ. Этот ответ приходил ясным и неоспоримым знанием, что будет так, а не иначе. Некоторые ответы приходили сразу, некоторые — день или два спустя, но это скорее зависело не от сложности вопроса, а от того, хорошо ли князь спал минувшей ночью.

Так было с вопросами, приходившими извне. Но существовали вопросы, которые он задавал себе сам, и, если только возможен был на них ответ, он рано или поздно появлялся — либо привычным знанием, либо во сне. Именно во сне в самом начале весны Тай Юэнь увидел Конана, идущего к западной границе Кхитая в компании девушек-туранки, плоскоголового и длинорукого карлика из северных степей и гиганта-аквилонца. Он не стал выяснять, что свело этих столь непохожих друг на друга людей, лишь порадовался, что его старый друг жив и где-то близко.

Но когда в его снах начал появляться смуглый юноша с резким профилем и темными, недобрными глазами, ведущий к столице Кхитая войско зингарских рыцарей, Тай Юэнь забеспокоился. Несколько дней спустя и рыцари, и зингарский принц, и Конан, волею богов оказавшиеся вместе на краю света, сложились в четкую картину. И центром этой картины он увидел свое маленькое княжество, Тай Цон.

Он знал, конечно же, что с приходом к власти нового Императора его княжество окажется в большой опасности. Новый владыка Поднебесной Империи шел к власти так долго и так часто раздумывал, что именно он сделает с той или иной своей провинцией, как покарает непокорных, если они слабы, и подкупит, если сильны, что Тай Юэнь ни на миг не сомневался: мирной и бестревожной жизни в его Благословенном Крае пришел конец.

И дело было даже не в серебряных рудниках, которые тайцонцы не желали разрабатывать для других, не в сокровищах древних храмов, поглощенных джунглями тысячелетия назад. Хотя Император, несомненно, много бы дал за то, чтобы добраться наконец без помех и до того, и до другого.

Дело было в том, что жители Тай Цзона, не признававшие оружия и охоты, разводившие птицу лишь ради красивых перьев, а скотину — ради шерсти и молока, жили своей, особой жизнью, не похожей на жизнь остальных провинций Кхитая. Император с его многолюдными городами и величественными храмами многоруким богам был где-то далеко. А рядом было родное поле, крошечная деревушка в горах, где все жили на виду друг у друга и бога — вернее, святейшего кайбона, что живет, как известно, тоже рядом, в двух днях пути.

Ибо старшего мужчину в роду князей Тай Цзона, носителя Дара Падды, почитали как бога, единственного защитника и судью. И это раздражало и злило Императора более всего, ибо он считал, что один достоин титула Небесно-родженного.

И потому когда зингарец со своими рыцарями появился при дворе — с дарами от своего брата-короля, Император «подарил» ему Тай Цзон. При условии, что тот сам возьмет его. В случае победы зингарца Владыка Кхитая получал Тай Цзон с его рудниками и сокровищами в храмах, а в случае поражения не терял ничего. Сам вести войска на княжество он побаивался.

Никто не знал пределов могущества кайбона Благословенного Края, и Императору не хотелось выяснять их на собственном опыте. Повелитель Кхитая, будучи человеком мудрым и хитрым, предпочитал таскать каштаны из огня чужой рукой.

Для Тай Юэня, не будь он так болен, вероятно, не составило бы труда защитить свою страну. Беда была в том, что на сей раз врага надо было не просто остановить, а повернуть вслед, причем так, чтобы он больше никогда не посмел о Тай Цзоне как о своем княжестве.

Для этого нужно было чудо, а для чудес нужны были силы. А вот именно их-то и не было у кайбона Благословенного Края. Даже ежедневное наблюдение за продвижением зингарцев к столице давалось ему с большим трудом.

Ведь Тай Юэнь совсем не был магом. Отец передал ему с последним вздохом Силу — но никак не черные свитки с заклятиями или мешок с колдовской утварью. Правда, легенды гласили, что его прадед, одиннадцатый кайбон Тай Цзона, защищая страну от нашествия орды кочевников из северных степей, в отчаянье призвал на помощь отвратительного демона.

Страну он спас, но скончался на третий день после великой победы, едва успев передать сыну дар предвидения.

Собственная смерть не казалась Тай Юэню слишком высокой ценой за свободу своей страны, он готов был пойти и на это, поскольку сын его хоть и был еще мал, но уже вполне мог принять от отца Последний Дар и продолжить род. Но сейчас его сил недостало бы и на то, чтобы остановить полет стрелы.

Поэтому появление Конана — внезапное и совершенно неожиданное — он воспринял как знак свыше. Он видел, как сближались армия зингарцев и маленький отряд, видел встречу Конана и принца у ночного костра. Эти двое были двумя полюсами.

Один был прирожденный воин, второй — гранд и рыцарь, никогда не державший в руках оружия тяжелее гибкой рапиры. Один был уроженец севера и глухомани, второй — юга и цивилизации. Один, познавший божественное пламя в ладонях, был уже мудр, хотя, вероятно, посмеялся бы над тем, кто сказал бы ему об этом.

Второй, поминавший имя бога чаще, чем следовало, был еще глуп, но вцепился бы в глотку всякому, кто посмел бы уличить его в глупости.

Эти двое сходились все ближе, взаимно притягиваясь, как два разных магнитных камня. А между ними был Тай Цзон.

Поэтому Тай Юэнь сделал все, чтобы Конан оказался в его княжестве прежде зингарца — большего не мог сделать никто, да это и не требовалось. «Пути Митры неисповедимы, но, если вдруг удается увидеть малую толику задуманного Пресветлым, дивишься лишь, как это не ясно всем и каждому с той же отчетливостью, что и тебе», — вспомнил Юэнь слова Учителя и, успокоившись, стал ждать развязки.

Развязка последовала быстро. Тай Чанра, столица княжества, стояла на древней земле, хранимой древними богами, такими древними, что их имен не помнил даже сам Митра Жизнеподатель. Они смеялись, отпустив зингарца из живого мрака своего храма, и многие годы спустя принц Римьерос не раз просыпался в холодном поту, услышав во сне их тихий смех. Их вмешательства да еще нескольких вылазок Конана оказалось пришельцам вполне довольно, чтобы поспешить убраться восвояси.

Но Конана к тому времени уже заботило не это. Вызванный из столицы письмом «какого-то кайбона», он обещал своей шайке награду за помошь незнакомцу, рассчитывая на эту награду и сам. Узнав же в кайбоне старого друга и увидев овечьи повадки его кроткого трудолюбивого народца, киммериец начал подумывать о том, как бы ему убедить своих спутников отказаться от посланных им золота и камней.

Когда же Тай Юэнь помянул Учителя, живущего в чудесном саду среди пустыни и гор, Конан, опомнившись от изумления, просто сказал ему: «Брат мой, я не уеду отсюда, пока не увижу, что ты здоров», — и зингарец с его рыцарями был забыт им прежде, чем скрылась в джунглях последняя повозка их обоза.

В тот же день Конан, оставив своих спутников наслаждаться славой спасителей княжества, ушел с Тай Юэнем в горы. Они бродили из одной долины в другую и переходы их были отмерены расстоянием, отделяющим одну быструю горную речку от другой. Иногда, найдя синее, как глаза киммерийца, маленькое озерцо, сплошь покрытое крупными листьями лотоса, они задерживались на два-три дня,

купаясь по утрам в теплой, как парное молоко, воде и ловя непуганую рыбу почти руками.

Они почти все время молчали, а когда говорили, то о том, где лучше устроить стоянку и что добыть на следующий ужин, но это молчание было сродни тому, в котором пребывал Конан, бродя среди яблонь в саду Учителя. Он недаром назвал Юлдуза братом — все, кто когда-либо побывал в том саду, неважно, осенил их Митра своей благодатью или нет, становились друг другу ближе, чем кровные родственники.

Как однажды сказал Конану Эйрим Высокий Шлем, когда они третий день пили в его усадьбе: «Брат всегда остается братом, даже если стал врагом. Все, что есть у человека, это братья и враги, он жив, пока они есть». Эйрим, и краем уха не слыхавший о волшебном саде Учителя, имел в виду, что братья, даже став врагами, все равно остаются братьями. Но к воспитанникам Учителя это не относилось, они не могли стать врагами...

Постепенно горный воздух, напоенный ароматами весны, обилие мясной пищи, солнце и дальние переходы свели на нет кашель Юлдуза. Даже во сне он теперь дышал ровно и легко, словно и не болел никогда.

Дважды сменились все лики луны, и, когда тонкий серп начал наливаться светом в третий раз, Конан повернулся назад. В Тай Чанру они возвращались так же неспешно, как и уходили от нее, и путь домой занял еще четыре безмятежных дня. Селений они избегали, не желая, чтобы весть об исцелении князя слишком рано достигла столицы — Юэнь хотел явиться к Фейре сам, опередив слухи.

Поэтому к городу они вышли в сумерках и прошли по его витым улицам никем не замеченные, потому что жители уже спали, а собаки встречали их лишь глухим довольным ворчанием, выбегая навстречу и тыча мордами в руки князю. Он был здесь хозяин, и его знали все.

Окликнули их уже у самой лестницы со львами, ведущей ко дворцу — на ее широких площадках несли ночной стражу воины-вендийцы, единственные вооруженные люди во всей стране.

— Это я, Кхиршти,— отозвался князь негромко.— Тс-с. Оповести остальных стражей, чтобы нас больше не задерживали, но не вздумайте никого будить.

Воин, не выпуская из рук копья, согнулся в ритуальном поклоне, сложив ладони у груди. Когда он выпрямился, в темноте блеснула его белозубая улыбка.

— Добро пожаловать домой, магадева,— проговорил он и помчался исполнять сказанное.

Но то ли вендинцы, как ни старались, обсуждали новость слишком громко, то ли кто-то из них все же шепнул княгине, что вернулся ее муж и повелитель, потому что в дверях галереи, ведущей в жилые покой, их встретила Фейра — полуодетая, с лампой в руках.

В первый миг она застыла в изумлении, а во второй — бросилась Тай Юэню на шею, плача и смеясь одновременно. Он гладил ее волосы, а она, не выпуская мужа из объятий, повернула к Конану улыбающееся, мокрое от слез лицо. Киммериец заранее нахмурился, ожидая шумных излияний благодарности и восторга, кои так присущи женщинам, но услышал:

— Вы, наверное, устали с дороги. Будете ужинать? Я тотчас велю нагреть вам воды и приготовить комнаты, пока вы едите.

— Будем,— ответил за них обоих Тай Юэнь.— И вымемся тоже с удовольствием. Только не буди весь дворец, а то мы и за полночь не ляжем.

Фейра умчалась хлопотать, а Конан хмыкнул и заметил:

— Хорошая у тебя жена, Юлдуз. Помнится, еще тогда, в Туране, десять лет назад, она мне понравилась: бойкая была девчонка!

— У тебя будет не хуже,— отозвался кайбон, уверенно ведя друга по темному дворцу.— Можешь мне верить.

— Это ты меня утешаешь или пророчествуешь? — хотнул Конан.— Учти, я разборчив.

— Пророчествую. Красивая, умная и верная. На край света за тобой пойдет.— Тут он замолчал и какая-то тень пробежала по его лицу.— Или ты за ней,— добавил он тихо. Потом улыбнулся и посмотрел на друга с лукав-

ством: — Но все окончится хорошо, а ведь это главное, правда?

— Правда,— согласился Конан. За прошедшие дни он научился почти не обращать внимания на подобные предсказания, время от времени изрекаемые князем. Тем более что тот сам не мог сказать, как скоро сбудутся его видения.

— Но в ближайшие пять-семь лет я пока жениться не намерен.

— А в ближайшие семь лет тебе это и не грозит,— улыбнулся князь.— Ровно в ближайшие семь лет. Ты, кстати, помнишь, что я обещал тебе предсказание — настоящее предсказание, а не так...— Тай пренебрежительно помахал рукой в воздухе.— Туман и намеки. И победу нашу мы так и не отпраздновали.

Они вошли в трапезную, уже освещенную множеством свисающих с потолка затейливых фонариков. Вокруг стола сновали трое слуг, собирая ужин. Завидев князя, они поклонились ему так, словно он не вернулся домой после долгого отсутствия, а отлучался на день-другой, и Конан снова подивился, как здесь прости и естественны отношения хозяев и слуг. Во всех ранее виденных им княжествах и королевствах дело обстояло совершенно иначе.

— Значит, ровно через семь лет я женюсь,— уточнил киммериец, садясь за стол. Среди разнообразия искусно приготовленных плодов и ягод на столе помещалось огромное блюдо остро пахнущего жаркого, явно припасенное для него одного. Юэнь с наслаждением отпил из налитой ему чаши и вздохнул:

— Вот чего мне все эти дни действительно не хватало: молока. Тебе не предлагаю, вон в том кувшине — явно шадизарское красное, я чувствую его запах прямо отсюда. Да, женившись, сядешь на одном месте, обзаведешься своим домом... Словом, остыпелившись. Но еще семь лет на скитания по свету и подвиги у тебя есть.

— Ага,— сказал Конан, наливая себе вина.— Вот и расскажи мне о том, что ждет меня в первый год из этих семи — он ведь едва начался. Расскажешь? А дальше я знать пока не хочу.

Тай Юэнь задумался.

— Расскажу, — не сразу ответил он. — Но не сейчас. Что-то ждет тебя у края мира, Конан, и я пока не вижу, что именно. Через день или два я смогу тебе дать ответ.

— Не успел вернуться домой — и сразу ответы? — с тихим упреком сказала Фейра, входя в зал. Она услышала последнюю фразу. — Ты бы хоть немного поберегся. Он так устает каждый раз, — пожаловалась она Конану. — Я его прошу быть осторожнее, но он меня совсем не слушает.

— Я же не могу не дышать, — мягко сказал ей князь. — Это происходит помимо меня. — Он утер губы и встал из-за стола. — Чжанг По проводит тебя, Конан. Завтра мы устроим большой праздник. А сейчас я очень хочу спать, извини.

Киммериец кивнул, и Тай Юэнь с Фейрой, обнявшись, удалились к себе. К нему же подошел мальчик — застенчивый, смуглый, с темными миндалевидными глазами. Он взял обеими руками кувшин со стола — в нем оставалось еще больше половины — и вопросительно взглянул на гиганта-северянина.

— Пошли, — подтвердил Конан, и мальчишка, едва удерживая тяжелый кувшин, засеменил впереди. — Ну-ка, — сказал Конан и аккуратно вынул кувшин у него из рук. — Об этом я сам позабочусь. А ты вот что: знаешь, где комната Силлы?

Мальчишка с готовностью кивнул:

— Да, — сказал он по-турански.

— Тогда ступай к госпоже, разбуди ее, если она спит, и растолкай ей, как сможешь, что я жду ее.

— Да, — повторил Чанг. Судя по всему, это было единственное туранское слово, которое он мог сказать. Но понимал он Конана прекрасно.

Быть может, не следовало извещать Силлу о себе сегодня же, среди ночи, подумал Конан. Девчонка изо всех сил давала понять, что нашла в Тай Цзоне настоящую любовь... Нергал с ними, с женщинами, никогда их не поймешь! Он хотел ее видеть. А придет или нет — ее дело.

Доведя гостя до двери его комнаты, мальчишка помчался исполнять поручение, а Конан шагнул через порог, едва не задев колокольчик счастья, висевший здесь над каждой притолокой, дабы злые духи не могли незамеченными прокрасться ночью к постели.

В углу маленькой комнатки, вся обстановка которой состояла из низкого кривоногого стола, нескольких кресел и большой, заваленной подушками постели, киммериец увидел исходящий паром деревянный чан. Не успел он ополоснуть лицо и спину, как ему на плечи с громким охотничьим кличем прыгнула влетевшая Силла.

— Ну наконец-то! — вопила она. — Я уж думала, что никогда тебя не дождусь! Ты хоть немножко скучал по мне?

Вместо ответа Конан сгреб ее в охапку и бросил на постель. Силла мурлыкнула и потерлась носом о его щеку. От ее смуглой бархатистой кожи исходил едва уловимый запах каких-то благовоний, бронзовое тело просвечивало сквозь тонкую ткань — она прибежала в одной рубашке. Конан зацепил пальцем вырез у горла и несильно дернул вниз. Шелк затрецдал, разрываясь, соскользнул в стороны, обнажая мягкую полную грудь и упругий живот. Силла рассмеялась низким, чуть хриплым смехом и притянула к себе своего варвара, зарывшись тонкими пальчиками в черную жесткую гриву его волос.

— А как же Моу Па? — спросил Конан, делая вид, что пытается выскользнуть из ее объятий.

Когда киммериец уходил с Тай Юэнем в горы, Силла заявила, что остается. Моу Па, юноша из свиты кайбона, не сводил с нее жадного взгляда, и она, похоже, принимала его обожание с благосклонностью.

— Я стосковалась по тебе. А Моу Па возьмет меня любой, — ответила Силла. — Неужели же тебе впервые соблазнить чужих жен?

Конан успел подумать, что за две луны несносная девчонка опять все перерещила, но тут Силла развела колени и обхватила его своими длинными ногами, и киммерийцу стало не до раздумий.

Много позже, когда ни у нее, ни у него ни на что уже не было сил, они просто лежали и смотрели на половинку луны, просвечивающую сквозь циновку оконной занавески.

— Ну что, вылечил ты своего князя? — тихо спросила Силла.

— Мм, — отозвался Конан. Он уже засыпал.

— А Фейра такая славная... — продолжала девушка. — Мы с ней просто подружились. И совсем не гордячка... И мальчишка их... — Она задумчиво положила ладонь на живот, словно прислушиваясь к себе. Моу Па на самом деле мало интересовал ее, хотя внимание юноши и льстило Силле. Но гораздо больше заботило ее маленькое существо, живущее в ней вот уже четвертую луну. Ради него она оставалась, ради него брала ему отца, а себе мужа. Все то время, что Конан странствовал с князем, ее буквально разрывало надвое от желания обладать ими обоими — и си-неглазым варваром, и его ребенком. Но теперь, лежа головой у него на плече, она успокоилась и поняла, что так и должно быть: мужчинам — дороги и опасности, а женщинам — очаг и дети.

Конан вдруг открыл глаза.

— Так ты осталась или передумала? — спросил он.

— Остаюсь, — ответила она, прижимаясь к нему. И поспешно добавила, чтобы не сказать другого: — Фейра так просит. Мы с ней все-таки землячки.

— Ну и оставайся, — хмыкнул Конан. — За чем же дело стало?

— Ну-ну... — кокетливо сказала она, — ты же мой хозяин. Как я могу... сама? — И вдруг добавила совсем другим тоном: — Я сделаю так, как решишь ты. Я хочу, чтобы решил ты.

Силла была выиграна Конаном в кости на постоялом дворе Аграпура и потому считала себя его собственностью. Конану волей-неволей пришлось взять на себя заботу об этой своенравной девчонке, но всю жизнь таскать ее за собой он вовсе не собирался. В первый миг, узнав, что девчонка ему изменила, он почувствовал что-то вроде ревности, но шестьдесят дней, проведенные в горах со старым

другом, отодвинули все это куда-то назад, и теперь он думал о возможной парочке и о том, что сам наконец свободен, скорее с облегчением.

— Ты давно уже сама себе хозяйка. Вот и стань ею по-настоящему. Пора, не маленькая. Оставайся. Не знаю, что там у тебя выйдет с этим кхитайцем, но Юлдуз с Фейрой о тебе позаботятся. А теперь спи. Завтра Юлдуз обещал устроить праздник, негоже, если у тебя будут синяки под глазами... — и Конан заснул прежде, чем договорил.

Проснулся он поздно, от грохота большого барабана, рокотавшего у подножия холма Тай Чанры. Силлы рядом уже не было — она вскочила на рассвете и умчалась готовиться к празднику. Одевшись, Конан вышел на галерею, опоясывавшую все постройки дворца, и увидел, что в городе царит веселая суматоха. По улицам в пестрых одеждах муравьями сновали жители, всюду разевались цветные флаги, а в синем ясном небе стояли сотни хвостатых змееев, бьющихся на тонких бечевах над каждым домом.

— Государь просит пожаловать к завтраку, — послышалась у него за спиной тонкий голосок, и обернувшись, Конан увидел Тай Кин Бо, старшего советника князя.

— А, это ты, старик! Ну, как тут шли дела у вас без святейшего кайбона?

— Вся страна благословляет твое имя, о Конан-с-Дувмия-Мечами! — отозвался кхитаец. — Ты совершил чудо. Отныне мы вечно будем молить Падду и Пресветлого, что выше Него, осенить тебя своими милостями!

— Ну-ну, — ответил на это Конан и направился вслед за советником в знакомый трапезный зал.

Здесь его встретили радостный рев Сагратиуса и стальные объятия Кинды. Киммериец уж думал, что ему не уйти живым, но тут в зал вошли князь и княгиня со свитой, и друзьям волей-неволей пришлось на время угомониться.

В свите княгини, уже одетая в долгие кхитайские одежды, розовая от гордости и смущения, шла Силла. В высоко подобранных волосах у нее пестрели цветы, длинные кисти

из подобранныго по размеру мелкого жемчуга свешивались со шпилек. Заткнанная белыми хризантемами верхняя на-кидка изящно оттеняла ее смуглую кожу. «Быстро», — по-думал Конан, придирчиво ее оглядывая. Девушка казалась очень довольной, и киммериец вздохнул с облегчением: одной заботой меньше. Не то чтобы общество Силлы тяготило его, скорее, наоборот, но рано или поздно девчонку все равно пришлось бы куда-нибудь пристраивать. А теперь об этом можно было больше не думать.

Фейра оказалась за столом как раз против Конана. Следя краем глаза за тем, как он разглядывает преобразившуюся Силлу, княгиня улыбнулась и сказала негромко:

— Я забираю твою неистовую охотницу. Не обещаю вскоре выдать замуж, как собиралась, — теперь она, кажется, совсем не хочет, — но, по крайней мере, девочка будет в тепле и холе. Я уж об этом позабочусь.

— Ты молодец, мышонок, — кивнул Конан. — Всегда была умницей. Куда мне ее тащить за собой?

— А ты все-таки снова собираешься в странствия? — как бы между прочим поинтересовалась Фейра. — Куда же теперь зовет тебя твое беспокойное сердце?

— На край света, надо полагать, — рассмеялся Конан. — Во всяком случае, твой муж говорит, что меня там уже поджидают. Не могу же я не верить избраннику Падды и Митры.

— Осторожнее, Конан, — нахмурилась Фейра. — Кайбон Тай Цона еще никогда не ошибался, но...

— Что — но?

— Он все это — видит, — не сразу ответила Фейра, тщательно подбирая слова. — А ты... ты выслушиваешь только ответ. Любое предсказание можно толковать двояко, ибо слова есть ложь, и кому как не мне, живущей с ним бок о бок уже десять лет, знать это лучше всех? Будь осторожен с тем, что услышишь от него. Я вообще была против того, чтобы он говорил с тобой об этом — ведь и Сагратиус, и Кинда отказались от пророчества.

— Опасный дар, клянусь Солнцеликим! — вмешался Сагратиус, сидевший рядом с Конаном и внимательно слу-

шавший его с Фейрой разговор. — Зачем мне знать, что будет, если оно все равно будет? Звонкая монета и полные сумки и бурдюки в дороге вернее, чем туманное знание чего-то, что может случиться через день, а может — и через три года. Но мы пойдем с тобой, Конан, как обещали, куда бы ни отправил тебя князь. Мы с Киндой своих решений не меняем — верно, бродяга?

Карлик-штулькут, к которому обернулся огромный аквилонец, важно кивнул:

— Сагратиус пойдет, и Кинда пойдет. Кинда пойдет до края мира. Кинда никогда его не видел.

— Я тоже никогда его не видел, — задумчиво сказал Конан. — Что бы ни пообещал мне Юлдуз, я пойду навстречу тому, что должно произойти.

Фейра на это лишь печально покачала темноволосой головой.

Когда завтрак был закончен, Тай Юэнь жестом пригласил всех выйти к большой лестнице. У ее подножия уже толпился народ, ожидая выхода князя и своих героев. Оглушительные крики, свист флейт и бой барабанов приветствовали их появление. Вперед вышел саккей Тай Кин Бо, Первый Советник князя, и шум постепенно стих. Конан понимал одно слово из пяти в его быстрой речи, но смысл ее был понятен и так. Свита князя и княгини отступила на несколько шагов назад, так что на верхней площадке остались только Юэнь с Фейрой, Конан, Кинда и Силла. Под ноги им со всех сторон летели первые цветы лета, люди размахивали цветущими ветвями и бечевами змеев, отчего они скачками носились по небу, как водомерки на пруду. Силла отчаянно краснела и пыталась спрятаться за улыбающуюся Фейру.

Сагратиус имел вид независимый, но польщенный, Кинда же, как всегда, был воплощением невозмутимости — считая себя сыном бога, он воспринимал любые почести как должное. Обратная сторона этой его черты делала дикаря идеальным спутником: тяготы и невзгоды он воспринимал так же, полагая, что в мире отца сын должен испробовать все.

— Помимо прочего, если ты не понял, — не поворачивая головы, сказал Тай Юэнь Конану, — он говорит, что сегодня весь день и всю ночь у городских стен будет длиться пиршество и праздник, и все, кто захочет, смогут прийти и приветствовать на нем спасителей княжества.

— А нельзя как-нибудь обойтись без этого? — поморщился Конан. — Что мне, весь день торчать там, как пугалу на рисовом поле?

Князь взглянул на него чуточку лукаво и, тронув за плечо своего саккея, что-то негромко сказал ему. Тай Кин Бо повторил это, обращаясь ко всем, и внизу прокатился благоговейный выдох.

— Что он сказал? — насторожился киммериец.

— Что ты будешь взыскан особой милостью и потому появившись только к вечеру. Сегодня после полудня я намерен ответить тебе на твой вопрос, а это займет нас обоих на немалое время.

Это действительно заняло немалое время. Еще накануне вечером Тай Юэня смущило и обеспокоило то, что он не может сразу увидеть для Конана столь близкого будущего.

Поэтому, оставив остальных веселиться, он увел друга в полутемный круглый зал в самом центре дома, куда не достигали огни и шум праздника.

Зал этот, освещенный лишь тлеющими огоньками курильниц у статуи божества в нише, был лишен какой бы то ни было обстановки. Главным и единственным его украшением был мозаичный пол с рельефными изображениями драконов всех четырех стихий — огня, воды, воздуха и земли.

В белом круге в центре был выложен красной плиткой сложный символ-мандала. Тай Юэнь вышел на середину и опустился прямо на красно-белую мозаику, совершенно закрыв ее полами своего парадного одеяния. Он сделал Конану знак сесть напротив и закрыл глаза.

Киммериец смотрел, как лицо его друга постепенно превращается в подобие восковой маски, как расслабляются плечи и руки, безвольно лежащие на коленях. Наконец он открыл глаза — совершенно черные, из одних зрачков,

без белка и радужки, и невидящие посмотрел на друга. Тишина стояла необычайная, казалось, самый воздух тихо звенел, и потому Конан невольно вздрогнул, когда услышал вдруг словно из ниоткуда громкое и отчетливое:

— Теперь спрашивай.

Конан слегкнул и, мгновение помедлив, так же громко и отчетливо выговорил:

— Что случится со мною за остаток этого года?

Тай Юэнь продолжал смотреть на него все тем же невидящим взглядом. Он сидел бледный и неподвижный, как изваяние; Конану казалось, что он даже не дышит, весь обратившись в подобие статуи божества в нише, вечно пребывающего в священном трансе. Время словно застыло вместе с ним, и лишь по пробивающемуся откуда-то сверху, скользящему по круглому куполу зала солнечному лучу можно было определить, что солнце уже миновало зенит и движется к западу.

Киммериец, которому приходилось порой просиживать в засаде, не шелохнувшись, полдня и больше, подстерегая самую пугливую дичь, спокойно ждал, не выказывая ни нетерпения, ни усталости. Луч скользил все выше, солнце опускалось все ниже. Драконы извивались у них под ногами, воздух сгущался, словно живой. Конан, познавший некогда Силу, хоть и утративший ее впоследствии, по-прежнему умел различать ее незримое присутствие, и сейчас словно тысячи тончайших иголочек кололи его кожу горячими остриями.

Но он сидел против Тай Юэня, такой же немой и неподвижный, хотя все чувства его были обострены до предела и широкие ноздри трепетали, втягивая воздух, как у молодого жеребца, чьющего близкое присутствие волка.

Казалось, прошла целая вечность, когда вдруг Тай тонко, по-птичьи вскрикнул и резко нагнулся вперед, зажимая ладонями виски, и сейчас же что-то беззвучно ахнуло внутри киммерийца, словно невидимая молния ударила над головой. Конан, тяжело дыша, весь напрягся, готовый в любой момент вскочить и, подхватив Тай Юэня, в два прыжка оказаться за пределами этого зала, — прежде чем темный

резной купол обрушится им на головы. Но что-то удержало его на месте.

Тай медленно выпрямился и опустил руки. По вискам у него стекали крупные капли пота. Разлепив белые бескровные губы, он проговорил:

— Ты потеряешь двоих и найдешь двоих, разделишь двоих и соединишь двоих. Ты дойдешь до края мира и вернешься на запад, и оттуда начнется твой новый долгий путь...— Он перевел дыхание и слабо улыбнулся.— Прости, но сейчас я больше не скажу тебе ничего. Я думал увидеть один твой год, а увидел всю жизнь. Ты отмечен богами, брат мой. Там, на западе, лежит самое прекрасное в мире королевство, и рано или поздно оно будет твоим.

Конан посмотрел ему в глаза, где сиял и переливался алый жидкый огонь, словно свет огромного прекрасного рубина,— и не нашелся с ответом.

ГЛАВА 2. Прощание с Тай Цзоном

Он зевнул во весь рот и потянулся, прогнав волну по гибкому, сильному телу.

— Поиграй мне, Раина. Я хочу спать.

Девушка, примерявшая тяжелые золотые браслеты, надула было капризные губки, но на этот раз раздумала ломаться и послушно взялась за арфу.

— Что ты хочешь слышать сегодня?

— «Лесную деву».

Все песни своей пленницы он знал наизусть, потому что новые она сочиняла очень редко, а те, что знала, спела ему уже не одну сотню раз.

Но он мог слушать бесконечно. У аквилонской красавицы был чистый, высокий голос, а в искусстве игры на арфе ей и вовсе не было равных: под пальцами Раины в ней слышался то щебет птиц, то журчание воды, то завывание вьюги.

Раина, кивнув, провела рукой по струнам. Лицо ее приняло задумчивое и вдохновенное выражение. Как бы ни ссорились они, как бы ни проклинали друг друга, он все был готов отдать за тот чудный блеск, что появлялся в ее больших серых глазах, когда она бралась за инструмент, а девушка хоть и капризничала порой, но играла обычно с радостью и охотой.

Раина пела по-аквилонски, но он знал все живые и несколько мертвых языков. Когда она, обладавшая прекрасным слухом и памятью, пела баллады, сложенные в

Бритунии или Немедии, он понимал их смысл лучше, чем сама певица.

Не верь, не верь глазам слепым,
Не верь волшебной тишине,
Когда, прозрачная, как дым,
Под темным пологом лесным
Лесная дева при луне
Поет сородичам своим!
Опасно в лесу не зверь!
Ты, рыцарь, луной ослепленный,
Спасайся от девы зеленой,
Беги обольщенья ее..

Тихонько подпевая, он растянулся прямо на груде золота и закрыл глаза. Голос Раины звучал все тише, все печальнее. Баллада имела грустный конец — рыцарь, завлеченный пением лесной девы, забыл про оставленную в замке невесту и больше не вернулся к ней. Бедная девушка сошла с ума от горя, ушла в леса и сама стала лесной девой и погубила немало прекрасных рыцарей, мстя мужчинам за вероломство. Раина каждый раз плакала на последних строчках, заплакала и теперь. Но он уже спал, чуть посапывая во сне.

Девушка отложила арфу, подула на большой, исходящий теплым золотым светом шар — ее тюремщик, спящий теперь подле, уступил ее просьбе и сменил свет, хотя прежний ему нравился больше, — и снова взялась перебирать драгоценности.

Это, кроме музенирования, было ее единственным, но бесконечным развлечением. Еще до того, как он выкрад ее с проплывавшего мимо проклятого острова корабля, здесь были груды золота и камней. Ни одно судно не могло безнаказанно пройти в этих водах — каждый раз зная заранее о приближении какого-нибудь корабля, он поднимал бурю и топил его, не оставляя в живых ни женщин, ни детей. Ему не нужны были рабы. Он забирал ценности, а остальное пускал на дно.

Впервые узнав о его кровавых вылазках, Раина проплакала несколько дней — а после привыкла. Все равно ее уговоры не производили на него ни малейшего впечатле-

ния, она только впустую тратила силы. Милосердие было ему неведомо, а страх перед тем, что люди обнаружат его убежище — слишком велик. Почему он, такой огромный и сильный и к тому же могущественный маг, боялся людей, Раина понять не могла. Она не раз спрашивала его об этом, но он только криво усмехался.

Но если до ее появления он разорял корабли лишь защищая свое уединение и накопленные сокровища, то теперь было иначе. Раньше его не интересовал груз судна, одно лишь золото и драгоценные безделушки — а они встречались редко, разве что удавалось потопить пиратов, уже скопивших в сундуках немало подобного добра. Теперь же он обшаривал добычу от трюма до капитанской каюты, выискивая для Раины разные редкости. Первое отвращение, мешавшее оценить его галантность, быстро прошло, и она уже с нетерпением ждала его возвращения из очередной вылазки. Он приносил ей счастья и фрукты, редкие вина, молоко в больших мохнатых орехах, шелка и парчу. И, конечно, украшения.

Все красавицы неравнодушны к побрякушкам, и Раина не была исключением. Ибо она была красива. Единственное, что портило ей удовольствие, это отсутствие зеркала, хотя бы совсем маленького. Но когда он заколдовал ее, сделав бессмертной и вечно юной, он в тот же день вынес и безжалостно выкинул в море все серебро, хранившееся в его сокровищнице. На ее сетования он приволок ей откуда-то огромный золотой поднос, но тот не годился, поскольку искажал цвет, делая все одинаково желтым.

И все же она могла часами без устали сидеть в сокровищнице и рыться в сверкающих грудах. Зная эту ее слабость, он мог, рассердившись, выставить ее в другие залы, завалив вход в заветную анфиладу тяжелым камнем. Но это случалось редко — зная капризные характеры друг друга, они старались не затягивать ссоры.

Перенося ее из зала в зал, он взваливал на плечи и ее огромную постель, увязав в огромный узел подушки, перины и одеяла. Вот и сейчас, разваленная в изящном беспорядке, она лежала среди бесконечных сокровищ. Раина,

примерив напоследок алмазную, с сапфирами диадему вен-дийской работы, сняла с себя тяжелые украшения, юркнула под меховое одеяло, свернулась в калачик и заснула.

Магический шар, гаснувший без присмотра, уже почти потух, когда он внезапно проснулся и поднял голову. Раина спала. А где-то поблизости плыл корабль.

Стремительный, как ящерица в старых развалинах, он помчался по темным коридорам и залам, безошибочно ориентируясь в огромном лабиринте пещер. Все ходы и выходы он знал здесь наизусть.

Переведя дыхание у подземного озера, в котором он брал для Раины чистую питьевую воду, он нырнул, нацелившись в неразличимый под черной водой коридор. Это был самый короткий путь наверх, и уже несколько мгновений спустя он выныривал на поверхности круглого, как плошка, озера, отфыркиваясь и разбрызгивая хрустальную ледяную воду.

Весь остров представлял собой кольцо невысоких и очень старых гор, окружающее большую зеленую долину, посреди которой раскинулось озеро. В нем никто не жил, оно никогда не зарастало тиной, ибо вода его, уходящая в самые корни гор, была холодна, как лед. Зато в ручьях, питавших тайный лаз хозяина острова, в изобилии водилась рыба, а по берегам, копошась в зарослях тростника и водяных лилий, селились огромные колонии птиц.

Немного обсохнув и отдохнувшись, он определил, с какой стороны приближается судно, и помчался к берегу ему навстречу.

Солнце стояло в зените, море было светло и спокойно. Кораблик, казавшийся совсем игрушечным с огромного расстояния, белым пятнышком маячил у горизонта. Он сожурил глаза, пытаясь различить сквозь полуденное марево, что за люди плывут мимо его острова. Но корабль был еще слишком далеко.

Мысль добыть Раине пару нравилась ему все больше. Девчонка стала слишком капризна в последнее время, а новый пленник сулил новые забавы — не только ей, но и ему.

К людскому роду он испытывал опасливое презрение, а потому, не задумываясь, превратил бы в игрушку любого зверя этой породы. В сущности, налеты на корабли тоже были его игрой — если бы в его дворце было уже столько сокровищ, что не влезало уже ни одной монетки, он все равно продолжал бы время от времени выходить в море — просто ради удовольствия.

Обычно он сначала устраивал бурю, после в самый разгар ее подплывал к кораблю, мощным ударом проделывал дыру в днище, а затем, когда судно, накренившись, теряло команду, оттаскивал его к берегу, проследив, чтобы никто не выплыл. Вытащив добычу на теплый песок, он тщательно ее осматривал и забирал все, что имело в его глазах какую-нибудь ценность. А ближайший прилив или новый шторм быстро смывали в море уже ненужные останки кораблекрушения.

На этот раз, прежде чем отправлять людышек в унылую страну, которую они называли Серые Равнины, он хотел видеть тех, кого убивает. Если среди них окажется достойный Раины жеребец, его надо будет оставить в живых. Да и вообще, подумал он вдруг, стоит послушать, о чем они говорят, подплывая к его острову.

Войдя в воду, он сразу же нырнул. Он плыл так, как плавают угри и мурены — волнообразно извиваясь всем телом, ибо обычный людской способ плавать — размахивая руками и ногами — казался ему вопиющей глупостью. Подплыв под днище галеры, похожей на те, что делают на верфях Иранистана и Шема, он высунул голову у самой кормы — там, где нависающий над водой выступ не позволял увидеть его с верхней палубы.

Как всегда, люди болтали о ерунде. Он услышал властный голос, отдающий команду править к берегу — и насторожился. Во-первых, обладатель такого голоса мог оказаться неплохим экземпляром, а во-вторых, стоявшие на корме, кажется, обсуждали, стоит ли исследовать таинственную землю, не нанесенную ни на одну карту.

«Еще бы, — с удовлетворением подумал он. — Я уж постарался, чтобы никто из видевших мой остров не вер-

нулся домой». Весть о том, что его убежище по-прежнему неизвестно людям, его обрадовала. Ради этого стоило пачкаться в тине и царапаться об острые края ракушечника, густо покрывавшего днище, в которое он вцепился, чтобы не отстать. Пронырнув глубоко под водой, он отплыл настолько, чтобы его не было видно с корабля, а затем что есть силы завопил на том языке, который слышал с корымы:

— Помогите! Помогите! На помощь!

Недолгое время спустя его заметили и, пустив в ход веревки, вытащили из воды. Он умел, когда хотел, придать себе жалкий и несчастный вид, а для них он к тому же выглядел седым стариком. Его выволокли на палубу. Дрожа и бормоча слова благодарности, он цепким, напряженным взглядом шарил по склонившимся к нему лицам. Нет, среди этих тощих, полуоголых мужланов не было ни одного, кто бы понравился Раине.

К нему подошел хозяин судна — осмотреть находку, — но и этот человек, на которого он так рассчитывал, не оправдал его ожиданий: он, хоть и богато одетый, с сильными, длинными руками, был одноглаз и кривоног, что делало его похожим на потрепанную в боях обезьяну в человечьем платье.

— Как ты здесь оказался, нищий старик? — спросил он, возвышаясь над скрюченным пришельцем, как башня.

— Я не помню, — забормотал он. Осмотр был сделан, теперь оставалось только отвлечь от себя внимание и незаметно соскользнуть обратно в воду. — Я плыл куда-то — вот все, что я могу сказать тебе, добрый господин. Я очнулся на берегу вон того острова, среди жалких обломков. Наверно, я ударился головой, потому что не помню даже, как меня зовут и кто я такой. Как я спасся — ведает один только благостный И Чжень, покровитель всех путешественников!

— Гм, — сказал хозяин. По виду это был сущий разбойник, да и команда его, сжимавшая в руках бамбуковые палки, которыми они подгоняли нерадивых гребцов, выглядела не самым благонадежным образом. — Похоже, старик,

ты — кхитаец. Что ж, я — Свагдала, купец из Иранистана, плыву в Кхитай и могу высадить тебя где-нибудь на побережье. Но тебе придется отработать свой проезд, старик!

— Я отработаю, милостивый господин, отработаю! — усиленно закивал он, изображая подобострастие. — Но сейчас, во имя милостивых богов Земли и Неба, дай мне сухую одежду и хоть кусок рисовой лепешки! Я умираю от голода!

— Так обсохнешь, — бросил ему мнимый купец и велел: — Тонг! Дай ему, что найдется! Есть ли на том острове чистые источники, старик?

— Есть, есть, господин мой! С восточной стороны, в скалах, почти у берега.

— Спустите лодки и разведайте, где сказано. А этого — на нижнюю палубу! Он не старше Горбатого Пака, а тот отработал полгода, прежде чем издох! — распорядился одноглазый хозяин и пошел прочь.

Ему же, зорко наблюдавшему за тем, как спускаются на воду и плывут к берегу три тростниковые лодки, бросили под ноги какие-то тряпки и корзинку с зачертевшими корками, велели: «Шевелись!» — и на какое-то время оставили в покое. Улучив момент, он бесшумно скользнул вниз. Немощного старика теперь не было и в помине: опустившись почти на дно, он оттолкнулся и, как брошенное сильной рукой гигантское копье, взлетел вверх, всей тяжестью тела обрушившись на злосчастную галеру.

Нищему старику было на что обидеться при таком неласковом приеме, но руководила им сейчас не злость, а холодный точный расчет. Галера наверняка промышляла пиратством или работоговлей и выловленного старика хозяин конечно же никуда бы не довез, а приковал бы к скамье до самой смерти, как поступал со всеми своими гребцами. Но не это заставило его с утроенной яростью атаковать уже обреченное судно еще и еще раз, наслаждаясь воплями ярости и ужаса летящих с палуб людей. Никто не должен знать дорогу к уединенному острову посреди Лемурийского моря! Никто не должен уйти живым от его берегов!

Живым не ушел никто. Расправившись с командой, он занялся лодками. Он разметал в клочья сухой тростник, он гонял по берегу обезумевших от ужаса людей и в конце концов убил их одного за другим, как убивает кот надоевшую ему замученную мышь. У него были свои счеты с людьми.

После побоища можно было осмотреть добычу. Вытащив галеру, он занялся ее исследованием, но не обнаружил ничего путного, пока не добрался наконец до каюты одноглазого хозяина. В сундуке, стоявшем под его кроватью, хранился изрядный запас вина, свежего хлеба и фруктов. Но самая большая драгоценность, завернутая в несколько слоев шелка, лежала в большой корзине, набитой древесной стружкой. Осторожно развернув шелк, он сначала застыл в изумлении, затем весело сказал:

— Хо! Клянусь всеми своими сокровищами, сегодня Раина будет довольна!

Перед ним, величиной всего в две человеческих ладони, лежало зеркало. Но это зеркало было сделано не из запретного серебра, нет. Это было стекло, покрытое тонкой пленкой какого-то вещества, видимо, смеси нескольких металлов. Отражало оно превосходно, и в овале его тяжелой золотой рамы он увидел свою довольную физиономию так ясно, словно смотрелся в поверхность горного озера.

Прихватив сундук и корзину, он двинулся домой, но на этот раз не через водосток, а дальней дорогой. Конечно, ему не терпелось преподнести Раине драгоценную игрушку, стоявшую в верхнем мире, наверное, несметные сокровища — недаром она была упакована с таким тщанием. И все же он пошел через все пещеры, описывая круг за кругом по мере того, как спускался с яруса на ярус. Несмотря на то что чудесное зеркало лежало в корзине, как яичко в гнезде, он очень боялся как-нибудь повредить его.

* * *

Не прошло и трех дней, как Конан снова начал собираться в путь. Слова Тай Юэня запали в него, как падают семена в плодородную почву — с тем, чтобы прорости и дать обильные плоды. Он словно сам чувствовал предсказанное неизве-

стное Нечто, ждущее его где-то у края мира, и стремился ему навстречу, жадный и нетерпеливый. Князь отрядил пятерых вендицев на большую охоту, засадил прях за ткацкие станы, а кузнецам велел заново закалить все оружие троих друзей и починить порванную кольчугу Сагратиуса. Поскольку стражи-вендицы время от времени нуждались в обновлении своего оружия и доспехов, такая работа не была непривычна местным мастерам, и они потрудились на славу. К полнолунию все было готово, и Конан, осмотрев сделанное, сказал, что наутро они могут двигаться в путь.

Вечером этого дня в его комнату вошел слуга и с поклоном осведомился, не соблаговолит ли великий воин выйти в сад, ибо кайбон хочет поговорить с ним на прощание. Иначе здесь не изъяснялись, и Конан уже привык не обращать внимания на форму, слыша только суть. Суть была в том, что Тай хотел что-то сказать ему именно в этот вечер в своем «Месте Силы», как он его называл. И Конан отправился в самый дальний и потаенный уголок придворцового сада.

По сути, это был не один, а несколько садов, заполнивших пространство между павильонами и галереями дворца. Каждый садик имел свое название, свое настроение и даже свое время года. «Когда ты входишь в сад, сад входит в тебя», — говорил Тай Юэнь.

Конан был равнодушен к нюансам взаимного расположения обломков скал, ручейков, мостиков и деревьев, но хорошо помнил сад Учителя. Тот был не просто украшением, он помогал, ободрял и успокаивал, когда надо, а мог и придать сил и здоровья.

У Тай Юэня сад был скорее сложной и хрупкой игрушкой, требующей постоянного ухода и заботы. Но у самой скалы за дворцом был дворик, полюбившийся и Конану. В него можно было попасть только из личных покоев князя. Сюда не входили служители с ножницами и лопатами, редкая трава и цветы росли в камнях, как им вздумается, и лишь стена дома и земляная скамья, обложенная дерном, говорили о том, что это сад, а не просто кусок земли. Здесь, простирая над скамьей узловатые ветви, росла огромная, тысячелетняя сосна, которую любой кхитайский ценитель выкорчевал бы с

корнем — настолько она не вмешалась в крохотные мирки обычных садов, прилизанных и расчесанных.

Но Тай любил приходить к ней и касаться рукой коря-вого ствола, смотреть, как скакет в ветвях семейство белок, живущее в ее кроне не одно поколение, слушать вечерами сверчков в неухоженной траве. Он называл этот сад «Местом Силы» и, наверное, таким оно для него и было. Конан предпочитал говорить о силе с дубами, могучими северяна-ми, черпающими мощь из самого сердца земли. Но на худой конец могла сойти и сосна — дубы в Кхитae были редки, а в горах не росли вовсе.

Тай Юэнь поджидал его, сидя в тени древнего дерева. Конан опустился на скамью рядом с ним. Князь молча и отрешенно смотрел на друга своими темными, чуть раско-сыми глазами.

— Ну, — немного ворчливо сказал киммериец, — о чем ты хотел говорить со мной?

Ему каждый раз становилось не по себе, когда друг устремлял на него такой взгляд — всевидящий и слепой одновременно. Из Зала Четырех Драконов Конан вынес обессиленного Тай Юэня почти на руках, и с тех пор они ни разу не обсуждали того, что прошло тогда через них обоих. Сейчас кайбон выглядел точь-в-точь как в том зале. Конан уже понял, что речь пойдет о предстоящем ему пути, и заранее напрягся.

— Только не вздумай отговаривать меня идти, — сразу сказал он, хмурясь. — Я уезжаю завтра утром.

— Конечно, — без улыбки кивнул Тай. — То, что я видел, должно произойти, иначе нарушится связь. Я не собирался разубеждать тебя, но хотел просить отговорить Сагратиуса и Кинду. Ты — выберешься, я знаю это так же твердо, как то, что завтра взойдет солнце. Но их судьбы уходят во тьму.

Киммериец фыркнул.

— Отговорить! Ты думаешь, я не пытался? Они ничего слушать не хотят. — Он нахмурился, упрямая складка залегла меж прямых черных бровей. — По мне, так и пра-вильно. Настоящий воин не бежит от судьбы — да и разве

от нее сбежишь? Они решили идти. Я решил идти. Все остальное — в деснице Митры, как говорит Сагратиус.

Тай Юэнь опустил длинные темные ресницы:

— Хорошо, пусть будет по-вашему. У меня все готово, трое свежих жеребцов стоят в конюшне, их только вчера привели со столичной ярмарки. Но вот что я хочу, чтобы ты помнил, Конан. — Князь взглянул другу в глаза и выгово-рил — раздельно, с расстановкой от слова к слову: — Что бы ни случилось — не следуй за первым порывом. Белое может оказаться черным, а черное — белым, если приглядеться к нему хорошенько. Жаба — некрасива, но таит в голове лунный камень. На оперенье павлина все смотрят с восхищени-ем, но едва он откроет рот — тут же затыкают уши. Будь осторожен в своих суждениях. Будь осмотрителен.

— Опять загадки, — усмехнулся киммериец. — Нергал тебя возьми, Юлдуз, иногда ты говоришь так, как говорят женщины. Скажи, чего я должен опасаться, и прекрати меня морочить.

— Мороков тебе будет и без меня, — ответил князь почти сурово. — И один лживее другого. А потому, повторяю тебе, не кидайся на них, не рассмотрев как следует. Граница меж светом и тьмой тонка и зыбка... — Тай Юэнь вздохнул, словно повторял это кому-то уже не единожды. — Храни тебя Митра и твой Кром, Конан. Завтра утром я поеду с вами — провожу до границы моего княжества.

— Хорошо! — искренне обрадовался Конан. Он уже собирался вставать, полагая, что беседа окончена. Но князь положил ладонь на узкий лаковый ларчик, лежавший на скамье подле него, и велел:

— Ну-ка, помоги мне.

В ларце, как и ожидал киммериец, хранился свиток. Но это было не вертикальное живописное полотно, не изображение древней битвы или стадий обработки риса, сопровожда-емое подробными пояснениями в виде бесконечных столби-ков витиеватых знаков. Это была карта, причем карта превосходная. Единственная надпись в начале свитка гласи-ла, что это был «Вид Старого Военного Пути через Юго-Вос-точные провинции Великой Кхитайской Империи с высоты

ласточкиного полета». Конан тянул свиток на себя и сворачивал, словно тянул и сворачивал ленту дороги, по которой ему предстояло пойти, а тонкий смуглый палец Тая скользил по темному от времени шелку, отмечая вехи этого пути.

— Я провожу вас до восточной границы, — говорил Тай, следя тропой, которая по мере приближения к большой дороге становилась все шире, словно ручей, набирающий силу на пути к реке. — То есть до самого Старого Пути. Раз ты решил плыть до края света, тебе нужно выйти к Внешним островам. Сейчас Старый Путь не так оживлен, как во времена войны с дикими племенами, двести лет назад хлынувшими с севера. Нынче от них мало что осталось, и торговцы снова ведут караваны по этой дороге — Старый Путь по-прежнему единственный способ добраться до северной части Лемурийских островов. Но будь осторожен: в последнее время до меня доходили слухи о новой банде кочевников-гирканцев. Они каким-то образом обогнули Великую Стену и промышляют теперь в наших северных землях...

— Гирканцы? — удивился Конан. — Так далеко на востоке? И много их в этой шайке?

— Доподлинно я не знаю, но говорят, что не менее пяти сотен, — ответил Тай Юэнь. — Но ты же знаешь, что означает «говорят». У страха глаза велики. Их может быть и пятьсот, и три десятка. Сам я ни разу их не видел. Говорят еще, что это не просто банда разбойников, а изгнанники, отверженные истинными почитателями Эрлика и Пророка его Тарима. Что у них появился какой-то свой новый Пророк, обещавший им в северных степях золотые горы. По-моему же, это самые обычные грабители — может, две-три шайки, слившиеся в одну. А если это все-таки осколок кочевого племени, то поскольку сейчас весна, они должны быть слишком заняты приплодом табунов, а потому вряд ли вас побеспокоят. Смотри, вот здесь дорога минует Перевал Зимних Гроз и выходит на ту сторону гор. Там вдоль дороги довольно поселений — когда-то, еще во время войны, там строились оборонительные опорные крепости.

Так что и еду, и вино вам будет где раздобыть. Потом идет еще один перевал — Морской Страж, а за ним уже

близок и Пайтал — самый крупный порт на всем северном побережье. Там вы найдете любую лодочку и переправитесь через пролив Чеджуд-Ла — «Реку Тысячи Джонок». Потом, перебираясь с острова на остров...

— Там уж как-нибудь разберемся, — отозвался киммериец, внимательно изучая карту. — Не стоит загадывать слишком далеко вперед. Значит, сейчас — до Пайтала. Не дашь ли ты мне с собой эту карту — не в путь, разумеется, а на сегодняшнюю ночь? Я бы как следует рассмотрел ее...

Тай Юэнь медленно свернул тонкий шелк, уложил в черный футляр с вытесненными на нем знаками доброго пути, и протянул Конану.

— Она твоя. Я велел скопировать ее для себя еще год назад — на всякий случай. Так что бери, у меня есть другая точно такая же. Если бы в сундуках Дворцовой Канцелярии хранились карты Лемурийских и Внешних островов, я с радостью отдал бы тебе и их. Но — увы — их нет. Быть может, ты узнаешь больше в самом Пайтale.

— Вот поистине княжеский дар, клянусь Кромом! — восхитился Конан. — Благодарю тебя, брат. Это гораздо лучше, чем пророчество!

На это Тай Юэнь лишь печально улыбнулся.

— Из пророчества можно хотя бы узнать конец пути, — сказал он. — Как ни хороша эта карта, она будет тебе бесполезна там, где кончается край земли. Ну, если ты и в самом деле хочешь выехать до света, нам обоим пора в постель. Время за полночь.

Конан кивнул, думая о своем. Они поднялись со скамьи и вышли из сада. Слуги, почтительно поджидавшие их у входа с горящими лампами в руках, засеменили впереди, указывая дорогу. Конан еще раз кивнул на пожелание Тай Юэня крепкого и легкого сна и ушел к себе. Драгоценная карта не давала ему покоя — никогда раньше он не видел ничего подобного. Поэтому, отобрав у слуги лампу, он захлопнул дверь своей комнаты перед самым носом опешившего кхитайца.

Тот повздыхал, потоцтался у порога и, сетуя на поспешность молодых господ, пошел прочь. Его услужение у Ко-

нана было сущей катогрой — почетный гость не желал вечерних омовений в розовой воде, не желал грелки в постель, не желал церемонии Утреннего Поднесения Туфель. Это очень удивляло и огорчало старого слугу, но огромный северянин ничего не желал слушать, только рявкал время от времени: «Уйди, старик, целее будешь».

Сквозь резную дверь Конану были прекрасно слышны все вздохи и сетования приставленного к нему кхитайца. Он усмехнулся, заново подивившись, как сносит всю эту маяту Тай Юэнь, и пробормотал вслед удаляющимся шагам:

— Ничего, старик, потерпи. Завтра твои мучения кончатся.

Говоря это, он расстипал на прикроватном столике драгоценный свиток, намереваясь еще раз просмотреть предстоящий путь. Но тут послышалось шуршание шелка, и возмущенный голос Силлы поинтересовался:

— Чем это занят мой господин? Или он собирается последнюю ночь провести за чтением, а не в нагретой мною постели?

— Ну уж нет! — отозвался Конан, стараясь, чтобы девушка не услышала в его голосе невольного раздражения: ночь была и в самом деле последней, негоже было пренебречь ею. — Карты подождут.

— Сегодня я твоя последний раз, — прошептала Силла, ловко раздевая его. — Думай об этом, мой наездник. Думай о том, что за эти три ночи, обещай мне их боги еще раз, я отдала бы все сокровища мира — но отказалась бы от четвертой. Эта ночь — наша последняя ночь, мой повелитель, и я намерена употребить все мои женские силы на то, чтобы ты запомнил ее — и меня.

Он улегся рядом с Силлой на прохладные простыни — и Козочка с ликующим криком тут же оседлала его. Она была совершенно нагой, тело ее отливало темным золотом в свете масляной лампы.

Конан и в самом деле думал, что, наверное, больше никогда не увидится со своей строптивой девчонкой, дочерью и любовницей одновременно, и это придало их последней ночи вдвоем какой-то терпкий, чуть горьковатый привкус. Силла,

взявшись исполнять обещанное, раскачивалась над ним в упоении атакующей кобры, глаза ее горели каким-то особым огнем, и Конан мог ясно видеть начертанное в них предсказание: «Ты не уснешь нынче, господин мой».

И все же они уснули, совсем под утро, с первыми трелями просыпающихся птиц. Конан не помнил ни самого сна, ни видений его — Тай Юэнь сам поднял киммерийца с первыми лучами солнца, пока все слуги еще спали. Уверенный, что так и не вздрогнул, Конан выскользнул из объятий спящей Силлы и вышел вслед за князем.

Провожала их одна Фейра — не считая тех жителей Тай Чанры, чьи дела подняли их с постелей еще раньше, чем четверых путешественников. Закутавшись в простое покрывало, княгиня шла с ними до самой конюшни у городской стены, где уже ждали под седлами четыре жеребца, злые и дрожащие спросонок.

Заглянув в переметные сумки, Конан убедился, что Тай Юэнь позаботился обо всем. Еда и вино на пять дней, запас стрел в колчанах, длинные гирканские луки, притороченные к седлам.

Одеяла из драгоценной и редкой в этих землях верблюжьей шерсти, смена одежды — каждому по росту. Еще какие-то мелочи, не слишком нужные, но делающие дорогу легкой и приятной. Видя, как он разглядывает снаряжение, Тай не без гордости пояснил:

— Мы начали готовиться, как только ты объявил об отъезде. Вас собирала в путь вся Тай Чанра.

Сагратиус принял благодарить князя в цветистых и туманных выражениях, Конан же только сказал Фейре:

— Береги мою девчонку! — и вскочил в седло.

— Или мальчишку, — тихонько сказала Фейра, но киммериец ее не услышал. Но когда четверо всадников, проехав лощину, выбрались на тропу под склоном горы, им еще ясно видна была светлая тоненькая фигурка, махавшая рукой от городских ворот.

Весь этот день они провели в седлах, неспешно следуя прихотливым изгибам горных дорог, местами больше походивших на козы тропы. Лишь около полудня, когда

жара стала невыносимой, они ненадолго остановились у быстрой горной речки — поесть и дать напиться лошадям. Дорогой Тай Юэнь рассказывал им о Лемурийских и Внешних островах — все, что знал сам, а знал он немного.

— Говорят, большая часть островов затонула во время Катастрофы, — говорил он, покачиваясь в седле. — И то, что теперь отделяет Лемурийское море от Великого Океана — лишь жалкие остатки. Городов там мало, в основном рыбачьи поселки — есть, впрочем два-три больших порта. Считается, что острова подвластны Императору, но я думаю, он там даже ни разу не был. Воевать там не с кем, жители занимаются рыболовством да промышляют жемчуг на Южных Отмелях. Все крупные города и поселки расположены ближе к западу, потому что с океана нередко приходит Неистовый Всадник.

— Это кто такой? — заинтересовался Сагратиус. По нему было видно, что он уже готов померяться силами с неведомым грозным опустошителем рыбачьих мирных деревень.

— Огромная волна, — ответил Тай Юэнь и удивленно взглянул на Конана, расхочотавшегося вдруг во все горло.

— Посмотри на его вытянувшуюся рожу! — все еще смеясь, сказал киммериец. — Клянусь протухшей печenkой Нергала, он уже примеривался, как бы свернуть той волне шею!

— Нет, нет, — поспешил уверить аквилонца кайбон. — Это всего лишь вода. Правда, она поднимается выше гор и удар ее страшен. Поэтому мало кто отваживается жить подолгу у восточных берегов. Но суда ходят и там — и купеческие, и рыболовные. Обычно Всадник приходит не один, а с землетрясением и бурей, так что опытные моряки всегда знают заранее о его приближении и успевают укрыться в безопасных западных бухтах. О Внешних же островах почти никто ничего не знает. Говорят, там до сих пор водятся морские чудовища, слепые и кровожадные, раз в столетие поднимающиеся из кромешной мглы глубин — на промысел. Это, конечно, легенды. Но случалось, что корабли пропадали в спокойном Лемурийском море без вести — и в бурю, и в ясную погоду. Встречаются там и пираты.

— Об этом я знаю, — сказал Конан. — Сам плавал как-то на пиратской посудине. Нужно мне было одного друга проводить — вот мы с ним и захватили тот корабль. Так что воды эти я немного знаю.

Киммериец говорил о своем путешествии с Рана Риордой, Небесной Секирой. Они вместе вырвались из плена стигийского подземелья и Конан за свое освобождение взялся доставить древнее оружие на легендарный материк Му, где по утверждению духа секиры еще жили прямые потомки атлантов.

Ибо Рана Риорда был стар. Вернее, не стар, а древен — по виду оружия можно было предположить, что оно только-только вышло из рук кузнеца. Отец Гидалла, полубог, мастер и провидец, выковал ее из небесного камня еще до Катастрофы. С секирой Конан пересек все южные моря и в конце концов достиг неведомых берегов. Там он оставил Риорду лежать на белом алтаре, а сам вернулся в Хайберию. Тогда киммериец думал, что достиг самой крайней, самой отдаленной земли. Но, если верить Юлдузу, была где-то земля еще дальше.

Заночевали они в маленькой банановой рощице, а наутро снова двинулись в путь. Дорога, теперь широкая и наезженная, отлепилась наконец от скалы и шла сквозь влажные, полные звуков и запахов джунгли. Наконец лес оборвался, а перед путниками раскинулась широкая горная долина, прорезанная, словно рекой, огромным трактом — Старым Военным Путем.

— Ну вот, — сказал Тай Юэнь. — Здесь мы с вами расстанемся. — Зная, как тягостно бывает прощание, особенно для тех, кто привык скрывать свои чувства, он весело выкрикнул: — Счастливого пути! Да хранят вас Митра и все светлые боги! — И, повернув коня, нырнул обратно под темный полог леса. Трое спутников едва успели крикнуть ему слова прощания — уже вслед.

Конан пришпорил своего жеребца, и тот пошел легкой рысью вниз по склону, туда, где дрожало пыльное марево над Большой Дорогой. За ним, не отставая ни на шаг, ехал Сагратиус и разглагольствовал:

— Сколь приятно в этой непросвещенной стране слышать Имя Солнцеликого! Это говорит о том, что беседы мои с князем — а мы подолгу беседовали с ним о таинствах и милостях Пресветлого — не пропали все. И, право, до сих пор у меня не было столь благодарного и внимательного слушателя! Если бы ты, Кинда, слушал меня с той же охотой и желанием приобщиться святым, твою душу давно бы осенила благодать прозрения!

Кинда на это только фыркнул: его понятие о мире и правящих в нем богах сложилось гораздо раньше, чем Митра ниспослал ему своего многогрешного слугу для обращения.

— Да ты и старую деву не обратишь к девственности, — проворчал Конан. Что-то, быть может, остатки Силы, подсказывало ему, что он больше никогда не свидится с Юлдузом — Тай Юэнем. Киммериец был мрачен, и болтовня Сагратиуса его, вопреки обыкновению, раздражала. — Юлдузу Свет Митры принесли задолго до тебя, толстопузый греховодник. Тебе бы его послушать, а не ему тебя.

— Ты злишься, сын Крома, значит, ты не прав, — ничуть не обидевшись, весело отозвался Мейл. И добавил серьезно: — Но что до света, тут крыть нечем. Все земли обойду, второго такого человека не встречу. А, Кинда?

Карлик, очень редко вступавший в разговор сам, всегда охотно отзывался, если к нему обращались напрямую.

— Кайбон — пхатук, — заявил он и пояснил: — Старший сын, ушедший к Отцу. Равный богу, но среди людей. У народа Кинды таких живых нет — только мертвые.

— Что, прямо так мертвецы и гуляют? — не поверил Сагратиус.

— Не гуляют, нет, — помотал головой Кинда. — Они — с Отцом. Приходят, когда большое зло. Мор или засуха.

Конан кивнул.

— Вроде Младших Богов, Детей Имира. Твои, Кинда, в песчаной пустыне живут, а те — в ледяной. Да только с тех богов пользы, что с асиров — ума. Закрутят путника в пурге или волками затравят — вот и вся их потеха. И дочери его, ледяные потаскухи, не лучше.

— Пхатуки — не ледяные, — задумчиво сказал Кинда. — Но холодные, не живые. А кайбон — живой. Кинда не зря жил на свете, Кинда видел живого бога.

Конан глянул на Сагратиуса, почти уверенный, что тот сейчас начнет возражать: мол, есть только один бог, светлый Митра, а все остальное суть наваждения Нергала и проклятого Сета. Но аквилонец только пробормотал что-то невнятное, опустив голову.

— Что, пивное брюхо, — ткнул его в бок киммериец, пытаясь обернуть все шуткой. — Немного тебе понадобилось, чтобы усомниться в единовластной благости Митры? Нашел обитель света на земле и теперь не можешь с нею расстаться? А нужен ли там такой толстый пожиратель каплунов, как ты?

Ответом ему был душераздирающий вздох. Мейл дурачился, но глаза его были серьезны.

— Да, я грешен, друзья мои. Но настанет день, и я вернусь в сию святую обитель, смиренно надеясь, что на мой век там хватит и каплунов, и вина, — заявил он с новым вздохом, долженствующим изображать раскаянья во всех грехах. — Тай Юэнь добр, он не велит прогнать меня батогами.

— А ты и рад пользоваться его добротой, обжора! — рассмеялся Конан. — Я видел, во что ты превратил его запасы для гостей. И всего-то за две луны! Кто бы мог подумать, что смирение плоти и духа может произвести такие опустошения!

Киммериец смеялся, поддразнивая друга, но на душе у него было черно.

«Ты потеряешь двоих...» — повторял он про себя под перестук копыт. Он знал наверняка, что ни Сагратиус, ни Кинда никогда не вернутся в Тай Цон.

— Ну, это мы еще посмотрим, — зло прощедил он сквозь зубы и пришпорил своего коня. — Гей, гей, ребята, пошевеливайтесь, а то мы будем добираться до края света всю оставшуюся жизнь!

ГЛАВА 3. Кочевники

Зеркало, на которое он возлагал такие надежды, тоже не восстановило мира в его каменном подземном дворце. Похоже, его дворец был просто не создан для мирной жизни — по крайней мере, пока в нем находилась женщина.

В первый миг, увидев свое отражение, Раина вскрикнула и застонала в отчаянье: так бледно и даже серовато стало ее лицо от бесконечных дней во тьме. Выйдя наверх, она увидела лишь свои руки — и замирала от мысли, во что же за эти годы должно было превратиться ее лицо. Сейчас она смотрела в зеркало и вздыхала: покойница, настоящая покойница. Обманывать себя было бесполезно — побывав наверху, она знала, что нельзя все объяснить одной лишь игрой синеватого, мертвенно-белого света. Тем более, что теперь свет волшебных шаров был очень похож на солнечный.

Он смотрел на нее, посмеиваясь про себя: он видел Раину насквозь.

— Что ж, — притворяясь рассерженным, мрачно сказал он, — тогда давай я выкину эту стекляшку, раз она так тебя огорчает.

— Нет уж! — отрезала девушка, разглядывая себя в зеркале так и эдак.

А взглянуть, право, было на что. Несмотря на бледность, она по-прежнему была очень, очень хороша. Ее тюремщик не солгал ей, когда пообещал, что здесь, в этом дворце,

время будет над ней не властно. Не один год провела она под глухими каменными сводами, а вот гляди-ка — ничуть не изменилась! Ясные синие глаза сияли все тем же мягким манящим светом, золотые волосы струились по плечам водопадом, высокая девичья грудь едва колыхалась при ходьбе.

Установив зеркало так, чтобы видеть себя хотя бы до пояса, Раина принялась перебирать украшения. На это у нее ушел целый «день» — время она считала по тому, сколь долго ей не хотелось спать.

Она почти не замечала хозяина, улегшегося сверху на ту груду золота, на которой стояло ее зеркало, и с интересом наблюдавшего за тем, как она расчесывает волосы, укладывая их так и эдак, заплетая их в косы, чтобы перевить нитями жемчуга, или поднимая на затылок, чтобы примерить золотую шапку уттарийской принцессы. Пальцы ее были унизаны перстнями, мочки ушей покраснели от тяжелых, до плеч, золотых серег с аметистами и лалами, руки и ноги в три ряда обивали браслеты. Забыв обо всем, она примеряла вещь за вещью, тихонько напевая себе под нос.

Только об этом он и мечтал, когда бережно нес ей крупную вещицу через все залы и галереи. Он был счастлив. Он разнежился так, что начал задремывать, пока его не вывел из этого блаженного состояния гневный вскрик.

Его красавица не могла выпутать из волос тяжелой диадемы и в нетерпении рванула обруч так, что слезы брызнули из глаз. Он поднял голову.

— Для кого я все это делаю? Ты спиши и даже не смотришь на меня!

Она швырнула освобожденную диадему себе под ноги. Золото жалобно зазвенело.

— Я полагал, что тебе вовсе не нужно, чтобы я на тебя смотрел, — ответил он, искренне удивленный.

— Тогда зачем ты здесь разлегся, желтоглазый урод? Потешаться надо мною, что ли? Я так нехороша? Мне все это не идет? Ну, скажи что-нибудь!

Он посмотрел на нее, склонив голову набок.

— Что я должен сказать? Что ты очень красива — но ведь ты и без меня это знаешь. Хочешь, я принесу тебе поесть? Уже ведь довольно поздно.

Но сегодня у него был, видно, неудачный день. Раина начала срывать с себя кольца, браслеты, ожерелье — и швырять в него, метя в голову, приговаривая:

— «Поздно!» Разве я знаю в этом подземелье, что такое «поздно!» Ты приволакиваешь мне зеркало — а на что оно мне, если я даже показаться во всем этом никому не могу? Зачем я наряжаюсь? Для тебя, толстокожий урод? Да что ты смыслишь в девушках? Тебе бы только голос! А это? А вот это?

В истерике она дошла до крайности, чего раньше никогда себе не позволяла: скинула одежду и осталась в одних сандалиях. Видя, что он смущен, Раина вошла в азарт и разлеглась на золоте, широко раскинув ноги. При этом она уголком глаза глядела в зеркало, проверяя, достаточно ли соблазнительно выглядит.

— Ну как? — Она водила руками по бедрам, животу, пощипывала соски маленьких грудей. — Когда-нибудь я дождусь от тебя слов — «Я тебя хочу»?

Глаза его затвердели, словно две золотые монеты. Он понял, что девица над ним просто потешается — какой бы визг она подняла, если бы и впрямь услыхала когда-нибудь от него что-либо подобное! Тогда он разозлился и решил ее проучить.

— Эта красная щель у тебя между ног, поросшая желтым волосом, просто отвратительна, — заявил он, повернулся и ушел, унеся свет. Пусть-ка посидит одна в темноте, может, станет поумнее.

Выбравшись наверх, он вдохнул ночной ветер, вошел в море и замер на мелководье. Он был обижен. Поистине люди — сквернейшие животные на свете. Что он ей сделал такого, что последние несколько лет она не перестает стенасть и жаловаться? Или чары его теряют силы и Раина стареет?

Он закрыл глаза и словно наяву увидел, как, много-много лет назад, в одну из своих длительных вылазок во

внешние моря, наткнулся на шемитскую галеру, штормом заброшенную чуть ли не к самой Венции. Суденышко было обречено на гибель, мачта его была сломана, рулевое весло перебито.

На верхней палубе восседал злой, как демон Сета, хозяин галеры с плетью в руке. А перед ним, обливаясь слезами, пела дрожащим голосом моление Митре золотоволосая девушка, нагая и замерзшая. Голос ее срывался, пальцы едва перебирали струны маленькой арфы, но стоило ей затихнуть, как плеть опускалась на ее хрупкие плечи. Она взвизгивала и пела дальше. И как же она пела! Никогда в жизни не приходилось слышать ему такого голоса — чистого, звонкого, словно хрустальный колокольчик.

В два удара он пробил днище галеры, поднял гигантскую волну, длинный синий язык которой слизнул в море всех, кто был на верхней палубе. Судьба прикованных к скамьям гребцов его не интересовала. Он подхватил девушку на спину и умчался с нею к берегам Венеции.

Конечно, по дороге к его острову она не однажды пыталась бежать. Но он был настороже и всякий раз ловил ее. А поймав, начинал заново уговаривать, обещая безмерные богатства и бессмертие.

И ведь он исполнил все свои обещания! Чем же она теперь недовольна?

Раина была родом из Аквилонии, из маленького городка на берегах реки Тайбор, на границе с Офиром. Она никогда не рассказывала ему, как попала на шемитскую галеру, но пытаясь уверить, что происходит из древнего баронского рода, а посему с ней надо обращаться соответственно. Он прекрасно понимал, что это ложь, но, посмеиваясь про себя, принял правила игры: девушка слишком хорошо помнила, что недавно была рабыней и хотела хоть как-то вознаградить себя за это.

Но так уж устроены люди, думал он, лежа в теплой воде и глядя на лунный восход. Раб останется рабом, а если притворится господином, то непременно чем-нибудь себя выдаст. Ни одна настоящая принцесса — если только она

не была рождена от дворцового конюха — не позволит себе таких бесстыдных поз и таких оскорбительных слов.

Сказать по правде, он теперь и сам бы предпочел отпустить вздорную девчонку, но, во-первых, она была ему нужна, а во-вторых, куда она пойдет, отпущенная? Разве ей есть куда идти? Разве она знает языки восточных стран? Разве ее не ждет снова та же участь рабыни или портовой шлюхи?

Нет, он ее не отпустит. Пусть лучше посидит день или два без света и еды, тут же снова станет ласковой и послушной.

Он не был жесток. Ему вообще не были свойственны такие качества, как жестокость, глупость или упрямство. Их он считал чисто человеческими, а себя, разумеется, к людям не относил. Хотя он мог бы, наверное, из черной злобы или мстительности долго мучить кого-нибудь, не давая ни жить, ни умереть, не получая от этого удовольствия, а делая ради того, что сами люди считали это для себя жестокой пыткой. Но к Раине это не относилось. Жизнь одного была в руках другого и наоборот. Правда, Раина этого не знала. Быть может, именно поэтому она вела себя так гадко сегодня.

Он вздохнул и перевернулся на живот, задрав голову, чтобы не дышать под водой — он не любил это делать, хотя и мог. Пожалуй, он мог бы и вовсе не дышать, но ему нравилось втягивать влажный, пахнущий подгнившей тиной и рыбой морской воздух, нравилось ловить издали запахи костров и нехитрой стряпни рыбаков. Нюх у него был таким же острым, как и зрение, а зрение не уступало слуху. Вот сейчас он, например, слышал, что Раина, наконец наплакавшись, забралась под одеяло, свернулась в клубочек и заснула.

«Бедная, бедная, — подумал он с такой кривой усмешкой, что скажи он это вслух при Раине, она бы отшатнулась в ужасе. — И то ей не так, и это. Наряжаться ей не для кого. Вот погоди, моя девочка, приведу я тебе мужчину. Ты пользуешься тем, что я не могу тебя ударить, не оставив одного только мокрого места. Ну так я найду тебе молодца,

который не позволит тебе вести такие речи. Ты, наверное, забыла, как с вами обращаются те, для кого вы так любите наряжаться».

Эта мысль его утешила. Снова перевернувшись на спину, он еще долго лежал в мелкой волне и смотрел, как движется по черному небу луна и кружатся в вечном хороводе звезды. На звезды и море он мог смотреть часами, не уставая и не скучая. И то, и другое было непреходящее. Существовал еще закат, на него он тоже мог любоваться бесконечно, но после того, как он чудом выжил в Катастрофе, ему почему-то каждый раз казалось, что сегодня солнце садится в последний раз и больше никогда не взойдет над морем.

«Завтра или послезавтра здесь будет еще один корабль, — думал он. Злость прошла, уступив место чему-то вроде мечтательности. — Я чую его отсюда. Завтра я на нем пошарю. И если найдется хоть что-нибудь подходящее, желательно с тяжелой рукой, я непременно приволоку его сюда. Раина начала мне надоедать. Посмотрим, нельзя ли будет повеселиться как-нибудь по-новому».

* * *

Трое путников неторопливо ехали на восток.

Здесь, на южной стороне, горные вершины задерживали тучи с моря, заставляя их проливаться по ночам дождями. Солнце еще не успело иссушить землю, и хотя пора цветения прошла, сады и луга на обработанных террасах радовали глаз свежей зеленью. Останавливались друзья только на ночь, день же проводили в седле — лишь несколько полуденных часов загоняли их в тень, да и то больше для того, чтобы дать отдых разморенным лошадям.

Дорога постепенно выворачивала к северу, одновременно поднимаясь все выше, и к ночи второго дня пути трое странников были уже у перевала. Решив, что путь наезженный и сбиться с него невозможно, они все тем же размежеванным шагом миновали перевал и заночевали уже с северной стороны гор. Под утро прошел теплый весенний дождичек, прибив к земле дорожную пыль и оставив в

воздухе ощущение свежести и прохлады. Друзья не спеша поели и снова выехали на дорогу — и обнаружили, как и предсказывал Тай Юэнь, что не одиноки в своем стремлении попасть к северным островам Лемурийского архипелага.

По дороге, со стороны перевала, двигалась процесия. За прошедшие дни путникам, конечно, попадались встречные и обгонявшие их повозки, крестьяне верхом на осликах или быках, а то и просто пешие странники. Но караван, да еще таких внушительных размеров, был первый. Конан, сощуясь, взгляделся в медлительное шествие.

— Верблюды! — сказал он. — Значит, туранец или иранец! А не присоединиться ли нам к нему, ребята? Вид у нас бравый, небедный, на разбойников мы вроде не похожи. Если караван-бashi окажется достаточно говорчив, мы еще и разживемся золотым-другим!

В седельных сумках у каждого из них, помимо прочих необходимых вещей, было по увесистому мешочку серебра — от Тай Юэня, «на всякий случай». Но ни Конан, ни его спутники никогда не отказывались от лишних денег — неважно, заработаны они честной службой или добыты воровским умением.

Конан насчитал при караване десятерых погонщиков и пятерых верховых, вооруженных луками и ятаганами, да в большой крытой повозке, влекомой двумя волами, сидело, наверное, три или четыре женщины — жены или просто стряпухи.

Трое воинов, если им по дороге, всегда сумеют убедить караванщика, что силы его ничтожны, а степные разбойники — беспощадны. А значит, сопровождение каравана за необременительную — скажем, в десять золотых на каждого — плату будет сущим благодеянием с их стороны.

Конан, как самый опытный путешественник и наемник, взял переговоры на себя. Он безошибочно определил среди погонщиков караван-бashi — толстого, отъялого купца, с неизменно обеспокоенным выражением на красной от излишней крови физиономии. С высоты своего верблюда, центрального в цепочке, он покрикивал на ка-

раванщиков, умудряясь держать в поле зрения всех десятерых разом.

Окрики, как разобрал Конан, звучали на туранском языке. Это решено дело, поскольку из всех языков по эту сторону моря Вилайет птулькут Кинда понимал только туранский, да и то с трудом. Не обращая внимания на заступивших ему дорогу всадников, Конан подъехал поближе и заговорил прямо с караван-бashi.

— Приветствуя тебя, о украшение базаров Аграпура, Базры и Столицы Тысячи Драконов! — обратился к нему киммериец с вежливым поклоном. — Мы услыхали твои упреки, обращенные к этим лентяям, и, узнав в тебе туранца, поспешили нагнать твой караван. Мы направляемся к гавани под названием Пайтал, почтеннейший. И рады будем охранить твой караван от любой двуногой или четвероногой напасти.

Караван-бashi испытующе посмотрел на незнакомца, затем кинул взгляд на его спутников, державшихся в стороне.

— Ты говоришь по-турански так, словно вырос в Аграпуре или Хоарезме, чужестранец, — сказал наконец он. — Но ты — северянин, хоть и загорел, как уроженец юга. Как это понимать?

Конан, отметив, что купец неглуп, мгновение подумал, а затем сказал правду:

— Ты прав, почтеннейший! Моя родина — далекая Киммерия, горная северная страна. Но я несколько лет служил в гвардии прежнего Повелителя Турана, Илдиза. И не забыл ни речи туранской, ни обычаев.

Купец оживился.

— Ты служил в дворцовой гвардии? И родом — из Киммерии? Уж не сам ли ты Конан, спасший принцессу Зосару?

«Что ж, — подумал Конан, — самое худшее — не состоится сделка». И ответил:

— Я поражен твоей прозорливостью, почтеннейший. Да, я и есть Конан-Киммериец. Но откуда ты знаешь мое имя — ведь я твоего, прости, не припомню.

— Ты и не можешь помнить его, прославленный воин! — Купец, явно обрадованный таким попутчиком, принялся возбужденно размахивать руками.— Я — Амаль, сын Сагира, третий купец в Аграпурской гильдии. Ты не знаешь меня, но, быть может, помнишь моего старинного друга, купца Масруда из Аграпура? Ты когда-то не дал его избить стражникам: они хотели отплатить ему за то, что он принес на них жалобу государю...

Вспомни, прославленный воин: они были отданы на прокорм пяти членам гильдии, но помимо обычного постоя требовали увеселительных пиров и празднеств каждый день. Друг мой Масруд пожаловался на них Повелителю Илдизу, и тот велел перевести их на половину содержания и дать каждому по десять палок. После чего эти выродки гиены и паука поклялись отомстить Масруду и напали на него поздно ночью, когда он возвращался от меня после игры в кости...

Киммериец наморщил лоб, напрягая память. Что-то такое, кажется, было однажды: он с ребятами возвращался в казармы и наткнулся в переулке на драку — пятеро дюжих молодцев нещадно избивали старика. Помнится, все были тогда изрядно пьяны и ввязались только потому, что подвернулся случай подраться. Нападавшие были в масках, и ун-бashi, немедля пропретрзевев, велел вязать их всех и тащить к городскому судье на расправу — что и было проделано. О старике, на которого напали эти замаскированные, он тут же забыл и лишь наутро узнал, что спас от побоев и грабежа одного из самых именитых и уважаемых купцов столицы.

— Да, это имя мне знакомо, — кивнул наконец Конан.— Водит ли еще почтенный Масруд аби Хаким свои караваны через Вилайет и Восточные степи?

— Увы, Эрлик призвал его к себе пять лет назад, — отозвался купец, возводя к небу темные щелочки глаз и сокрушенно вздыхая.— Дома наши были близки и, как он и завещал, дети наши должны пожениться, едва моей дочери минет пятнадцать. А я, покамест еще не стар, обучаю его сына купеческому ремеслу. Он ждет нас с кораблем в

Пайтале, а оттуда мы пойдем вдоль островов к Жемчужным Отмелям — разумеется, с товаром. Я уже не первый раз хожу от Турана к Лемурии — и нахожу, что хоть путь и долг, но барыши оправдывают затраты. К тому же, путешествуя из края в край, становишься мудрее...

Конан, усмехаясь, ехал на своем жеребце рядом с верблюдом хозяина и слушал его бесконечные речи. Он уже понял, кто перед ним. Еще когда жил в Туране, он разделил всех толстяков на две различные категории: сытых, смешливых, неглупых и словоохотливых — и на обжор, дураков и праздных болтунов.

Амаль аби Сагир явно относился к первым. Долгое странствие в обществе простых слуг и наемников прискутило ему, он был рад разговориться с человеком если не одного с ним сословия, то по крайней мере равного положения. Что ж, Конан готов был предоставить ему свое общество и защиту — не задаром, конечно.

— Мы тоже направляемся к островам, почтеннейший Амаль, — заявил он, воспользовавшись короткой паузой.— И если тебе нужны воины в дороге...

— Да осенит тебя благодать Эрлика, неустршимый воин, я как раз хотел просить тебя о том же! — закричал Амаль, всплеснув руками.— Я готов предоставить тебе и твоим спутникам вдоволь еды и вина и место на моем корабле, если вы согласитесь сопровождать нас! Эти олухи, — он ткнул толстым пальцем в сторону своих помощников, — не способны ни на что. То есть они, конечно, способны отбить нападение шайки в десять клинков, ибо ничего страшнее на Великом Пути Шелка и Нефрита мне до сих пор не встречалось, благодарение Эрлику! Но сейчас я в большой тревоге, ибо слыхал, что в этих местах появилась кровожадная орда гирканцев. И каких, господин мой! Нечестивцев, отринувших истинного Пророка!

— Да, я слыхал о них, — хмуриясь, сказал Конан. Если о бешеныхnomадах наслышан этот купец, значит, они не так далеко, как полагал Юлдуз.— Теперь, если позволишь, я поговорю со своими спутниками. Но, думаю, они тоже согласятся ехать с твоим караваном.

Амаль абн Сагир усиленно закивал.

— Конечно, конечно. В том высоком человеке я узнаю аквилонца или нумедийца, а кто тот низкорослый воин, что едет на гнедом жеребце? Прости, господин мой, но я никогда не видел людей, подобных ему.

— Его имя — Кинда, он родился в краю пустынь и степей к западу от Кхитая. Высокий — Сагратиус Мейл, аквилонец и прекрасный боец. Ты не пожалеешь о затратах, досточтимый Амаль,— ответил Конан и, придержав своего черного жеребца, поравнялся с друзьями.

Предложение дармовой еды и выпивки да еще проезда до островов было встречено с одобрением, и трое друзей без дальнейших проволочек были включены в состав каравана.

Весь остаток дня Конан ехал рядом с верблюдом караван-баси и слушал его бесконечные рассказы о том, каковыныче Туран под властью нового Повелителя. Болтовня старика не мешала киммерийцу думать о своем, изредка вставляя глубокомысленные замечания или согласно кивая. Почтенный Амаль был на вершине блаженства.

Конан же думал о том, что толстяк подвернулся им очень вовремя. Слова Юлдуза о судьбе Кинды и Сагратиуса не шли у него из головы. И теперь он прикидывал, что, сев вместе с ними на корабль купца, он сможет как-нибудь незаметно удрать, спрыгнув в воду недалеко от берега. Ребята, конечно, обрушат на его голову сотни проклятий, зато останутся целы и вернутся вместе с почтенным Амалем в Туран. Кинда упрям, но Сагратиус уж найдет способ убедить его, что за Внешними островами лишь море и море без края... В красноречии аквилонца ему приходилось убеждаться не раз. Вот и теперь он краем уха слышал, как, собрав вокруг себя большую часть погонщиков, Сагратиус разглагольствует во весь голос, время от времени вызывая громкий хохот. Да, туранец подвернулся очень кстати.

Дорога спускалась все ниже, вскоре редкие рощицы сменились зарослями кустарника, а после исчезли и они. Здесь начинались бескрайние просторы степей. Короткая степная весна подходила к концу, и трава, уже встав в полный рост, постепенно желтела, подсыхая. Кое-где еще не

отцвели маки, и желтоватое колышущееся море местами было словно помечено кровью. Оставив горы, дорога снова сворачивала на восток и текла среди трав плавно и неторопливо, подобно вышедшей на равнину реке.

Едва начали сгущаться сумерки, караван-баси послал троих людей подыскивать место для стоянки. Конан заметил, что Амаль не стал разбивать шатров — видимо, все его люди на ночь размещались где придется, у костров, а сам он ночевал в повозке вместе с женщинами.

Троим путешественникам было не привыкать спать под открытым небом, а потому они, поужинав вместе с погонщиками и воздав должное финикам и прекрасному шадизарскому вину хозяина, стреножили коней и бросили жреций на стражу.

Двое стороживших лагерь воинов, разжиревших на хозяйских харчах и бестревожных дорогах, не вызывали у них доверия. Первым вышло сторожить Конану, и он взялся за давно начатую новую плеть, а Кинда и Мейл завернулись в одеяла и улеглись у костра.

Когда рисунок звезд сместился, Конан разбудил Сагратиуса и мгновенно заснул. И снилось ему нечто странное: какая-то непонятная битва, где все дрались со всеми, брат шел на брата, а сын на отца. Когда все мужчины пали, в бой вступили женщины и дрались еще ожесточеннее, ибо нет ничего страшнее, чем баба, в которую вселился сам Нергал.

Долина, в которой Конан никогда прежде не бывал, была залита кровью и сожжена, всюду валялись изуродованные тела павших неизвестно во имя чего. Последняя девочка, еле удерживавшая в руках отцовский лук, выпустила стрелу в последнюю женщину — и упала, обессиленная на груду тел. Киммериец, которого эта ожесточенная сеча почему-то миновала, недоуменно оглядывал бескрайнее поле трупов. И вдруг земля у него под ногами дрогнула, загудела и пошла трещинами, словно собиралась поглотить все это воинство безумцев. Гул нарастал, земля содрогалась все яростнее, Конан зажал руками уши, чтобы не утратить разум...

И проснулся. По земле катился далекий гул, он слышал его так же ясно, как треск сверчков в траве.

— Номады! — крикнул он и вскочил на ноги.

— Кочевники, — подтвердил сидевший рядом с ним Кинда. — Но Конан, Мейл и Кинда еще могут удрать. Кочевники далеко, будут здесь в полдень.

— Э, нет, так не пойдет, — заявил киммериец, оглядывая горизонт. Небо над горами уже серело, близился рассвет. — Мы нанимались охранять караван, и мы останемся. Много их, как ты думаешь?

Птулькут покачал головой и почти пропел:

— Мно-ого. Твои пальцы, мои пальцы, пальцы Саграты да еще вон того сторожа, который спит — у него двух на руке не хватает — вот сколько.

— То есть сотня, — уточнил Конан. — И будет здесь в полдень... А скачут они с северо-запада... — Он сел на землю, скрестив ноги, и задумался.

Конечно, трое всадников, удрев тотчас же, могли вернуться в горы и миновать перевал прежде, чем их настигнут кочевники. Но другой дороги на восток не было, и рано или поздно им пришлось бы вернуться в эти же степи, к тем же гирканцам. А кто-то из них, видимо, стерег перевал, раз номады так быстро проводили о караване. Оставалось лишь бросить караван и умчаться вперед по дороге, потому что заполучив такой жирный кусок, кочевники вряд ли погонятся за тремя всадниками...

Потому что ни втроем, ни при помощи людей Амала, им не выстоять против сотни номадов, кто-то, а Конан знал это отлично. Он встал и решительно направился к повозке, где хранил на всю степь толстый караван-баши.

Услышав о кочевниках, почтенный Амаль аби Сагир мячиком выкатился из-под полога. Вид у него был бледный.

— Ты уверен, досточтимый воин? К полудню? Но мы не успеем уйти от них.

— Не успеем, — подтвердил Конан, внимательно глядя на купца. Толстяк, против ожидания, не стал сразу же впадать в отчаянье и причитать о потерянном добре. Завой

он сейчас, как вдова над могилой, киммериец, быть может, и решился бы уйти, пока не поздно. Но Амаль лишь нахмурился, а затем спросил:

— И что же ты посоветуешь сделать, о светоч воинского умения?

— Ты сказал, что не первый раз в этих краях. Есть ли здесь поблизости в степи река или овраг или что-то подобное?

Амаль сокрушенно покачал головой:

— Я знаю на этой дороге каждый постоянный двор, но лишь на самой дороге! Но постой, ведь у меня, кажется, где-то была карта! — И он повернулся, чтобы скрыться под пологом повозки.

— Я не видел твоей карты, почтеннейший, но вряд ли она лучше моей, — не без гордости объявил Конан, доставая из сапога ларец Юлдуза. Толстяк долго ахал, восхищаясь чудесной картой, а Конан тем временем выискивал на ней что-нибудь подходящее для его целей. Но Амаль заметил нанесенный на карту овраг первым и ткнул в него толстым пальцем:

— Есть! Смотри, выгнутый, как натянутый лук, и как раз в нужную сторону! И заступы у нас есть — окапывать костры в засуху! Ты ведь хочешь поджечь степь, не так ли? Тогда нам надо быстро подниматься и пройти вперед, чтобы оказаться совсем за тем оврагом, потому что сейчас мы как раз против него!

Подивившись сметливости купца, Конан кивнул и пошел седлать своего коня. Амаль уже смерчем носился по лагерю, щедро раздавая пинки сонным караванщикам и браня нерадивых стражей, заснувших на посту:

— Поднимайтесь, деть греха и порока! Поднимайтесь, если не хотите нынче вечером предстать перед вратами Эрлика!

Изгиб разлома посреди степи был приблизительно в полчасе езды на северо-запад от дороги, и Конан поскакал в ту сторону. Овраг, не слишком глубокий, с мутной струйкой воды, текущей по глинистому дну, в самом деле изгибался плавной неправильной дугой в сторону открытой степи

и как нельзя лучше подходил для ловушки. Оставалось только заманитьnomадовименносюда,чтобыони не успели обехать засаду, обнаружив ее.

Вернувшись, он увидел, что Амаль даром времени не теряет. Караван уже был собран и вышел на дорогу. Заметив Конана, купец подбежал к нему.

— Вон в тех четырех кувшинах, — сказал он, указывая на огромные тануры, навьюченные на двух самых сильных верблюдов, — я везу оливковое масло, особый заказ правителя Пайтала. Ах, какие нефритовые статуэтки сулил он мне за него! — Тут купец закатил масляные глазки и сокрушенно вздохнул. — Но лучше доехать нам живыми, потеряв часть товара, чем потерять и товар, и жизни, не правда ли? Так вот, бери людей, бери масло — и да поможет вам Эрлик всемогущий и всемилостивый!

Это был уже реальный шанс на спасение. Втолковав перепуганным людям, что нужно делать, Конан погнал верблюдов с маслом к оврагу.

Приготовления были закончены задолго до полудня. За десять шагов от края оврага был полит маслом и на треть окопан гигантский круг. Сетования почтенного Амала оказались преувеличеными: как убедился Конан, не только воины, но и все его погонщики были отличными стрелками, да и мечом владели неплохо.

Они, конечно, трусili, но виду старались не подавать, глядя на то, как уверенно распоряжается их новый начальник. Конан расставил их в траве так, чтобы они могли спрыгнуть в овраг раньше, чем до них доберется огонь. Замыкали полукруг лучники Кинда и Сагратиус.

Убедившись, что все готово, а времени в обрез, Конан пришпорил своего вороного и помчался в степь встречать непрошеных гостей.

Номады были уже близко. Они ехали рысью, уверенные, что добыча не уйдет от них никуда — да и как мог спастись от сотни вооруженных разбойников медлительный караван в бескрайней степи? Подъехав на расстояние полета стрелы, Конан придержал коня и встал в стременах.

— Эй! Безродные псы, потомки шакала и ехидны, выгнанные своими же соплеменниками! Не меня ли вы ищете?

Воспользовавшись замешательством — они явно не ожидали встретить здесь одинокого всадника, — киммериец выстрелил. Один из кочевников с криком упал на землю, а степь огласилась бранью и воплями. Обидчик их кинул лук за спину и повернулся коня.

Не меньше десятка стрел ткнулось в траву, только что смятую копытами его жеребца. Но Конан уже несся вперед, заманивая за собой всю орду. Вот когда сбылся его сон! Земля гудела и стонала, словно живая, от топота четырех сотен копыт. Вошли и проклятия стихии — всадники берегли дыхание, лишь изредка яростно нахлестывая лошадей. Черный жеребец Конана был хорошо виден среди желтой травы, все глаза были устремлены на него, у всех в головах колоколом билась одна мысль: догнать, стоптать и снять живьем кожу.

Видя, что кочевникам не до луков, Конан немного придержал бешеный галоп. Риск был велик, но орда растянулась в степи, и важно было не допустить, чтобы хоть кто-то оказался вне круга, когда караванщики подожгут траву.

Кочевники начали настигать его, их вопли и угрозы снова огласили степь. Они глумились над глупцом, спрашивая, что ему предпочтительнее — кол или котел с кипящим маслом. Как ни чесался язык у Конана им ответить, он молчал, стиснув зубы. Он готовился к прыжку.

Засада была уже совсем близко. В последний раз оглянувшись, киммериец стиснул коленями бока своего взмыленного коня и натянул повод. Вороной хрюнул и помчался вперед так, как никогда еще, наверное, не бегал. Черной молнией пронесся он сквозь строй ожидавших с зажженной паклей на стрелах лучников — Конан едва успел повернуть его, чтобы не свалиться в овраг на полном скаку.

Кочевники шли за ним по пятам. Едва последний из них миновал масляный круг, Сагратиус махнул соседу и спустил тетиву. Одна за другой полетели в траву горящие стрелы — масло вспыхнуло, пламя вмиг взвилось до небес и закрутилось столбом.

Раздался тонкий испуганный визг лошадей. Несколько всадников успели миновать границу круга, но были тотчас расстреляны погонщиками. Лошади шатались от огня, номады, не в силах справиться с обезумевшими животными, растерянно метались внутри круга. Некоторые, сообразив, что угодили в ловушку, спрыгивали и, прорвавшись сквозь огонь, выскакивали к оврагу. Здесь, на краю, их поджидали Конан, Сагратиус, Кинда и воины Амалия. Караванщики, выстроившись в цепь на дальней стороне, стреляли почти непрерывно. А кольцо бешеного огня все сужалось.

Вокруг троих друзей уже кипела настоящая битва. Тяжелый боевой топор Сагратиуса опускался на головы номадов с размеженностью молота опытного кузнеца. Конан дрался только одним мечом, боясь задеть в схватке своих же, потому что бок о бок с ним сражался Кинда, и его короткий меч вспарывал животы кочевникам с той же легкостью, что меч Конана сносил бритые головы.

Не успело солнце пройти половину пути от зенита до горизонта, как все было кончено. Подсчитав убитых, Конан обнаружил, что не менее десятка номадов все же сбежало, но после такого урока они уже не представляли опасности. Потери же туреццев составляли только несколько ожогов да одна-две царапины. Их смазали остатками масла, известного своим целительным воздействием, и, отмыв кое-как в ручье покерневшие от копоти лица, двинулись обратно к дороге.

Степь горела, но в это время года все еще были часты дожди по утрам, и потому Конан, оглянувшись, махнул рукой. Он смертельно устал.

ГЛАВА 4. Шторм

Чтобы не сойти с ума в кромешной тьме среди мертвого холодного золота, Раина говорила сама с собой. Она отлично знала, что ее жестокий хозяин слышит каждое слово, даже если греется на солнышке наверху, и потому ее беседы более всего походили на жалобы.

— Ну и пусть, — говорила она, бесконечно повторяя эти слова, — ну и пусть, ну и пусть. Проживу и одна. Правда, недолго. Сколько может жить хрупкая девушка без воды и пищи? Без пищи, говорят, дней десять. А без воды — не более трех.

При мысли о том, что ей суждена смерть от голода и жажды, сердце ее сжималось в комочек, а голос начинал дрожать от слез.

— И пусть, и пусть, — снова повторяла она. — Пусть.

Если долго повторять одно и то же слово, начинаешь забывать его значение, а если повторить его тысячу раз, уже не сможешь остановиться и так и будешь твердить, гипнотизируя себя до состояния полубреда-полутранса. Что-то подобное и происходило с Раиной.

— Ля-ла-ла, — говорила она, — скоро я сойду с ума. — Тут она истерически хихикнула. — И пусть, пусть-пусть-пусть. Он узнает, как доводить меня до слез. О, как он будет плакать сам, когда увидит, что я умерла. Кто будет петь ему? Никто. Никто не скажет ему доброго слова. Пусть ищет себе новую дурочку. Конечно, дурочку! Разве ты не дура, Раина? Разве можно слушать его речи? Чем он

прельстил тебя? Сокровищами, бессмертием. «Ты будешь жить вечно, ты будешь вечно сыта и одета, мне же нужны только твои песни!» Ах, ах, какой благородный, подумала глупая Раина и дала себя уговорить! Она привыкла жить как принцесса в своем доме, ей не нравился толстый ше-мит, она готова была броситься на дно морское, лишь бы избавиться от этого грязного вонючего насильника! Но лучше бы она бросилась на дно морское...

Тут она снова заплакала. И в самом деле лучше бы ей было погибнуть в той буре, ведь тогда она не ожидала ничего другого. Сейчас ей казалось, что раз уж она была готова к смерти, то надо было умирать. Знай она, что за ужасы ждут ее в оставшейся жизни, сама бы бросилась в воду!

— Смерть, смерть, везде смерть,— всхлипывала она.— Что за судьба выпала тебе, несчастная! Ни родных у тебя, ни близких, ни друзей, ни любимого... Один желтоглазый изверг!

Нащупав что-то холодное и тяжелое, она швырнула это в ту сторону, где, наверное, был выход из пещеры. Металл загремел о камни, под потолком захлопали крылья вспугнутых летучих мышей. Раина испуганно закрыла голову руками. Вот уже и здесь эти противные мыши! Больше всего на свете она боялась мышей, змей и насекомых. И темноты. А сейчас на нее навалилось все вместе — и мыши, и темнота, и голод.

Голод? Неужели началось? Неужели она начинает умирать от голода? Так быстро? Да что же это такое! Ей жадно захотелось всего сразу: фруктов, меда, белого хлеба. Хотя бы корочку...

Она с опаской привстала и пошарила вокруг себя. Еще утром где-то здесь была корзина, полная еды — он принес ей всяких лакомств вместе с зеркалом, он всегда приносил ей с кораблей чего-нибудь вкусненького... Но корзины либо не было, либо она стояла слишком далеко. Раина не решилась вставать с места и уходить дальше, чем на три шага. Она боялась, что, отойдя от своих подушек и тюфяков, потом не сможет найти их и будет блуждать и блуждать по кругу, как слепая Кладбищенская Лошадь. О Старой Кладбищенской Лошади не раз рассказывала ей мать, желая

унять раскричавшегося ночью ребенка. «Слышишь стук копыт на кладбище? Это идет она, слепая и глухая. Когда-то на ней ездил Ночной Охотник, но потом купил себе жеребца из табунов Нергала.

Они едят только раскаленные уголья и пьют души умерших, если на Серых Равнинах становится слишком тесно после великих побоищ. А Кладбищенская Лошадь с тех пор все ходит и ходит, и ищет своего хозяина среди надгробий, и тот, кто не успеет от нее убежать, будет ездить на ней, при克莱ившись к седлу, пока не рассыплется прахом! Спи, не то она заглянет и сюда и унесет тебя к могилам и склепам!»

— Нашла, что вспомнить,— пробормотала Раина, ежась от страха. И тотчас ей то ли почудилось, то ли наяву услышалось негромкое «крап-крап-крап» старых стертых копыт, спотыкающихся о камни.— Не-е-ет! — истошно запопила она,— не-е-ет! Я буду послушной, я буду хорошей, только вернись, не бросай меня больше в темноте одну!

Ответа не было.

Тогда Раина сжалась в комочек, обхватив плечи руками, и тихонько сказала:

— Я есть хочу... Пожалуйста...

И снова в тишине звучало только ее испуганное дыхание. Тогда она отерла слезы и взялась за арфу. Уверенная, что он ее не только слышит, но и жадно ловит каждый звук, Раина сказала нарочито задумчиво:

— Ну, не сидеть же тут просто так. Я не хочу петь ему, но почему бы мне не попеть себе? Надо уметь занять себя, ты ведь уже не маленькая девочка.

Прочтя эту нотацию, она тихо, словно и в самом деле для себя, запела:

Деревья высоки, трава зелена,
О, риляри, эллари, лай.
Я знала любовь, нынче мне лишь одна
Печаль до скончания дней.
Отец мой, отец, что выдумал ты,
За кого меня замуж отдать?
Он мальчик совсем, ему не женой,
Ему меня матерью звать.
Он мал, он еще растет.

Дочь моя, дочь, славно выдумал я,
Он знатного нобиля сын.
Назовет «госпожой» мою милую дочь,
Всех окрестных земель властелин.
Он мал, но он быстро растет.
Отец мой, отец, раз ты так решил,
Значит, тому так и быть.
Я в волосы гребень волшебный воткну,
Чтоб ему меня не позабыть.
Он мал, он так быстро растет!
Пусть едет со свитой юный мой муж
В столицу, где правит король.
Пусть учится биться и ездить верхом,
Его сын во мне зреет доколь.
Он мал, но он быстро растет.
Я ждала его год, ждала его два,
Глядя вдаль с зубчатой стены.
Подрос его сын, отрада моя,
Но мой муж не вернулся с войны.
Тринадцати от роду зим женат,
Пятнадцати — сына отец,
В шестнадцать он в землю сырую лег,
Смерть не смотрит, кто стар, кто юнец!
Деревья высоки, трава зелена,
О, риллари, эллари, лэй.
Я знала любовь, нынче мне лишь одна
Печаль до скончания дней...

Он и в самом деле слышал каждое слово. Закрыв глаза, он внимал музике ее песни, но не торопился прервать наказание. Пусть думает, что он спит. Пусть испугается и проголодается как следует.

Его и в самом деле клонило в сон. Песни Раины вообще действовали на него усыпляюще. Он вздохнул, вытянулся поудобнее на мягкой траве и не заметил, как задремал.

Ему снился цветущий остров, драгоценным камнем сияющий посреди бескрайнего океана. Остров был полон смеха и музыки, города больше походили на сады для развлечений — столько ярких фонариков висело под каждой узорной крышей. На большом холме над столицей высился дворец, его крыши были видны отовсюду. Сновали слуги, торопясь доставить послания знатных дам их воздыхателям, смеялись дети, возводя снежную гору или сажая молодые сосны.

Мир и покой царили на сказочном острове, со всех сторон окруженному морем. Он, молодой и полный сил, купался по утрам в ласковой прозрачности волн, поражая собравшихся на берегу ловкостью и силой. Его братья и сестры плескались рядом, брызгая соленой пеной на праздничные одежды принцесс. Девушки заслонялись веерами, смеялись, тряся рукавами платья, роняли драгоценные перламутровые шпильки из затейливо убранных волос...

Он отдал бы все сокровища своих пещер за то, чтобы вернуться на этот далекий остров, на свою древнюю родину. Но, мотаясь по свету, он совершенно забыл, в какой стороне лежит эта волшебная земля.

Ему оставались только сны. Быть может, поэтому вся кому действию он предпочитал сладостную дрему. В сущности, все его вылазки были продиктованы одной лишь необходимостью.

Но если бы кто-нибудь сказал ему: «Я знаю, где твоя родина, поплыли туда сейчас же», он согласился бы не спать, не пить и не есть, лишь бы скорее попасть туда, где каждое деревце радовало глаз и душу.

Если бы Раина только знала о том, что он не менее одинок, чем она, а несчастен еще более... Но девчонке не было до него никакого дела. Она хотела только одного: вечной жизни и новых игрушек. Если бы он вдруг позволил ей уйти, первым ее чувством была бы не радость, а страх. Вот и сейчас она готова чуть ли не целовать ему ноги, лишь бы он вернулся. Во всяком случае, говорит она что-то вроде этого.

Помимо жалобных вхлипываний Раины в его сон вплелись новые звуки — плеск сотни весел, скрип счастей и крики матросов. Приближался новый корабль.

Моментально проснувшись, он вскочил на ноги и как следует встрихнулся. Раина спала, утомленная слезами и жалобами. Сгущались сумерки, птицы устраивались на ночь. Корабль приближался.

На берегу он был еще до темноты. Шумно втянул влажный морской воздух и улыбнулся. Потверже уперевшись в песок, он начал высиживать большой ветер.

* * *

Потоку благодарностей Амала абн Сагира не было конца. На первом же постоялом дворе спасение каравана было отмечено пышным пиршеством, продолжавшимся всю ночь. Владелец трактира, узнав о том, что банда гирканцев, наводившая ужас на всю округу, наконец уничтожена, проявил щедрость, и в пиршестве принял участие почти все население городка.

Путникам поведали, что только крепкие стены, выстроенные еще столетие назад против северных дикарей, спасли жителей Унъцы.

Гонцы, высылаемые местным градоправителем в столицу с нижайшими просьбами о помощи, как видно, не доходили даже до южной стороны гор. Это означало, что второй перевал тоже стерегут, но почтенный Амаль, уверовав в непобедимость прославленного Конана, о коей был наслышан еще в Туране, не побоялся бы схватиться теперь и с целым войском.

Что же до самого Конана, то он воспользовался славой героя для соблазнения троих застенчивых девушек, и остался весьма доволен результатами.

Наутро, когда все немного успокоились и, зевая после короткой и бурной ночи, двинулись в дальнейший путь, Амаль абн Сагир сказал киммерийцу:

— Я твой должник до самой смерти, о украшение Вселенной! Свет не видывал такого воина, как ты! Сейчас у меня нет денег, ибо товар мой еще не продан, но я готов отдать тебе и твоим друзьям третью часть от всех прибылей за этот год, если вы согласитесь сопровождать нас и дальше, вдоль островов и обратно в Туран через Камбую и Вендию.

Конан хмыкнул.

— Оставь свои деньги себе, почтеннейший. Мы ведь спасали и свои шкуры тоже. Но вот что ты для меня можешь сделать...

— Все, что в моих силах, клянусь бородой Пророка!

— Я хочу отправиться к Внешним островам и, быть может, еще дальше. Но друзьям моим туда путь заказан. Поэтому я потихоньку сбегу где-нибудь в плаванье,

а ты проследи, чтобы они не остались не у дел. Договорились?

Купец усиленно закивал, а Конан добавил с суворостью в голосе:

— И не вздумай сулить им золотые горы, досточтимый Амаль. По сотне золотых на брата им вполне хватит.

Досточтимый Амаль понимающе улыбнулся.

— Кто я такой, чтобы ставить условия величайшему воину Хайбории? Будет так, как ты скажешь, Конан из Киммерии.

Конан, так и не изживший в себе варварской суеверности, невольно вздрогнул при этих словах и покосился на купца — не увидел ли? Но Амаль уже кричал на одного из погонщиков, едва не уронившего в пыль драгоценный тюк златотканой парчи.

Перевал караван миновал без приключений — если и сторожили его гирканцы, то почли за лучшее не обнаруживать своего присутствия. Им было чего испугаться: среди прочего товара Амаль вез и тонкого плетения кольчуги, каких не знали в Кхитае, а также прославленные иранистанские ятаганы голубой стали. Когда дорога снова свернула к горам, Конан велел распаковать груз и обрядить в полный доспех всех, на кого хватит.

Хватило на шестерых погонщиков, и теперь, считая троих друзей, караван сопровождало четырнадцать воинов в полном доспехе и вооруженных до зубов. Миновав Морского Стража, туранцы разбили лагерь и с облегчением поснимали тяжелую амуницию. Тюки с драгоценным вооружением вновь были взвалены на спины верблюдов, и остаток пути прошел мирно.

Пайтал, город-порт, раскинувшийся меж горных отрогов в уютной тихой бухте, не имел городских стен со стороны моря. Лишь в порту сохранились руины древней каменной стены: остатки оборонительных сооружений пракхитайцев, кхарийцев. Именно на Пайтал пришла первая волна беженцев с Лемурийских островов во время Катастрофы. Первые напшествия полудиких островитян были отброшены, но вскоре кхарийцы сообразили, что из них выйдут пре-

красные рабы, и лемурийцы были допущены в Древнюю Империю магов-властелинов.

Вскоре, впрочем, рабов стало гораздо больше, чем господ, они восстали, и бежать пришлось уже кхарийцам. Куда они уплыли на своих больших судах, увенчанных драконьими головами, искусно вырезанными из красного дерева, не знал никто. Прошли тысячелетия, и бывшие пришельцы стали считать себя исконными владельцами этих земель, а о прежних повелителях, говоривших с драконами, укрощавших бури игрой на флейте и возводивших дворцы мановением руки, остались лишь легенды.

Но в Пайтale, самой большой гавани Древней Империи, последнем оплоте кхарийцев, следы их цивилизации были видны яснее, чем в других городах. Более всего поражала воображение чужестранца Стена Двухсот Восьми Драконов, протянувшаяся через всю гавань. Когда-то, вероятно, ее синюю фарфоровую гладь украшало более тысячи изображений этих гигантских ящеров, но теперь осталось лишь двести восемь.

Разглядывая это чудо, Конан думал о том, что легенды, наверное, не врут, и кхарийцы и в самом деле жили бок о бок с драконами. Потому что как бы ни было буйно воображение художника, он не мог бы, никогда не видя их воочию, изобразить столько этих тварей — и каждого в новой, невозможной, но в то же время столь естественной позе. Драконы были самые разные — рогатые, с длинными, как у сома, усами, с тысячезубыми пастьями, с гигантскими когтями на трехпалых лапах.

Каждая мышца была видна под разноцветной чешуей, на хребте можно было пересчитать все косточки бесконечного позвоночника. Конан вспомнил четырех драконов на полу круглого зала во дворце у Юлдуза: те тоже были как живые, иногда даже мнилось, что они шевелятся под сияющей глазурной скорлупой, разминая затекшие мышцы.

В городе вообще было много драконов — деревянных, каменных, бронзовых. Их головы высались рострами на плоскодонных широких суднах, покачивающихся у причалов, их нефритовые статуэтки продавались в каждой лавоч-

ке «на счастье», их изображения украшали гигантские вазы-курильницы в храмах и блюда для жертвенной крови и цветов. Но все это были лишь жалкие подобия тех поистине царских зверей, что извивались, ловя собственные хвосты, на синей стене в гавани.

Из четырех кувшинов масла, предоставленных Конану для расправы с гирканцами, были использованы только три. Четвертый же Амаль торжественно преподнес градоправителю, не преминув рассказать, почему в целости доехало так мало драгоценного масла.

Градоправитель изумленно цокал языком, слушая красочное описание битвы, о которой купец знал только со слов погонщиков, что оставляло место его воображению, необузданному, как дикая кобылица. Конан, присутствовавший на приеме как герой и почетный гость, только посмеивался, слушая удивительные речи туранца. Разумеется, после такого рассказа за единственный доехавший кувшин было заплачено столько же, сколько обещано за четыре.

Амаль не солгал: в порту его действительно ожидало судно — большая галера с полосатым прямым парусом, купленная им в Иранистане. Как он объяснил, торговый путь его шел по кругу — из Турана через Вилайет и гирканские степи, в Кхитай, затем сюда, в Пайтale, затем вдоль островов к Жемчужным Отмелям, а затем через Уттару и Вендию в Иранистан.

Сам он идет с караваном, а сын его друга тем временем выходит из Иранистана на корабле с товаром, на котором невозможно не наторговать прибыли, и плывет через все ту же Вендию ему навстречу. Здесь, в Пайтale, Амаль намеревался расстаться с верблюдами, продав их какому-нибудь путешественнику или такому же, как он, купцу, а в Иранистане, закончив плавание, продать судно и купить новых верблюдов. По его словам, он проделывал это раз за разом уже несколько лет. У этого человека, раз в год пускавшегося в опаснейший и труднейший путь, было продумано все до мелочей. Неудивительно, что дело его процветало.

Покупатель на верблюдов нашелся скоро. Поскольку в Кхитae они были редки, почтенный Амаль запросил вдвое

против обычной цены на верблюда на Аграпурском базаре — и получил, сколько хотел. Более его в Пайтale ничего не держало и, избавившись от обузы, он объявил Конану, что готов отправляться в путь.

Они вышли из гавани ранним погожим утром, при несильном ветре. Сезон штормов в этих водах уже миновал, летние дожди еще не начались, так что плавание обещало быть легким и приятным.

Конану и его друзьям была предоставлена каюта рядом с хозяйствкой. Амаль заявил, что Фаруз, сын его умершего друга, прекрасно проведет это плавание в одной каюте с ним. Но Сагратиус возразил на это, что желает спать в гамаке на нижней палубе — он очень сдружился с караванщиками, — а Кинда, разумеется, не захотел расставаться с аквилонцем. Конану это было только на руку, о чем он и напомнил туранцу, когда тот вздумал было возражать.

Так Конан оказался в одной каюте с Фарузом, тихим и застенчивым юношей лет восемнадцати. Ему, разумеется, тоже поведали о схватке у оврага, и на гиганта-киммерийца он смотрел не иначе как с восхищенным обожанием.

Сначала это слегка раздражало Конана, затем стало забавлять. Он даже нашел в этом свою выгоду: мальчишку можно было поднять среди ночи с просьбой принести воды из большой бочки, стоявшей на нижней палубе, или кувшин вина из хозяйствского запаса — и он со всех ног мчался исполнять приказание, словно не был вторым по значимости человеком на корабле, а мальчиком на побегушках у варвара.

Но при этом с командой он говорил властно и уверенно, а отвечали ему без насмешки и со всею почтительностью, из чего можно было заключить, что попробуй Конан сам заставить юношу исполнять его прихоти, он получил бы неумелый, но твердый отпор. И это тоже вполне устраивало киммерийца.

Именно разделение трех друзей и вызвало вскоре у почтенного Амала настоящую тревогу. На третье утро плавания он подошел к Конану и почтительно спросил, может ли тот поговорить с ним.

Конан как раз пристроился у мачты, разложив на чистой тряпице свои мечи, точильный камень и масляные тряпки с намерением как следует заняться правкой и полировкой оружия. Против соседства караван-бashi он ничего не имел, и Амаль, кашлянув, начал:

— Скажи мне, господин мой, какого бога ты чтишь как своего и верховного над всем миром?

— Крома, Владыку Могильных Курганов, — ответил Конан, несколько удивленный вопросом.

— А что ты скажешь о солнцеликом Митре, коему поклоняются, как я знаю, в Иранистане и Аквилонии, а также во многих иных странах?

— Что о нем сказать? — Конан понимал, что толстяк пришел к нему не затем, чтобы узнать, на чьих плечах висит Равновесие этого мира. И потому ответил, как ответил бы любой киммериец, побывавший во многих странах и слышавший имена многих богов: — Он бог для тех, кто родился в его вере, и к ним он, наверное, милостив. Я не буду поносить его имени, но и возносить ему молитвы мне тоже вроде как незачем.

— А кому ты поклонялся, будучи на службе у Повелителя Илдиза?

— Так вот ты о чем! Нет, я не чтил Эрлика и Пророка его Тарима. Все в моем отряде знали, что мой бог — Кром. Но я никогда не пытался отвратить их сердца от Эрлика, если ты хочешь знать именно это.

Купец энергично кивнул.

— И не похвалил бы того, кто попытался бы это сделать?

— Клянусь Кромом, нет! О чем ты толкуешь, почтенный Амаль аби Сагир?

— Твой воин, аквилонец, он ведь когда-то был жрецом Митры?

Конан расхохотался. Он все понял.

— Так Сагратиус взялся обращать твоих матросов в митрианство, так, что ли?

— Так, о кладезь мудрости, именно так! — Купец горестно всплеснул руками, но тоже не удержался от улыбки. —

И, клянусь милосердием Эрлика, меня начинает это беспокоит! Что я скажу женам, матерям и детям этих мореходов, когда привезу их домой? Что их кормильцы отвернулись от них и ушли к другому богу? Посоветуй, что мне делать, о могучий! Конечно, сей служитель Митры гораздо больше похож на трактирного кутилу и забияку, чем на скромного и смиренного дервиша, и меня, человека седого и всякие виды видавшего, не смущили бы его пьяные речи. Но я-то уже старик, а на «Покорителе Морей» много безусых юношей. Они слушают твоего воина с охотой и вниманием, и я опасаюсь...

— Не опасайся ничего, уважаемый, — прервал его Конан, вновь возвращаясь к надраиванию до блеска своих клинков. — Сагратиус громок лишь на словах. Ты же видел, Кинда проводит с ним бок о бок дни и ночи, слышит все его громкие речи, божбу и проклятия и, клянусь печенью Крома, перегрызет за него глотку кому угодно. Но Кинда — птулькут, и молится своему богу, как бы громко ни рассуждал Мейл о милостях Солнцеликого. Да и сам он не вернется в обитель ни за какие блага Митры. Пусть буйнит. От этого никому не будет ущерба. Но, если хочешь, я поговорю с ним.

Амаль, сидя рядом с киммерийцем, задумчиво посасывал кончик бороды.

— Эрлик свидетель, ты прав, Конан. Никогда я еще не видел, чтобы в новую веру обращали столь странным способом: с помощью большого количества вина и браги, а также громких песнопений за полночь на нижней палубе. И все же, заклинаю тебя именем твоего бога, Крома, поговори с ним.

Конан пообещал поговорить и тем же вечером, спустившись на нижнюю палубу, выполнил свое обещание. Сагратиус был уже изрядно пьян, но внушению внял.

— Мочи нет смотреть на этих заблудших! — воскликнул он в свое оправдание. — Веришь ли, они всю жизнь прожили с именем какого-то нечестивца на устах, так и не изведав благости истинной веры!..

— А сам-то ты неужто так уж стремишься вернуться к служению? — расхохотался киммериец. — Тебе бы брюхо набить да подраться — вот все милости Митры, коих тебе

довольно. Потому кончай смущать правоверных туранцев. Обращай меня или Кинду, раз уж так невмочь.

— Разве я не пробовал? — воскликнул Сагратиус с пьяной слезой в голосе. — Видит Митра, я употребил все силы...

— Вот и упорствуй в благом начинании. Мы с Киндой хотя бы можем свернуть тебе на сторону челюсть, если ты нам уж очень надоешь.

Сагратиус поклялся, что перестанет докучать правоверным туранцам — и, хоть и был пьян в тот вечер, клятву сдержал, к немалому огорчению команды, потешавшейся над аквилонцем от всей души. Несостоявшийся жрец Митры больше не произносил прочувствованных проповедей во славу Солнцеликого, лишь изредка вздыхал по несчастным, лишившим себя спасения.

Почтенный Амаль успокоился, а мореходы вскоре нашли другой повод для веселья: забавную обезьянку, купленную на одном из островов. Она носилась по снастям, пролезала во все щели и воровала фрукты к неизменному восторгу всей команды, ибо проделывала все это с превеликой ловкостью.

Шел уже пятый день плавания. «Покоритель Морей» давно миновал первую россыпь островов Лемурийского архипелага и двигался на юг, через все море, к Жемчужным Отмелям. Там, поближе к берегу, Конан и намеревался удрать. Купец, зная об этом его намерении, заготовил ему большой мешок из провошенной кожи — для припасов и теплого плаща. Кормчий «Покорителя Морей» обещал, что острова Отмелей появятся на шестой день.

Но к вечеру погода, пребывавшая неизменно ясной все их плавание, стала неожиданно портиться. С востока набежали тучи, поднялся ветер. К полуночи волны вздымались уже в два человеческих роста. Но «Покоритель Морей» уверенно нырял с волнами на волну, весла гребцов мерно опускались в темную пенную воду. Конан кликнул Сагратиуса, и они вдвоем встали на руль, ибо кормчие удержать его были уже не в силах.

Их швыряло из стороны в сторону всю ночь, на востоке небо прорезали яркие зарницы, но сама гроза прошла, как

видно, стороной, потому что наутро море снова было спокойно, а ленивый ветерок лишь чуть шевелил мелкие волны.

— Чудеса, — пробормотал Сагратиус. — Я немало поплавал по морям и доподлинно знаю, что буря может подняться за время, какое надобно Оку Митры, чтобы полностью погрузиться в море, коснувшись кромки, но никогда не видал бури, которая стихнет столь же быстро, притом начавшись просто из ничего.

Конан, сощурив глаза, пристально смотрел в океан. Он на своем веку тоже повидал не одну бурю. Пожалуй, ахилонец был прав: что-то с этой грозой было не так...

Но додумать он не успел. На воде, прямо там, куда он смотрел и мог поклясться, что мгновение назад ничего не было, появилась фигурка человека. И человек этот, плывя из последних сил к кораблю, кричал по-кхитайски:

— Помогите! Помогите! На помощь!

— Человек, человек за бортом! — послышалось тут же и с верхней, и с нижней палуб. В воду полетели веревки, шкипер велел выгребать навстречу тонущему. Тот уже еле баражался в холодной воде.

Наконец утопленника вытащили — и еле вынули веревку у него из рук, так он вцепился в нее скрюченными, посивевшими пальцами. Сердобольный Амаль послал за одеялами и подогретым вином с пряностями: вид у вытащенного был самый жалкий. Это был старик-кхитаец с лицом, изрезанным сотнями мельчайших морщинок, с быстрыми темными глазами и редкой седой бородкой. Всей одежды на нем была какая-то рваная рубаха из простого полотна.

Как только он закутался в принесенное одеяло, ее тут же сорвали с него и выкинули за борт как никчемную ветошь. Старик трясясь и бормотал бесконечные благодарности.

Мальчик-помощник повара принес ему в глиняной кружке дымящееся, остро пахнущее вино. Старик схватил кружку и с жадностью принял пить, обжигаясь и все еще дрожа. Но постепенно он пришел в себя и тогда обвел наконец долгим внимательным взглядом склонившиеся над ним лица.

— Не пройдешь ли ты в мою каюту, почтеннейший? — спросил его Амаль, когда увидел, что несчастный уже в силах воспринимать обращенные к нему слова. Старик непонимающе замотал головой, и Амаль повторил ту же фразу по-кхитайски.

— Я всего лишь бедный старик, — забормотал тот в ответ. — Мне не к лицу такие почести.

— А ну-ка, — сказал Конан, беря его за плечи и ставя на ноги. — Если ты обопрешься о мою руку, отец мой, тебе будет легче. Давай-давай, шевелись! А то и в одеяле прогропнешь.

Он почти силой поволок кхитайца к каюте Амала.

Конан знал, что скачущие вверх-вниз волны могут сыграть с кем угодно злую шутку: при сильном волнении корабль может пройти мимо утопающего в двух шагах и не увидеть его за волной. Но утро было ясным, как синие глаза Силлы, волны были высотой не более чем в локоть, так как же там ни с того ни с сего появился этот старик? И даже если он плыл, то откуда, если до ближайшей земли, по словам кормчих, не менее полудня пути при среднем ветре?

— Ну, — сказал киммериец, усаживая старика на табурет, — рассказывай, отец, да смотри не ври. Как ты оказался в море?

— Я не помню, — забормотал кхитаец. — Я плыл куда-то — вот все, что я могу сказать тебе, добрый господин. Я очнулся на берегу вон того острова, среди жалких обломков. Наверно, я ударился головой, потому что не помню даже, как меня зовут и кто я такой. Как я спасся — ведает один только благостный И Чжень, покровитель всех путешественников! Я увидел с берега ваш корабль и поплыл что было сил.

Конан насторожился.

— Какого еще острова?

— Вон того, добрый господин.

Костлявый палец старика указывал куда-то в стену каюты. Конан вышел на палубу и посмотрел в том направлении, куда тыкал загадочный старик.

В той стороне и в самом деле был остров! Мутная глыба его сгустком тумана висела над водою. Но до него была добрая тысяча полетов стрелы. Как же стариk проплыл такое расстояние, да еще после шторма, обессиленный и наверняка больной?

Видно, этот вопрос он, задумавшись, задал вслух, потому что рядом с ним раздался успокаивающий тенорок Амаль:

— Чего только не совершишь во спасение собственной жизни, досточтимый воин! Моя матушка во время пожара вынесла на себе сундук со своим приданым, будучи семнадцати лет от роду. А назад его втаскивали пятнадцать дюжих слуг!

При других обстоятельствах Конан, вероятно, от души посмеялся бы, представив, как волочет на себе из горящего дома хрупкая девица огромный сундук, опасаясь, что без него ее никто не возьмет в жены. Но сейчас он лишь сильнее нахмурился.

— Может, и так, почтенный Амаль, может, и так. А может, и иначе. Сагратиус говорит, что во вчерашней буре не обошлось без колдовства, а у негонюх на подобные штуки...

Купец привычно всплеснул короткими ручками.

— Колдовство! Да что ты говоришь такое, Конан! Разве похож этот несчастный умирающий на колдуна? Разве колдуны — такие? — В представлении Амалья колдун должен был непременно иметь шитый звездами халат, остроголовый, увитый чалмой, звездный же колпак, а также не плавать в море после кораблекрушения, а сидеть у подножия трона какого-нибудь великого владыки, способного по заслугам оценить мудрость и искусность оногого колдуна. — И даже если не обошлось вчера, как ты говоришь, без колдовства, то этот кхитаец скорее жертва, чем причина бури! Ну, в самом деле, не считаешь же ты колдунами нас только потому, что мы тоже здесь оказались именно вчера!

В этом доводе был свой смысл, и Конану волей-неволей пришлось признать, что стариk тут, скорее всего, ни при чем.

Амаль тоже разглядывал остров. Ветер гнал галеру прямо на него, и скалистые, поросшие редким лесом берега были видны все яснее.

— Колдовской этот остров или нет, а нам не повредит подойти к нему и постоять денек в бухте, — заявил кара-ван-бashi. — У нас порвана половина оснастки и в борту пробита дыра — вчера ее завалили мешками с шерстью, но воды набралось порядком, да и заделать ее следовало бы. Пойду-ка спрошу у того старика, где нам лучше подойти к берегу, чтобы не разделить судьбу того корабля, на котором приплыл он!

Конан кивнул, по-прежнему глядя на остров. Он все еще разглядывал словно из ниоткуда наплывающие серые скалы с колониями бесчисленных птиц, когда на палубу выскоил Амаль. Седые его волосы на непокрытой голове только что не стояли дыбом.

— Стариk исчез! — крикнул он.

— А ну, всем на весла, живо! — взревел Конан, кидаясь к кормчим. — Юзуф, Мирад! Поворачивайте живее! Поворачивайте, не то мы все нынче будем ужинать на Серых Равнинах!

Кормчие недоуменно взглянули на хозяина, но тот только замахал руками — слушайтесь, мол. А Конан уже мчался на нижнюю палубу.

— Всем на весла! Шевелитесь, отродья Нергала! Баранчики, полный ритм!

Галера начала медленно разворачиваться против ветра. Весла плеснули по воде, скользнули вниз порванный парус...

В этот миг вода за бортом закипела и что-то снизу тяжко ударило в днище судна. Послышался оглушительный треск, галера выскочила из воды, словно снизу ей дала пинка нога подводного исполина. Едва она, взлетев на несколько локтей, снова плюхнулась в воду, как удар повторился. На этот раз он пришелся по рулевому веслу. И киль, и весло разлетелись в щепы, а тех, кто его держал, смыло за борт накатившей волной. Люди кинулись за веревками, чтобы вытащить товарищей, но тут новый удар обрушился на корму. Никто толком не успел разобрать, что же это было, как двое матросов уже лежали на палубе с размозженными черепами.

— Чудовище! Чудовище! — закричало сразу несколько голосов, и словно в ответ на эти крики над порушенной

кормой поднялась гигантская драконья голова — в чешуе цвета бирюзы, с белыми разветвленными рогами и клыками в руку толщиной. Глаза дракона полыхали желтым янтарным огнем, из ноздрей вырывался дым. Чудовище разинуло пасть и дохнуло.

Парус вспыхнул, словно был сделан не из прочного холста, а из китайской рисовой бумаги. Струя огня прошлась по палубе, и те, кто попал в нее, упали на доски бесформенными обугленными головешками.

— Митра Пресветлый, — выдохнул у Конана за плечом Сагратиус. Вынув из-за пояса топор, он опробовал его лезвие большим пальцем и с сомнением посмотрел на толстые пластины бирюзовой чешуи, сплошь покрывавшей гибкое тело чудовища.

Киммериец молча вынул из-за плеч оба меча и пригнулся в стойке. Ему надо было выждать нового удара.

Он полагал, что дракон будет продолжать крушить галеру там, где начал, но ошибся. Огромная когтистая лапа вынырнула из воды и вонзилась в палубу сбоку от него. Конан рубанул по ней на выдохе, но закаленный, с одного удара расекавший полный доспех аквилонского рыцаря меч отскочил от бирюзового панциря, как мяч от стены.

Рядом на лапу опустилась секира Сагратиуса — и едва не вывернула ему руки, отлетев так же, как и мечи Конана. За бортом послышалось что-то очень похожее на смех, и они снова увидели голову чудовища — точь-в-точь такую, как у драконов на стенах в гавани Пайтала, только раз в пять больше.

Конан еще раз взмахнул мечом. Но, как ни был он быстр, дракон оказался быстрее. Киммериец метил ему в глаз: в последний миг чудище успело отшатнуться, и острый как бритва меч срезал ему под корень правый ус.

Дракон взмыл и рванулся прочь с такой силой, что едва не перевернул галеру. Сагратиус упал и кубарем покатился по палубе. Конан, триумфально воздев оба меча, крикнул:

— Кром! Выходи, червяк, выходи, отрыжка Нергала, и я побрею тебя и с другой стороны!

— Ко-онан! Кинда-а!

Киммериец обернулся. Сагратиус, прокатившись до левого борта, свалился и повис, выпустив секиру. Судно кренилось все больше, Мейл ревел, как раненый бык. Кинда, схватив его за обе руки, пытался удержать друга, но ему это почему-то не удавалось.

Ринувшись к ним, Конан увидел почему. Ноги аквилонца обвивал хвост в лазурно-голубой чешуе. Он тянул Мейла вниз, тянул вместе с галерой. Кинда пытался, но все еще держал его.

Конан, уже убедившийся, что сквозь бирюзовые пластины до проклятого ящера не добраться, ткнул острием клинка туда, где проглядывала желтая незащищенная мякоть брюха. Раздался рев, стократно превосходящий рев гигантаквилонца. Хвост, не выпуская ног Мейла, дернулся вниз, увлекая под воду и Сагратиуса, и Кинду.

Издав звериное рычание, мало уступавшее в ярости реву раненого чудовища, Конан, зажав в зубах кинжал, нырнул с единственным желанием: добраться до глотки этой твари.

Он проплыл под водой вдоль чудовищного, свившегося в кольца огромного тела, и, найдя меж сходившихся на груди ящера желтоватых пластин щель толщиной не более пальца, вонзил в нее кинжал по самую рукоять. Тотчас мимо его лица, едва не зацепив его когтями, пронеслась бирюзовая трехпалая лапа.

Пальцы, гибкие и подвижные, сомкнулись на кинжале и выдернули его одним движением лапы. Вода окрасилась кровью. Конан, метнувшись вслед за кинжалом, брошенным драконом вниз, подхватил его и вынырнул на поверхность, чтобы глотнуть немного воздуха.

Галера пытала. Одним бортом она почти лежала на воде, медленно погружаясь. На ней горело все, что только могло гореть: снасти, мачта, кормовые надстройки.

В воде метались обезумевшие от ужаса люди. Раненый дракон в слепой ярости раздавал удары направо и налево. Ударом тяжелой лапы он оглушал свои жертвы, одновременно утаскивая их под воду.

— Эй, ты! — хриплым, сорванным голосом окликнул его Конан. — Безмозглый желтопузый червяк! Обернись и посмотри на того, кто воткнул тебе эту штуку под ребра!

Он понимал уже, что битва проиграна, что обезумевшая тварь никому не даст уйти живым, и теперь киммериец твердо решил продать свою жизнь как можно дороже.

Дракон словно дожидался его окрика. Развернувшись на голос, он быстро поплыл к киммерийцу. Конан, не дожи-даясь, пока ему опалят струей пламени голову, нырнул и поплыл ему навстречу.

Они схватились у самой галеры. Конан метил чудовищу в глаз; доплыv до борта тонущего судна, он перекувырнулся в воде, оттолкнувшись ногами как мог сильнее. Вытянув руку с кинжалом, он рванулся к дракону, словно гигантская стрела, выпущенная из арбалета.

Но дракон, который мог остановить его одним ударом лапы, почему-то вместо этого отшатнулся, снова подставив Конану живот. «Ну уж нет,— стиснув зубы, подумал киммериец.— Мне нужна твоя глотка, приятель, и я до нее доберусь!»

Как раз в этот миг дракон, разворачиваясь, неловко повернулся, и Конан, вытянув руку, схватил его за ухо.

Чудовище замотало головой, стараясь сбросить неожи-данного всадника, но киммериец, подтянувшись, сжал ему шею коленями, как сжимал бока лошадей, намереваясь пустить их в галоп. Он уже нашупывал подходящее место среди бирюзовой брони, как вдруг когтистая лапа железной хваткой взяла его за горло.

Конан захрипел, силясь вырваться. Дракон в ответ на это лишь чуть крепче сжал пальцы. Перед глазами у Конана потемнело, в ушах поднялся раздирающий барабанные перепонки оглушительный звон — и больше он ничего не помнил.

ГЛАВА 5. Подземный лабиринт

Он ухмылялся так, что были видны все до последне-го острые, белые зубы. Раина очень присмирела после дня, проведенного в одиночестве и темноте, и поэтому сейчас, еще не зная причин такому веселому на-строению, она на всякий случай попятилась назад.

— Вот,— сказал он, стряхивая со спины свой груз.— Я принес тебе игрушку.

Девушка задохнулась и в ужасе прижала ладони к щекам. Перед ней, простертное на камнях, лежало нагое тело. Видно, ее мучитель выловил его из воды, потому что с волос утопленника, длинных и черных, текло, а кожа, когда-то бронзовая от загара, теперь имела тот синеватый оттенок, какой появляется и у живых, если они слишком долго пробудут в холодной воде.

Раина взглянула на улыбающегося хозяина. Он был явно доволен собой.

— Не ожидала? — хохотнул он.— Ну, ты рада?

— Ты...— наконец выдавила она сквозь слезы.— Ты смеешься надо мной, да?

Он нахмурился: вместо ожидаемой благодарности его снова встретили слезами. Это начинало его раздражать.

— Чем ты снова недовольна? Кто, как не ты, накануне жаловалась мне, что уже сотни лет не видела ни одного человеческого лица? Чем он плох тебе? Смотри, какой красавец!

Принесенный им человек вряд ли мог считаться красав-цем. Во всяком случае, его лицо не отличалось ни правиль-

ностью, ни изяществом черт. Созерцание трупа было не самым большим удовольствием на свете, но Раина и в самом деле столько лет не видела никого из теперь недоступного ей внешнего мира, что невольно подалась вперед, рассматривая мертвца.

Это был мужчина в возрасте полного расцвета, то есть лет тридцати — тридцати пяти. Его большое, могучее тело покрывали старые рубцы, тонкими полосками белевшие на синеватой коже. Широкие скулы, глубоко посаженные глаза и маленькие, прижатые к голове уши говорили о варваре-северянине, но темный загар свидетельствовал о том, что последние годы он провел под щедрыми лучами южного солнца. Была в его налитом силой теле какая-то своя, дикая красота большого хищника, но сейчас, истерзанное волнами, безвольно лежавшее на каменном полу, с запрокинувшейся черноволосой головой, оно являло жалкое и печальное зрелище.

Раина, всхлипывая, склонилась над лежащим. И тут он застонал и пошевельнулся.

С истошным визгом девушка отскочила как можно дальше от ожившего покойника. Тот лежал неподвижно, и Раина уже подумала было, что ей почудилось. Она оглянулась на хозяина — тот беззвучно хохотал, сотрясаясь всем своим огромным телом.

— Боишься, что укусит? Не бойся, он еще не скоро сможет кусаться. Клянусь собственной скорлупой, мне здорово пришлось потрудиться, чтобы одновременно оставить ему жизнь и лишить возможности кусаться! Этот безумец даже ранил меня, вернее, решил, что ранил. Но ты ведь знаешь, моя дорогая, что воткнуть мне кинжал в живот вовсе не означает убить, ведь правда?

Раина съежилась. Она знала. Когда-то давно, когда она лучше помнила, как выглядит блеск росы на листве в ранних лучах солнца, она с отчаянья попыталась убить своего тюремщика. Казалось, он спал так крепко! Она вонзила ему зингарский кинжал по самую рукоять в то место, где, по ее понятиям, у него должно было находиться сердце. И завизжала в ужасе, когда услышала его смех. Он потешался над

ней, притворяясь спящим. Что ему было с той царапины все равно что ей ободрать локоть о камни — конечно, не приятно и кровь течет, но вовсе не смертельно. После этого случая он смеялся над ней три дня, а она потеряла всякую надежду когда-нибудь избавиться от него.

И вот опять он смеется — над ней и над всею людской глупостью. То, что в ее глазах было подвигом, достойным баллады, для него не стоило и выеденного яйца.

— Ты просто зверь, — тихо сказала Раина.

— Ну, — игриво сказал он, — все-таки не совсем. По крайней мере, не обычный зверь, не так ли? Ладно, теперь я вас оставлю. Вот здесь еда. Смотри не забудь поужинать. А, вот еще что. — Он подтолкнул к ней маленький, окованый металлом сундучок. — Это я тоже стащил с галеры. Тут всякие мази, притирания и прочая чушь. Возись в свое удовольствие. Но учти — этот человек склонен чуть что хвататься за нож. Его кинжал и мечи я утопил, но здесь, в сокровищнице, найдется довольно острых безделушек, которыми он перережет тебе горло, если ты не придешься ему по вкусу.

Снова хохотнув, он ушел.

Раина взяла в руки светящийся шар и поставила его в изголовье своей постели. Затем, подхватив утопленника под мышки, рывками принялась перетаскивать его на перины. Это отняло у нее уйму времени и сил, так что под конец она совсем зашыхалась.

Передохнув, девушка принялась копаться в принесенном сундучке. Среди множества банок, коробочек и свертков с порошками, применения которым она не знала, нашелся флакон с прозрачной, резко пахнущей жидкостью. Раина зубами выдернула пробку и, едва не прослезившись от невыносимого запаха, поднесла флакон к ноздрям незнакомца. Тот вдохнул глубже, застонал и повернул голову. Только теперь Раина заметила темно-багровые свежие отметины на его горле.

Она снова всхлипнула. Проклятое чудовище! Зная характер своего тюремщика, ей следовало притвориться равнодушной и презрительно молвить что-нибудь вроде: «За-

чем ты приволок мне эту падаль? Ах, он еще и жив? Так забери и выкини его сейчас же, потому что он, конечно же, скоро издохнет и будет вонять, как стая стервятников!» Вот как следовало бы ей поступить, и тогда довольная ехидная улыбка на драконьей морде сменилась бы гримасой разочарования, он отволок бы этого несчастного к берегу, утопил бы в море и забыл про него. И снова был бы в ее власти.

Но она не смогла так поступить. Смутно сознавая, что косвенно была причиной гибели многих неосторожных мореплавателей, она не могла хладнокровно казнить еще одного несчастного. Она не знала, для кого это делала — для себя или для этого незнакомца, но ей вдруг безумно захотелось, чтобы он остался здесь и выжил... Чтобы открыл глаза, улыбнулся и сказал:

«Спасительница... любимая... как ты прекрасна!..»

И вот он остался — на горе ей или на счастье, она еще не знала.

Видя, что утопленник постепенно приходит в себя, Раина принялась растирать ему холодную грудь. Взгляд ее невольно скользил вдоль его плоского, с рельефными красивыми мышцами живота, к густой поросли, к... Тут она почувствовала, что волна желания стремительно поднимается в ней, а руки движутся уже не с силой, а лаская и поглаживая... Она так давно не видела настоящего мужчины, что готова была оседлать его тотчас же, не дожидаясь, пока он придет в себя.

Он вдруг шевельнулся, какой-то хриплый звук вырвался из его горла.

— Дракон... — еле внятно прохрипел он. — Дракон.

— Разве я похожа на дракона? — проворковала Раина, по-прежнему гладя его. Ее пальцы уже приближались к заветному месту, голос звучал тихо и нежно. — Открой глаза и взгляни на меня. Разве я похожа на дракона?

Он открыл глаза и сел, даже не заметив прикосновений ее ласкающих рук. Глаза у него были синие. Сейчас, правда, их синий цвет был несколько мутноват, но все равно, они были прекрасны. Раина начала понимать, почему ее

хозяин назвал свою добычу «красавцем» — пожалуй, теперь, рассмотрев его как следует, она готова была признать, что он просто бог.

— Что ты уставилась на меня, женщина? — недовольно поинтересовался он, уловив ее обожающий взгляд. — Кто ты такая? И откуда здесь взялась?

Тут он наконец огляделся. Магический шар разгонял тьму едва ли на три шага вокруг. Но все же, по гулкому эху, по мерцанию вдали новых и новых золотых груд можно было определить, что этот зал — гигантская пещера, потолок и стены которой уходят в недостижимую высь.

— Откуда здесь взялась ты и откуда здесь взялся я? — повторил он.

Голос его уже звучал не так хрипло. Был он низок, глубок и звучен, и показался Раине музыкой садов Митры после множества лет, в которые она слышала одну только негромкую, словно шелест мертвой листвы, речь ее тюремщика. Голос этого человека звучал, как фанфары, и чувствовалось, что он привык говорить громко и повелительно, а не шептать ехидно, подкравшись из-за угла, как это любил проделывать хозяин ее подземного дворца.

— Я не взялась, я здесь живу, — ответила Раина. Как ответить на второй вопрос, она еще не знала, но он сам подсказал ей:

— Так это ты, малышка, выволокла меня из воды?

Она, очень довольная тем, что выпуталась из щекотливого положения, поспешила кивнула. Он оглядел ее хрупкую фигурку, тонкие руки и узкие плечи — и недоверчиво усмехнулся:

— Еще одна девушка на выданье с сундуком приданого, э? Ладно, положим, я тебе верю. Как тебя зовут?

— Раина, — ответила она, склонив к плечу золотоволосую головку.

— Раина, — повторил он, словно пробуя на вкус ее имя. Глаза его затуманились, словно он вспоминал кого-то с таким же именем. Подтверждая эту догадку, он пробормотал: — Та была черноволосая и темноглазая и уехала в Боссон, как я ни уговаривал ее оставаться... — Он встряхнулся, отгоняя

видение.— Ну, а я — Конан, Конан-киммериец. Ты и в самом деле здесь живешь? Что это за место?

— Остров,— ответила она.— Вернее, пещеры на острове. Мы с тобой сейчас в самом сердце подземного лабиринта. Оглянись-ка,— добавила она с лукавой улыбкой.— Это все — мое.

Чуть прищурив синие глаза, он снова огляделся, теперь уже внимательнее.

Она ожидала если не выкриков восторга и изумления, то хотя бы расширившихся глаз. Ибо повсюду в пещере были навалены груды сокровищ. Золотые аквилонские и немедийские кубки соседствовали здесь с нефритовыми и аметистовыми статуэтками из Кхитая. Изящные, отяженные золотом и каменьями зингарские рапиры лежали вместе с огирскими тонкими кольчугами и туранскими изогнутыми саблями. Украшения всех стран, от асирских гривен до вендийских уборов придворных танцовщиц, которые, как известно, должны быть брошены в украшениях в воду и запросить о помощи, не в силах выплыть сами, иначе наряд считается неполным; просто россыпи камней, некоторые величиной с человеческую голову; стигийские золотые скрижали с темными письменами — и монеты, монеты, монеты...

С головами богов и чудовищ, с профилями владык прошлого и настоящего, с надписями, лавровыми ветвями, лилиями или трилистниками — в зависимости от того, в какой стране и при каком властелине чеканили их неизвестные мастера... Все это было свалено без разбора и счета в гигантские кучи, на самую маленькую из которых можно было купить любое королевство или княжество Хайбории.

Но Раина так и не дождалась даже удивленного восклицания. Равнодушным, как ей показалось, взглядом синеглазый гигант обвел все эти несметные сокровища и обернулся к ней с вопросом, никак не относящимся к ее гордому и несколько преувеличеному заявлению, что все это — ее собственность.

— А где тут выход?

— Выход? — не поняла Раина.— Куда?

— Да куда угодно, лишь бы вон из этой вонючей дыры! К чему мне все эти побрюкушки — я хочу есть! Или у тебя в этих грудах припрятан хороший кусок оленины? Если да, то давай его сюда, и поживее!

Раина мелодично рассмеялась и поставила перед ним корзину со снедью, принесенную драконом. Роясь в ней, он отдал новое распоряжение:

— Найди мне какую-нибудь тряпку и хороший ремень. Лучше два.

— Зачем, Конан? — спросила Раина, любуясь им.— Ты хочешь связать меня?

— Я хочу сотворить себе некоторое подобие одежды, — не без ехидства ответил киммериец с набитым ртом.— Что ты делаешь?

Раина подошла к нему, скользнула пальцами по плечам, прижалась к бронзовой спине.

— Тебе не нужна одежда, милый, — шепотом сказала она, — если тебе холодно, я согрею тебя.

— Женщина, дай мне спокойно поесть, — последовал на это единственный ответ. И сказано это было довольно-таки мрачным тоном.

Девушка обиделась и, надув губки, села в стороне. Но минуту спустя ей пришло в голову, что она, быть может, действительно не права — все мужчины устроены одинаково: сначала желудок, потом то, что ниже, и уж в последнюю очередь — голова. Глупо приставать к мужчине, если он голоден. Поэтому Раина утихомирилась, уперла локотки в колени, подбородок положила на руки и стала смотреть, как он ест. Пусть ест. Он никуда он нее не денется — ни сегодня, ни завтра, ни ближайшую тысячу лет.

Конан же, запивая холодную жареную утку и белый хлеб кисловатым домашним вином, какое делали повсюду на южных отрогах гор Жемчужных Отмелей, думал о том, что, кажется, попал в переплет. Груды золота и удивили, и обрадовали его — но лишь в первый миг. Девчонка же, назвавшаяся их хозяйкой, явно что-то недоговаривала. Быть может, тот демон в бирюзовой чешуе — ее слуга, и приво-

лок его сюда по ее повелению? Но она совсем не была похожа на женщин, повелевающих демонами... И где же выход из этой утробы Нергала?

— Послушай, Раина, ты что, ведьма? — спросил он, чтобы узнать ответ хотя бы на один вопрос.

— Конечно же, нет! — ответила девушка. — Почему ты решил?

— Откуда же тогда взялся дракон?

Он уже покончил с птицей, хлебом и вином и, вытерев о волосы жирные пальцы, начал обходить сокровищницу, подыскивая себе одежду. Наконец он нашел турецкую шаль Раины и два пояса. Не успела девушка и глазом моргнуть, как шаль была порвана на два неравных куска. Из одного, поуже, Конан сделал себе нечто вроде набедренной повязки, затянув на талии кожаный ремень и продернув под него концы лоскута, а другим обернулся бедра, закрепив вторым ремнем — из наборных золотых пластин с яшмовыми и нефритовыми вставками. Все вместе это походило на облачение какого-нибудь венецианского князя, и киммериец проворчал, оглядывая себя: «Павлиний наряд! И ни одной пары сапог!»

— Так откуда же взялся дракон? — повторил он, закончив облачение. — Если ты не ведьма, то кто его вызвал?

— Ну, — замялась Раина, — он, видишь ли...

— Тоже здесь живет, — закончил за нее голос из глубины пещеры, и на свет выполз дракон — огромное бирюзовое чудовище длиной не менее десяти копий. Об этом, впрочем, судить было трудно, потому что тело его находилось в непрестанном движении: даже оставаясь на месте, он перетекал из одного положения в другое, свивая и развивая кольца и петли.

Заслышав этот голос, Конан не глядя протянул руку к ближайшей груде и вытащил что подвернулось — большой анкас из слоновой кости со стальным наконечником, в котором слились копье и крюк. Озадаченный тем, куда он попал и кто такая сидящая здесь девчонка, он на время забыл о том, как он попал в пещеры. Но, увидев треугольную тупорылую морду, вспомнил, как кричал

Сагратиус, раздираемый надвое, как горела галера и тонули люди. Взвесив в руках анкас, киммериец сказал сквозь зубы:

— Так он у тебя еще и разговаривает, этот ублюдок Сета? А на каком базаре ты его купила?

— Аргх! — рявкнул дракон. Из пасти его вырвалось пламя. Подойдя ближе, он вкрадчиво спросил у Раины: — У тебя? Это значит, я тут у тебя, а не ты у меня? И что ты еще успела ему наговорить? Быть может, что все эти сокровища — твои?

Ей не следовало забывать, что, где бы ни находился ее тюремщик, он слышит каждое ее слово. Она так хотела покрасоваться перед мужчиной, ошеломить, ослепить его, что из ее светловолосой головы вылетело все остальное. И теперь ей не миновать расплаты. Когда дракон начинал говорить таким тоном, как сейчас — тихо и вкрадчиво, даже ласково, это означало, что он очень зол.

Взвизгнув, Раина кинулась за спину киммерийцу. Дракон шагнул ближе, и Конан выставил вперед анкас.

— Давай, отрыжка Нергала, подходи. И я выколю тебе оба глаза, клянусь Сагратиусом и Киндой, которых ты убил! Ну, подходи!

Дракон лег, обернув ноги хвостом.

— Сагратиус и Кинда. Видимо, это были твои друзья? Там, на галере? — Конан только крепче стиснул зубы, отчего шевельнулись тени у него под скулами, и дракон продолжал, тихо и покаянно: — Прости, я не знал. Но теперь уже ничего не поделаешь, правда? Я в самом деле сожалею, Конан. Ни против тебя, ни против твоих — как их — Сагратиуса и Кинды я ничего не имею. Если тебя это утешит, возьми себе что-нибудь из моих вещей вместо выкупа — у асиров это, кажется, называется вирой. После выплаты виры прекращаются все счеты, не так ли? Этот пояс на тебе и анкас в руках достаточно ценные, чтобы выкупить десять, а то и пятнадцать жизней.

Голос его звучал мягко и тихо, словно журчала вода или шелестели осенние листья. Конан глубоко вдохнул, раздувая ноздри, но анкаса из рук не выпустил.

— Что тебе от меня надо, голубая лягушка? — грубо спросил он.

— Ничего, — ответил дракон самым мирным тоном. — Совершенно ничего.

— Тогда зачем ты приволок меня сюда? И где твой хозяин, обманом проникший на наш корабль? Тот старик-хитаец...

— Тот хитаец — это тоже я, — весело ответил дракон голосом вытащенного из воды старика. Он сделал какое-то неуловимое движение — то ли встал, то ли очень быстро перекувырнулся через голову, — и перед Конаном предстал мокрый дрожащий человек с тонкой бородкой и сетью мельчайших морщин на смуглом лице.

— Ах ты мерзкая жаба... — пробормотал Конан и ринулся на него.

В следующий миг он не мог поплевать ни рукой, ни ногой, стиснутый кольцами драконьего тела. Чудовище сжало объятия чуть сильнее — и киммериец услышал, как затрещали его кости.

— Я же сказал тебе: я ничего не имею против тебя, и ты против меня теперь, надеюсь, тоже. Если ты будешь вести себя гадко, мне придется убить тебя. Ты понял меня?

— Да, — прохрипел Конан. — Пус-сти...

Дракон разжал кольца, и киммериец плашмя упал на камни. Знакомство состоялось.

— Все, что от тебя здесь нужно, тебе скажет вот эта юная, — дракон хихикнул, — девица. Когда я похищал тебя, меня заботило одно лишь ее благосостояние. Она пожаловалась, что истосковалась по людям, и я подобрал ей пару по своему разумению. Развивайтесь, дети мои.

Заявив это, дракон повернулся, чтобы уйти. Конан, забывшись, схватил с пола гигантский изумруд и что есть силы метнул в голову чудищу. Изумруд отскочил от чешуи и, упав, покатился по полу.

— Ты только напрасно тратишь силы, Конан, — безмятежно отозвался дракон. — С этой стороны я неуязвим. А если бы камень раскололся, было бы жаль. Ты, может быть, об этом не знаешь, но на него на любом невольничем

рынке можно купить три десятка таких бронзовокожих красавцев, как ты.

И насмешник удалился. Конан в бессильной ярости пнул золотой аквилонский доспех, зазвеневший, как гонг в китайском храме, и обернулся к Рaine.

— Так я здесь все-таки из-за тебя? Из-за тебя он потопил галеру с моими друзьями, полную отличного товара и людей? Четыре десятка человек — на дно! Да ты не стоишь и медной серги из уха Сагратиуса! Будьте вы оба прокляты — и ты, и твой рогатый хозяин!

Рaine, скавшись в комочек, смотрела на него полными слез глазами.

— Я ни о чем его не просила! — выкрикнула она. — Ни о чем, клянусь солнцеликим Митрой и благой Иштар! Я говорила ему тысячи раз, что это плохо — топить проходящие корабли, что им до него нет никакого дела, но разве он меня послушает? Что я для него — игрушка, забава! Он придумал новую игру — и принес тебя. Но я ни о чем его не просила!

— Откуда же он тогда знает мое имя? — уже тоном ниже, но все еще подозрительно спросил киммериец.

— Ты сам его только что назвал! А у него прекрасный слух, он слышит, как ветер шевелится в своей берлоге...

— Ладно, — сказал Конан. — Не можешь же ты врать постоянно...

На этот раз девчонка, похоже, говорила правду. Так, значит, эта пятнистая чешуйчатая мокрица приволокла его сюда себе на потеху! Посмотрим еще, кто будет смеяться! Как бы ящерице плакать не пришлось...

Убедившись, что дракона не берет ни добрая сталь, ни увесистый булыжник, Конан понял, что сражаться с ящером придется хитростью. Чего он ждет от киммерийца? Бунта или немедленного овладения Рaine. Ну, так ему не будет ни того, ни другого. Хотя насчет Рaine... Время покажет. Сейчас же надо было выбраться из этих пещер наружу.

— Так где здесь выход? — повторил он.

— Из этого зала — вон там, — махнула рукой Раина. — А наверх — не знаю. Здесь целый лабиринт. Он принес меня сюда спящую и с тех пор выпустил наверх только один раз — несколько дней назад. Но я была с завязанными глазами. Поняла только, что это очень далеко. Сам он знает тут каждый коридор.

— Уж разумеется, — проворчал Конан. — Вставай. Пойшли.

— Куда?

— Искать выход. Как-то же надо выбираться отсюда. Чем скорее мы начнем, тем скорее выйдем.

— Но... зачем нам наверх? — не поняла Раина. — Что мы там будем делать?

Конан посмотрел на нее как на помешанную.

— Займемся друг другом, — как мог язвительнее заявил он. Но девушка не услышала насмешки. Лицо ее просветлело, она захлопала в ладоши.

— В самом деле? Тогда надо взять остатки еды и где-то у меня тут был кувшин с водой...

Она засуетилась, собираясь. Конан смотрел на нее во все глаза.

— Женщина, — вымолвил он наконец. — Ты что, лишилась рассудка? Ты не хочешь уйти отсюда, уйти навсегда?

— Хочу, — ответила Раина несколько растерянно. — Только куда? Это же остров. Здесь вокруг — открытое море. Куда нам бежать? И как? Я не умею плавать.

— Здесь вокруг не открытое море, а острова, — терпеливо возразил Конан. — Из каких ты краев, детка? Ты не знаешь, что из обломков всегда можно собрать плот?

— Я из Акилонии, — отрезала Раина, обидевшись. — И никогда не плавала на плотах. И уж тем более понятия не имею, что здесь за люди и что за земли. — Она помолчала, глядя, как он роется в грудах, пытаясь подобрать себе оружие, и добавила: — Но если ты хочешь бежать, нужно сначала хотя бы усыпить дракона. Хотя я не уверена, что он не слушает нас сейчас и не посмеивается про себя.

— Чтоб ему подавиться собственным хвостом! — проворчал киммериец. В кучах были одни никчемные золотые

доспехи или парадное оружие с никудышной сталью и полным отсутствием баланса. Конан решил оставить себе анкас — из всего, что он пока нашел здесь, эта вещь казалась ему наиболее полезной. — И как ты собираешься его усыплять?

— Колыбельной, — решительно ответила Раина и взялась за арфу.

Она провела рукой по струнам — те отзывались тихим мелодичным эхом — и негромко запела:

У ночной тишины
Есть мягкие-мягкие лапы.
С моря приходит она —
И дождь забывает плакать.
У ночной тишины
Есть голос нежно-медовый.
Тихо поет она —
И густеет сумрак лиловый.

Краем глаза Конан видел, что из мрака коридора выползла бирюзовая тень и теперь тихонько подбирается поближе. Оказывается, дракон был неравнодушен к музыке!

А Раина, словно не замечая его, пела, и голос ее звучал необычайно нежно:

У ночной тишины
Есть сетка из тонких волокон.
Ей она ловит сны
И выпускает в окна.
У ночной тишины
Есть красный петух рассвета.
Из перьев его поутру
Зарю раздувает ветер...

Она вдруг замолчала и подняла голову.

— Ну что же ты, — прошептал дракон. — Ты никогда не пела мне этой песни. Пой еще.

— Я ее только что выдумала и еще не знаю, что дальше, — ответила Раина. — Но я пела ее не тебе.

— А мне все равно, — ответил дракон, хотя было видно, что он и огорчен, и обижен. — Пой еще. Пожалуйста.

Раина скривила гримаску, но запела — на этот раз какую-то немедийскую балладу. А Конан смотрел на нее и

думал, что не ошибся: хозяйкой в этих подземельях была действительно она. Бирюзовый зверь всесело подчинялся ее капризам, ублажал ее, как мог — ведь не зря же в этой сокровищнице ни одной стоящей вещи, а сплошные побрякушки? На какой-то миг ему даже стало жаль дракона, но тут он снова вспомнил, как выл Сагратиус — и стиснул зубы. Ладно, он не тронет эту тварь, тем более что и тронуть-то как следует он ее не может. Но и сидеть здесь на забаву его девочонке тоже не будет. Захочет сама — пойдет с ним. Не захочет — невелика потеря.

Раина неслышными шагами подкралась к нему и молча указала на дракона. Тот спал, смыгив веки и раздувая ноздри. В них, словно угольки под золой, дремало пламя, отчего казалось, что нос дракона светится изнутри.

Конан кивнул и девушка ткнула пальчиком в сторону светящегося шара. Киммериец сунул его в корзину с остатками снеди и двумя бутылками воды. Пятаясь, почти на цыпочках, они вышли из сокровищницы.

— А что теперь? — спросила Раина по-прежнему шепотом.

Киммериец втянул воздух. Чутье варвара говорило ему, что идти надо вдоль струи сквозняка, и, чтобы лучше ее чувствовать, он послюнил палец и намазал нос. Раина, глядя на его приготовления, прыснула, зажав рот ладошкой.

— Пошли, — сказал Конан, глядя на нее совсем не так восторженно, как она на него.

И они пошли. Первые несколько залов Раина шла молча, но скоро не выдержала и принялась жаловаться. Она никогда не ходила в пещерах так далеко сама и уж тем более никогда не пыталась выбраться наверх. Ей было страшно, и она скулила, как брошенный матерью борзой щенок, когда он пытается идти на расползающихся длинных ногах и дрожит и подвывает на каждом неуверенном шагу.

Чтобы хоть как-то пресечь эти жалобы, потому что окрики заставляли ее замолчать лишь на очень короткое время, Конан спросил ее, откуда именно из Аквилонии она родом. Девушка оживилась и принялась рассказывать:

— Я родилась в маленьком городке близ огирской границы. Ничего примечательного в нашем захолустье не было: овцы, свиньи да виноград. Одной моей подружке повезло: она приглянулась проезжавшей у нас знатной даме, и та взяла ее в услужение и увезла в сам Истарил, к королевскому двору. Потом Мирата приезжала однажды к родным и рассказывала, как хороша столица, какие там дома в два и даже три этажа, какие дворцы и сады. По ее словам, выходило, что Истарил — просто обитель Митры на земле...

— Погоди-ка, — оборвал ее Конан. — Какой еще Истарил? Тот, что двести лет назад сравняли с землей пикты?

— Да нет, Истарил, столица!

— Ты что-то путаешь, девочка. Столица Аквилонии — Тарантия.

Раина возмущенно тряхнула волосами:

— Какая Тарантия! Я даже имени такого не знаю. В конце концов, кто там родился и вырос, ты или я? Не спорь, а лучше слушай. Ты же хотел знать, как я попала на этот остров? Ну вот. Однажды, когда урожай был особенно хороший, отец вздумал съездить с молодым вином на базар в Ианту, столицу Огира. Ее-то ты знаешь? — Конан утвердительно кивнул, и девушка продолжала: — Ну вот. И я напросилась с ним. Мне тогда было пятнадцать лет, и я слыла самой большой непоседой в округе.

Я его долго уламывала. Но в конце концов уговорила. И мы поехали. Самого путешествия я почти не помню. Но Ианту помню отлично. Никогда в жизни я не видела столько красивых домов разом! Отец оставил меня на повозке, а сам пошел разыскивать кого-то, кто распределял места на базаре.

И вот я, разряженная по нашим деревенским понятиям в пух и прах, сидела на бочках с вином и глазела по сторонам. И вдруг ко мне подходит жрец в белых одеждах. «Не хочешь ли взглянуть на самый прекрасный в мире храм, красавица?» — спрашивает он меня. «Конечно, хочу, — отвечаю я, — но я не могу с вами идти, потому что отец запретил мне уходить из дома с чужими людьми». — «Ты

боишься, что я сделаю с тобой что-нибудь дурное? — говорит он самым медовым голосом. — Не бойся, я ведь служитель бога. А служитель бога не может причинить зла ни одному из его творений». Словом, он меня уговорил...

— Помолчи-ка, — сказал вдруг Конан. Они стояли у развилки, от которой шло сразу три коридора — вниз, на-вверх и прямо. Варвар шумно втягивал воздух, пытаясь определить, который из трех выбрать. — В центральном слишком тепло, — пробормотал он. — Значит, он ведет вниз. В правом воздух застоявшийся, хоть он и уходит выше. Значит, мы идем налево. Клянусь Кромом, я найду выход! Должен найти! Я должен теперь дойти до края мира и выпить за Сагратиуса бутылку самого лучшего вина, как он собирался!

Вспомнив Сагратиуса, Конан вспомнил и Кинду, а вместе с ними — дракона, мирно спавшего в самом центре лабиринта. «Будь ты проклят, желтопузая лягушка, — пробормотал киммериец. — Ничего, я с тобой еще поквитаюсь!»

Он двинулся вперед, и Раина продолжила с того места, на котором ее прервали:

— Он меня уговорил, и я пошла. Мы пришли в храм — и меня сделали невестой бога. Даже не спросили, какой я веры. А когда меня разыскал отец, ему дали сто золотых — и он обо мне и думать забыл. Ну, долго я там не задержалась. Был там один мальчишка на побегушках — младший жрец. Ему все это тоже опротивело, но он боялся. Я его соблазнила, и мы бежали. Правда, в Кофе на нас напали разбойники, и его убили... но я-то осталась жива!

«Хорошо сказано, — подумал Конан. — Эй, киммериец, а не пытаются ли сейчас с тобой проделать то же самое? Может быть, она все-таки ведьма?» Но никакого ощущения реальной власти над Призрачным миром от Раины не исходило.

— Ну вот, его убили, а меня продали богатому шемиту из Асгалуна. У него я пробыла три года, пока меня не увидел на морской прогулке король Шема, Традрикес...

— Король всего Шема? — уточнил Конан и, получил ответ:

— Ну, конечно. У них же единое государство, хотя некоторые города и пытаются объявить себя независимыми от короны.

Выслушав эту ахинею, киммериец окончательно уверился, что девчонка в пещерах тронулась умом. Единый правитель Шема, надо же! Да он сам когда-то чуть не стал царем одного из городов и, сколько себя помнил, города шемитов всегда воевали меж собой, потому что у каждого был свой правитель, своя армия и свой закон.

— Традрикес увидел меня и влюбился с первого взгляда. Он выкупил меня у прежнего хозяина и сделал первой женой в своем гареме. И вот однажды, во время паломничества к Острову Идолов, на наш корабль напали. Мой повелитель был убит, галера захвачена, а меня присвоил капитан пиратов. Он заставлял меня петь ему с утра до ночи, прямо как этот, — она кивнула назад, в ту сторону, где по ее предположениям спал дракон. На самом деле они уже три или четыре раза свернули, так что дракон находился теперь справа от них, а не позади.

— А как тебя заполучил он? — спросил Конан, предполагая, чтобы она была занята рассказом, а не жалобами о том, что у нее болят ноги, что она голодна и смертельно устала — и так далее. Этого всего киммериец уже наслушался.

— Так же, как и тебя. Однажды галера попала в шторм, и нас унесло далеко от берега. Десять дней мы болтались едва живые между небом и землей, а на одиннадцатый нас увидел он. Услышал, как я пою — хозяин думал, что моя молитва поможет буре утихнуть, и принуждал меня петь еще и еще, хотя я совсем охрипла и замерзла — так вот, он услышал, как я пою, проторанил галеру, всех утопил, а меня отвез на берег. Он может превращаться в человека, когда захочет — ты видел сам. Правда, ненадолго, но этого и не требовалось. В первом же городе мы купили мне новую одежду и вернулись к морю. Он не отпускал меня ни на шаг. И принес от Вендии сюда — за одну ночь. Он очень быстро плавает.

Тот, о ком они говорили, по-прежнему лежал в сокровищнице. Сквозь сон он слышал, как эти двое плутают в

его лабиринте — и лишь усмехался в усы. Пусть. Он как следует выспится, а потом принесет им поесть. Ни один смертный не в силах отыскать дорогу наверх из его подземного дворца. Пусть Раина побегает. Опыт с мужчиной уже дал свои плоды: сегодня он услышал первую новую песню за последние пятьдесят лет...

А Конан и Раина поднимались все выше. Уже дважды они останавливались, чтобы поесть — и теперь в корзине лежал только светящийся шар. Девушка устала, сбила себе ноги о камни и порвала платье. Но Конан упорно тащил ее за собой. Он чувствовал, что выход где-то близко.

Они вышли к новой большой лестнице — третьей по счету за сегодняшний день,— и на нижней ее ступеньке Раина села и отказалось идти дальше.

— Я есть хочу! — капризно заявила она в десятый или в пятнадцатый раз.— И пить! Зачем я только пошла с тобой!

— Ты можешь как-нибудь погасить этот шар? — спросил Конан вместо ответа. Ведь не бить же в конце концов сумасшедшую.

— Но мы же тогда останемся в темноте,— испуганно сказала она.

— Не останемся. Смотри, сверху идет свет. Мы увидим его лучше, если ты загасишь шар.

— Его можно просто оставить, тогда он погаснет сам. Пусть лежит. Я только корзину заберу — тут есть пустой кувшин.

Лестница оказалась крутой и длинной. Но сверху действительно пробивался свет, и торопясь выйти к нему, они бежали по ступеням, не чувствуя усталости. Лестница заканчивалась небольшой площадкой и дверью, едва приоткрытой. Конан надавил на нее плечом — и они вышли наружу.

Был уже поздний вечер, солнце садилось за горные вершины. Они вышли не к морю, а в долину, вылезая прямо из склона горы.

Спуск вниз по козьей тропе не отнял у них много времени. Еще солнце не вовсе скрылось за деревьями, когда

они, найдя среди зарослей ивняка маленький родник, уже плескались и брызгали друг на друга водой, как дети. Напившись, Конан растянулся на мягкой траве и закрыл глаза. В этот миг он был совершенно счастлив.

— Конан,— позвала его Раина, подкрадываясь.— Синеглазый мой варвар... Посмотри на меня. Хороша ли я?

Она скинула одежду и стояла в ручье нагая, с разметавшимися по плечам золотыми волосами. Глаза ее горели кошачьим огнем.

— Хороша,— признал Конан немного хриплым голосом.— Иди сюда. Я обещал тебе кое что...

Мурлыча изгибаясь, она подобралась к нему и раскинулась на траве. Она отдавалась ему яростно, со всею страстью изголодавшейся женщины. Жажда ее была сильна, и утолила она ее далеко не сразу, но все же первая запросила пощады.

Солнце село, в долину выползли холодные тени. Конан высвободился из ее объятий и склонился над ручьем — напиться и ополоснуть лицо.

— А хорошо бы так все и осталось,— вдруг мечтательно произнесла Раина.— Навсегда.

— Как?

— А вот так — долина, ручей, ты и я. Оба бессмертные, оба вечно счастливые...

Конан на это только фыркнул. Не в первый раз он оказывался на острове с прекрасной женщиной и не в первый раз выслушивал нечто подобное. Прекрасная Дайома, колдунья, повелительница волшебного острова, тоже желала оставить у себя Конана навсегда. Она была почти богиней, ей подчинялись стихии и звери, но наибольшего мастерства достигла она в сотворении иллюзий. Она и возлюбленного варвара пыталась удержать у себя при помощи сладких грез: каждую ночь во сне на ее острове он видел себя могучим властелином, завоевателем множества стран, чуть ли не повелителем всей Вселенной.

Но это были только сны. Единственное, что его удерживало хоть сколько-нибудь на том острове, это сама хозяйка. Вот была женщина, знающая толк в любовных утехах и иг-

рах! Но и ее он оставил, несмотря на посулы исполнения самых сокровенных желаний — все в тех же снах, разумеется. А эта хозяйка острова предлагала ему бессмертие. «Вечность на острове вместе с девицей, настроение у которой меняется, как небо осенью, — подумал Конан. — Ну и тоска!» Ему вдруг почему-то снова стало жаль дракона — ведь именно такая судьба ожидала бирюзового любителя музыки.

— Всем бы вам одного и того же, — проворчал киммериец. — Осесть где-нибудь и застри тиной. Это не по мне.

Райна привстала на локтях и зашептала страстно и убедительно:

— Но послушай, ведь здесь бы ты и вправду стал бессмертен. Он может тебе это дать. В твоем распоряжении была бы вечность — и я. Пока я ему пою, он сделает для меня все, что я пожелаю.

— Да ты с ума сошла, — искренне удивился Конан. — Клянусь Кромом! Вечность на необитаемом острове! Да хуже этого ничего и придумать невозможно!

Райна обиделась. Лицо ее приняло капризно-надменное выражение.

— Этот остров обитаем, — высокомерно сказала она. — На нем живу я. Я здесь хозяйка. Если я велю, мой дракон разорвет тебя в куски.

Киммериец медленно встал в полный рост и выпрямился.

— Зови, — сказал он очень тихо.

Она взглянула в его горящие бешеным синим огнем глаза и испугалась. Ведь она же просто пошутила...

— Конан...

— Ну? — рявкнул он с бешенством. — Что же ты? Зови!

Он стоял перед ней: мужчина, только что ласкавший ее так страстно. Теперь он был исполнен такой ненависти, что она почти зримо повисла меж ними застывшим в воздухе темным сгустком. На глаза Райне навернулись слезы.

— Прости меня, — прошептала она.

Он стоял все так же неподвижно, лишь раздувающиеся ноздри говорили о том, как он зол. Райна всхлипнула. От ее надменности не осталось и следа.

— Конан, — тихонько позвала она. — Конан, мне холодно... Пожалуйста, Конан.

Киммериец взглянул на нее — заплаканную, дрожащую — и медленно выдохнул. Какой бы она ни была, ее сделали такой одиночество и дракон, и это была не вина ее, а беда. Конан лег рядом с ней и прижал девушку к своему боку. Она зарылась ему под мышку и умиротворенно вздохнула.

— Понимаешь, мне тут все время холодно... — пробормотала она жалобно. — Всегда холодно.

— Спи, — цыкнул на нее Конан. — Ты хотела спать. Завтра мы придумаем, как отсюда выбраться. Если Юлдуз не ошибся, мы выберемся. Двоих я уже нашел и разделил. А раз так, то я должен в конце концов вернуться на запад. И ты вернешься вместе со мной.

Ответом ему служило тихое посапывание — Райна спала. Конан закрыл глаза и велел себе заснуть. Завтра будет новый день. Пусть он настанет поскорее.

Райна, как ткнулась в него, так и не пошевелилась за ночь. А Конан спал беспокойно. Снилась ему та самая поляна у родника, на которой они лежали, и они сами, лежащие на траве. Снилось ему, что он не спит, а лежит с закрытыми глазами и что веки у него постепенно становятся прозрачными, так что он может видеть сквозь них, не открывая глаз. И сквозь них увидел он луну, полную и золотую, спускающуюся с небес на землю. Она разбухала, пока не стала огромной, заполнив весь горизонт и заслонив ночное небо. Свет ее был так ярок, что трава на поляне сделалась молочно-белой, белыми стали деревья и листва на них, лишь черные, как зрачок драконьего глаза, тени шевелились под деревьями живыми злобными тварями и тихо шипели что-то угрожающее.

Луна совсем села в траву, и поток света вдруг начал изменяться, густеть, обретать форму. Теперь это был уже не свет, а огромная лестница, уходящая в самое сердце луны. Райна вдруг застонала, зашевелилась и поднялась. Конан попытался было удержать ее, но она словно просочилась сквозь его пальцы. Только теперь он увидел, что перед ним

не живая девушка, а бесплотный светящийся призрак, сквозь который, как в дымке, видны стволы деревьев и черные тени на траве.

— Прощай, — прошептала Раина, протягивая к нему руки. Он силился подняться, но не мог, словно был прикован. — Мне пора. Прощай...

Ее тоненькая фигурка уплывала вдоль сияющей лестницы все дальше, все выше, пока наконец не слилась с луной. Последний раз донеслось до Конана шелестящее «Прощай...». Веки его снова стали темными, словно кто-то закрыл ему глаза ладонью.

И тут, словно гром среди ясного неба, над ним раздался вопль, полный отчаянья и ярости одновременно:

— Что ты *наделал*!

Конан открыл глаза.

Солнце, стоявшее уже довольно высоко, приятно согревало кожу. Только левому боку почему-то по-прежнему было холодно. Конан шевельнулся — с него посыпалась какая-то труха, кости... Человеческий череп! Киммериец вскочил как ошпаренный.

В траве, рассыпавшийся от его прыжка, лежал иссохший скелет. Старые кости были даже не желты, а ослепительно-белы, словно пролежали здесь, открытые всем ветрам и дождям, не один десяток лет. На покатившемся с плеча Конана черепе еще видны были остатки длинных седых волос. А вокруг киммерийца, выписывая круги по поляне, голубым смерчом метался дракон и стонал, взрываая когтями дерн:

— Что же, что же ты *наделал*!

Конана словно приморозило к месту: он наконец понял. Скелет был тем, что осталось от Раины. Ночной морок был не сном, а явью. Луна, добрившись наконец до жительницы пещер, где не было ни времени, ни смерти, позвала ее, и девушка ушла на зов. А тело ее высохло и рассыпалось прахом за одну-единственную ночь.

ГЛАВА 6. Соглашение

Дракон метался по поляне, сминая и вырывая с корнем столетние ивы и молодую поросль, его хвост и когти оставляли во влажной земле глубокие борозды.

— Что же, о что же ты *наделал*!

Конан еле увернулся от увесистого кома земли, вырванного яростными ударами хвоста. Голубые ноздри дракона горели красным, из пасти вырывались язычки пламени.

— Я наложил нерушимые чары, разбить их мог только лунный свет, и я держал ее под землей, она жила здесь как принцесса во дворце, у нее было все, даже бессмертие, но тут приходишь ты — и все летит Нергалу в пасть!

— Вот тут ты ошибаешься, ящерица!

Опешив в первый миг от пробуждения в объятиях скелета, Конан почти не слышал воплей дракона. Мысль его лихорадочно работала. Значит, эта малышка прожила здесь столько лет, что, оставайся она подвластна времени, один лишь ее скелет давно бы рассыхался под солнцем и морскими ветрами, а, быть может, не осталась бы уже и скелета, и лишь трава, выросшая на ее прахе, помнила бы о ней...

Теперь он понимал, почему Раина так странно говорила о городах-государствах Шема и почему считала развалины столицей Аквилонии, а о Тарантии не слыхала вовсе. Видно, когда она еще жила в отчим доме, Тарантия была таким же захолустьем, как ее родной городок.

Сколько же сотен лет назад похитил ее дракон с шемитской галерой?

Сколько сотен лет они тут провели бок о бок, ссорясь и мирясь без конца?

Чего же стоили непробиваемый панцирь, огромные когти, полная зубов пасть и струи огня, сжигающие человека в единый миг, если все это никак не помогало избавиться от докучливой и капризной спутницы? Или у ящера был зарок: не убивать женщин?

В таком случае в этом союзе жертвой скорее был дракон, а не Раина. Конан припомнил, что говорил ему Юлдуз в своем «Месте Силы»: «Белое может оказаться черным, а черное — белым, если приглядеться к нему хорошенько. Жаба — некрасива, но таит в голове лунный камень...» Дракон, хоть и был красив, вполне уподоблялся жабе: его лунным камнем была страсть к музыке. В Раине он видел источник этого сокровища, и он хранил его, как умел, добывая ему пищу и развлекая, а источник-то оказался на деле отравлен...

И сейчас, обезумев от горя, бирюзовый ящер осыпал проклятиями киммерийца — точь-в-точь так же, как осыпал его проклятиями Конан, хороня своих друзей. В этом была некая высшая справедливость: теперь они, по крайней мере, были квиты.

Но в отличие от дракона киммериец не чувствовал за собой вины, поскольку не знал, что Раина заколдовано, хотя ему все же было не по себе. Поэтому он сидел на траве, скрепив пальцы, и старался не вслушиваться в горестные вопли, думая над тем, как же отсюда выбраться. Но когда это зубастое чучело взялось выписывать вокруг него петли и волить, что он один во всем виноват, Конан разозлился. Он вскочил на ноги и крикнул, нацелив указательный палец прямо в золотой бешеный глаз:

— Вот тут ты ошибаешься, ящерица! Я не пришел сюда, это ты приволок меня! Ты пытаешься играть с людьми в кости, называешь шестерку двойкой, но никому об этом не говоришь! А когда тебе за это дают по твоему бирюзовому носу, ты начинаешь скулить и хныкать! Девчонка, конечно,

была болтливая и вздорная, но это ты ее такой сделал. Вот на себя и кричи.

Дракон, широко раздувая огненные ноздри, смотрел прямо в глаза киммерийцу. Тот не отвел взгляда, и какое-то время две пары глаз — льдисто-синих и янтарно-золотых смотрели друг в друга, и в эти мгновения казалось, что синие глаза могут испепелить обладателя золотых с не меньшей легкостью, чем дракон — галеру.

Неожиданно ящер отвел взгляд, сел на собственный хвост и тихо сказал:

— Ты дурак. Я тоже, но ты — больший. Если хочешь, теперь мы квиты. Я забрал самое дорогое, что было у тебя — твоих друзей, ты в ответ уничтожил не только единственную мою радость, но и саму мою жизнь. Можешь взять себе столько камней из моих сокровищ, сколько унесешь — и убирайся на все четыре стороны. Я не желаю перед смертью лицезреть твою гнусную физиономию.

Поскольку Конан, пораженный этой сменой настроения, все так же стоял перед ним, сведя брови, дракон повторил, но уже громче:

— Ты слышал? Убирайся! Здесь не так уж далеко до соседнего острова, если плыть прямо на юг. Бери, что хочешь, и оставь меня в покое.

— Перед смертью? — задумчиво повторил Конан. — Ты что же, решил подохнуть, желтопузый червяк? Из-за Раины?

Ощущение неловкости усилилось: теперь Конан чувствовал, что все-таки виноват перед этим несуральным зверем. Он не хотел ему смерти, — по крайней мере, такой никчемной. Раз уж всеблагой Митра допускает, чтобы подобные твари жили под Его Оком, то ни ему, Конану, ни кому другому не дозволено вершить суд над последним из них. А дракон, судя по всему, был последний. Не зря же он, боясь людей, топил все суда, проходящие мимо. Не выбери ящер его в подарок Раине, он отправил бы киммерийца на дно вместе со всеми остальными. С тем же успехом он мог выбрать Сагратиуса или Кинду, и тогда Конан кормил бы сейчас рыб в компании туранцев.

В конце концов, Кинда с Сагратиусом знали, на что шли. Киммериец не лгал Юлдузу, когда сказал, что пытался их отговорить. Услыхав от князя: «Ты потеряешь двоих...», он сразу понял, о каких двоих шла речь, и действительно пытался отговорить друзей от похода прямиком на Серые Равнины.

Но оба заявили: «Будь, что будет» — и пошли с ним. И разве не пытался Конан обмануть судьбу — до самого последнего мгновения? А дракон даже не подозревал, что сам ищет себе погибели, когда из всей команды выбирал именно Конана. Ну ладно, девчонка и так прожила, наверно, второе дольше, чем ей было отпущено. Но этот-то с чего решил подохнуть? С тоски, что ли?

В какой-то миг у него промелькнула мысль, что старый ящер был влюблен в девушку, но он тут же отверг ее, как ни с чем не сообразную.

— Да! Из-за Раины! — резко ответил дракон и лег, положив голову на лапы. Казалось, он готов расплакаться. — Из-за Раины, вынь из тебя душу Темный Призрак!

Конан фыркнул.

— Нашел из-за кого! Как ты с ней тут выжил столько лет! Мне и дня хватило за глаза. На твоем месте я бы давно сбежал. Или съел бы ее. Или ты для того и берег девчонку?

Дракон вздохнул — так, что редкая трава, оставшаяся после его буйства, испуганно легла ниц.

— С ней было очень тяжело, — признал он. — Ее капризы были бесконечны. Она могла вывести из себя даже устрицу, не то что дракона, клянусь Первым Яйцом! Но я терпел все это. Без нее я теперь умру, потому что не смогу заснуть.

— Не сможешь заснуть? Без девчонки? — не поверил Конан.

— Не без девчонки, без музыки, — пояснил дракон с новым душераздирающим вздохом. — Я не могу заснуть без музыки. Мне нужно очень мало, чтобы выспаться — два или три дня за луну. Ты в самом деле думаешь, что я просто так терпел все ее фокусы?

Конан начинал понимать.

— А теперь ее нет, и ты не можешь спать, — медленно выговорил он.

— Да! — снова вскинул дракон. — Поэтому самое большее через двадцать — двадцать пять дней я взбесусь и сдохну! Не ты же мне тут будешь распевать немедийские баллады!

— Ты мог бы предупредить меня, — сдержанно сказал Конан. Дракон был окончательно развенчен в его глазах. Он был смешон и жалок теперь и менее всего походил на непобедимого, могучего зверя, каким его увидел Конан в море во время нападения. Оказывается, у него были забавные, почти человеческие слабости, он был уязвим в своих нерушимых бирюзовых доспехах не менее, чем любое смертное существо, которому нужно просто-напросто время от времени есть и спать.

— Вы только послушайте этого человека! Предупредить! — Было полное ощущение, что дракон вот-вот всплеснет руками. — Предупредить, боги мои! Да как мне могло прийти в голову, что ты разыщешь выход из этого лабиринта! Да еще в кромешной тьме! Я думал, на такое способны только кошки Императрицы Утанамаро!

— Погоди, не вопи, — поморщился Конан. — А что ты делал, когда у тебя еще не было Раины?

— Ну что-что, — проворчал дракон, успокаиваясь. — Пласал к островам и слушал, как поют колыбельные детям. У меня очень хороший слух. Иногда мне везло: на берег приходила какая-нибудь девушка и начинала расчесывать волосы, напевая. Они могут делать это часами. И я спал на мелководье. Но это было очень опасно.

— Чем? Ты боишься людей?

Дракон скосил на него мрачный золотой глаз и ответил не без ехидства:

— А вот этого я тебе не скажу, хотя уверен, что именно тебе это не под силу. У меня есть один секрет, но тебе его знать необязательно. Довольно того, что его все еще помнят другие.

— Держи при себе свои секреты, — отмахнулся Конан. Он сейчас думал о другом. — Что ты делал, когда на остро-

вах еще не жили люди? Ты ведь старше всей Хайбории, правда? Сколько тебе лет?

Дракон задумался.

— Не помню, — честно признался он. — У меня начисто отшибло память во время Великой Катастрофы. Но когда я пришел сюда, здесь уже жили люди — не те, что живут сейчас, но какая мне разница?

— Так что ты делал до того, как пришел сюда? Как ты спал? Ведь как-то ты спал, раз жив до сих пор?

— Гм, до того? До того я жил на родине всех драконов, а там не нужно музыки, чтобы спать. Понимаешь, — тут он снова вздохнул, — мы, драконы, очень уязвимы. Не так, как вы, люди, но уязвимы. Поэтому они не могут просто взять и заснуть там, где может быть опасно. А вблизи людей всегда опасно. На нашей же родине нам не грозит ничего, и там мы можем спать когда хотим и как хотим.

— Вот и плыви на свою родину! Уж как-нибудь доплыешь, я думаю!

Ответом на эти простые слова служил громоподобный рев. Дракон встал на дыбы и снова полоснул хвостом по ивам, едва не задев киммерийца.

— Ты что, смеешься надо мной, козлиные твои мозги? Я же сказал тебе, что забыл почти все, что было до Катастрофы! Я даже не знаю, цел ли этот остров, не говоря уже о том, в какой стороне света его искать!

Конан задумался.

Сейчас он и в самом деле мог сделать то, что предложил ему дракон: взять кошель безделушек и уйти. Сколотив из каких-нибудь обломков плот, он без труда доберется до ближайшего острова и оттуда продолжит свой путь. Но вот куда?

Выходя из Тай Чанры, Конан собирался идти как можно дальше на восток, где, по словам Юлдуза, ждало его Нечто. Похоже, вот оно, это нечто, взрывает дерн и убивается по своей бессмертной певице, как будто она была последняя на всем белом свете. Значит, не просто так пришел сюда Конан и «разъединил двоих», как и было предсказано. Теперь он, видимо, должен двоих объединить,

и, чувствуя за собой все же некоторую вину, он даже не отказался бы это сделать, но как? Не может же он привести на остров на аркане новую девчонку, это слишком было бы смахивало на работоговлю!

— Послушай, а почему бы тебе не плавать время от времени к островам, как раньше?

Дракон уже успокоился. Он снова лег на землю, уткнув большой нос в лапы. Похоже, он собрался помирать прямо на этом месте.

— Не хочу, — глухо ответил он. — Надоело. Чем я хуже вас всех, что мне постоянно надо прятаться и трястись за свою шкуру? Самый последний разбойник среди вас живет и то лучше, чем я. Мне надо было сгинуть в Катастрофе, как всем моим сородичам. Нет уж. Как видно, зажился я на свете.

Конан посмотрел на небо — день обещал быть теплым и ясным. Самое время в путь. Вот только куда?

С одной стороны, ему не хотелось тратить время на странствия в компании с гигантским ящером, не видя пока что ни конца этим странствиям, ни даже направления. А с другой — в компании с кем только он ни странствовал! Чем тот же Шапшум-людоед лучше дракона? Скошенный лоб, остроконечные, поросшие волосом уши, расплющенный нос над толстыми губами, клыки размером в палец и чудовищные челюсти... Да еще и рост в три человеческих!

Однако они славно повеселились тогда втроем в Файоне, древней стигийской твердыне: человек Конан, кутруб Шапшум и дух Риорды, Небесной Секиры. Всех троих заточили в ней в разное время стигийцы — Небесную Секиру то ли две, то ли тысячу лет назад, Шапшума — две луны, Конан же не пробыл в Файонской темнице и двух дней. Он, как видно, оказался последним недостающим звеном, чтобы светлые боги смогли наконец увидеть, как рушатся древние стены оплата Сета, Змея Вечной Ночи...

Ибо Риорда рубил камень с тою же легкостью, с какой нож режет масло, и втроем они почти сравняли крепость с землей, добираясь до подвалов с сокровищами. Да, вот это

было оружие! Великий кователь Гидалла знал свое дело! С такой бы секирой оказаться тогда на галере,— и проклятую ящерицу не спасла бы никакая броня!

Конан покосился на дракона. Тот лежал неподвижно, все так же уткнув морду в лапы. Может, таинственный материк, где все еще живут потомки древних атлантов, дети кузнеца Гидаллы, где лежит на белом алтаре в форме большой чаппи-колыбели Рана Риорда,— может, это и есть тот остров?

— Эй,— позвал Конан и пихнул дракона в бок.— А люди на том твоем острове были?

— Были,— не сразу ответил дракон, скосив на киммерийца печальный золотой глаз. Он шумно вздохнул и мечтательно добавил: — Мой отец возил самого Императора на своей спине.

Потомки Говорящих с Драконами приплыли когда-то в земли нынешнего Китая, но когда разразилась Катастрофа и часть Лемурийского архипелага ушла под воду, лемурийцы бежали в Китай и вскоре вытеснили их. Они уплыли на прародину и с тех пор ни разу не встречал яхтарийцев — ни в море, ни на суше.

— Значит, не то,— пробормотал Конан.— А жаль! Не то бы я знал, куда тебе плыть... Ну, вот что. Вставай, каменная туша, нечего тебе здесь валяться! Слыхал, что говорю?

«Каменная туша» повернула к нему голову. На морде дракона явственно читалось изумление.

— Ты не похож на жаждущего смерти в струе пламени, Конан из Киммерии,— медленно и раздельно произнес он.— Что же заставляет тебя разговаривать со мною таким тоном?

— А вот что: я все равно собирался дойти до Края Мира, а теперь, когда ты убил Сагратиуса и Кинду, на меня, клянусь виноградниками Барахских островов, перешел их обет распить там бутыль самого лучшего вина. Есть на свете место, где помнят, как выглядел мир до того, как море затопило многие земли. И я знаю, где это место. Рорта предсказывал мне, что я побываю еще раз на том берегу, где стоит его алтарь — вот я и побываю.

— И я знаю это место — оно в Вендии,— проворчал дракон.— Что с того? Как я приду к жрецам, если на пороге храма неминуемо превращусь в дракона?

— Твое место ближе, чем мое,— сказал Конан.— Какой еще храм в Вендии?

— Храм Рудры Трехлиного. Он стоит над городом Итешвара на острове Ланка. Это древний и суровый бог, древнее Митры и Сета. Но ему нет дела до людских свершений, он проводит вечность в божественной медитации, и лишь когда смещается Равновесие в этом мире и младшие боги бегут к нему за помощью и советом, он покидает свою обитель на вершине Кайласы, самой высокой горы из всех вершин Ги Ме Ли.

Но к жрецам своим он милостив, хотя внемлет просьбе только после большого поста. Если бы я мог упросить их возвзять к Рудре и спросить, где ныне находится мой остров... Но не могу же я вот так прийти к ним! Любые чары спадут на пороге храма Рудры. Люди кинутся на меня с оружием, и мне придется уйти.

Конан слушал и дивился: о боге по имени Рудра он услыхал впервые, хотя был в Вендии и даже едва не побывал на Ланке — небольшом острове у самого кончика вечно выставленного в море языка Вендийского полуострова. Видно, это и в самом деле древний бог, раз о нем помнят лишь в одном-единственном городе!

— Ну, а как насчет меня? — спросил он, когда дракон умолк.

— Что насчет тебя?

— Я могу войти в этот храм и упросить жрецов?

— Это может любой человек, у которого найдется драгоценный камень величиной с твой кулак,— ехидно ответил дракон.— Ибо именно такова цена жрецов за подобную услугу. А что тебе надобно от Рудры?

— Твой остров, чешуйчатая жаба! — разозлился Конан.— Ты что, не слышишь меня, что ли? Раз туда не можешь войти и спросить ты, почему бы не пойти мне?

Дракон вздохнул и снова ткнулся носом в лапы, потеряв, по-видимому, всякий интерес к киммерийцу.

— Я тебе уже сказал: иди и возьми в моей сокровищнице все, что унесешь, только оставь меня в покое,— устало сказал он.— Совсем не нужно хитрить и изворачиваться.

Конан разозлился окончательно. Подняв с травы анкас, прихваченный из пещер, он как следует ткнул им дракона под ребра. Тот подскочил, словно слон, наступивший на крысу.

— Даешь ты мне покой или нет, смертный? — взревел он во весь голос.— Если ты тотчас не уберешься...

— Будешь ты слушать меня или нет? — взревел в ответ киммериец. Голос его ненамного уступал драконьему.— Ты тут вконец рехнулся со своей девицей! Забери тебя Нергал с твоими камнями! Хочешь тут подохнуть — дохни! Упрашивать я тебя буду, что ли?

Дракон сел и недоуменно помотал головой.

— Ты... ты что, в самом деле поможешь мне? Или тебе что-то от меня нужно? — очень тихо спросил он.

— Конечно, нужно! — отозвался киммериец.— Я спрошу для тебя этого бога, а ты отвезешь меня поближе к Аргосу или Зингаре — Раина говорила, что ты можешь за день доплыть отсюда до Вендии. А потом плыви на свой остров. Ну как, идет?

Дракон явно колебался. Одна гримаса на его рогатой морде сменяла другую, в нем словно боролись два начала. То это было недоверие, и тогда он становился похож на древнего и хитрого старца, знающего цену людям и их обещанием, то — надежда, и тогда весь его вид напоминал щенка, которого позвал гулять хозяин. Конан с изумлением следил за этой сменой масок, а дракон, разрываемый надвое самыми противоречивыми чувствами, начал тихонько раскачиваться, не в силах принять решение.

— Обучен ли ты игре на флейте, смертный? — спросил он вдруг.

— Еще чего! — фыркнул Конан.— Ищи себе другую Раину!

Видно, это был ответ, перевесивший одну из чаш, потому что дракон вдруг весело подпрыгнул на всех четырех лапах и заявил:

— Ладно, я тебе верю! За день я, конечно, не доплыну, но за три или четыре — весьма вероятно. Если на пятый день мы выясним, где находится мой остров, то я отнесу тебя к Зингаре еще за три дня, а потом у меня будет дней девять или даже десять, прежде чем я начну действительно уставать...

— Как это — четыре дня до Вендии, и всего три — до Зингары? — удивился Конан.— Чтобы обогнуть Черные Королевства...

— А нам не придется огибать их. По земле я передвигаюсь так же быстро, как и по воде.

— Тогда зачем нам непременно плыть до Вендии, огибая Уттару и Камбью? К тому же, если ты можешь питаться сырой рыбешкой в дороге, то я предпочел бы кусок мяса, причем не подмоченного соленой водичкой!

— Водой безопаснее,— сдержанно объяснил дракон.— Мы можем запастися тебе вдоволь мяса в дорогу. Мне еды вовсе не нужно: я охочусь раз в год. А на Уттарийском полуострове показываться на глаза людям я бы все-таки не хотел.

— Ты же можешь превратиться в человека? Тот старик, которого мы вытащили из воды, был не призрак, а из плоти и крови. Если ты, конечно, не обманул меня.

— Превратиться-то я могу... Но вот не знаю, надолго ли. Последний раз я ходил в человечьей шкуре полдня, и это было очень, очень давно...— задумчиво протянул дракон.— К тому же меня может опознать любой мало-мальски сведущий маг.

— Об этом можешь не беспокоиться: за последнюю тысячу лет сведущих магов почти не осталось,— рассмеялся Конан.— Ладно, пойдем, там видно будет. Не так уж ты безобиден — даже для сведущего мага. Да и мне не так-то просто голову снести... Ну, что ты застыл? Иди добывай свой камень величиной с кулак да денег на дорогу — и пошли.

Дракон нервно облизнулся.

— Прямо сейчас?

— Ну конечно, чего время-то зря тянуть?

— Тогда иди со мной. У человека пальцы проворнее — особенно если дело касается золотых монет. Садись. — Видя, что киммериец колеблется, дракон передразнил его: — Ну, что ты застыл?

Конан вскарабкался по подставленной ему бирюзовой лапе и уселся на шею дракону с таким видом, будто бы всю жизнь ездил верхом на говорящих ящерах.

— Держись! — сказал дракон, и они помчались.

Чудовище не хвасталось, когда говорило, что передвигается по сухе столь же быстро, как и по воде — а как он проворен в море, киммериец уже имел случай увидеть. Так же, как и в воде, голова его вертикально и неподвижно стояла на тонкой длинной шее, в то время как тело стремительно струилось по земле, извиваясь по-змеиному. Лапы дракон плотно прижал к бокам и теперь напоминали огромного удава — только с пастью, полной тигриных зубов и чешуей голубого цвета. Шурша по камням, она издавала тихий звон, словно по земле волокли большую кольчугу, и Конан подумал, что это все-таки не настоящая бирюза, а какие-то ороговевшие пластины вроде чешуи у обычных рыб, только очень твердые и большие.

Тем временем дракон дополз до озера и велел всаднику:

— Теперь слезай и держись за мою гриву. И задержи дыхание, сколько сможешь. Я постараюсь быстро.

И нырнул, увлекая за собой киммерийца. Ледяная вода ожгла Конану разгоряченную на солнце кожу, железными тисками охватила бешено колотящееся сердце. Но ни как следует замерзнуть, ни захлебнуться он не успел: бирюзовой молнией проскочил дракон подводный коридор и вынырнул во тьме из черной воды. Конан перевел дыхание и встряхнулся.

— Залезай обратно, — велел дракон. — Да смотри, не разбей себе голову — здесь кое-где очень низкие потолки.

— Надо было запастись парочкой факелов, — проворчал киммериец, на что дракон отозвался:

— Потерпи до сокровищницы. Там у меня заготовлены шары впрок.

Дракон несся по туннелям и пещерам одному ему известной дорогой, а киммериец, восседая на мощной гибкой шее, размышлял о том, как в одночасье может повернуться судьба: еще вчера вечером он был уверен, что при новой встрече разорвет этому ящеру пасть, раз уж его, как демона, не берет добрая сталь.

А сегодня он едет на ящере верхом, более того, собирается помочь ему отыскать затерянный в океане остров. Поистине только с ним могли быть возможны такие превращения! Впрочем, дракон тоже заставлял задуматься: в нем каким-то образом уживались крайняя кровожадность и добродушие, злое ехидство и детская беспомощность. Судя по всему, он был безразличен к людям и их заботам, а потому не ценил человеческие жизни. Но убивал не из злобы, а по стечению обстоятельств.

В сокровищнице дракон зажег свои шары, осветив все три зала, и принял шарить в кучах, приговаривая: «Я же помню, что-то такое здесь было... Не то, не то... Ага, вот он!»

Конан обернулся на его триумфальный вопль. В чешуйчатой лапе был зажат кожаный мешочек, в котором, судя по выпуклостям, лежало что-то круглое и граненое. Киммериец подошел ближе и помог развязать тесемки. В мешочке оказался сапфир, синий, как глаза варвара, огромный и ясный. Границы его были безупречны, и живой огонь горел в его небесной глубине. Дракон сожурил на Конана золотой глаз.

— Как, подойдет?

— Тебе виднее, — с деланным безразличием пожал плечами киммериец. Но не выдержал и признался: — Хотя жалко, конечно. За какие деньги его можно было бы продать в Ареджуне!

— Здесь хватит на то, чтобы купить всю Замору, со всеми ее городами и жуликами, — усмехнулся дракон. — Но все отсюда не смогу унести даже я. Поэтому разыщи тут пару шкатулок и возьми вон тот мешок. Сейчас мы сделаем запасец на дорогу.

И он зачерпнул лапой из ближайшей кучи.

— Э нет, так не пойдет,— заявил Конан.— Да будет тебе известно, я в молодости слыл королем этих самых шадизарских жуликов, а потому знаю, что вот это мы, например, продадим только в столице Кхитая.— Он ткнул в огромный рубин среди горсти монет и камней поменьше.— Да и не пристало двум скромным путникам таскать с собой подобные камни — мы же не ювелиры и не... А кстати, за кого мы будем себя выдавать? — поинтересовался вдруг киммериец. Из груды золота и камней он вытащил два ларца — один красного дерева, другой — черепаховый, с золотыми накладками, и принялся наполнять их монетами и камнями, выбирая те, что были помельче.

— Вот этот еще положи. Это лунный камень, он ценится в Камбуе. О том же, какие сказки мы будем рассказывать прохожим, думай сам. Я не знаю людей. Во всяком случае, не с этой стороны.

— А ну-ка, кувырнись.

Дракон послушно переметнулся через голову, и перед Конаном снова предстал седой старик. Киммериец, хмуриясь, разглядывал его. У старика — совсем не выглядевшего немощным и тощим,— были желтые драконьи глаза.

— А придумать себе одежду лучше этой рваной рубахи ты можешь?

— Мне все равно,— отозвался дракон и вмиг оброс полным парадным одеянием кхитайского нобиля. Теперь желтые зрачки смотрелись вполне на месте — лукавые узкие глаза опытного царедворца.

— Так и оставайся! — одобрил Конан.— Ты — ученый, путешествуешь для... ну, скажем, для составления полной карты той же Камбуи — с городами, народами и прочим. А я тебя охраняю. Ты верхом ездить можешь?

— Когда я — человек, ничто человеческое мне не чуждо,— усмехнулся дракон.— Я даже есть начиняю хотеть. Потому-то и не люблю подолгу бывать в человечьей шкуре. В ней только колдовать хорошо.

— Ничего, потерпишь.— Конан уже закрыл шкатулки и сложил их вместе с сафиром в большой кожаный мешок.— Это все или тебе здесь нужно еще что-то?

Дракон — пока еще в личине старика — усмехнулся краем тонкогубого рта:

— Не более, чем тебе.

Конан хмыкнул: не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять такой намек. Конечно, дракону было жаль расставаться с накопленным добром. Но жизнь и свобода ему, судя по всему, были дороже. Что ж, в этом их с варварам вкусы вполне совпадали.

— Мог бы, унес бы все,— заявил киммериец.— А раз не могу, значит, и брать нечего.

На это старик кротанулся на пятке и снова стал драконом.

— Тогда влезай и пошли отсюда. Заклинать клад я не буду — пусть найдет кто найдет. Здесь все это скрашивало одиночество и помогало держать в узде Раину, а дома мне ничего подобного уже не понаходится.

Опасаясь размочить дерево одного из ларцов, наверх они выбирались, минуя озеро. Тем более, что на этот раз им надо было выйти не в долине, а на морском берегу.

Здесь дракон вошел в воду и поплыл. Лемурийское море он знал вдоль и поперек. Конан предложил плыть прямо к Кхитаяу, там в первом же городе раздобыть ему подобающую одежду и лошадей — и уже под видом ученого и его слуги продвигаться к Камбуе.

Ящер сказал, что путь до Кхитая займет весь остаток дня, но, как ни был киммериец голоден, он предпочел не заходить на острова. Быть может, думал он, им повезет, и они наткнутся по дороге на какое-нибудь судно, которое подвезет их до побережья.

Им повезло. Вернее, повезло Конану, поскольку дракон вовсе не считал удачей встречу с этим двухмачтовым плоскодонным судном — то ли барком, то ли галерой. Еще в первое свое странствие в водах Лемурийского моря Конан определил такие посудины как «сундуки с веслами». Суденышко неспешно плыло в сторону Кхитая, когда двое путешественников начали нагонять его. Посовещавшись, они решили разыграть старый драконов трюк «кораблекрушение» — вернее, ящер, ворча, уступил настоянию варвара.

Превратившись в человека, он живо наколдовал какой-то корявый плот — он приплыл к ним с востока с такой скоростью, словно его толкали носами дельфины. Конан и дракон взбрались на него и принялись размахивать руками и подпрыгивать. Наконец, когда киммериец уже думал, что затея не удалась, их заметили с корабля. Судно замедлило ход, развернулось и пошло им навстречу.

Вытащенный на палубу, дракон, вернее, старик-хитаец, угрюмо молчал, и на вопрос «Кто вы такие?» отвечать пришлось киммерийцу. Тот решил придерживаться какой-нибудь одной истории — чтобы не запутаться.

— Я — Конан, с далекого севера. Я сопровождал вот этого достойного человека, мудрейшего Ши Чхана, в его странствии к Жемчужным Отмелям. Но несколько дней назад буря разбила наш корабль о скалы неизвестного острова, до которого отсюда полдня ходу на вон том плоте. Все, кроме нас, погибли. Я же, помня о благе своего хозяина, вытащил его, полумертвого, на берег. Несколько дней провели мы на том острове, затем связали из обломков нашей шхуны плот и поплыли наудачу. Ко всему этому прибавлю, что если вы довезете нас до берега, мы вам заплатим, сколько сможем. Денег у нас немного, ибо остался лишь мешочек серебра, который на был мне, но ведь и хлопот с нами будет не много, не так ли, о достойнейший?

Слова эти, равно как и горсть серебра, были обращены к капитану, коренастому и немолодому кхитайцу. Выслушав рассказ Конана, он принял монеты и обратил взгляд на «мудрейшего Ши Чхана». Тот важно кивнул. Несмотря на то, что одет он был все в ту же рваную рубаху — Конан решил, что для потерпевшего кораблекрушение сойдет и это, — капитан низко поклонился ему, сложив ладони, и проводил спасенных в свою каюту. Там им предоставили горячую похлебку и рис с поджаренной рыбой, а также сухую одежду.

Влезая на плот, Конан оставил на бедрах лишь повязку из шали Раины, решив, что золотой наборный пояс будет не слишком уместен на небогатых путешественниках. Кожаный мешок, в котором были шкатулки, а теперь и пояс,

выглядел достаточно потрепанно, чтобы не пробудить алчности даже в нищем. Поэтому, ни о чем не тревожась, он с наслаждением съел свою порцию, затем порцию дракона и завалился на постель. Именуемый Ши Чхан, хмурясь, неподвижно сидел за столом.

— Какие мысли гнетут тебя, о мудрейший? — поинтересовался Конан, подпихивая себе под голову еще одну подушку. — Тебе не пришелся по нраву шкипер? Или вся посудина?

— Ты рассказал им достаточно, чтобы они в ответ что-нибудь сказали тебе, — ворчливо отозвался дракон. — Однако они этого не сделали. Они не сказали нам, куда плывут, хотя я знаю, что плывут они к Нинбо, небольшому порту недалеко от границы с Камбукей — я слышал, как хозяин переговаривался с кормчим. А еще я слышал, что они восхищенно цокали языками, обсуждая твои огромные руки и ноги.

Конан встал и выглянул за дверь, но никого за нею не увидел. Похоже, Раина не преувеличивала, когда говорила об остром слухе дракона. Вернувшись в каюту, киммериец стащил с постели одеяло и пару подушек, улегся на полу и заявил:

— Тебе, о мудрейший, лучше лечь там — на случай, если кто-нибудь войдет. А что до восхищенного цоканья, то это мне не впервые. Привыкай, в этой стране карликов ты будешь его слышать частенько.

Дракон проворчал что-то неразборчивое, но все же влез на постель, как посоветовал Конан. Видно, ему и впрямь было неуютно в человечьем теле. Во всяком случае, разговаривать он был не расположен.

Обильная еда после голодного дня с несколькими купаниями подействовала на киммерийца усыпляюще. Судно плавно покачивалось на волнах, снаружи темнело. Конан завернулся в одеяло и уснул, как убитый.

Проснулся он от прикосновения стали к горлу.

Открыв глаза, он увидел, что связан по рукам и ногам, а над ним, размахивая ножами, стоит не менее восьми матросов из команды. За окном было темно, каюта освещалась одной лишь масляной лампой.

— Говори, большой кусок мяса, куда подевался твой хозяин с мешком? — спросил один из матросов. Он сидел на корточках, приставив нож к горлу киммерийца. Голос у него был тонкий, как у евнуха из турецкого гарема. — У старого Ли хороший глаз! В вашем мешке была дырка, а сквозь дырку просвечивало золото! Говори, не то расстанешься с жизнью!

Дракон удрали, тотчас понял Конан. Проклятая тварь! А как скулил и ныл, как убивался — умру, мол!. Только зачем ему это понадобилось? Если он хотел расправиться с Конаном, мог бы сделать это сразу, а не колдовать корабль с пятью десятками мерзавцев!

Но как же он крепко спал, если они сумели подкрасться и связать его так, что он не почуял! Не иначе в похлебку была подмешана какая-то отрава — голова у Конана раскалывалась на части, как после хорошей попойки.

— А ну, убери нож, Ли! — раздался новый голос, и матросы расступились, пропуская старшего. — Ты сам упустил старика! А этого оставь, он хорошо спал. Как он мог слышать, куда спрятался старик, если ты намешал им полные миски своего зелья? А мешок его я давно прибрал сам.

Ли, недовольно ворча, убрал нож и выпрямился.

— Как ты скажешь, господин. Но тогда на что годится этот северянин? — спросил он, глядя в пол. — Что решил хозяин?

Старший тонко усмехнулся. Был он молод, тонок в кости, с отечным, неадоровым лицом. Поверх обычных для мореходов этих мест штанов и рубашки извыпуск у него была надета расшитая шелком накидка. Сын хозяина, догадался Конан и тут же получил подтверждение своей догадке:

— Отец продаст его в Венди, за него дадут большие деньги, он ведь такой огромный. А вместе с ним продадут и тебя, Ли. В следующий раз ты будешь проворнее и не упустишь пленника с казнью — если, конечно, он для тебя будет, этот следующий раз.

Седая голова Ли склонилась еще ниже:

— Да, господин, — только и сказал он.

— А этого несите в трюм, да смотрите, чтобы не порвал ошейник и цепь. А еще лучше, закуйте в два ошейника, — распорядился юноша и вышел.

Конан зарычал от бессильной ярости. Так вот что приготовил ему дракон! Продажу на невольничем рынке! «Ну, погоди, мерзкая ящерица, — думал киммериец. — Клянусь бородой Крома, я еще доберусь до твоего горла!» Сейчас его, обмотанного веревками, поднимут и потащат в трюм, как муравьи дохлую гусеницу, и весь путь до Венди он просидит в ошейнике в вони и грязи... Ну уж нет, Венди он дожидаться не будет. Не будь он Конан, если не измыслил способ порвать цепи и для начала проделать хорошую дыру в днище этого плавучего сундука...

Судя по всему, не у него одного было такое желание, потому что снизу вдруг раздался треск и скрежет, а судно содрогнулось от тяжкого удара. Матросы, спорившие, как удобнее ухватить Конана, чтобы тащить вниз, повалились на пол бесформенной кучей. Один из них упал прямо на связанныго киммерийца, и тот ухватил его пальцами за то место между ног, где бугрилась тонкая ткань штанов.

Кхитаец заверещал от ужаса и боли, а Конан, пока остальные матросы поднимались на ноги и выскакивали на палубу разобраться, что происходит, прошелся ему в самое ухо:

— Режь веревки, отрыжка Нергала! Режь, не то навсегда лишишься потомства, кхитайский ублюдок!

Матрос поспешил вытащил нож и принялся перепиливать веревку. Это было нелегким делом, поскольку киммериец и не подумал отпускать его. Если бы кто-нибудь глянул на них сейчас со стороны, то решил бы, что кхитаец вздумал сам себя кастрировать.

— Живее, живее, — торопил его Конан. — Да не отрежь себе что-нибудь иенароком...

Второй удар, еще сокрушительнее первого, сотряс судно. Сидевший верхом на Конане взвыл от боли и рухнул на пол, потеряв сознание — его подбросило вверх, а киммериец, не ожидавший нового удара, не успел расцепить пальцы. Но веревка была почти перепилена, и пленник освободил

руки одним рывком, одновременно сняхнув с себя бесчувственное тело. В несколько взмахов ножа он покончил и с веревками на ногах. Но встать не успел.

«Сундук» снова тряхнуло, треск досок послышался совсем рядом. Пол в каюте разверзся, словно земля под ногами у грешника, и в пробитой дыре показался голубой чешуйчатый нос.

— Ты здесь, киммериец? — услышал Конан снизу знакомый рев. — Ты жив? От тебя хорошо пахнет! Это запах смерти, но не твоей! Выбирайся, пока я не разбил здесь все в щепы!

— Кррр! — рявкнул Конан и схватил первое, что попалось в руку — длинное копье, украшенное пышным конским хвостом. Взмахнув им, как королевским штандартом, он выскочил на палубу.

Здесь царила неразбериха. Кто-то метался, пытаясь заступить горящие снасти, кто-то лежал лицом нащ, причитая и молясь, и отовсюду слышался крик:

— Ци-гум! Ци-гум!

Что означает это слово, Конан знал очень хорошо. Этот самый ци-гум как раз разбивал корму яростными ударами хвоста. Значит, дракон не бежал, а просто отошел в сторону, чтобы сменить обличье! Да, конечно, подумал Конан, превратись он в каюте, он не только проломил бы крышу, но и раздавил собой киммерийца!

Проткнув кого-то метнувшегося ему наперерез, Конан ринулся к каюте хозяина. Мальчишка сказал, что прибрал мешок к рукам, значит, он должен быть где-то здесь...

Мешок, с вывороченным содергимым, лежал на столе, рядом с опрокинувшейся лампой. Видно, хозяева занимались подсчетом добычи. Конан при свете пожара на палубе сгреб все обратно в шкатулки, проверил, на месте ли заветный сапфир, и затянул веревку. Он уже хотел уходить, когда в каюту с резким и высоким криком влетел шкипер. От прежней его вежливой улыбки не осталось и следа, окровавленное лицо было искалено гримасой боли и ярости. Увидев освободившегося пленника, он кинулся к нему с мечом, но был тут же пригвожден к стене собственной

каюты. Выдергивать копье Конан не стал: он уже слышал треск досок и поспешил выбраться наружу. Едва он выскоцил из двери, новый удар чешуйчатого хвоста размозжил хозяину злосчастной посудины голову.

— Хэй-эй! — крикнул Конан, вздергивая вверх мешок. — Добро у меня!

— Прыгай! — ответил ему снизу дракон, и Конан прыгнул.

Судно, уже полное воды, заваливалось на правый борт. Не успел киммериец отплыть от него и на половину броска копья, как струя пламени, вырвавшаяся из глотки дракона, охватила тонущий корабль, превратив его в гигантский факел. Все, кто еще оставался жив на нем, были сожжены на месте.

Дракон огляделся и подплыл к Конану. Пламя отражалось в черной воде, затмевая свет еще полной луны и звезд. По рисунку созвездий киммериец определил, что время уже к рассвету.

— Забирайся мне на шею, — сказал дракон, посмеиваясь. — Это понадежнее, чем плавающий сундук с весями! Забирайся и поплыли. Берег близко.

Берег был и в самом деле близко. Не успело небо посереть, как впереди показались огни какой-то большой гавани.

— Это — Нинбо, довольно большой порт. Там мы завтра сможем купить все, что ты хотел, — пояснил дракон и свернулся в сторону.

На сушу он выбрался в небольшой бухточке, где впадала в море быстрая и неглубокая речка. Здесь дракон устроился на мелководье, а Конан набрал сухих водорослей и веток, а также нашарил по прибрежным валунам десяток-другой крупных моллюсков.

— А ну-ка, плюнь мне в эту кучу, приятель, — велел киммериец, когда сложил траву и ветки в наскоро сооруженном очаге прямо на песке. — Да не так, как в ту посудину, а тихонько.

Дракон повернулся голову и фыркнул. Две или три искры упали в очаг, трава занялась, и Конан, терпеливо подкладывая огню ветку за веткой, разжег наконец настоящий кос-

тер. После этого он разложил на песке позаимствованную у разбойников одежду, а когда прогорела первая зола, сунул в нее моллюсков.

— Как ты можешь это есть,— проворчал дракон, с отвращением глядя на его приготовления.— Хуже жуков! Почему бы тебе не питаться еще кузнецами и ласточками-ными гнездами, как это делают местные жители?

— Когда хочешь есть, сожрешь любую гадость,— резонно возразил Конан. Створки раковин раскрывались в горячей золе с треском лопающихся почек.— А эти хоть соленые. У каждого свои слабости. Вот у тебя, например, слабость жечь корабли. Спору нет, на этом были одни мерзавцы, их следовало проучить. Но почему же всех до единого и вместе с кораблем? Это у тебя обычай такой — никого не оставлять в живых?

Дракон криво усмехнулся. В его желтых зрачках отражалось пляшущее пламя.

— Можешь считать, что обычай. А на самом деле — просто необходимость. Никто из живущих у берегов Лемурского моря не должен оставаться в живых, если единожды меня видел.

— Почему? То есть я понимаю, ты боишься, что на тебя начнут охоту и сюда потянутся сотни рыцарей, готовых принести твою голову какой-нибудь прекрасной принцессе. Но тебя же не берет никакая сталь и плаваешь ты, как дельфин. Чего тебе бояться?

Моллюски были уже готовы. Дракон, чуть прищурив глаза, смотрел, как Конан палочкой вытаскивает их из костра и раскладывает на песке — стыть. Попшевелив ноздрями, он втянул в себя воздух, запомнил запах, и чихнул.

— Пф! Ну и вонь! Станный у тебя вкус, право. Но ты прав: каждому свое. Тебе — сталь или яд, а мне — флейту.

— Что значит: тебе — флейту? Тебя можно убить бамбуковой палочкой с десятком дырочек?

Дракон попшевельнулся, отчего волна с шипением набежала на берег, едва не залив костер Конана.

— Поклянись, что никому не скажешь! — изрек наконец яшер, и киммериец удивленно поднял брови.— В кон-

це концов, раз мы теперь странствуем вместе, тебе нужно знать, чего опасаться. Ну, поклянись!

— Клянусь именем бога своего, Крома, Владыки Могильных Курганов, который примет меня и будет судить после смерти,— торжественно проговорил Конан, положив на бок ладонь правой руки — туда, где, по его представлениям, находилась печень, средоточие всех жизненных сил.— Так чего мне нужно опасаться?

— Человека с флейтой. Услышав эту музыку — если только она не смешивается с чем-нибудь более грубым,— я перестаю принадлежать себе. Я пойду за этим человеком на край света и сделаю все, что он прикажет. Меня так однажды уже поймали. Это было давно, больше тысячи лет назад, но если хоть где-нибудь в Китае осталась легенда о том, как управлять драконом...— Он покачал головой и добавил со вздохом: — Единственное средство — одним ухом лечь на землю, а второе заткнуть хвостом. Но не всегда успеваешь.

Глядя на его унылую морду, Конан невольно представил себе этого огромного зверя в такой нелепой позе — и расхохотался.

— Да уж, страшное оружие! Но ведь даже если тебя поймают и уведут на край света, то все равно не смогут с тобой ничего сделать! Разве что усыпят.

— «Ничего!» — возмущенно передразнил его дракон.— Ничего! По-твоему, пятьдесят лет в золотой клетке — это ничего? Ладно, Сет с ней, с клеткой, но ведь они еще и заставляли меня воевать! Ты сокрушаешься, что я потопил тот корабль, а я тебе на это могу сказать, что все потопленные мною корабли — это капля в том море крови, что я пролил за эти пятьдесят лет. Я убивал, убивал и убивал, не зная ни отдыха, ни покоя. Император распустил армию, потому что достаточно было вывести на поле битвы меня — и битва могла считаться выигранной. Ты полагаешь, приятно быть игрушкой в чужих руках? Да еще в таких кровожадных?

На это Конан мог возразить, что дракон и сам был не прочь заполучить себе как можно больше интересных иг-

рушек — ту же Раину, например, — но промолчал. Так вот почему дракон спрашивал, не обучен ли Конан игре на флейте! Пятьдесят лет в клетке и выходить только на бои! Да, раз такое испробовав, станешь осторожен. Конан сам не раз попадался в такую клетку: был он гладиатором и в Халоге, столице Гипербореи, и в Хаббе. Он знал, что такое однообразие дней за решеткой, знал и чувство ненависти к самому себе, с которым выходишь на арену выпустить кому-нибудь кишки на потеху публике.

Как видно, дракон умел слышать и настроения, потому что вдруг вылез из воды, встряхнулся и потянулся, как огромная кошка. Свившись в огромное кольцо вокруг костра, он лег на песок и сказал ворчливо:

— Ложись-ка поспи. До открытия лавок на базаре еще далеко. Спи, а я посторожу тебя. Завтра нам многое еще нужно сделать, прежде чем отправляться через всю Камбую к Вендиjsкому морю.

ГЛАВА 7. Город обезьян

Нинбо оказался вполне сносным городом, не слишком большим, но оживленным и веселым. В гавани его меж стовесельных торговых судов сновали сотни вертикальных джонок, маленьких лодочек с косыми желтыми или оранжевыми парусами, шумный торг шел прямо у причалов.

Здесь сходились караванные пути и моря, и суши, а потому большую часть города занимал базар. Он начинался сразу у порта, а кончался чуть ли не у самых городских ворот, отмечавших три большие дороги: южную, в Камбую, северную, к столице Кхитая, и западную — вглубь полуострова, через Камбую и Уттару, к Вендиjsкому морю. Центр базара отмечала большая площадь, где за невысокими стенами из фарфоровых кирпичей, крытыми красной деревянной галереей, возвышался дом, а вернее — дворец градоправителя.

От площади, расходясь лучами, шли бесконечные торговые ряды: один только шелковый ряд тянулся на два полета стрелы, немногим уступал ему ювелирный, оружейный, фарфоровый, обувной и другие ряды, что же до скотного двора и конской площади, то на них искусный зодчий мог бы возвести по небольшому дворцу. На всем этом пространстве клубилась, кипела и теснилась многоголосая и разноязычная толпа. Конану и его спутнику то и дело приходилось протискиваться боком.

«Нин-бо-дао» по-кхитайски означало «перекресток», и город полностью соответствовал своему наименованию. На его базаре можно было встретить вендиjsца с пряностями

или массивными украшениями из золота и драгоценных камней такой величины и чистоты, что блеск их был виден за два квартала; были здесь и туранцы с коврами, радующими взор сложным и искусственным рисунком, с драгоценными шальми и полосатыми тканями, не льняными и не шелковыми, но столь тонкими, что весь кусок можно было прорвать в золотое кольцо.

Иранистанцы привозили сюда лошадей: тонконогих, нервно вздрагивающих и прядущих ушами жеребцов с злобным взглядом и еще более злобным норовом, и изящных, серых в яблоко кобыл, грациозно склоняющих длинные шеи. Но более всего, конечно, было здесь торговцев из Кхитая и Камбии, а Жемчужный Сад, как гордо именовались восемь лавок, стоящие особняком в Ювелирном ряду, считался по праву достопримечательностью всего побережья. Сюда свозились не только жемчуг и кораллы с Отмелей, но и прочие диковинки моря, вроде засущенной рыбы-ежа или Слез Земли, как называли здесь янтарь, редкий в этих краях и потому ценившийся не менее жемчуга.

Многоопытный посетитель базаров и торговых рядов, Конан с восхищением и любопытством пробирался среди палаток, лавок, а то и просто плетеных циновок с разложенным на них добром. Дракон, сохранив на лице замкнутое и высокомерное выражение, следовал за ним.

Киммериец начал со штанов и сапог, и то, и другое купив у туранцев, ибо за все свои странствия, пожалуй, только в Зингаре покупал сапоги лучше самарских. Здесь в таких, на невысоком каблуке, с чуть загнутым носком, с мягким, обтягивающим ногу голенищем, красовалась вся городская стража. За сапогами и штанами последовала рубаха и кожаная куртка с проклепанными медными бляхами плечами — самая большая, какая нашлась у изумленного торговца.

Но, как ни искал Конан, во всем оружейном ряду не нашлось ни одной кольчуги или панциря, кроме двух или трех вендинских — но те оказались малы на огромную фигуру варвара. Зато нашелся меч: прямой, длинный, из голубой кхитайской стали, которая, как известно, рубит железо с той же легкостью, что обычный топор — дерево.

Конан не поспешил и отдал за меч половину того золота, что было у них с собой, услышав при этом за спиной презрительное фырканье дракона.

— Зачем тебе меч, да еще за такие деньги? — негромко спросил мнимый старец, когда они отошли от лавки. — Я убью троих, пока ты будешь замахиваться.

— Во-первых, многомудрый мой Ши Чхан, я не привык в своих странствиях дожидаться, пока кто-то поубивает за меня всех моих врагов, — усмехаясь, ответил Конан. — Во-вторых, этот меч сохранит нас от лишних расспросов и неприятностей со стороны тех, кто не ведает об истинном твоем обличье. В-третьих, бирюзовая шкура, не позже чем через десять дней я намерен избавиться от твоего общества — и кто тогда защитит меня на дорогах, а?

— Разве что в-третьих, — проворчал дракон в ответ на эту отповедь. — Я, знаешь ли, тоже не в восторге от твоей физиономии. Десять дней, пожалуй, даже многовато. Куда тебе угодно теперь?

— Нам осталась только пара лошадей и запас еды. Что ты морщишься?

Дракон, как предписывала роль ученого старца, семенил рядом с огромным киммерийцем, сунув в просторные рукава маленькие ладони. Облик его был неотличим от человеческого, и лишь по ярко-желтым глазам можно было догадаться, что он — оборотень. И все же, когда он кривил рот или усмехался, Конан постоянно ловил себя на мысли, что дракон не разжимает губ, боясь, как бы все не увидели его огромных, в два пальца, острых клыков.

— Лошади нам не нужны — куда мы их потом денем? А деньги могут понадобиться. Поэтому будь благоразумен, не входи в лишние расходы. Да будет тебе известно, в Кхитайе очень многие ученые предпочитают передвигаться пешком, так что подозрений мы не вызовем. А как только выберемся из города, пойдем моим способом. Так будет гораздо быстрее.

Спорить тут было не о чем, и Конан кивнул, соглашаясь.

К полудню все приготовления были закончены. Чтобы пополнить запас мелких монет, они продали в одной из

ювелирных лавок несколько камней — немного проиграв в цене, зато получив за них серебром.

Затем киммериец совершил опустошительный набег на несколько трактиров, и, когда они выходили из городских ворот на Удашскую дорогу, на правом плече Конана висел объемистый мешок со снедью и оплетенными фарфоровыми кувшинами с вином. Вина было гораздо меньше, чем еды: кхитайские домашние вина не отличались ни разнообразием, ни букетом, а потому, как ни печалила Конана эта замена, на дорогах Кхитая и Камбуи он предпочитал родниковую воду.

Но среди небрежно сунутых под хлеб, вяленое мясо и сущеные фрукты кувшинов таилась, словно золотой среди тусклых медяков, бутыль толстого желтого стекла, заботливо укутанная Конаном в кусок расшитой золотыми драконами парчи. В бутыли было красное, как кровь из вен, густое, как мед, драгоценное барахское вино. За эту бутыль киммериец отдал еще один камень и поклялся себе именами Кинды и Сагратиуса забыть о ней до самого конца пути — даже если этот путь будет пролегать через раскаленные пески и сожженные солнцем желтые степи.

* * *

Пройдя по дороге достаточно, чтобы миновать все селения, ютившиеся поближе к оживленному порту, ученый и его телохранитель свернули через поля к джунглям. Едва деревья скрыли их от посторонних глаз, ученый снова превратился в дракона — и с наслаждением потянулся, словно ему было тесно в человеческом облике:

— A-xa! Ну, время уже позднее, так что ешь, сколько тебе там надо, и садись на меня. Мы помчимся быстрее ветра и до ночи успеем сильно сократить путь к морю.

— Вот ближе к ночи я и поем, — отозвался киммериец. Вкус острого жаркого, приправленного вендийскими специями, еще был памятен его языку, а желудок приятно тяжелили те горы снеди и озера вышивки, которыми он запасся впрок в трактирах Нинбо. Пока дракон разминал затекшие лапы, Конан, наглотавшийся за день дорожной пыли, не-

спешно опустошил один из кувшинов в своем мешке. После чего объявил, что готов двигаться дальше.

— Ну так влезай! — весело сказал дракон, подставляя ему шипастый локоть. — Да не вырви мне всей грифы, как в тот раз, когда нырял за мной в озеро!

«Грифой» он гордо именовал пучок длинных, жестких, как конские, темно-синих волос, росших полоской меж его острых ушей. За нее и в самом деле было очень удобно держаться, пропустив в пальцах и намотав на руку. Конан уселся меж огромных лопаток, испытывая большое искушение пришпорить своего «жеребца». Но дракон сквозь свою броню не почувствовал бы, наверное, и настоящих шпор, не то что пяток сапог.

Убедившись, что наездник сидит твердо, дракон фыркнул, тряхнул головой, как заправский конь, и зазмелился по земле, заполняя своим гибким телом каждую впадину, выбирая самый ровный и короткий путь меж камней и деревьев. Он несся вперед почти бесшумно, лишь шуршала, разлетаясь, прошлогодняя жухлая листва да слышался иногда приглушенный хруст ветки, ломающейся под его тяжестью.

Восседая на мощной шее своего змееподобного скакуна, Конан вдруг заинтересовался:

— Послушай, бирюзовая ящерица, а имя-то у тебя есть? Мое тебе называть не пришлось, а о твоем я позабыл спросить.

— Это очень похоже на вас, людей — забывать о самом главном, — насмешливо ответил дракон, чуть повернув назад чешуйчатую голову. — Но здесь мне сказать тебе нечего, для тебя у меня нет имени, только прозвище: Аридоси. Ты можешь звать меня Аридо, если тебе нравится.

— Аридо? — переспросил Конан со смехом. Слово было не совсем кхитайским, но близким по звучанию. — «Муравьиный путь»? Ты не похож на муравья, клянусь Кромом!

— Если ты будешь колотить меня пятками и хохотать, как безумец на площади, я ничего тебе не буду рассказывать, — наступивши, проворчал дракон, и Конан, заинтересованный, принял вид внимательного слушателя. Делать ему в пути было решительно нечего, так пусть чешуйчатая

тварь рассказывает сказки — глядишь, и время пройдет незаметно.

А дракон погрузился в воспоминания.

— Знаешь ли ты, как прорыть нить в камень, пропущенный к центру с трех сторон? Очень просто: намазать одно из отверстий медом, привязать к муравью нитку и пристить его у другого отверстия. Мой остров расположен на вознесенной над морем скале, большом рифе, которому уже много тысяч лет. Море и время изъели его, расточив камень, искрошив более мягкие породы. И потому под моим островом находится гигантский лабиринт пещер, запутанный и сложный. Местами он заполнен водой, местами похож на тот, в котором я жил с Райной. Из него есть множество выходов в озера, имеющие глубочайший сток...

— Вроде того, в котором ты меня выкупал? — уточнил киммериец.

— Да, но не перебивай меня. И вот, раз в десять лет в весенний праздник Полной луны, Сын Неба устраивал Большие Состязания драконов. Мы боролись друг с другом и с лучшими воинами — в шутку, разумеется, — мы ныряли, кто глубже, и взлетали, кто выше...

— Так ты умеешь летать! — взревел Конан. — Что же ты молчал! Во имя каких тогда потрохов Нергала мы...

— Не перебивай меня! — рявкнул дракон. Из пасти его вырвалось пламя и опалило низко растущие ветви, проплыавшие у них над головой. — Я не умею летать. Я умею плавать. А те, кто умеет летать, в свою очередь, не выносят воды. Ты что, разглядел у меня пару крыльев? Если бы я умел летать... — Он вздохнул. Потом всхрипнул и, поскольку всадник больше не донимал его своими глупыми людскими вопросами, продолжал рассказывать:

— Самые ловкие из нас, водяных драконов, состязались вот в чем: мы становились на одном берегу острова и ныряли вниз, к лабиринту. Каждому, как муравью, был дан клубок бечевки. А концы бечевок держали в руках прекрасные девицы, специально избранные для этой почетной обязанности. Мы неслись по переходам лабиринта и разматывали клубки. Иногда по правилам игры надо было

вынырнуть в каком-нибудь определенном озере, а иногда — с другой стороны острова. Когда мы добирались до земли, остаток клубка отрезался. Выигрывал не тот, кто приходил самым первым, — хотя это тоже учитывалось, — а тот, у кого оставался самый большой клубок.

Дракон замолчал, на этот раз явно чего-то ожидая от своего слушателя, и Конан, посмеиваясь про себя его детскому тщеславию, спросил:

— И у кого же обычно оставался самый большой клубок?

— У меня, — с гордостью ответил дракон. — Потому меня и прозвали — Аридоси. А настоящее мое имя было Голубая Жемчужина, Сияющая в Тонкой Щели Створок Устрицы — как оно звучит на самом деле, я тебе не скажу, не хочу. Но по имени меня называл только Император, и то, когда сильно сердился.

— Голубая Сияющая... тьфу, язык вывихнешь, — рассмеялся киммериец. — Уж лучше я буду звать тебя Аридо. И часто на тебя сердился Император?

— Не слишком. Не чаще раза в год, — ухмыльнулся дракон. — Не знаю, как сейчас, а до Катастрофы нас было много, больше, чем дней в году. Если бы он сердился слишком часто на каждого из нас, он потратил бы половину жизни только на то, чтобы произносить наши имена. Хотя чему равна половина от Вечности? Наверное, тоже вечности. Но император был добр. Мы часто проказничали, пока были только-только из скорлупы, но знали меру, ибо каждый из нас приходил в ужас от мысли, что может навлечь на себя гнев Повелителя Драконов.

Конан задумчиво слушал плавную, завораживающую, словно медлительные воды большой реки, речь дракона и вспоминал когда-то слышанную им от Юлдуза легенду об острове, где обитает маг-император, который ездит на драконе и живет тысячу лет. Уж не с родины ли его дракона приплывают в Китай раз в столетие таинственные корабли, о которых многие слышали, но никто не видел? Если так, то остров этот должен быть где-то еще восточнее Лемурийского архипелага.

— Странно, очень странно, клянусь Кромом! — пробормотал киммериец.

— Что тебе странно, смертный? — весело поинтересовался дракон.

— Как же так, ты помнишь, почему тебя прозвали Аридоси, помнишь драконы состязания, помнишь вашего Императора, — перечислил Конан. — И при всем этом не помнишь, где находится твой остров?

Он полагал, что дракон рассердится и примется ворчать, брызжа огненной слюной, но вместо этого ящер лишь чуть склонил голову, немного умерив свой стремительный бег.

— Не помню, — сказал он со вздохом. — Совсем не помню. Но иногда всплывают картины, отрывочные и яркие, словно сны. Так бывает, если крепко расшибешься — а меня тогда ударило о берег даже слишком крепко! Волна была такой моци, что я не смог ни выплыть, ни уйти на дно, меня протащило и швырнуло о камни, земля взорвалась огнем, вздыбившись, словно норовистый конь... Сам удар я помню. А вот откуда плыл — с востока или с запада, а может, с юга — не могу вспомнить. — Дракон вздохнул. — Помню только, что очень, очень-очень издалека, — заключил он.

Что ж, подумал Конан, по словам Юлдуза, тот остров тоже лежит где-то за кругами мира.

— Похоже, мне и впрямь суждено дойти до самого края земли, — пробормотал киммериец. Дракон, занятый своими воспоминаниями, никак не ответил на его слова — быть может, не расслышал.

Какое-то время они ехали молча, каждый занятый собственными мыслями. Вокруг сплошной зеленой стеной вставали джунгли, одинаковые на все стороны света, — как ориентировался в них дракон, не глядя на небо, не останавливалась, оставалось загадкой. Иногда он делал большие петли, огибая овраг или хижины углежогов, но каждый раз неизменно возвращался к прежнему направлению. Об этом можно было судить по солнцу, внезапно выскочившему из-за деревьев к концу дня. Стволы редели, становились моложе и тощее, неохватные сосны-гиганты, увитые плющом и лианами от самых корней, пропали вовсе. Меж стволов

мелькнула синяя искра, и вскоре дракон со своим всадником оказался на берегу огромного озера.

— Здесь мы и заночуем, — предложил Аридо. — Тебе же нужно спать, правда? А я с наслаждением выкупаюсь. Надо же было нацеплять на себя столько грязи и сухой листвы за такое короткое время!

Солнце село, и в лесу быстро темнело. Вода в озере становилась белой, от него потянуло ветерком. Конан разжег костер и принял сооружать себе ужин, а дракон, забравшись на дальний высокий обрыв, из которого, как клубки змей, торчали корни растущих над ним сосен, плюхнулся в озеро, подняв водяной столб чуть ли не до неба. Он резвился, ловил себя за хвост, подныривал под огромные плоские листья и высакивал с ними на голове, подражая уттарийским сановникам в их круглых соломенных шляпах с колокольцами. В этом огромном звере каким-то образом уживались старик и младенец, и было забавно наблюдать, как один сменяет в нем другого. Сейчас он был воплощением радости бытия, но Конан хорошо помнил, как ловко этот «малыш» расправляется с галерами. Все-таки это был дракон, а дракон опасен даже в самом благодушном настроении.

Наконец, вволю наплескавшись и распугав всю рыбу на несколько дней вперед, дракон вылез на берег, встрихиваясь, как собака. С его чешуи вода не стекала, а скатывалась крупными круглыми каплями, как скатывается она с жирного оперения утки, оставляя птицу сухой. Конан сидел, свесив с коленей перепачканные в золе руки — жалея запасы, он выловил в тростнике забившегося туда с перепугу огромного карпа и испек на угольях.

— Большое озеро, — сказал Конан, глядя на необъятную бледно-синюю даль. Озеро и в самом деле было большим, дальний его берег с темнеющим лесом был едва виден. — Где это мы?

— Это озеро Дунтинху, — пояснил дракон. — Вон там, — он мотнул головой на север, — в него по краю впадает Чандзян, самая большая река Кхитая. Завтра мы пойдем по ней вверх, она выведет нас к Семиречью — семи ущельям в южных отрогах Ги Ме Ли, по которым текут в

долины семь рек Кхитая, Уттары и Камбуи. Там же делает большую петлю Бхарама, река Бендии. Ее долиной мы спустимся к морю, а там уже до Ланки будет не больше дня пути.

По сведениям Конана, озеро Дунтинху, Большая-Вода-В-Сердце-Страны, лежало в трех днях пути от побережья. Он покосился на дракона: этот скакун и впрямь быстро перемещался и по воде, и по суше! Глядишь, к исходу третьего дня они и в самом деле будут в Бендии!

Дракон меж тем зевнул во всю пасть, потянулся, дергая лапами, и улегся, свернувшись в клубочек. Конан доехал свою рыбу и тоже лег.

Утром, едва рассвело, Аридо уже нетерпеливо тормозил его: известно ведь, что для бодрствующего ночь вдесятеро длиннее. К тому же, забыв на своем острове, что такое настоящий лес, дракон немного опьянел от ночных запахов и шорохов и с утра пребывал в веселом, чтобы не сказать буйном, настроении.

Поев, Конан вновь взгромоздился на своего «кона» и вновь, как и вчера, мимо него понеслась стена деревьев. Вскоре дракон вышел к большой реке, стремительно неспешащий в узкой долине, и направился вверх по течению.

Когда солнце перевалило за полдень, местность начала постепенно подниматься. На короткий отрыв они остановились уже в настоящем горном ущелье с узкой полоской зелени вдоль реки и отвесными бурыми скалистыми склонами. Дальнейшее продвижение по берегу было почти невозможно, и дракон поплыл вверх по течению. Чтобы не заморозить Конана в быстром горном потоке, он держал шею высоко над водой, но все же к вечеру Конан был мокрым с ног до головы от брызг и мелкой водяной пыли.

Заночевали они над большим водопадом, на гребне утеса. Вверх пришлось карабкаться козьей тропой, и к концу подъема оба путешественника изрядно устали, выпачкались и исцарапались. Добравшись наконец до вершины, дракон в изнеможении повалился на землю.

— Я же не ящерица, — простонал он, разглядывая израненные подушечки лап — на них чешуя была тонкой, гиб-

кой и мелкой, как у рыбы. — Я не умею карабкаться по скалам, они меня не выдерживают!

— Живы — и ладно, — проворчал Конан. Подъем измотал и его. — Не хнычь, не то я вспомню Раину.

Аридо обиженно засопел, но жаловаться перестал. Не успело сесть солнце, как он уже, забыв об обиде, слазал в какие-то щели и приволок груду бурелома, нанесенного водой и застрявшего в скалах. Сучья были сырьими, но дракон все равно исхитрился поджечь их.

Ночью поднялся ветер. Он летел от заснеженных вершин Крыши Мира, и ему не было никакого дела до двух путников, оказавшихся на горном хребте, открытом всем ветрам. Очнувшись от тяжелого, вязкого сна, Конан обнаружил, что Аридо пристроился к нему почти вплотную, заслоняя своей тушей от северного ветра. Но едва киммериец открыл глаза, дракон вскочил на ноги, словно боялся сознаться в том, что ему есть до кого-то дело. Конан хмыкнул, но промолчал.

Торопясь как можно скорее оставить холодные утесы, они тотчас собрались и двинулись в путь. Дракон струился по камням, словно бирюзовая река, выбирая иногда такие склоны, по которым не отважились бы скакать даже козы. Одну за другой миновали они семь горных рек, стиснутых каменными складками, и скоро снова очутились в цветущих долинах. Сбегая с гор, Бхарама разливалась широким потоком, словно вздыхала свободнее на просторах равнины, и Аридо, не таясь, плыл прямо по течению. Разлив после летних дождей едва начал спадать, и с середины реки оба берега казались лишь дымной кромкой где-то вдали. Даже если бы кто-нибудь и разглядел с берега черную голову варвара, то уж дракон сливался с водой не хуже хамелеона.

В устье Бхарама разливалась на несколько широких и мелких рукавов с мутной, зеленоватой цветущей водой. Дракон чихал и отплевывался, браяясь на всех языках Хайбории, живых и мертвых. Наконец дельта осталась позади, и Аридо с ликующим воплем ринулся в океан.

В море, чья вода, как известно, держит даже самого никудышного пловца, дракон вздохнул с облегчением. Плыл он, как не плавают и двухсотовесельные галеры — быстро,

ровно и легко. Конан только диву давался, глядя, как бирюзовая грудь ожившей рострой разрезает воду, даже не покачиваясь на волнах. Аридо несся, как выпущенная стрела, и только птицы с резкими и изумленными криками разлетались от него во все стороны.

Проходя наискось от устья Бхарамы к краю полуострова, Аридо забрал слишком сильно к западу, и потому берег показался раньше, чем он рассчитывал. Увлекшись своей морской прогулкой, он с ходу налетел на какую-то утлую лодочку с дремлющим в ней рыбаком — она сидела в воде так низко, что ни Конан, ни дракон не заметили ее.

Рыбак, увидав прямо перед собой гигантского чешуйчатого ящера с пастью, полной зубов, с криком кувырнулся из лодки, выронив снасти. Лодочка, и так чудом державшаяся на воде, разлетелась в щепы, столкнувшись с бронированной грудью дракона. Тот уже занес лапу, чтобы утопить человека, но Конан пребольно дернул его за ухо, рявкнув:

- Не смей!
- Почему? — удивился дракон.
- Он не сделал тебе ничего дурного!
- Но он расскажет другим!

Конан в ответ на это намотал на кулак синюю гриву, заставив дракона высоко задрать голову, и прошипел:

- А ну, давай на берег, желтопузый выродок!

Ответом ему был рев, исполненный злобы и боли. Дракон помчался к берегу с такой скоростью, что, казалось, не плыл, а летел над водой. Выбрав укромную лагуну, единственными обитателями которой были степенные морские черепахи, птицы и обезьяны, он выскочил из моря, как пробка из бочки. Киммериец, не дожидалась, щока его сбросят, соскочил на землю и в два прыжка оказался на расстоянии, недосягаемом для огромных когтей разъяренного чудовища.

— Козявка! — ревел дракон. — Ты смеешь мне указывать! Ты будешь говорить мне, что мне делать и чего не делать! Да я жив до сих пор только потому, что убивал каждого, кто видел меня хоть краем глаза!

— Ну так убей и меня, если сможешь, гнилая колода! — рявкнул в ответ Конан, не менее разъяренный. — Ну, чего

ты ждешь! Убей, и дело с концом! И жарься дальше на солнышке на своем поганом острове!

— Да я могу пришибить тебя одним ударом лапы, так что голова твоя станет похожа на сырную лепешку!

— Ну так бей, что ты стоишь!

Дракон замолчал, затем сел и нервно слотнул.

— Что тебе было в том старике? — спросил он уже спокойнее. — Он твой друг, или родич, или родич родича?

— Он просто живое существо, такое же, как ты или я, — ответил Конан, тоже снижая голос. — Он не пытался напасть на нас, он едва не обмочился от страха. Зачем тебе его жизнь?

Аридо нервно облизнулся и переступил лапами.

— Да-а, тебе-то хорошо рассуждать, — протянул он. Теперь его голос напоминал голос обиженного ребенка. — Тебя-то не держали пятьдесят лет в золотой клетке...

— В золотой — нет, а в простых клетках я насидался! — ответил Конан. — Если этот старик начнет рассказывать, то скажет, что видел морское чудовище с рыбьим хвостом, тремя головами, девятью рогами и вот такими плавниками. — Конан показал, какими. — За это его две луны будут поить бесплатно во всех тавернах, и к концу второй луны голов и хвостов будет втрое больше. Никто из его рассказа не узнает, что он видел дракона. Если кого тебе и надо опасаться, то колдунов и книжников, а не подслеповатых рыбаков! И потом, мы ведь, кажется, ищем твой остров? Через десять дней ты будешь дома — и какое теперь тебе дело, узнает о тебе кто-нибудь или нет?

Дракон задумался. С последним доводом спорить не приходилось.

— Ладно, предположим, ты прав, — сказал он. — Но это все равно не повод хватать меня за волосы и кричать мне в ухо.

Конан незаметно перевел дух. Поле битвы осталось за ним. Следовало немедленно укрепить свои позиции.

— Вот что, каменная шкура, — заявил он, все еще стоя поодаль. — Если ты идешь со мной, брось убивать всех направо и налево. Иначе мы с тобой расстанемся на этом самом месте.

Аридо взглянул на спутника с мрачной иронией.

— Я что, должен принести клятву не проливать невинной крови? — поинтересовался он.

— Можешь мне это просто пообещать, — великодушно разрешил Конан с широкой ухмылкой.

Дракон какое-то время сопел, переминаясь с лапы на лапу. Наконец, явно с большой неохотой, выдавил:

— Ну, обещаю. — И тут же добавил: — Только и ты мне тогда пообещай, что не будешь больше грозить бросить меня. Это нечестно, мы договорились.

— Не брошу, не брошу, — проворчал Конан.

У дракона был вид малыша, который уличил товарища по играм в каком-то жульничестве и теперь готов расплакаться от обиды и несправедливости. Услыхав это «не брошу», Аридо повеселел и подставил киммерийцу локоть. Мир был восстановлен.

— Ну, где там твоя Ланка? — спросил Конан, взбираясь ящеру на спину.

— Немного южнее. К вечеру будем, — заверил его Аридо и вошел в воду.

На закате впереди и в самом деле показался обещанный остров. Путешественники высадились недалеко от гавани, привели себя в соответствие выдуманной истории и зашагали по широкой мощеной дороге к городу, носившему то же название, что и остров.

Ланка, осколок Вендейского полуострова, отнесенный в море, на две трети была необитаема. Вся жизнь острова средоточилась в единственном городе, соединенном наезженными дорогами с несколькими большими гаванями. Несколько глухи и непроходимы были леса ее южного и восточного побережья, обращенного к океану, настолько оживление, сутолока и разноголосье царили вокруг пристаний, на дорогах и в самом городе. Но так было прежде. Теперь причалы пустовали, а меж каменных плит на дорогах пробивалась трава. Если бы Конан и Аридо — вернее, почтенный Ши Чхан — шли от одной из гаваней, они бы непременно насторожились, не услышав обычного гомона и не увидев пестрой толпы. У городских стен же, как всегда,

сновали туда-сюда повозки, запряженные терпеливыми быками, на них покривившиеся погонщики; в большие Западные Ворота вливался и выливался пестрый поток. Но ни одного верхового видно не было.

Приближаясь к воротам, Конан все пристальнее вглядывался, щуря глаза. Еще издали суетящиеся люди показались ему какими-то странными, сероватыми, что ли. И чем ближе он подходил к городу, тем больше убеждался в том, что слышит и видит кошмарный сон. Наконец он встал на дороге как вкопанный и недоумевающе помотал головой.

— Все голозадые прихвостни Нергала, что здесь такое происходит?

В разноцветных одеждах, с высокими чалмами на головах, с носочками, корзинами, с повозками, груженными добром или пустыми, у ворот копошились обезьяны. Большие обезьяны в рост человека, с длинными хвостами и темными лапками и мордочками. Выглядело это так, словно огромное стадо обезьян вдруг вздумало поиграть в людей, нарядилось в людские одежды и занялось повседневными людскими делами.

— Вырви Нергал мне печеньку! Ты что-нибудь понимаешь, Аридо? — обернулся Конан к своему спутнику.

Дракон сощурил золотые глаза, повел плечами и спрятал в рукавах маленькие ладони.

— Понимаю, — с важностью ответил он. Преображенаясь в человека, он отменно играл свою роль мудрого и немного высокомерного старца. — В этом я понимаю больше, чем многие. Колдовство. Это — люди, жители Ланки. Видно, на город наложил проклятие какой-нибудь могущественный маг... Хотя я не чувствую поблизости ни одного стоящего мага, разве что двух-трех шарлатанов, — добавил он и лукаво заметил: — А они славно выглядят в этих пушистых серых шкурках!

Путешественники подошли уже достаточно близко, чтобы их заметила толпа у ворот. Люди-обезьяны, до того занятые каждый своим делом, как по команде обернулись на вновь прибывших. Гомон стих. В полном молчании Конан и дракон подошли к воротам. Толпа зашевелилась, расступаясь, очищая им дорогу, словно каким-нибудь вельможам.

— О жители сказочной Ланки, какое горе постигло вас? — вопросил киммериец. — Только что я слышал людскую речь, но не вижу ни одного человеческого лица!

— У нас больше нет наших лиц, чужестранец, — ответил ему старый сморщеный обезьян, и по толпе вслед его словам эхом прокатился горестный ропот. — Ступай к дому городских Старейшин, там ты узнаешь все, что захочешь знать. Не удивляйся, что мы встретили вас так неподобающе славе Веселой и Богатой Ланки. Вот уже три луны, как ни один корабль не пристал в наших гаванях — люди боятся, что проклятие перекинется и на них. Вы — наши первые гости с начала весны.

— Я вижу, утратив облик, вы не утратили разум, — заметил Конан. — Мы прибыли на Ланку, чтобы почтить великого Рудру и испросить его милости. Мы не боимся проклятия. Поэтому укажите нам дорогу к вашему храму, добрые люди, а с городскими Старейшинами мы побеседуем в другой раз.

Старик печально покачал мохнатой головой. Шерсть на нем, в отличие от обезьян помоложе, имела молочно-белый цвет.

— Службы в храме прекращены. Жрецы не осмеливаются предстать перед алтарем Всемилостивого Рудры в таком непотребном обличье. Но вы найдете их в большом доме при храме и, быть может, они вам что-нибудь посоветуют.

Конан нахмурился: он не ожидал такого поворота событий.

— Идем, почтенный Ши Чхан, — обратился он к своему спутнику. — Проведаем местных жрецов. Быть может, мы и так узнаем от них то, что нам надо.

Храм высился над городом, видимый со всех сторон. Его купол, сплошь покрытый резьбой, изображающей деяния небожителей, напоминал перевернутый колокол. Пробираясь к нему кривыми и петляющими улочками, двое путников постоянно ловили на себе жадные взгляды. На них глазели отовсюду и все — прохожие на улицах, женщины в больших паланкинах, носильщики этих паланкинов, дети в окнах домов, служанки из-за дверных занавесей. Конан заметил, что

на улицах почти нет женщин — если и появлялась какая-нибудь, то по самые глаза закутанная в покрывало.

И так передвигались только самые бедные жительницы проклятого города, большинство же, если им надо было выйти из дома, пряталось за плотными занавесками носилок.

Ланка, хоть и слыла сказочно богатым городом, была слишком мала, чтобы иметь собственное войско и считаться независимым государством. Но дэви Жазмина, прекрасная повелительница Вендии, не имела в Ланке постоянного наместника. На острове велся самый богатый промысел жемчуга и самоцветов, поэтому город пользовался некоторыми привилегиями.

По закону здесь правили жрецы-брахманы, но между ними и горожанами еще существовал совет Старейшин, в который входили потомки самых знатных местных кшатрийских родов. Старейшины не занимались ни торговлей, ни землей, ни мастерскими, но могли владеть и тем, и другим, и третьим, нанимая или покупая для этого людей низших каст.

В их веденье были дороги, увеселения, городская стража и сбор пошлин. И храм, и дом совета Старейшин находились на центральной площади города, отделенные от шумного базара полосой садов с фонтанами и бассейнами, ибо, как известно, созерцание зелени и воды способствует душевному покою, равно необходимому как при управлении городом, так и при общении с богом.

На пороге храмового дома чужестранцев встретил служка в красной чалме и красной же набедренной по-вязке.

Сзади в повязке была проделана большая дыра для хвоста. Служка проводил их во внутренние покои и, пропищав: «Верховный Брахман Прамурти сейчас выйдет к вам», — оставил одних, закрыв за собою низкие двустворчатые двери.

Конан разглядывал настенные фрески, когда в зал вошел Верховный Брахман. Увы, ни белые одежды, ни остроносые туфли не могли скрыть его обезьянного облика, от чего старец, несомненно, сильно страдал. Однако держался он со всем приличествующим его сану достоинством.

Гости расселись на больших полосатых подушках, жрецу принесли кальян. Позади него пристроилась симпатич-

ная обезьянка — то ли мальчик, то ли девочка, — с огромным опахалом из павлиньих перьев.

Конан изложил брахману цель их визита: прибыли, мол, из Кхитая, наслышанные о чудесном храме, и желаем问问ить бога о неведомой земле, неизвестной ни одному смертному. Хозяин кивал белой чалмой, жадно затягиваясь своим кальяном.

— Приветствую вас в нашем несчастном городе, чужеземцы, — проговорил он между двумя затяжками. — Весть о вашем прибытии облетела весь город, ведь вы — первые приезжие за много дней. Мы оставлены всеми, торговля и ремесла чахнут, дела наши в большом упадке... Стражники у ворот уже доложили мне, что вы прибыли сюда испросить милости Рудры, нашего грозного и милосердного бога.

Но храм наш заброшен, благовония погасли, масло в лампах сгорело, и некому войти в храм, чтобы вознести моление грозному Рудре... Видно, мы прогневали святого человека, что живет в глухой чащбе и питается одной прошлогодней травой...

— Ну, на таких харчах прогневаться немудрено, — пробормотал Конан. — А скажи, почтенный Прамурти, почему вы решили, что это — его работа?

— Больше в наших краях нет могущественных магов, — отвечал брахман. — Только он один, святой подвижник и аскет, проводящий дни свои в истязании плоти и изучении древних магических трактатов.

Нам не раз доводилось убеждаться, что мощь его велика. Однажды мальчишки, зашедшие слишком далеко от дома, потревожили его покой, и он в гневе сделал так, что всю дорогу до родных вслед за шутниками скакали жабы и ползли змеи и исчезли только после того, как их родители принесли обильные жертвы Рудре...

— Нет, — покачал головой дракон. — В ваших землях нет магов. Быть может, святой подвижник давно оставил ваши острова? Давно ли на вас лежит это проклятие?

— С начала весны, господин мой, — ответил брахман, и его обезьянья мордочка сморщилась, как будто он собирался заплакать. Но тут Прамурти вспомнил, что гости

прибыли из Кхитая, страны могущественных колдунов. — Господин говорит так уверенно... Быть может, он и сам волшебник?

— Я не волшебник, — тонко улыбнулся Ши Чхан. — Но у меня есть одна волшебная вещь. — Он сделал знак Конану, и тот, уже догадавшись, о чем идет речь, вытащил из мешка кошель с сапфиром. Дракон извлек его на свет, и улыбка его на мгновение стала чуть шире: он увидел, каким огнем загорелись темные глаза брахмана.

— Этот камень, — говорил дракон, — обладает свойством мутнить, если вблизи него в трех днях пути есть хотя бы один могущественный маг. Как видишь, господин мой, он светел, словно летнее небо. Мы собирались оставить его на алтаре милостивого Рудры, но, как видно, не судьба...

Дракон полагал сыграть на жадности жреца. Но на сморщенном лице брахмана так явственно проступило отчаянье, что стало ясно: он не лжет. Будь это в его власти, он бы сей же час побежал умолять Рудру о чем угодно, лишь бы сияющий сапфир остался у него.

Конан и дракон переглянулись.

— Ну, вот что, — решительно сказал киммериец. — В какой стороне живет ваш великий отшельник?

* * *

Утром следующего дня дракон, принявший для удобства свой истинный облик, увереннонес Конана сквозь лес. Солнце уже начинало клониться к западу, когда наконец в самой чащбе, у небольшого чистого родника он остановился и замер, приюхиваясь.

— Вон его хижина, — прошептал Аридо, указывая головой на маленький домик с настеленной как попало соломенной крышей. Лачуга была еле видна над землей, издали ее можно было принять за кучу бурелома посреди поляны. — Только нет там никакого мага. Если хочешь, пойди и проверь. Зря мы во все это ввязались, только день потеряли.

Конан, на всякий случай вооружившись кинжалом, осторожно подкрался к ветхому пристанищу великого подвижника. Дракон бесшумно следовал за ним, дыша ему в ухо.

Еще с середины поляны они услышали горестные при- читания. Кто-то в хижине бранил кого-то, понося прови- нившегося самыми обидными словами. Но голос принадле- жал скорее мальчику, чем древнему старцу. Конан подошел ближе, замер у входа, а затем, быстрым пинком распахнув дверь, прыгнул внутрь.

Глазам его представилась странная картина.

В хижине, согнувшись над огромной книгой, сидел юноша-вендиец. Обычный юноша, смуглокожий и невысо- кий. Лица его не было видно, но поза выражала самое крайнее отчаянье: обхватив голову руками, он раскачивался всем телом взад-вперед, приговаривая:

— Ты неуч, ты бездарь, ты навозная лепешка на пше-ничном поле! Ты не можешь даже превратить сливки в масло, куда тебе соблазнять юных девушек!

Помимо той книги, что лежала у него на коленях, по- всюду на полу, столе и стульях громоздилось еще не меньше десятка книг такого же устрашающего размера, а в распахнутом зеве сундука, наполовину вросшего в землю, видны были сотни и сотни свитков самой разной степени древности.

— Ничтожество! Варвар! Недотепа!

— Вот тут я с тобой не согласен, парень,— заявил Конан, подходя поближе.— «Варвар» вовсе не то же самое, что «ничтожество» или «недотепа». Выбирай слова, когда во- пишь о своей беспомощности.

Юноша вздрогнул от неожиданности, но быстро оправился.

— Вон, несчастный! — сказал он дрожащим голосом, поднимаясь и поспешно захлопывая книгу.— Поди вон, пока я не превратил тебя в мокрицу! Если я захочу...

— То вряд ли это у тебя получится,— закончил за него Конан.— Клянусь Кромом, парень, если ты хочешь, чтобы тебя считали великим магом, зачем волнишь на весь лес о том, что у тебя ничего не выходит?

— Ты все слышал....— с унынием сказал волшебник. Он вдруг поднял книгу над головой и швырнул на пол, так что вверх взметнулось облачко пыли.— Да! У меня ничего

не выходит! Но это вовсе не значит, что я позволю первому встречному над собой потешаться!

Но тут он увидел мощные руки киммерийца и рукоять меча, торчащую из-за левого плеча,— и сразу забормотал извинения. Сам он был худ, тщедушен, безоружен и почти раздет, если не считать серой от грязи набедренной повязки. Конан хохотнул и присел на край стола — ни один из находившихся в хижине табуретов не выдержал бы его веса.

— Если я и потешаюсь, малыш,— сказал он примирительным тоном,— то не над тобой, а над теми олухами, что бегают по городу с обезьяными хвостами и думают, что здесь сидит могущественнейший маг из всех, какие попирали когда-либо эту землю!

— Пусть бегают! — воинственно заявил вендиец.— Они у меня еще не так побегают!

— Чем же это насолил тебе целый город? — поинтересовался Аридо, просовывая в дверь свою голову. Хижина была так мала и низка, что нос дракона оказался прямо перед лицом горе-волшебника.

Увидев перед собою такое страшилище, да еще с дружеской улыбкой на морде, юноша из смуглого стал землисто-серым и как подкошенный повалился Конану в ноги:

— Магараджа! Владыка! Я не знал, что эти книги остав- лены святым старцем тебе! Не губи меня! Я буду тебе рабом на всю жизнь!

— Люди! — презрительно фыркнул дракон и вылез из дверного проема, едва не своротив притолоку.— Во всей красе! Да это просто мелкий воришка!

— Встань, парень,— сказал Конан, хмурясь.— Не люблю, когда валяются в ногах. Теперь отвечай и говори мне всю правду, иначе мой демон разорвет тебя на куски: как ты здесь оказался и за что превратил в обезьян весь город?

Юноша, опасливо косясь на дверь, поднялся с колен. Голос его дрожал.

— Я... я пришел сюда. Давно, еще в начале зимы. Мне было нечего есть... Меня выгнал хозяин. Это жестокий и несправедливый человек, владыка! — Видя, что Конан пока не собирается произносить заклинаний или как-нибудь по-

иному наказывать ослушника, он говорил все смелее и увереннее.— Меня зовут Джамла, владыка. Десять лет назад Рамдаса, мой хозяин, купил меня на невольничьем рынке. Он оставил меня при своей гончарной мастерской, там был нужен мальчишка для поручений, а я был с детства обучен этому ремеслу и приглянулся мастеру. Он выучил меня всему, что знал сам, и мы работали наравне. Хозяин пообещал мне свободу, если я сделаю такой кувшин, в котором в зной вода оставалась бы холодной, а в стужу — теплой. И я сделал такой кувшин. Он объявил, что отпускает меня, и я остался мастером при его мастерской. Я нажил состояние, обзавелся домом. И подумал: будет хорошо, если хозяин мастерской отдаст за младшего мастера свою младшую дочь — ведь старшая замужем за старшим. Я надел лучшие одежды и пришел к нему со сватами, а он...

— Заявил, что его дочери не нужен бывший раб, велел дать тебе пятьдесят палок и выгнал из города,— кивая, закончил Конан.

Гончар был изумлен.

— Да-а,— сказал он, глядя на киммерийца широко раскрытыми глазами.— Неужели это правда, владыка, что могущественные колдуны могут видеть все прошлое и будущее человека, едва посмотрят ему в глаза?

За стеной раздалось новое презрительное фырканье. Конан сказал со всевозможной строгостью в голосе, едва сдерживая смех:

— Продолжай. Что же ты сделал, когда он тебя выгнал из города? Рамдас ведь один из городских старейшин, не так ли?

— Да, владыка! Он творит беззаконие когда вздумается и держит в руках всю Гончарную Слободу! Никто не смеет ему слова сказать! А я... что ж, судья отобрал у меня кров — «за надругательство над добрым именем», как он сказал. И я пошел куда глаза глядят. Потом начались дожди... Я оказался здесь. Добрый старец приютил меня. За эту зиму он выучил меня грамоте и счету. Но в конце зимы вдруг жестоко заболел и умер. Я проплакал над ним три дня, а потом похоронил у ручья. От его могилы начали исходить свет, и я хожу туда иногда...

— Ну а обезьяны?

Юноша опустил голову так низко, что черные пряди волос совсем скрыли лицо.

— Умирая, старец велел мне хранить источник и эти книги для того, кто когда-нибудь придет за ними,— сказал он еле слышно.— Как-то вечером мне было очень тоскливо, и я сел читать. И нашел книгу магических заклинаний...

— И от тоски превратил весь город в обезьянник, так, что ли? — нахмурился Конан.

— Не весь! Только родичей Рамдаса, того судьи, той мерзкой бабки-сводни, которая свидетельствовала против меня и...

Его оборвал громовой хохот. Конан смеялся, закинув голову, смеялся так, что тряслись стены убогой хижины и скрипел и шатался стол, на котором он сидел. За стеной ему вторил хохот дракона.

— Всех родичей, клянусь тринадцатью рогами Нергала! Да тут на острове всяк друг другу брат, кум или сват! — приговаривал киммериец, смеясь.— Ты, парень, либо святой, либо помешанный! Ну, а что ты ищешь теперь в этих книгах и свитках?

Юноша покраснел так густо, что это стало видно даже сквозь загар.

— Приворотное зелье,— пробормотал он, краснея еще больше. Конан от хохота едва не свалился под стол.

— Вот что, парень,— сказал он, отсмеявшись,— это дело ты брось. Давай расколдовывай город, а после этого я дам тебе денег и отпущу с миром. Ты купишь себе дом где-нибудь в другом месте, где никто не знает, что ты в детстве был рабом. Там и женишься. Ну? — Джамла мялся, и Конан пригрозил: — Не то смотри, я велю своему демону разорвать тебя на сотню маленьких Джамл!

Вендиец задрожал и снова бухнулся киммерийцу в ноги с воплем:

— Пощади, владыка! Я бы и рад их расколдовать, но не знаю, как! Я просто прочел заклинание из книги, а какое обратное, я не знаю! Их там тысячи!

— Аридо! — позвал Конан. — Иди сюда и попробуй разобраться в этих закорючках.

Джамла, полагая, что тут ему и конец, захрипел, моля о щаде. Но каково же было изумление юноши, когда вместо чудовища в хижину вошел старый кхитаец в одеждах из расшитой парчи! А старик как ни в чем не бывало уселся за стол и принял листать черную книгу, бормоча при этом:

— Этот отшельник был воистину святым! Скопить столько мудрости за одну человеческую жизнь! Забавно только, что он, видимо по незнанию, мешает все в кучу: лечебные мази, заговоры, проклятия... Это не то, это не то, «пять способов бессмертия», не то, «зимняя одежда, обогреваемая газами человеческого тела» — ого! Не то, не то... «Варение золота из ртути», чушь какая... Ага, вот это заклинание: «Превращение неугодного человека и всех его родичей до сотого колена в отвратительных хвостатых обезьян. Стань лицом к востоку»... Так, понятно, понятно. Очень простые чары. И разрушить их так же просто, как и навести. Иди-ка сюда, неумеха.

Джамла неуверенно приблизился. Кхитаец вручил ему книгу, повернув лицом к западу и велел:

— Читай заклинание, только с конца. Читай внимательно, не пропусти ни одной буквы! Идем, Конан, более нам здесь делать нечего.— С этими словами он встал и вышел из хижины.

— Это тебе на свадьбу, — сказал Конан, высыпав на дощатый стол десять ярких рубинов. И вышел вслед за драконом.

Тот уже в нетерпении постукивал хвостом.

— Едем скорее. Этот юнец так напуган, что все сделает правильно. Если мы поторопимся, то еще успеем до заката в храм.

Устраиваясь поудобнее на его широкой спине, Конан слушал краем уха, как молодой звонкий голос старательно читает вслух бессмысленные, вывернутые наизнанку слова.

ГЛАВА 8. Старый знакомец

Конан с драконом решили не рассказывать в Ланке о своем визите к хижине отшельника — не следовало привлекать к себе слишком большого внимания. Когда они вернулись в город, то пожалели, что не остались ночевать в лесу: всюду горели огни, люди пели, смеялись, только что не ходили на головах от счастья. В конце концов киммериец, устав от раздраженного ворчания дракона, оставил его в комнате на постоялом дворе, а сам присоединился ко всеобщему ликованию. К исходу ночи он уже не помнил, скольких девок перетискал и сколько кувшинов выпил. Его едва хватило на то, чтобы с рассветом добраться до кровати и рухнуть на нее.

Едва он проспался — вернее, едва дракон счел, что он проспался, — они отправились в храмовый дом.

Верховный Брахман, избавившись от обезьяньего облика, оказался хитроглазым старичком с большим, изъеденным волчанкой носом. Киммериец вспомнил, что волки-оборотни, влезая в волчью шкуру, мигом излечиваются от всех болезней, даже смертельных. С этой точки зрения обезьяной Прамурти выглядел гораздо лучше — та, по крайней мере, была совершенно здорова.

— Вы принесли нам удачу, чужестранцы! — радостно возгласил он после обмена приветствиями. — Проклятие снято! Или вы и есть те, кого бы нам следовало благодарить, ведь вы, как я помню, собирались посетить отшельника?

Конан и дракон переглянулись, и мудрейший Ши Чхан с поклоном ответил:

— Мы никогда бы не осмелились без нужды тревожить покой святого человека. И посуди сам, мудрый Прамурти, как бы мы могли за один день успеть доехать до другого конца острова и к утру вернуться обратно? Лошадей у нас не было, а у вас в городе их, как я видел, вовсе не держат.

— Да,— покачал брахман головой в тяжелой чалме.— От лошадей нам пришлось избавиться. Ни одна лошадь не потерпит, чтобы на ней сидела верхом обезьяна... Тьфа, мерзость какая, да простит мне милостивый Рудра!

— Но теперь, почтеннейший, когда город ваш непостижимым и чудесным образом избавился от напасти,— продолжал Ши Чхан медовым голосом,— исполнишь ли ты нашу просьбу? Сапфир все еще при нас, и мы по-прежнему готовы преподнести его в дар грозному и милосердному богу.

— Разумеется, разумеется, с радостью и охотой! — воскликнул Прамурти, пожирая глазами камень, лежащий на ладони киммерийца.— Еще вчера вечером, когда проклятие спало, мы вошли в храм, заправили все светильники, зажгли курения и вознесли благодарственное моление Трехликому... Если вам будет благоугодно передать нам камень сегодня же, мы сегодня же и начнем все приготовления, потребные к этому сложному обряду.

Чужестранцам было благоугодно, сияющий сапфир был торжественно возложен у подножия алтаря Рудры Трехликомого, а жрецы принялись готовиться к церемонии Воздания Хвалы.

Все три дня, что они готовились, соблюдая строжайший пост и размыслия над сокровенным таинством трех ипостасей грозного бога, Аридо пребывал в дурном настроении. Первый раз за много лет он оставался в облике старика-кхитайца более трех суток подряд, ему было неудобно в человеческой оболочке, он ходил по комнате из угла в угол, словно по клетке. К тому же он начинал хотеть спать.

Наконец, на четвертый день, Конан был призван в храм, где ему возвестили ответ бога: острова драконов по-прежнему существуют, Великая Катастрофа не затронула их, воды Потопа не поглотили. Своими очертаниями схожие с огромным драконом, раскрывшим пасть и взмахнувшим хвостом, они лежат далеко во Внешнем океане. Чтобы попасть туда, нужно отплыть от южной гряды Жемчужных Отмелей, что в Лемурийском море, и плыть на восход солнца, выверяя курс каждое утро.

Услыхав радостную весть, дракон взбодрился и заторопил Конана с отъездом. Было понятно, что путь до заветных островов займет не один день, и потому путешественники решили, что они все-таки купят большую лодку с парусом. По расчетам дракона к концу шестого дня они должны были уже оказаться у его берегов.

Обе гавани Ланки имели судоверфи, и киммериец исходил их из конца в конец, выбирая себе лодку с той тщательностью, с какой иной вельможа выбирает на невольничьем рынке рабыню. Еще один день ушел на то, чтобы опробовать новое судно и наполнить его всем необходимым для дальнего путешествия.

Лодку назвали «Остров Дракона», в память об одиночном островке посреди Лемурийского моря, где изгнаник промучился столько долгих лет в тоске и одиночестве. «А как же Раина?» — ехидно поинтересовался на это Конан. «С Раиной я был одинок более, чем когда-либо,— серьезно ответил Аридо.— Если бы не ее дивный голос, я утопил бы девчонку на третий же день».

Когда все наконец было собрано и можно было трогаться в путь, Аридо выяснил подходящий ветер, он наполнил новый, еще ни разу не сбрызнутый пеной парус, и долгое странствие началось.

Справляясь с парусом и рулем дракон научился в первый же день. Хуже было другое: он постоянно норовил подогнать суденышко, и дважды чуть не перевернул его. Но к тому времени, как они, обогнув Уттарийский полуостров, вышли к Жемчужным Отмелям, Конан мог смело оставлять Аридо на ночь у руля. Это очень облегчило кимме-

рийцу жизнь, потому что первые несколько дней путешествия он почти не спал.

Дракон тоже не спал, и это начинало на нем сказываться. Особенно это было заметно, когда он превращался обратно в дракона и плыл рядом с лодкой, иногда подталкивая ее. Бирюзовая чешуя словно поблекла, отросшие заново усы уныло повисли, глаза утратили блеск. Он купался все реже и реже, пока наконец не перестал вылезать из лодки совсем, часами неподвижно просиживая на корме в облике старого кхитайца, уставясь в море невидящими глазами.

Дни шли, а острова все не появлялись. Засыпая и просыпаясь, Конан видел одну и ту же картину: бескрайние синие волны и сгорбленная, нахолившаяся фигурука на корме. То, что подходили к концу запасы еды, не слишком волновало киммерийца, море так и кипело всякой съедобной живностью, куда большей бедой было то, что кончалась пресная вода.

В мешке киммерийца, засунутом в самый дальний угол под скамью на корме, по-прежнему лежала бутыль драгоценного вина. Но, оглядывая большой ряд кувшинов, из которых только два оставались полными, Конан даже не вспоминал об этом лакомом кусочке. Он еще не терял надежды рано или поздно оказаться на Краю Света.

На утро десятого дня пути Конан, проснувшись, увидел, что дракон совсем плох. Даже в человечьем обличье он теперь выглядел так, словно его не один год морили голodom в стигийских подземельях. Он постарел, сгорбился и даже немного усох. Глаза его, в черных кругах опухших век, были мутны и бессмысленны. За рулем он, кажется, не следил вовсе.

Пройдя от носа до кормы, киммериец подобрал трех залетевших в лодку за ночь рыб и, ошкурив их и выпотрошив, высосал влагу. Есть ему не хотелось — по крайней мере, рыбу.

— Все бы сейчас отдал за хороший кусок мяса, — пробормотал Конан. Он поднял глаза, соображая время и погоду...

И увидел птицу. Большую черную птицу, похожую на баклана. Она кружила на узких, чуть согнутых крыльях, исполняя свой бесконечный ритуальный танец — вверх, к небу, и вниз, к морю, и снова вверх.

Сердце киммерийца бешено забилось. Эта птица не летела куда-то через океан, она охотилась. Это означало, что где-то впереди есть земля. Это мог быть даже не остров, а просто торчащая из моря скала, пригодная лишь для птичьих поселений. Но все же это была земля!

Приглядевшись, Конан различил на горизонте сероватое облако. Его белые, с розоватыми краями собратья, таявшие под лучами встающего солнца, бежали на восток дружной вереницей, а оно, единственное, стояло неподвижно. Конану уже приходилось видеть такие облака на море Вилайет. Это означало остров, и остров не маленький. Опомнившись от столбняка, киммериец принялся тормошить дракона.

— Эй, очнись! Очнись, бирюзовая шкура! Не твой ли остров виднеется вон там?

— Не мой, — равнодушно отозвался дракон, даже не пошевельнувшись. — Мой я почувствовал бы задолго до первых птиц. Нас, видимо, увлек край течения, который сносит корабли в Мертвое море. Я отсюдачу запах гнилых водорослей, значит, до его бурых зарослей день или два пути. А это — остров из близких к материку Му. Но теперь это все равно, потому что сегодня вечером я умру.

— Так что ж ты расселся, как статуя Рудры в божественной медитации? — разозлился Конан. — Правь туда, до вечера еще целый день!

Аридо поднял на него тусклые глаза:

— А что изменится за этот день? Даже если не зайдет солнце — а я сомневаюсь, что оно задержит ради меня свое шествие — я от этого не засну. Можно еще остановить время — но и я, и ты остановимся вместе с ним. Для меня выхода нет. Правь туда, если хочешь. Мне все равно.

По виду его каждый бы сказал то же самое. Не будь он так царствен в своем спокойном ожидании конца, киммериец дал бы ему хорошего пинка, чтобы не распускал со-

или. Но какой смысл лупить по шее истукана? Только руки отобьешь.

— Вот заладил,— проворчал Конан.— А ну, пересядь. Если я наконец поем как следует, может, чего придумаю. Так что сотвори-ка нам ветер, если еще можешь.

На это дракон лишь еле заметно пожал плечами.

С запада потянуло ветром, тучи быстрее побежали по небу. Обвисший парус ожил и ударила Конана по руке вырвавшимся углом с вбитым железным кольцом. Киммериец наладил парус, поймал ветер и сел на руль, правя прямо на облако, все еще стоящее в небе.

Солнце поднималось все выше, облака начали редеть и вскоре исчезли совсем, исчезло и облако над островом. Конан правил теперь на бесчисленные стаи птиц, кружавшие в небе. Так плыли они до полудня, не переговариваясь и почти не шевелясь. Наконец дракон, сидевший на носу, резко обернулся. На лице его было написано беспокойство.

— Там люди,— сказал он.— Это может быть опасно. Что мы им скажем, если встретим?

— Правду, Нергал меня разбери! — прощедил сквозь зубы киммериец. Он проклинал тот день и час, когда навязал себе это трусливое созданье. Надо же, быть таким магом и так бояться людей! Как будто все они только и мечтают, что завести себе собственного дракона, и день и ночь караулят у моря с флейтой наготове!

Впрочем, на этот раз дракону следовало опасаться не только флейты. Если остров принадлежит потомкам атлантов, детей рода Южного Ветра, то его защищает от непрошеных гостей Рорта, Небесная Секира. Перед ней не устоит даже шкура дракона, а дух древнего оружия может перенести своего властителя в единый миг на сотни дней пути... Но Конан надеялся, что если уж дойдет до драки, ему будет чем остановить Рорту.

Он на мгновение закрыл глаза и словно перенесся в вонючий каменный мешок стигийской крепости. Перед ним в воздухе парит огромная секира, а клекочущий голос духа звенит в голове: «Твоя кровь для меня — священна. Великий кователь наложил на меня заклятие служить потом-

кам Гидаллы, не предавая их, не оборачиваясь против них, попав в чужие руки...» Каким образом киммерийцы оказались родственны исчезнувшим атлантам, Конан так и не уяснил, но запомнил слова духа, чьи призрачные глаза горели синим неукротимым огнем его племени. Нет, Рорта не сможет убить его. А если ему дадут вставить хоть слово, может, и дракон останется жив и невредим.

— Мы скажем им правду,— повторил Конан.— Кроме того, что ты — дракон. Хотя от Рорты утаиться не выйдет... Ну, поглядим.

Аридо оказался прав: вскоре вода вокруг побурела от водорослей, правда, не таких густых и длинных, как те, в которые Конану уже доводилось попадать в этих водах. К тому же эти заполняли лишь воду, не вылезая наверх грязно-зелеными джунглями.

— Мертвое море... — проговорил киммериец, глядя на то, как птицы ловко вылавливают из бурых зарослей маленьких вертких рыбок.— Не такое уж оно и мертвое. Встряхнись, приятель, может, нас здесь ожидает горячий ужин и хорошененькие девчонки!

Обычно Аридо хотя быsarкастически усмехался на такие слова, но сейчас даже не пошевельнулся. Похоже, ящер и в самом деле ниче собрался подыхать, подумал Конан. Ну уж нет, плавучее бревно, не для того я тащил тебя через все моря!

Ветер по-прежнему гнал лодку к острову. Водоросли хоть и задерживали ее движение, но остановить не могли. Наконец днище царапнуло о камни, лодка проплыла еще немного и стала.

— Пойдем,— сказал Конан и потянул дракона на берег.— Пойдем, хоть ноги разомнешь.

Аридо послушно поплелся за ним.

Взбежав на громоздящиеся одна на другую каменные глыбы, киммериец решил, что этот остров поднялся со дна в час Катастрофы, когда земля, в одном месте провалившись, здесь вдруг начала сталкивать гранитные пласти, как сталкивает река плывущие по ней льдины. Остров был невелик, настоящий птичий приют. Но на юге Конан раз-

глядел за скалами зелень — то ли чахлые деревца, то ли кустарник, — и решил, что по крайней мере пресная вода тут должна быть, а значит, поплыли они к этому обломку утеса не напрасно.

К тому же так приятно было вновь ощутить под ногами твердую землю, а не бесконечно раскаивающуюся лодку! Увидеть, как летают над водой птицы — птицы, а не летучие рыбы. «Птицы! — осенило вдруг Конана. — Да ведь это же мясо!» У него не было лука, зато была с собою пара метательных ножей, припасенная в Ланке. Птицы — большие, черные, и поменьше, схожие с обычными чайками, только с ярко-красным пятном на белом зобу — не обращали на него ни малейшего внимания. Похоже, они вообще первый раз в жизни видели человека, так что подобраться к ним не составит особого труда. Конан оглянулся на Аридо — тот сидел на камне, сам похожий на большую черную птицу. Киммериец вынул нож и начал подкрадываться к дремлющей стае. Он уже почти ощущал на языке вкус жареного мяса, как вдруг сзади раздались резкие гортанные выкрики и рев раненого Аридо.

— Дракон! Дракон под личиной человека! Рана Риорда заставил его открыться!

Забыв о мясе, Конан опрометью кинулся к берегу. Камни, вдоль которых он крался, заслонили от него море, не то он успел бы заметить два больших корабля, похожих на асирские ладьи — остроносые, на веслах, под широким квадратным парусом. Из кораблей, расплескивая сапогами воду, выпрыгивали воины в боевых доспехах, с обнаженными мечами. А на берегу, извиваясь, как червяк на крючке, выл от ужаса Аридо, в своем истинном чешуйчатом облике, пригвожденный к камню сверкающим полумесяцем Рана Риорды, Небесной Секири.

— Дракон! — кричал предводитель атлантов. Он был высок и темноволос, плечи и грудь его защищал искусно выкованный доспех из светлого металла, похожего на серебро, из-под доспеха, закрывая живот и бедра, свисала кольчужная рубашка. Руки его были пусты, видно, он только что метнул Рорту, чтобы не дать чудовищу уйти. Гром-

кими криками подгоняя товарищей, он карабкался на берег впереди всех, ему не терпелось добить раненого ящера.

— Погоди, приятель, — сказал ему Конан негромко.

Воин в светлых доспехах так и замер от неожиданности: только что перед ним был дракон, у которого в шее торчала его секира, и вдруг — раз! — дракона заслонил собой как из-под земли выскочивший незнакомец. И в руках неизвестный заступник держал священное оружие рода Южного Ветра!

— Погоди, не торопись, — повторил Конан. Он едва успел первым подскочить к секири и выдернуть ее из камня. Волшебный топор шутя разрубил бирюзовую броню Аридо, но зацепил только шкуру, пригвоздив к земле мощную шею. Дракону повезло, что он сильно похудел за последние дни, так что кожа, топорщась чешуей, свисала дряблыми складками, не то он на месте расстался бы с жизнью. Когда Конан вырвал из раны секири, он тонко взвизгнул и отполз подальше. На камне, прорезанном Рортом, растеклась маленькая лужица крови. Лицо Конана побелело от ярости, это стало видно даже сквозь загар.

— Что тебе сделал мой зверь, что ты швыряешь в него чем попало? — крикнул он, угрожающе выставив перед собой секири.

Древко волшебного топора грело руки, словно живое, вливая силу в его истомленное тело. Сейчас, снова с Рортом в руках, киммериец был готов схватиться с тысячным войском. Но Небесная Секира не поднимется против потомков Гидаллы, вспомнил он. Что ж, значит, она не поднимется и против него тоже! Конан расправил плечи, вскинул голову и с вызовом посмотрел на нынешнего хозяина Рана Риорды, застывшего перед ним с выражением крайнего изумления на красивом смуглом лице.

Атлант был выше варвара на целую голову, но зато уже в плечах. Он смерил Конана долгим и пристальным взглядом, словно не зная еще, как поступить с незнакомцем, осмелившимся коснуться священного оружия его рода. Более того, угрожавшего ему с его же секири в руках! Воин мысленно возвзвал к духу Рана Риорды, но не получил ответа.

Ее сияющий полумесяц был безмятежно-светел, словно на этот раз она предоставляла двум своим хозяевам — прежнему и нынешнему — самим разбираться между собой. Атлант, изумленный и даже испуганный ее безразличием, продолжал молча созерцать киммерийца. Наконец он махнул рукой своим людям:

— Сюда, братья! В наших землях чужак!

— Такой ли уж я чужак вам? — спросил Конан на своем родном языке. — Если так, то попробуй снести мне голову своей секирой!

Брови гиганта сошлись на переносице.

— Ты говоришь, как мы, и в то же время как-то иначе, — сказал он наконец. — Кто ты такой? И почему называешь дракона с Потаенных Островов своим зверем?

Пока он задавал эти вопросы, воины с кораблей плотным кольцом окружили Конана и дракона, выставив вперед обнаженные мечи. Киммериец знал, что Рорта не прольет его крови, но вряд ли такой же заговор положен на все оружие атлантов! Ему нужно было как-то выйти живым из этого кольца и вывести живым дракона. Конан мельком взглянул на него: тот лежал на камнях бесформенной глыбой и тихо поскрипывал. Стиснув зубы, Конан выбросил вперед и вверх руку с секирой, словно это был королевский штандарт:

— Ну! Рорта! Что же ты молчишь? Эти люди хотят знать, кто я такой!

Не из самой секиры, а откуда-то рядом послышался знакомый клекочущий смех. Замыкая собой треугольник, из жаркого марева, столбом стоящего над утесами, сгустился призрак в серебристом плаще. Он становился все плотнее, сквозь него уже едва виднелись серые камни. Смех зазвучал громче, и дух секиры сказал:

— Я же велел тебе, Раттера, никого не брать с собою, кроме твоей дочери и команды! Разве так встречают гостей и родичей?

Предводитель атлантов нахмурился: он явно не видел в пришельцах ни гостей, ни родичей. А призрак рассмеялся снова и объявил, уже глядя на Конана:

— Ты — Конан из Киммерии, далекий потомок Детей Гидаллы. Ты когда-то вы свободил меня из темницы крепости Файон, а после мы с тобою и с еще одним приятелем разнесли эту крепость по камешку. Славное было время!

— А что было потом, Рорта? — спросил Конан, все еще скимая теплое дерево секиры.

— А потом ты вез меня на край света и оставил покоиться в белой колыбели на вершинах туманных утесов, — отвечал дух. — И я лежал на алтаре, погруженный в грэзы о том, что скоро придет ко мне новый хранитель, которому я буду служить так же, как служил всем потомкам Гидаллы. И новый хранитель пришел! Вот он, перед тобой!

— Так ты и есть тот Конан? — недоверчиво вымолвил атлант, снова оглядывая киммерийца с головы до ног. — Но ты ничего не сказал мне! — обернулся он к духу. — Ты показал мне дракона и велел плыть к северным островам, а о Конане не было ни слова!

Дух снова рассмеялся. Конан заметил, что призрак, когда-то и лицом и фигурой походивший на него самого, теперь больше похож на своего нового хозяина: выше, уже в плечах, да и волосы посветлее. Но глаза Рорты не изменились — из-под капюшона по-прежнему горели неукротимым светом синие, как сапфиры, глаза.

— Иногда полезно не знать всего! — заявил дух. — Не беспокойся о своем драконе, Конан, я почти не задел его, только шкуру попортил. И мы привезли ему лекарство!

— Какое еще лекарство, — начал было атлант, но призрак повернулся к нему и велел:

— Пусть приведут твою дочь, Раттера, прекрасную Иор. Пусть споет она песню, тихую и межную. И пусть уснет измученный странник, потому что он не спит уже много дней.

Раттера явно колебался. Он переводил взгляд с Конана на дракона, словно прикидывая, можно ли доверять этим двоим. Сам он никогда не видел живого дракона, но у рода Южного Ветра было множество легенд об этих огромных и коварных тварях. Киммериец протянул ему секиру.

— Возьми. Тебе она больше пристала. И если и в самом деле есть на твоих кораблях девушка, умеющая петь, приведи ее. Потому что, клянусь Кромом, он умрет, если не заснет сегодня.

Атлант принял оружие и кивнул своим воинам. Круг распался, двое пошли к кораблям. Вскоре они вернулись, неся на сцепленных руках девочку лет пятнадцати. У нее были яркие синие глаза и черные косы до пят. Воины спустили ее на землю, и она пошла к отцу. Встав перед ним, Инор сначала вопросительно посмотрела на него, потом перевела взгляд на Конана — и тут же зарделась, вспыхнула щеками и прижалась к Раттеру. Видно, не сразу поняла, что чужой, подумал Конан. Значит и впрямь похож он на ушедших атлантов и в жилах его течет древняя кровь, крепкая, как старое вино, что с годами не киснет, а лишь набирает силу. Дракона темнокосая красавица, казалось, не заметила. Впрочем, сейчас, съжившись, неловко подвернув под себя голову и лапы, он походил больше на серо-голубой обломок скалы, невесть откуда принесенный на каменный остров.

— Спой нам, Инор, — мягко сказал Раттера, обняв ее за плечи.

Девушка послушно села, сложила руки на коленях и запела голосом чистым, как хрустальный колоколец:

Послушай, спою тебе песню одну:
Светлая дева жила в старину
Над озером среди гор.
Ясные азведы, с неба луну,
Звенившую горную тишину
Вплетала она в свой убор.

Инор пела, и тихое поскуливание дракона сменилось ровным сопением: он спал. Похоже, девушка и в самом деле не увидела в большом голубом камне живого существа, она просто пела, потому что ее об этом попросили — для отца и для синеглазого незнакомца.

* * *

— Десять дней назад, — рассказывал Раттера, — я увидел в секире огромного зверя. Он жег корабли и убивал

людей. Я спросил Риорду: что означает это видение, но он только рассмеялся. А три дня назад он показал мне этого же зверя, плывущего в океане, и сказал, что он плывет сюда. «Что нужно сделать?» — спросил я. «Плыви к северным островам ему навстречу, — ответил мне он. — И не бери с собой никого, кроме Инор, твоей дочери». Я решил, что он снова смеется надо мной. В мое время с Потаенных Островов уже не приходили эти твари, но наш народ сохранил легенды о том, как полчища их обрушились на наши земли во время Катастрофы.

Когда песня закончилась, Раттера велел своим людям вернуться на корабли, а сам остался с Конаном и драконом. Рорта тоже не торопился исчезать. Атлант и киммериец сидели на камнях, дракон сопел и чуть поскуливал во сне, как собака, дух секиры парил над ними голубоватым облачком.

— Ты уже второй раз говоришь: «Потаенные Острова», — заинтересовался Конан. — А знаешь ли ты, где они находятся?

— Конечно знаю, ибо неоднократно видел их издали, — ответил атлант, немного удивленный вопросом. — Но попасть на них невозможно, их охраняет сильнейшая магия, мне неподвластная.

— Этот — попадет, — заверил его Конан, кивнув на дракона. — Он только и мечтает, как бы поскорее очутиться дома. Я взялся его довезти, мы туда и плывли, да нас, видно, отнесло течением. Он может спать только там — или под чью-нибудь колыбельную. А из меня певец никудышный.

— Помнится, ты все же выиграл состязание певцов в Прадешхане, — ввернул призрак со смехом. — Или я что-то позабыл за прошедшие годы?

— Ну, — хмыкнул Конан, — то было просто. Если бы судил мужчина, мне бы ничего не досталось. Но судила женщина, а женщинам в мужчинах нравится не голос, а кое-что еще.. Так далеко отсюда эти острова? И в какой стороне лежат?

— Отсюда — на северо-восток, — ответил Раттера. — Пять дней пути при хорошем ветре.

— Этот высится, так будет нам любой ветер.— Конан похлопал дракона по бирюзовому боку. Тот проворчал сквозь сон что-то бранное и снова затих.— А что за люди там живут?

— Доподлинно никто не знает, даже Рана Риорда. Говорят, что они живут тысячу лет, что каждый из них маг и постиг все премудрости земные и небесные. Я сам свидущ в магии, но проникнуть на их острова не могу, хоть и пытался не один раз. Говорят еще, что они такой же древний народ, переживший Катастрофу, как и мы. Еще говорят, что они ездят верхом на драконах и пашут на них землю, но это уже, конечно, сказки. Как можно впрячь дракона в колесницу или навьючить на него седло? Нет, драконы всегда были их воинством. Многие из них могут дышать огнем, превращая людей в головешки в единый миг, иные умеют прокапывать под землей огромные тоннели. Страшные твари! Я бы на твоем месте не слишком стремился попасть в те земли!

Призрак тем временем рассматривал свернувшегося в клубочек Аридо.

— Помнится, когда я последний раз встречался с одним из них, тот был гораздо крупнее,— проклекотал он.— Ты везешь домой самого последнего дракона, Конан. Если бы было иначе, я не задумываясь убил бы его. Но жители Нихон-но будут счастливы видеть его и уже больше никуда не отпустят. Поэтому плывите, куда плывли. Больше драконы не обрушатся ни на Туранский материк, ни на земли Му. Хотя... кто знает, что будет через тысячи тысяч лет? Так далеко я заглянуть не могу.

— Страна магов...— пробормотал Конан.— Что-то мне не слишком хочется туда плыть...

— Зачем же ты плывешь туда? Там и в самом деле опасно, клянусь Всемирным Равновесием! Твой дракон теперь и сам доберется до них, а мы дадим тебе и судно, и хорошую команду. Или Рана Риорда перенесет тебя туда, куда ты сам пожелаешь.

Предложение звучало заманчиво, и Конан покосился на спящего дракона — тот и в самом деле мог бы и один

доплыть отсюда до своих островов! Еще неизвестно, как встретят чужака жители загадочной земли, куда не могут пробиться даже корабли атлантов. Или вдруг Аридо потеряет голову от счастья и откажется везти напарника обратно? Но на вендиjsком берегу киммериец пообещал дракону не бросать его, а, как говорится, давши слово — держись, даже если давал его злейшему врагу.

— Нет,— покачал он головой,— не могу. Я потребовал у него, чтобы он больше не убивал без нужды, а в ответ пообещал, что не брошу его по дороге.

Он рассказал о том, как встретился с драконом, почему согласился искать с ним неизвестный остров («Три острова,— поправил Рана Риорда,— три острова в виде раскрывшего пасть дракона, и называют их Нихон-но, Земля-Среди-Морей»), как они поплыли в Вендию и узнали там, где же лежат эти самые острова, как вышли из гавани Ланки и как сбились с курса, хотя шли прямо на восход.

— Здесь из Вендиjsкого моря, огибая Уттарийский полуостров, идет сильное течение,— пояснил Раттера.— Вы каждое утро выравнивали курс и потому задели его только краем, иначе вас снесло бы прямо в Мертвое море, Кладбище Кораблей, как мы его называем. Туда прибывает все суда, погибшие между нашими землями и Внешними островами.

— У нас почти кончилась вода, последний раз мы брали ее на островке к востоку от Последнего острова,— продолжал Конан.— Поэтому, увидев землю, я свернул сюда. По правде сказать, я уже отчаялся, думал, он так и издохнет у меня на руках.

Выслушав его рассказ, атлант какое-то время молчал, затем серьезно сказал:

— Если ты так настойчив в своем желании дойти до края мира, я не стану тебя больше отговаривать. Но, быть может, в наших силах что-нибудь сделать для тебя? Я исполню любую твою просьбу, Хранитель Рана Риорды. Ибо среди детей Гидаллы ты теперь известен именно под этим именем. Дух секиры поведал нам вашу историю, и, поверь, весь род Южного Ветра благодарит и благословляет

тебя. Здесь, на этой удаленной от всех пределов земле, у нас нет двуногих врагов, но есть множество иных неразумных тварей, которые нападают на наши города, портят посевы и крадут детей.

Мы научились с ними справляться, не рассчитывая на волшебное оружие предков, но Рана Риорда — талисман, могущественный и древний. Когда установлен мир, выиграны все войны и развесаны по стенам доспехи, такие талисманы остаются защитниками и хранителями своего народа, даже если речь идет о мирных днях. Я думаю, каждый народ должен иметь свой талисман, который мог бы передаваться из поколения в поколение, вселяя веру в сердца, даря исцеление и покой в мире и силу — в битве...

— Ты прав, Раттера, — кивнул Конан. — Тогда я был моложе и думал иначе, а сейчас не оставил бы Рорту одно- му только себе. Если талисман призван охранять чей-то род, он должен принадлежать этому роду. Только сычи Сета копят в своих башнях талисманы для себя и никого больше. Ну, — тут он усмехнулся, — оттого-то, наверное, долго и живут.

— Если талисман сделан, чтобы защитить не одного, а многих, он не принесет счастья, запертый в сундуке мага, — покачал головой Раттера. — Иначе все земли давно бы уже оказались под властью одного бессмертного безумца... К счастью, это не так. Рано или поздно могущественный талисман зла приносит зло тому, кто его создал, а талисман добра — мир и благополучие многим.

Рана Риорда, утраченная нашим родом, побывала в разных руках, долго томилась в пленах у стигийцев, пролила потоки крови, но, лишь вновь попав в руки, для которых была откована, обрела всю мощь и силу настоящего талисмана. Я хотел бы, чтобы каждый мудрый и справедливый правитель Хайбории имел бы свой светлый талисман, оберегающий его народ и сильный только в добрых руках. Такому королевству не страшны бы были все козни стигийцев и кхитайцев вместе взятых. Тогда, быть может, удалось бы сокрушить наконец жуткие обители мрака, откуда тьма расползается по всему миру...

Раттера замолчал, прикрыв глаза. Взгляд его был туманен и мечтателен. Конан, хмурясь, думал о том, что, если не считать Рорту, до сих пор ему не приходилось сталкиваться с талисманами власти, приносящими добро, зато не однажды добирался он до вершины темной башни, где сидел какой-нибудь иссохший от чернокнижия маг и колдовал себе кольцо или камень, или волшебный скипетр, суливший ему власть над всем миром. И сколько таких будет еще...

Их размышления оборвал резкий голос призрака:

— Потерпите, потомки Гидаллы, еще будет в Хайбории король, которому боги пошлют талисман невиданной силы. Он восстановит долгожданный порядок, и после веков тьмы придет к нам время света! Правда, не навсегда, ибо даже самые могущественные талисманы можно украдь, очернить или замуровать в древней крепости Файон. Но это будет, и будет очень скоро!

Я уже вижу могучего владыку на троне, правящего мудро и справедливо. В руке у него страшное оружие, света его бегут и жрецы Сета, и маги Красного Кольца, и приспешники Белого Квадрата. Он сравняет их твердыни с землей, он разметет по свету их тени, они будут бояться одного только звука его имени!

— Что-то у меня в последнее время начинает живот болеть от пророчеств, так меня ими перекормили, — недовольно проворчал Конан. — Все вы, провидцы, одинаковы: говорите загадками и намеками, никогда от вас не добьешься ничего путного.

— Скоро ты убедишься в том, что истинные пророчества не повисают в воздухе, а всегда исполняются в срок, — возразил ему на это Рана Риорда. Полумесяц секиры лежал на коленях у Раттеры, в его зеркальной поверхности на миг промелькнуло изображение высокого широкоплечего гиганта в черных доспехах, с сияющей короной на голове. На бедре у него был огромный меч с усыпанной камнями удачи и счастья рукоятью, в левой руке держал он огромный щит, а в правой, высоко поднятой над темноволосой головой, сжимал нечто, от чего исходил ослепительный алый свет.

— Так будет,— сказал призрак, и глаза его сверкнули смехом.— И так будет очень скоро. Ну, раз тебе не нужны пророчества, то я сделал для тебя все что мог и большего сделать не могу. Твой дракон спит, когда он проснется, будет снова свеж и бодр. А пока он спит, ты...

— Ты будешь желанным гостем на моем корабле,— перебил его Раттера, вставая.— Я с радостью принял бы тебя в своем доме в Торанноре, но до наших гаваней отсюда два дня пути, вряд ли твой дракон проспит столько времени, чтобы ты смог побывать у нас в гостях по-настоящему. Но мы не уйдем, пока вы не двинетесь в дальнейший путь.

Конан снова подумал о хорошем куске мяса и слготнул слюну.

— Ты спрашивал, что ты можешь для меня сделать, Раттера... Достаточный ли запас вина на твоем корабле? — спросил он озабоченно.— Я не брал в рот ни капли с тех пор, как кончился последний кувшин, а было это шесть дней назад.

Атлант заново оглядел мощную фигуру киммерийца и не менее озабоченно покачал головой.

— Не знаю, не знаю,— задумчиво сказал он.— Кажется, у меня еще оставался бочонок — тот, что не влез ни на одну телегу, когда мы перевозили вино последнего урожая. Небольшой такой бочонок... Примерно с меня ростом!

— А ну-ка, где он? — хищно поинтересовался Конан и вскочил на ноги.— Надо бы проверить, может, он гораздо меньше, чем ты рассказываешь!

— Ну,— рассудительно ответил Раттера, шагая с ним по берегу к покачивающимся на мелкой волне кораблям.— Проверить это очень просто. Я выше тебя, и, значит, если ты поместишься в него с головой и еще останется место, я не соврал!

Киммериец расхохотался.

— А если он влезет в меня и еще останется место?

— Ну, тогда я скажу, что ты гораздо больше, чем кажешься на первый взгляд! — расхохотался в ответ предводитель атлантов.

ГЛАВА 9. Остров, где рождаются драконы

Три дня пути до заветного острова были исполнены мучительного безделья для Конана и нетерпеливого ожидания для дракона.

Уподобившись гигантской черепахе, дракон день и ночь плыл на северо-восток. Панцирем ему служила лодка, для удобства освобожденная от таких излишеств, как мачта и парус. Аридо удерживал ее в изгибе сильного тела, извиваясь по-угриному только хвостом. Голова его гигантской рострой возвышалась над бушпритом, все вместе выглядело величественно и странно.

В лодке, словно младенец в колыбели или какая-нибудь знатная госпожа в открытых носилках, восседал Конан. Пожалуй, сравнение с младенцем было более близко к истине, потому что почти всю дорогу киммериец только и делал, что ел и спал.

И еды, и питья щедростью Раттеры у него было вдоволь, будь его воля, атлант набил бы лодку от носа до кормы всевозможными яствами и мехами с вином. Киммериец чувствовал себя гусем, которого аквилонские хозяйки откармливают к зимнему празднику Митры — подвешивают в кладовой, чтобы он не мог двигаться и не согнал накопленный жир, и насилино запихивают в клюв лущеные орехи.

Время от времени он уговаривал-таки дракона несколько умерить бег и дать ему выкупаться. Аридо и сам был не прочь просто порезвиться в теплой ласковой воде, под-

ныривая под Конана и щекоча ему бока длинными усами. Плескаться и дурачиться он мог бесконечно.

Пока они плыли, Аридо рассказывал ему, что драконы бывают четырех разных окрасок: голубые, как он, красные, бурые и золотые. Голубые — драконы воды, красные посвящены огню, бурые — земле, а золотые — ах! — здесь Аридо мечтательно вздыхал — золотые, крылатые, самые прекрасные из всех, принадлежат воздуху.

Судя по его ахам и вздохам, на островах среди золотых драконов была одна, к которой Аридо особенно благоволил.

Однажды Конан прямо спросил его об этом, и дракон, смузаясь, признался: да, есть такая, он зовет ее Золотая Птица, а все остальные зовут ее по-другому, но на его имя она примчится быстрее ветра, как если бы ее позвал сам Повелитель Драконов. Конан на это только удивленно покрутил головой: ничего подобного он от Аридо до сих пор не слышал. Или по мере того, как они приближались к заветным островам, дракон вспоминал все больше и больше?

За последние три дня Аридо вообще очень изменился. Если к островам материка Му плыло угрюмое, усталое старое существо, то теперь в море летел, как стая дельфинов, резвящийся мальчишка в драконьей шкуре. От его язвительных речей, подозрительности и хитрых, злобных гримас не осталось и следа, он был беспечен, добродушен, только что не пел.

Киммериец мог легко поддеть его каким-нибудь ехидным и веселым замечанием, и дракон смузялся, не зная, как ответить, словно растерял в дороге все свои колкости. Этот Аридо столь разительно отличался от того старого, злого и недоверчивого ящера, которого Конан увидел в пещерах под островом, что казалось, дракона подменили.

Впрочем, таким он нравился киммерийцу куда больше, чем прежним.

Наконец плавание завершилось. Конан дремал в своей лодке, когда его разбудил веселый окрик:

— Вставай, соня! Мы прибыли, распрягай лошадей!

Киммериец открыл глаза и потянулся.

Лодка стояла у берега, зарывшись носом в песок. А перед Конаном открывался самый прекрасный остров из всех когда-либо виденных, а повидал он их за свою жизнь немало.

Над высоким скалистым обрывом, просвещенным солнцем, вставали причудливо изогнутые красные сосны с плоскими, вытянутыми кронами. Их ветви оплетали ползущие травы и лианы, свешиваясь прихотливой бахромой, кое-где расцвеченней мелкими россыпями ярких цветочков. Древние серые скалы, расколотые и избитые морскими ветрами, сплошь покрывал пестрый ковер рыжих и голубых лишайников, создавая причудливый, неповторимый узор. Ниже, вдоль прибрежной полосы песка, тянулись заросли никогда не виденного Конаном бамбука: черноствольного, с темной листвой, — а над ними, чуть шевеля листьями под тихим ветром, покачивались лопоухие банановые пальмы. Все это густо оплетали цветущие многоглазые лианы, запах их мелких, но ярких цветов смешивался с запахами зелени, сухой тины и моря.

Дракон торжественно выволок лодку с Конаном на берег и провозгласил:

— Приветствуя тебя на Самом Краю Земли, о Конан, Странствовавший Дальше Всех! Ну, как тебе моя Нихон-но?

— Сойдет, — отозвался Конан. — Немного пестровато на мой вкус, но сойдет. Заберись-ка, парень, на пальму и нарви мне бананов. У тебя это лучше получится, а на сытый желудок мне твои острова, глядишь, и в самом деле понравятся!

— Тебе позеленее или пожелтее? — отозвался дракон, мигом вскарабкавшись на самую толстую пальму — те, что потоньше, просто не выдержали бы его веса, да и эта наклонилась угрожающе низко.

— Рви, как себе!

Дракон приволок ему целую связку и бросил на песок, заявив в такт укоризненному качанию собственного когтистого пальца:

— Я — бананы — не — ем!

— Ну и ладно,— покладисто отозвался Конан, извлекая из лодки свой мешок и развязывая веревку.

Из мешка он достал бережно упакованную бутыль и выставил перед собой. Дракон потянул носом и, презрительно фыркнув: «Вино!» — умчался кататься в песке родного берега.

Это было только к лучшему, потому что Конан хотел побыть один. Конечно, его отношение к бирюзовому ящеру сильно изменилось за прошедшие двадцать дней, ведь как бы ни был тебе неприятен твой спутник в начале дороги, невозможно злиться и проклинять его, как прежде, если за пол-луны вы пройдете полмира, попеременно вытаскивая друг друга из всяческих передряг. Но сейчас, сидя на теплом песке, глядя в море и потягивая темное бархатное вино, Конан думал о погибших Сагратиусе и Кинде, и ему не хотелось помнить о том, что причина их гибели ревнится рядом в двух шагах, живая и невредимая.

Выпив бутылку до половины, Конан встал, отряхнул со штанов песок, вошел в воду и молча вылил остатки вина прямо в прибой. Не впервые ему приходилось поминать так погибших в море товарищей, но первый раз за все подобные тризны он промолчал. Ему хотелось верить, что и сын великого Бога Пустыни Ша-Трокка, и непутевой, но по-своему ревностный служитель Митры нашли свое успокоение не на Серых Равнинах, а в каком-нибудь более подходящем месте. Сагратиус, рассказывая о чьих-нибудь подвигах во славу Митры, а таких рассказов он знал великое множество, обычно заканчивал повествование словами: «...и когда он умирал, он верил, что возвращается к отцу своему, светлому Подателю Жизни, и было ему по вере его». С некоторых пор Конан был склонен думать, что в этих словах заключена вся истина веры, а, быть может, и жизни. «Да будет вам по вере вашей», — повторял он про себя, глядя, как стекают в воду последние капли драгоценного напитка. Бутыль он заткнул пробкой и оставил на берегу — может, еще пригодится.

Обернувшись в поисках дракона, Конан увидел, что тот стоит неподвижно перед каким-то странным сооружением из выбеленных солью и временем корявых сухих стволов.

Подойдя поближе, он понял, что это не дерево. Это были кости.

Под скалой, растянувшись на целый полет стрелы, лежал огромный, как кит, скелет дракона. Гигантские ребра частью осыпались, от вытянутого черепа осталось лишь навершие с гребнем на затылке и огромными глазницами. Аридо стоял перед этим памятником самому, наверное, большому дракону в мире и едва не плакал.

— Это Старая Матерь, Сай,— сказал он подошедшему Конану.— Мать всех драконов. Теперь ее больше нет. А я так надеялся прийти и ткнуться носом в ее теплый мягкий живот...

— Какой огромный,— пробормотал Конан в невольном изумлении.— И что, бывают такие огромные драконы?

— Сай было много тысяч лет,— ответил Аридо.— Драконы растут почти всю жизнь, а Сай жила очень долго. Она была всегда. Когда-нибудь, конечно, ее заменила бы новая самка, но мое яйцо снесла и высидала она.

Он лег и положил голову на лапы, вывернув гибкую шею. Киммериец слогнул вставший в горле ком — ему пришла в голову странная мысль. Он покривил в задумчивости рот, стараясь задать свой вопрос как-нибудь поаккуратнее:

— Аридо... Сколько тебе лет? То есть не сколько по-настоящему, а в пересчете на людскую жизнь?

Дракон задумался, высчитывая, и наконец ответил неуверенно:

— Ну, лет пятнадцать, наверное, будет, а что?

Конан присвистнул:

— Ах ты, лягушачий потрох! А когда мы с тобой встретились, я дал бы тебе все пятьдесят!

Дракон вздохнул. На какой-то миг он снова стал старым, больным и усталым.

— Житье среди людей не идет нам на пользу, Конан. Мы становимся злыми, хитрыми и подозрительными. Мне немного на драконий счет, я, в сущности, еще маленький, но иногда чувствую себя глубоким стариком, так много я видел из того, что не следует видеть драконам.

— Чего же, по-твоему, не следует видеть драконам?

— Крови, войны, вообще зла. Драконы очень впечатли-
тельны. Никто из нас, конечно, никогда не захочет служить
злу, но может ожесточиться, как это случилось со мной...
Ты прости, но меня что-то клонит в сон. Я подремлю тут
дня два, а потом мы с тобой отправимся в обратный путь,
куда сам захочешь. Теперь я найду дорогу сюда даже с
вашими Серыми Равнинами...

Заснул Аридо прежде, чем договорил. Заснул под бо-
ком остова своей матери, свернувшись в клубочек, как
котенок. «Вот спит самый последний дракон в тени костей
самого первого, — подумал Конан. — Что ж, два дня я как-
нибудь потерплю. Пусть спит, он так мечтал здесь выспать-
ся».

Пройдя по берегу, киммериец нашел родник со светлой,
чистой водой. Судя по тому, что, примостившись на камеш-
ке, из него пила какая-то пичуга, вода годилась и человеку. Конан вернулся за бутылью, еще хранившей запах вина, и
наполнил ее из родника. Затем вычистил меч и нож и
отправился в лес раздобыывать себе что-нибудь на ужин.
Одни только бананы казались ему скучным рационом. Были,
конечно, еще остатки снеди, подаренной Раттерой, но Конану
хотелось чего-нибудь свежего и желательно жареного.
Сушеное мясо и фрукты, даже самые сладкие, опротивели
ему вконец.

Пробираясь меж деревьев и выглядывая какую-нибудь
некрупную дичь, которую можно было бы подранить но-
жом, Конан так увлекся, что слишком поздно услышал
тонкое шипение, с каким захлестывается большинство ве-
ревочных ловушек. Мгновением позже он был уже возне-
сен к верхушке большого дерева, опутанный тонкой и проч-
ной сетью. Проклиная свою неосторожность, киммериец
высвободил руку с ножом и принялся перерезать сетку,
производя при этом чудовищный шум: сеть была увешана
десятком звонких колокольчиков, они оглушительно звенели
при малейшем движении пойманного.

Прорезав большую дыру, он кое-как выпутался из сети
и спрыгнул на землю. И оказался лицом к лицу с малень-
ким человечком, явно прибежавшим на звон. Изумленное
выражение его лица красноречиво свидетельствовало, что
киммериец оказался вовсе не той добычей, на которую он
рассчитывал.

Человечек был маленького роста, еще меньше, чем низ-
корослые кхитайцы. Он вообще был очень похож на кхи-
тайца: узкий разрез темных глаз, желтоватая гладкая кожа,
иссиня-черные густые волосы.

Но лицо его не носило того отпечатка замкнутости и
хитрости, который так свойствен всем кхитайским ли-
цам. На вид ему было лет тридцать. Огромного кимме-
рийца он разглядывал без страха, но с величайшим лю-
бопытством.

— Прости, друг, — сказал Конан по-кхитайски. — Я не
знал, что у тебя здесь ловушка. Если я лишил твою семью
ужина, то, может, ты возьмешь несколько монет?

Незнакомец, наморщив лоб, внимательно слушал его речь.
Видно, кхарийский язык звучал немного иначе, чем кхи-
тайский — или этот человечек просто не ожидал его услы-
шать от чужестранца.

— Ты хочешь предложить мне деньги за испорченную
сеть? — спросил он наконец на чистейшем кхитайском
языке — такой приятный и мягкий выговор Конану доводи-
лось слышать только в столице. — Или за то, что распугал
всю дичь на десять ри вокруг?

— И за то, и за другое, — ответил киммериец. Денег у
него было предостаточно, ему не хотелось ссориться с жи-
телями островов Аридо.

— А что ты сам делал в этом лесу? Тоже охотился? —
продолжал спрашивать человечек. Конан кивнул. — Тогда
ты оставил без ужина не только наши семьи, но и себя.
Идем со мной.

— Куда? — насторожился киммериец.

— В город. У тебя же есть деньги? Ты купишь нам
мяса, а заодно поешь сам.

Так просто! И его даже не спросили, кто он такой и
откуда здесь взялся. Расценивая его замешательство как
муки совести, человечек махнул рукой в сторону сети:

— О ней не беспокойся. Я пошлю своего сына, он ее снимет, а потом мы ее починим. Идем. Здесь не очень далеко, к вечеру будем. Лишь бы успеть на базар до закрытия.

Конан, изумленный такой простотой и беспечностью, последовал за новым своим провожатым. Тот, бесшумно вышагивая по едва заметной тропе, продолжал говорить, вернее, болтать:

— Я — Инака-охотник. В нашей деревне есть еще Инака-ткач, поэтому нас различают по прозвищам. Мы живем здесь, у реки. Мы — охотники. У самого берега есть другая деревня, Икуга. Там живут рыбаки, мы покупаем у них рыбу и все, что они выловят из моря. Кроме кораллов и жемчуга, конечно. Это отправляется в столицу, Хаканари. Есть еще деревня на равнине — Соссигэ. Ее жители возделывают пашни и сады. И есть город — Яшидо. На его базар все окрестные деревни свозят то, что сумели добыть и вырастить.

Вот туда мы с тобой и идем. Мне было велено принести мяса для общего котла, но раз не удалось добыть его в лесу, почему бы не посмотреть в мясной лавке, правда? Сначала ты поживешь у нас, раз уж тебя нашел я. Потом ты выберешь, где тебе захочется жить — с рыбаками, охотниками или пахарями. Или, может, тебе больше понравится большой город или даже столица. У нас всякий может жить, где пожелает, неважно, высокий у него чин или низкий. Император одинаково любит всех нас и не делает различий между пахарем и придворным. А когда женишься, император пожалует тебе землю или, если захочешь, деньги — так у нас заведено. Это очень хорошо, что ты доплыл. Я не припомню за последние дни штормов, но ты такой огромный и сильный! — Инака еще раз оглядел Конана, для чего ему пришлось задрать голову, и восхищенно пощеккал языком. — Ты мог приплыть и издалека на каком-нибудь обломке. Как твое имя?

— Конан, — буркнул киммериец.

Он был ошеломлен. Ни на одном берегу его еще не встречали подобным образом. И он пока не знал, радовать-

ся ему такому приему или, наоборот, насторожиться. Охотник держался дружески просто и говорил вещи, которые были для него чем-то само собой разумеющимся. Наверное, любой потерпевший кораблекрушение только и мечтает, что о такой вот встрече: живи где хочешь и как хочешь, а надумаешь семью заводить, получишь все, что для этого надо, землю или деньги, подумал Конан и решил пока вести себя как чудом спасшийся утопленник. Но все же спросил:

— А если бы мне захотелось вернуться домой, к своим родным?

Инака даже рассмеялся, так забавно показалось ему желание нового жителя волшебных островов.

— А как? — спросил он, беспомощно разводя руками. — Кораблей мы не строим, а на рыбачьей лодке далеко не уплывешь! Да ты и не захочешь уплывать, вот увидишь!

Киммериец не стал более задавать праздных вопросов. Теперь ему было понятно, почему об этой земле шел слух, что добраться до нее невозможно: ни один из добрающих сюда не вернулся, чтобы сказать об этом. «Значит, я буду первым», — усмехнулся про себя Конан. Пусть они тут строят только рыбачьи лодки. В его распоряжении был превосходный корабль, лучший из всех, когда-либо бороздивших просторы морей Хайбории: бирюзовый водный дракон по имени Аридо.

На базар они успели. И в деревню Инаки вернулись нагруженные разрубленной пополам тушей молодой телки. Посмотреть на пришельца сбежалась вся деревня, но, к удивлению и облегчению Конана, большая часть кхарийцев тут же разошлась по своим делам. Все они были точь-в точь такие же, как Инака — маленькие, темноволосые и смуглокожие. Конан заметил, что среди жителей деревни очень мало стариков и еще меньше детей.

Инака был обязан кормить две семьи: свою и семью младшего брата, Токудо. Каждый из братьев имел по две жены, но лишь у Инаки был сын — застенчивый, но избалованный вниманием четырех женщин мальчишка лет десяти.

Женщины занялись ужином, а мужчины уселись на прохладной веранде дома, выходящей в большой сад, растущий, как пояснил Инака, не ради плодов, а ради «радости сердца». Одна из жен Токудо принесла кувшин золотистого, ароматного вина, которое здесь называли «оккарэ». Вино разлили по маленьким круглым плошечкам, и Инака рассказал брату, как он нашел нового жителя островов Нихон-но.

— Значит, ты предложил ему деньги за сеть, да? — смеялся Токудо. — Что же ты их не взял, братец? А чем вы подстрелили эту корову? Шишкой или палкой?

Конан и не заметил, как был готов и съеден ужин, а на веранде выстроилось уже три пустых кувшина, в то время как четвертый был полон лишь на треть. Братья что-то обсуждали, смеялись и подшучивали друг над другом: Конан почти не следил за их разговором.

И тут Токудо спросил его:

— Ты ведь останешься в нашей деревне, правда? Ты — охотник, сразу видно. К рыбакам не ходи, от них пахнет тиной и руки вечно в чешуе!

— Я нигде не останусь, — помотал головой киммериец. Золотой напиток плескался в нем, как в плоских чащечках, из которых они пили, по большой веранде расползались разноцветные светляки.

Братья опешили.

— Как это? — не понял Инака. — Должен же человек где-то жить.

— Должен, — ответил Конан, энергично кивнув. — Должен. Но не здесь, а у себя дома.

Кхарийцы переглянулись почти испуганно.

— Он как тот, с Лемурийских островов, — шепнул брату Токудо. — Давай я скажу за Исинаки Та.

— Иди, — кивнул старший брат, а гостю сказал: — Ты не будешь против, если к нам сейчас придет один друг? Это лекарь нашей деревни, человек мудрый и веселый. Мы часто сидим здесь вместе и любуемся на звезды.

— Веди! — разрешил Конан с новым кивком. — Веди хоть всю деревню!

Токудо отсутствовал недолго. Приведенный им «друг», деревенский знахарь и колдун Исинаки Та, оказался вертлявым старичком с лицом маленькой песчаной лисицы.

Сам он вина пить не стал, но подливал и подливал Конану, расспрашивая его о том, откуда он и как оказался в этих морях. Конан слушал его и отвечал словно во сне, завороженный магией его негромкого, медового голоса.

— Приходилось ли тебе убивать, Конан из Киммерии? — спрашивал старик, и в глазах его светились ярко-красные лучистые светляки, точь-в-точь такие, каких уже было полным-полно на веранде.

— Да, клянусь Кромом! Воин живет битвой!

— Нет, — настойчиво возражал ему Исинаки Та, — война — это позор, убийство бессмысленно... Повтори за мной.

И Конан послушно повторял, глядя в горящие лисьи глаза и путая их с огоньком масляной лампы:

— Война — это позор, убийство бессмысленно...

— А кем ты был в своем мире, Конан из Киммерии? — продолжал вопрошать тихий вкрадчивый голос Исинаки Та. Лампа на столе мигала, словно заговорщица, и Конан мигал ей в ответ.

— Воином, — слышал он свой голос, только почему-то очень издалека. — Воином. Мое ремесло было убивать!

— Ты ошибаешься, Конан, — тихо поправлял лекарь. — Ты был не воином. Ты был охотником. Самым искусственным охотником своей деревни. Ты знал следы всех зверей, ты мог идти по следу, не уставая, много дней...

— Я мог идти по следу врага, не уставая, много дней, — соглашался киммериец.

— Ты шел по следу зверя, ты находил его и убивал, и приносил в деревню много мяса, и все были довольны и говорили: «Конан — лучший охотник во всей Нихон-но!» — продолжал Исинаки Та. — И ты был доволен вместе со всеми. Повтори.

— И я был доволен вместе со всеми.

— Так кем ты был в своем мире?

— Охотником. Лучшим охотником во всей Киммерии.

— Хорошо! — Исинаки Та украдкой отер пот, заливавший ему глаза.— А как звали твоего бога, Конан из Киммерии?

— Моего бога зовут Кром, Владыка Могильных Курганов.

— Нет, ты ошибаешься. Твоего бога зовут Император Мотоясу, он живет в большом дворце на холме в Хаканари... Повторяй за мной: «Мой бог живет в большом дворце на холме в Хаканари...»

Конан вдруг вскочил, широко открыв глаза.

— Нет! — рявкнул он, выхватывая из ножен меч.— Мой бог — Кром, и во славу его я могу воздвигнуть большой курган на месте вашей деревни! Пусть еще только кто-нибудь скажет...

— Успокойся, что с тобой? — изумился Исинаки, не поведя и бровью на эту внезапную вспышку.— Ты, наверное, задремал, пока мы здесь беседовали, и тебе что-то приснилось, да? Мы говорили о том, что чтим нашего императора как бога, ибо он и есть для нас бог: старший в роду принца Исса. Вернее, старшего в роду сейчас нет в Нихонно, он ушел странствовать еще до Катастрофы... Кто знает, жив ли теперь прежний государь, отец Мотоясу, и вернется ли он когда-нибудь во дворец Четырех Сезонов.— Исинаки сокрушенно покачал головой, Инака и Токудо повторили его жест, цокая языками.

Конан провел рукой по лбу, отгоняя наваждение. Видно, он и впрямь заснул под все эти разговоры. Медленно вложив меч в ножны, он опустился на прежнее место.

А Исинаки говорил и говорил, рассказывал про ушедшего императора и про то, как много было драконов до Катастрофы, а потом они все куда-то разом делись, и Старая Матерь, что жила, не вылезая, в пещере под островом, выползла на берег и умерла от тоски по своим детям... Наконец гаснущий синий огонек лампы мигнул в последний раз и затух, и деревенский лекарь спохватился, что уже очень поздно.

Он начал прощаться, желая хозяевам и гостю тысячи лет радости и в сотый раз восхищаясь тем, что в деревне

появился новый житель. Конан, утомленный всеми этими разговорами до боли в затылке, кое-как попрощался и повалился на постель уже спящим.

Тогда Исинаки Та на цыпочках прошел в его комнату, встал над ним и отчетливо проговорил:

— Ты очень хочешь повидать нашу столицу, Конан. Ты никогда не видел живого бога и теперь очень хочешь на него посмотреть. Ты очень хочешь на него посмотреть... И отправишься в путь завтра же...

А киммерийцу в этот миг снился живой бог, которого он не только видел, но и называл «брать». Юлдуз сидел на земляной скамье под любимой сосной и голубыми камешками выкладывал на мягком мху маленькую фигурку дракона, ловящего себя за хвост.

Проснулся Конан поздно, с головой гудящей, словно пчелиный улей. Но Инака, посмеиваясь, дал ему выпить еще золотистого вина, говоря, что с непривычки у всех после оккарэ бывает и головная боль с утра, и тошнота. Особенно если выпито так много, как они выпили накануне.

— Глядя на тебя, я только диву давался, как может человек столько пить и не пьянеть,— смеялся Инака.— Но это правда, пьян после оккарэ бываешь не сразу, а наутро.

Конан опустошил два кувшина божественного напитка, и ему в самом деле полегчало. Он почти не помнил вчерашнего вечера: помнил только бесконечные разговоры и что его все время неудержимо клонило в сон. О чем он и сказал маленькому охотнику.

Кхариец снова рассмеялся.

— Больше я тебя так не буду мучить. А еще лучше — заведи себе свой дом и приглашай того и тогда, когда сам захочешь. Но Исинаки Та — самый уважаемый человек в нашей деревне, его игру на флейте приходит послушать сам градоправитель Яшидо. Тебе необходимо было с ним познакомиться, как необходимо каждому из нас хоть раз в жизни повидать императора.

В голове у Конана смутно всплыло что-то вроде «...ты никогда не видел живого бога...». Как это не видел, вразился сам себе киммериец, но упоминание об императоре его

заинтересовало: вроде бы что-то такое вчера о нем рассказывал Исинаки...

— А далеко отсюда до вашей столицы? — спросил он Инаку.

— Полдня пути, — отозвался кхариец.

Вчера, после того как гость заснул, лекарь, держась пальцами за виски, чтобы отянуть усталость, сказал охотнику: «Этот человек — не для меня. Сделай так, чтобы он пошел в столицу, сделай так, чтобы он до нее дошел. Сделай так, чтобы его увидел Старец без Имени. Я не могу с ним справиться, быть может, маг императора преуспеет в этом больше. Хотя сомневаюсь. Но тогда пусть сам император решает, что с ним делать».

«Он хочет верить в своих богов, — сказал тогда Инака. — Как он сможет жить среди нас, веря в своих богов?» — «Верно, — кивнул Исинаки Та. — Поэтому пусть решает император. Или может случиться другое: увидев живого, не каменного и не бронзового бога, он выберет его, а не своих мертвых богов, живущих в могильных курганах. Приведи его в столицу». Поэтому сейчас Инака без малейших угрызений совести лгал: до столицы было не менее трех дней пути.

— Полдня, — задумчиво повторил Конан. Аридо сказал, что собирается проспать два дня, значит, продрыхнет все три. Что ж, время еще было и чем-то надо было его занять. Не сидеть же каждый вечер на веранде, дурея от соловийных трелей и мудрых непонятных бесед.

— А хорошо бы взглянуть на вашу столицу, раз уж мне надо выбрать, где я буду жить.

Инака искренне обрадовался и тут же вызвался его проводить. Он приволок еще один кувшин оккарэ, как он выразился, «на дорогу», они его распили и, предупредив Токудо, что могут вернуться только поздно вечером, вышли из дома.

* * *

Подробности этого пути Конан помнил смутно. Как потом объяснил Инака, ему напекло голову и он упал прямо

посреди дороги. Словно во сне, брел он рядом с Инакой, но ему казалось, что он не идет, а едет в большом экипаже, запряженном иссиня-черными быками, смиренными и равнодушными.

Или все было наоборот, быки ему не приснились, а как раз и были явью? Единственное, что он понял из этого путешествия, было: во-первых, Инака его обманул, ехали они никак не полдня, ведь Конан хорошо помнил, как просыпался и видел то звезды над головой, то яркое солнце; и во-вторых: кому-то было необходимо доставить его во дворец еле стоящим на ногах, и это было проделано мастерски. Собственно, в себя он пришел уже перед большими резными воротами в невысокой, с множеством затейливых симметричных башенок и надстроек, стене, окружавшей дворец Четырех Сезонов.

— Вот мы и пришли, — сказал Инака таким тоном, будто всю дорогу прошагал рядом с Конаном, а не сидел над ним, как кот над мышью, напечтывая невнятные слова.

Первым порывом киммерийца было взять его двумя пальцами за горло и давить, пока язык этого маленького охвосты Нергала не вывалится наружу синей распухшей тряпкой. Искоса глянув на кхарийца, Конан понял причину его безмятежности: Инака был уверен, что его большой, но не очень умный гость ничего не заметил и в самом деле полагает, что просто лишний час просидел на солнце. Это давало гостю большое преимущество, и гость решил пока делать вид, что всем доволен и просто счастлив оттого, что сейчас увидит императора.

Во всяком случае, если он возьмет за горло этого Сына Неба, как его здесь все именуют, эти маленькие верткие мерзавцы, которых здесь полный двор, забегают гораздо проворнее, чем из-за какого-то лесного охотника.

Видимо, любознательность новых жителей в Нихон-но всячески поощрялась, потому что когда Инака объявил стражам у ворот о цели их визита, те безоговорочно пропустили посетителей, да еще и дали провожатого из своего числа. Конан смотрел во все глаза, стараясь запомнить каждый портик в саду, каждую дорожку. Недремлющий

инстинкт варвара подсказывал ему, что удирать отсюда придется далеко не тем способом, каким он входил.

Оглядывая императорский дворец, Конан все больше убеждался, что нынешняя древняя и загадочная страна Кхитай — лишь отголосок, неумелая копия того, что было до Первого Потопа. Кхарийские дома с многоярусными крышами, с множеством галерей, садов и крохотных водопадов были похожи на кхитайские — но лишь на первый взгляд. В Кхитайе все было творением мастера, искусного зодчего, умелого садовника. Здесь же каждая башенка жила, каждый водопад пел, а легкие, громоздящиеся одна на другую, как ласточкины гнезда, постройки, казалось, не стояли на земле, а висели в воздухе. В колонны ворот при входе во дворец были врезаны живые веточки кораллов, ракушки, камешки.

Так и чудилось, что сейчас из них в огромном рапане, запряженном морскими коньками, выедет владыка морей, Одерог, которому тайно поклоняются барахские пираты. Сразу за массивными двусторонними дверьми, вырезанными из панцирей гигантских черепах, при входе на новую галерею вставали новые ворота — из стекла. Тысячи хрустальных колокольчиков вызывали при каждом шаге проходящих мимо тонкую и забавную мелодию.

Это не могли выстроить человеческие руки, это могло возникнуть лишь по мановению волшебного жезла. Но кто-то, а уж Конан хорошо знал, что волшебный жезл годится не только на то, чтобы возводить дворцы.

Поэтому он не столько любовался искусствой работой кхарийских мастеров, сколько продумывал пути отступления. Было понятно, что через главные двери дворца выйти невозможно — и мышь не сумела бы неслышно проскочить мимо звенящих ворот, не то что гигант-киммериец. Но, поднимаясь на верхнюю галерею, Конан среди пчелиных сот внутренних двориков заметил один, выходящий прямо к стене вокруг дворца и огороженный с двух сторон еще такими же стенами.

В этот дворик, с мощеной дорожкой к утонувшим в зелени и цветущих лианах павильонам, выходила малень-

кая дверца, пробитая в грубом сером фундаменте. Дворец стоял на холме и, чтобы выровнять его этажи, некоторые углы приходилось поднимать кладкой прочного серого камня.

Во дворике дежурило только четверо стражей, и те казались скорее ленивыми ловцами бабочек, чем бдительными охранниками неведомого сокровища, что скрывали в себе утонувшие в зелени павильоны. Конан решил, что постайная дверца вполне послужит для его целей, и постарался запомнить, в каком крыле дворца она находится и как до нее быстрее всего добраться.

Миновав бесконечное множество галерей, залов и переходов, они вышли наконец в огромный низкий зал, стены которого были затянуты шелком с изображением драконов. Здесь были драконы всех четырех стихий, красные, голубые, бурные и желтые. Самых разных размеров, в самых различных позах извивались они вдоль стен, напомнив Конану синюю стену в гавани далекого Пайтала.

Из обстановки в зале было только высокое сиденье у дальней стены и длинные ряды цветных циновок вдоль стен — Конан уже знал, что здесь, в Нихон-но, циновка служит всем — от коврика до стола, и потому не очень удивился, увидев их в качестве скамеек в Зале Приемов. А что его привели именно в Зал Приемов, он не сомневался ни мгновения.

Часть стены отъехала в сторону, и навстречу гостям вышел кхариец в ярко-красных одеждах, высокой черной шапке и мягких, с загнутыми носками сапогах. «Господин распорядитель двора, Корэтика-сэй», — прошептал Конану Инака.

Красный кхариец вежливо поклонился пришедшим и осведомился о цели их визита. Инака робко проговорил:

— Сэй, я нашел этого человека в лесу. Его выбросило море, и он остался жив, он ведь такой сильный. Я не знаю, как уговорить его остаться у нас, потому что в нашей деревне его уже успели полюбить, и есть за что: он нечаянно порвал мою сеть и тут же предложил расплатиться за нее...

«Новые песни,— проворчал себе под нос киммериец.— Теперь он будет превозносить меня до небес, как торговец на невольничьем рынке». Но на самом деле он был немало изумлен: он-то полагал, что готовится ловушка, а его на самом деле просто хотят оставить всеми правдами и не-правдами. Может, у них тут просто перестали рождаться дети? Он, помнится, не видел ни одного младенца в деревне Инаки, да и детей-подростков там тоже было немногого...

— Как твое имя, пришелец? — спросил Корэтика. Голос у него был мягкий и звучный, словно отдаленное эхо.

— Меня зовут Конан, родом я из Киммерии, далекой стране на северо-западе.

— Почему же, Конан, не хочешь ты оставаться в деревне охотника Инаки? Тебе по праву какой-то другой город?

— Господин распорядитель двора неверно понял охотника Инаку,— с легкой усмешкой ответил Конан.— Я вообще не хочу оставаться в Нихон-но. Поэтому мне все равно, в какой именно деревне я не останусь.

Знатный кхариец чуть склонил набок голову.

— Как же ты полагаешь уйти отсюда? — мягко спросил он.— Кораблей мы не строим.

— Так же, как пришел,— дерзко ответил потерпевший кораблекрушение.

Корэтика окинул долгим задумчивым взглядом мощную фигуру киммерийца.

— Будь на твоем месте кто-нибудь другой,— сказал он серьезно,— я, вероятно, рассмеялся бы и махнул рукой — плыви! Но ты действительно можешь уйти. И потому я скажу тебе то, что не говорил никогда и не буду при этом смеяться: с этих островов обратной дороги нет. Либо ты останешься здесь, либо умрешь.

«По крайней мере, честно»,— подумал Конан. Он ожидал чего-то подобного.

Но тут Инака с громким криком кинулся в ноги сановнику, причитая и уговаривая, и не сразу, а только через какое-то время Конан понял, что охотник уговаривает пощадить его, какое бы решение он ни принял! Поистине, ход мыслей этих людей был для него непостижим.

— Господин! — выкрикивал маленький кхариец.— Господин, милости! Ведь получится, что я привел его сюда на смерть! Не пускайте его, он погибнет в море!

Корэтика присел, взял охотника за плечи и поднял с пола.

— Добрый мой Инака,— ласково сказал он.— Ты перепутал. Не передо мной нужно стоять тебе на коленях, а перед ним. Уговаривай его, ибо его жизнь и смерть сейчас лишь в его собственных руках.

Инака оглянулся на Конана с явным намерением исполнить совет. Киммериец сплюнул в сердцах:

— Нергал вас возьми с вашими колдовскими штучками! Я буду жить там, где сам захочу, а вы грозите и умоляйте своих!

— Ты слышишь, мой сэй? Умоляю тебя, позовь ему увидеться с императором! Он изменится, он изменится, если поговорит с Сыном Неба!

На это распорядитель двора печально и отрицательно покачал головой.

— Увы, это не в моих силах. Два дня назад исчезла Кагия-химэ, Последняя. Никто не знает, куда она улетела, император в глубоком горе и никого к себе не допускает. Он не будет сейчас говорить ни с кем.

Видимо, новость была ужасна, потому что Инака, услышав ее, побледнел и, кажется, тотчас забыл о Конане.

— Кагия-химэ! Последний золотой дракон! Но, быть может, она охотится?

— Нет, иначе бы она пришла на зов. Сам видишь, друг мой, до вас ли нынче императору.

— Но, быть может, Старец Без Имени?..— робко предположил охотник.

— Придворный маг занят поисками Лунной Девы. Но вот что я могу сделать. Пусть наш гость останется пока здесь. Я расскажу о нем императору за вечерней трапезой и, быть может, он найдет время поговорить с тобой, Конан.

— Не худо бы и меня спросить, хочу ли я с ним разговаривать! — отозвался киммериец. Происходящее начиняло его забавлять.

— Пожалуй, я пока не буду этого делать,— со всею серьезностью ответил Корэтика. И прихлопнул в ладоши: — Акиро-сэй!

На его зов из стены появился пожилой кхариец в сопровождении небольшого отряда стражи. Одного только взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять: это — воин. Знакомый с Искусством Убивать не понаслышке, а коротко и давно.

— Что прикажет мой сэй? — поклонился он Корэтике.

— Проводите этого человека в покой для гостей, господин начальник дворцовой стражи, и сделайте так, чтобы он не вышел из дворца без вашего ведома.

Начальник дворцовой стражи поклонился еще раз, и его воины окружили Конана плотным кольцом. Но не попытались отнять у него ни меча, ни кинжала, чем очень удивили и озадачили киммерийца.

— Следуй за мной, господин мой,— сказал ему Акиро с поклоном, и Конан подчинился. В конце концов, попытаться удрать он всегда успеет, а вот как они намерены его не выслушать?

Его проводили в небольшую комнату, совершенно голую, если не считать росписи на стенах, цветущей ветки в вазе в нише и все тех же неизменных циновок. Конан сел на пол, скрестил ноги и принялся ждать. Его разбирало какое-то странное веселье, словно он смотрел представление бродячих жонглеров и очень хотел знать, чем кончится запутанная история. Причина его спокойствия была проста: Юлдуз обещал ему возвращение на запад, значит, его старым костям суждено упокоиться не здесь.

Короткое время спустя ему принесли ужин: полный поднос крошечных тарелок с разнообразными кушаньями, из которых он опознал только тушеные в остром соусе овощи и рис. Но мясо — то ли птицы, то ли зверя, не разобрать,— было сочным и мягким, и Конан доел все без остатка, не гадая, из чего это может быть сделано.

После того, как проворная девочка-служанка убрала подносы, к Конану явился посетитель. Это был уже пожилой, седеющий человек с тусклым взглядом светло-серых

глаз. Одет он был вычурно и богато, держался невероятно прямо, и потому киммериец справедливо заключил, что это сам император.

Ничего божественного не было в этом человеке с усталым лицом и темными кругами у глаз. Но что-то в нем показалось Конану знакомым, словно когда-то он уже видел этого или похожего на него человека. Император долго и пристально смотрел на своего гостя-пленника и наконец проговорил:

— Я не хочу быть с тобою жестоким. И я очень устал, поэтому не буду тратить понапрасну время. Я не вижу причин пытаться переупрямить тебя в ненужном споре — ведь ты уже все решил. Я не спрашиваю твоего решения — подумай еще. Либо ты дашь мне слово, что осталась и не делаешь попыток сбежать, либо ты умрешь — единственное, что я могу еще тебе предложить, это сделать твою смерть легкой и приятной. Даю тебе сроку до завтрашнего вечера. Думай. Завтра я приду за ответом.

Он тяжело поднялся и вышел. Конан спокойно сказал ему вслед:

— Завтра вечером меня здесь не будет.

Но император даже не обернулся. Пропавший дракон беспокоил его куда больше, чем еще не пропавший чужестранец.

Едва за окном стемнело, Конан выскользнул за дверь. То есть если то, что засирало его комнату, можно было назвать дверью: натянутая на большую раму искусно плетеная циновка, не вращавшаяся на петлях, а сдвигающаяся вбок. Каким образом подобную дверь можно было считать надежной преградой для пленника, киммериец понять не мог.

Серой неслышной тенью вышел он в коридор. Стояла такая тишина, что слышен был храп и посвистывание стражей, спящих за три стены. Коридор был пуст. Либо здешний повелитель уверен, что лабиринт переходов и галерей дворца — надежная преграда для любого, либо ждет от Конана решения оставаться. Что ж, усмехнулся про себя киммериец, он убедится, что ошибся как в первом, так и во

втором! Если бы император знал, что его пленник сумел выбраться из подземного дворца Аридоси, то сторожил бы его покрепче!

Как ни запутанно было хитросплетение комнаток, переходов, крытых галерей и бесконечных лесенок, Конан уверенно продвигался к облюбованной им дверце. У массивных дверей из черного дерева ночью наверняка дежурит стража, а тот боковой выход в сад если и охраняется, то одним-двумя воинами, размышил киммериец, скользя вдоль стен.

До сих пор ему не встретилось ни единого человека, но то там, то здесь, он слышал негромкие голоса, едва приглушенные тонкими перегородками. Повторяя себе, что он вовсе не жаждет крови этого маленького древнего народца, Конан старался держаться от голосов как можно дальше, иногда делая большие петли, чтобы обойти опасный покой. Более всего он опасался чем-нибудь себя выдать, и потому с превеликой осторожностью сгибался под мигающими в темноте фонариками, чьи бесчисленные кисти часто были обвешаны колокольцами. Низкорослые обитатели дворца могли пройти под этими украшениями, не задев и нитки, а высокому киммерийцу приходилось буквально нырять под каждой балкой.

Наконец он выбрался к заветной двери. Ее наполовину скрывала ширма, расписанная весенними цветами и пестрыми птицами. Дверца была темная, почти квадратная, без каких-либо признаков ручки, молотка или щеколды. Лишь замочная скважина говорила о том, что сюда можно войти при помощи ключа — или отмычки.

Ключа у Конана не было. Зато имелся большой опыт по вскрыванию замков, потайных и простых, с секретами и без. Он был уверен, что справится и с этим. Но стоило ему сунуть в скважину кончик кинжала и надавить, как откуда-то послышался голосок — не очень громкий, но тонкий и пронзительный:

— Тут кто-то хочет выйти без ключа? Хо-хо! Без ключа!

Конан отпрыгнул от двери и огляделся, выставив перед собой кинжал. Никого не было. Только из-за ширмы вы-

шел зверек, похожий на черного пушистого котенка, и сел, облизываясь.

У него были большие лапы, толстое брюхо и круглая, непропорциональная голова и хвост морковкой. Но размерами этот котенок был с небольшую собаку.

«Кошка», — равнодушно подумал киммериец и снова принялся ковырять кончиком кинжала в замке. Что-то щелкнуло. Зверек зевнул, показывая розовую пасть и острые, как иглы, зубы, взглянул на Конана зелеными раскосыми глазами и сказал:

— Ты напрасно думаешь, что его можно открыть без ключа. Он магический.

Киммериец, едва не выронив кинжал, уставился на говорящую кошку. Ничего примечательного, кроме размеров, в ней не было — кошка как кошка. Однако она говорила, щуря на непрошено гостя хитрые глазищи, и говорила вполне разумно:

— Поскольку эта дверь ведет в сад, а из него можно попасть в покой Четырех Императриц, ключ от нее есть лишь у нашего повелителя. — Зверек зажмурился, снова облизнулся и добавил: — И у меня-а-а.

По поверьям асиров и ваниров кобольды, мелкие духи-пакостники, часто принимали обличье кошек и подолгу жили в доме, дразня детей и крадя из кладовок все самое вкусное. До сих пор Конан не верил в подобные бабы сказки. Но кем бы ни был таинственный говорящий зверь, он назывался хранителем ключа, и киммериец протянул руку, сказав как можно спокойнее:

— Ну так дай мне его. Я выйду, и ты запрешь за мною, как было.

Зверек дернулся хвостом.

— Иль какой хитрый! Сначала поиграй со мной.

— Сначала я тебя придушу, — прошипел киммериец, теряя терпение. Времени было в обрез, каждую минуту его могли хватить. — Мне нужно выбраться отсюда! Давай живее ключ, пока мы не пербудили весь дворец!

Черный любитель ночных игр как ни в чем ни бывало выгнулся дугой, потянулся и шагнул ближе к Конану.

— Нет, давай поиграем. Я сижу тут в стенах дни и ночи совсем один, со мной никто не играет. Давай поиграем в загадки. Вот скажи к примеру: чем ворон похож на...

Договорить он не успел. Рука киммерийца вздернула его в воздух, стискивая тощее горло.

— Клянусь Кромом, ты сейчас будешь похож на поживу для ворона! Давай ключ, мне не до глупых загадок!

Кот беспомощно дернулся всеми четырьмя лапами и вдруг замер. В следующее мгновение сквозь пальцы Конана потекла вода. Изумленный, он переводил взгляд со своей мокрой ладони на лужицу, растекшуюся по керамическим плитам пола. Внезапно из лужицы вынырнули глаза и очертился рот, расплывшийся в широкой улыбке.

— Не хочешь играть в загадки, так и скажи. Злиться-то зачем? — пропищал оборотень. Сквозь его водяное тело просвечивало что-то золотое, очень похожее на ключ с затейливой бородкой. Бывший кот стянулся в тугой прозрачный шар и откатился чуть назад, оставив на полу мокре пятно. Глаза его смотрели с прежним веселым любопытством. — Поиграем во что-нибудь другое. В догонялки, а?

Конана внезапно осенило. Он склонил голову набок и наморщил лоб, словно что-то прикидывая.

— Ладно, перевертыш, я поиграю с тобой в загадки. Только условь: если ты моей загадки не разгадаешь, отпрешь дверь и отпустишь. А если я не разгадаю — буду играть с тобой до восхода солнца. Идет?

— Идет! — обрадовался страж двери и, взлетев с пола белой совой, уселся на ширму. — Ту-гу! Загадывай! Я не знаю ответа только той загадки, которую хотел загадать тебе! Так что давай загадывай скорее! И будем играть еще!

Конан сожурился и медленно, раздельно произнес:

— Пока я плыл сюда, я потерял двоих, потом нашел двоих, потом разделил двоих. А теперь мне осталось объединить двоих — и я смогу вернуться домой. Ну-ка, что это такое?

Оборотень развелся. Сорвавшись с ширмы, он сделал большой круг на бесшумных крыльях, спикировал на пол, превратился в маленький смерч и принял кружить

у самых коленей киммерийца. Конан, ухмыляясь, слушал его невнятное бормотание:

— Потерял, нашел, разделил, осталось объединить... Зерно и земля? Ветер и парус? А, знаю! — Из вихря выпал прежний котенок-переросток и выпалил: — Человек и его душа!

— Неверно, — отозвался Конан не без злорадства.

Страж двери печально лизнул черную лапу.

— Тогда человек и его тень? — неуверенно предположил он.

— Нет.

— Свет и Тьма!

— Нет!

Оборотень снова растекся мутной лужицей. По ней волнами пробегала рябь, словно ветер дул над крохотным морем. Вода стала грязно-желтой, успокоилась, и Конан услышал печальный вздох:

— Тогда не знаю. Сдаюсь. Бери свой ключ.

Лужица стремительно испарилась белым облачком. Туман рассеялся, и на полу остался лежать маленький ключ. Конан с живостью подхватил его и вставил в замочную скважину.

— Эй! — услышал он тот же писклявый голосок. — А разгадка?

— А вот этого, приятель, я тебе не скажу, времени нет, — отозвался Конан, поворачивая ключ. Раздался тихий звон, дверь распахнулась, открыв витую лестницу, ведущую вниз. Киммериец выдернул ключик из замка и бросился по ступеням.

— Нечестно! — раздался за его спиной истошный вопль. — Так мы не договаривались! Верни ключ и скажи разгадку! Нечестно! Оэ! Оэ! Страж! Здесь воры, убийцы, пожар! Хватайте вора!

Тоненький голосок вдруг сменился жутким ревом, загремевшим, как град по железному листу. Отовсюду послышались торопливые шаги и крики, дворец мгновенно ожил и загудел, как потревоженный улей. Конан кубарем скатился по ступенькам, толкнул плечом дверь внизу — и

оказался лицом к лицу с четырьмя вооруженными стражами.

Они, конечно, слышали и вопли наверху, и то, как он спускался, а потому стояли наготове, обнажив хатаны. Голубой лунный блеск на полированной стали Конан увидел прежде, чем разглядел в темноте самих воинов. Он едва успел выхватить из ножен собственный меч. Рука его двигалась со скоростью почти неуловимой человеческим глазом, но прежде, чем киммериец был готов к бою, ему нанесли две раны — в правое плечо, разрубив мышцы до кости, и в грудь.

По счастью, вторая рана была не более чем царапиной, но прикосновение холодной стали разъярило Конана не меньше, чем быка красная тряпка. Обхватив рукоять своего меча обеими руками, он всю его тяжесть обрушил на одного из стражей, почти разрубив его пополам от ключицы до бедра. Одновременно с ударом Конан ускользнул в сторону от новой атаки, и клинок хатаны, тонко взвизгнув, полоснул по животу второго замешкавшегося кхарийца. Поднимая меч, Конан возвратным жестом вывернул левую руку и ударил тяжелой шишкой рукояти в лицо нападавшего стражи. Один был убит, двое оглушины, четвертый же, юркий, как угорь, скользнул под рукой киммерийца. Лезвие его меча вошло Конану точно меж ребер. Нанеся удар, кхариец отскочил и замер, полагая, как видно, что его противник сейчас со стоном повалится на траву.

— Кр-ромм! — выдохнул варвар. Он не чувствовал ни боли, ни текущей крови, глаза его горели яростным синим огнем. Кхитайский меч, описав сияющую дугу, с жадным чмокающим звуком вонзился в бок онемевшему воину. Он вытаращил глаза, захрипел и повалился под ноги Конану.

Тот стражник, которому Конан едва не выбил навершием рукояти все зубы, уже поднимался с колен, опираясь на меч. Беглец не стал дожидаться, пока он окончательно придет в себя. Вбросив кхитайский меч в ножны за спиной, Конан длинными стелющимися прыжками устремился к высокой стене, окаймлявшей придворцовый сад. Взлетев на стену с ловкостью обезьяны, он перемахнул через нее и

припал спиной к холодному камню, тяжело и со свистом дыша. Боль, смертельная жажда, головокружение и тошнота разом навалились на него, он едва не упал. Ни одна из полученных ран не была смертельна, но из трех сочилась кровь.

Крики, а затем брань и проклятия за стеной сказали ему, что преследователи добрались до покалеченных стражников, а это означало, что теперь они знали, в каком направлении скрылся беглец. Конан помянул Нергала и всех его узкоглазых прихвостней и, хромая при каждом шаге, морщась и кривясь от боли, побежал вниз с холма.

Ему повезло. Ни единой души не попалось ему навстречу, и он, никем не замеченный, раненым тигром промчался через город и распаханные поля к темной полосе джунглей. Он почти ничего не видел, глаза застилала мутная пелена, в которой лунный свет казался красным, а стволы, лианы и камни выскакивали навстречу из ниоткуда, словно живые. В лицо Конану пахнуло влагой, и он наугад поплелся в ту сторону, откуда пришел живительный порыв ночного ветра. Споткнулся о корень, едва не упал, снова споткнулся — и, съехав по глинистому обрыву, оказался по колено в воде.

Ручей протекал по дну неглубокого оврага, над ним плотным шатром смыкались ветви деревьев. Здесь царила такая тьма, что Конан не мог различить собственной вытянутой руки. Он побрел вниз по течению, надеясь, что ручей бежит через леса к той реке, которую он видел недалеко от столицы. Вода освежила его, он напился, но передвигался с превеликим трудом.

Так брел он, не сознавая, сколько прошло времени и как далеко он успел отойти — на такие размышления у него просто не было сил. Он знал только одно: когда он не сможет идти, то встанет на четвереньки и поползет. Он был уже очень близок к этому, когда услышал вдруг позади и вверху конский скок и голоса. Кто-то ехал над ручьем, ехал не торопясь, но и не медля. Беглец насторожился и, хоронясь за камнями, постарался подслушать разговор. Судя по металлическому бряцанью и отрывистым, четким фра-

зам, ночные всадники не были заблудившимися простолюдинами.

Голоса летели над едва журчащей водой, отчетливые и ясные, словно говорившие стояли от Конана в двух шагах. Кровь стучала у него в висках, он разбирал два слова из трех, но, расслышав, что речь идет о нем и том побоище, что он учинил во дворце, постарался не пропустить ни звука.

— Он не мог далеко уйти, — говорил один всадник, по голосу его, властному и спокойному, было ясно, что это — старший в отряде. — Ночью, пешим, да еще и раненый... Вы ведь ранили его, Корэтика?

— Да, мой сэй. Он получил не менее трех опасных ран. Быть может, этот безумец сейчас где-то близко, в двух шагах, лежит меж камней без памяти...

При этих словах Конан оскалился по-волчьи. В разговор вступил третий голос — молодой и гневный:

— Надо искать! Он не должен уйти! Он убил Наринаку!

И голос старшего сурохо и в то же время мягко разразил ему:

— Наринака сам виноват. Император воскресит его, как уже делал это однажды, и поплещ к мастерам доучиваться. Вас всех следовало бы заново послать в школу! Как вы могли вчетвером не справиться с одним чужестранцем?

— Чужестранец силен и яростен, как раненый буйвол, а своим неуклюжим мечом владеет так, что еще бы нам поучиться, Акиро-сэй, — ответил ему второй голос. — Знай я, как он искусен, вовсе не стал бы тратить время на бой с оружием. Моего умения не хватит, но почтенный Старец Без Имени, наверное, сумеет разыскать его завтра.

— Да, — отозвался Акиро-сэй. Оказывается, в погоню за Конаном помчался сам начальник дворцовой стражи. — Император теперь еще больше хочет оставить этого человека среди нас. Что ж, пусть его ищет придворный маг. Едемте домой, уже поздно.

Голоса стали стихать — всадники повернули прочь от ручья. Вскоре перестук копыт исчез вдали. Конан перевел дыхание. В ушах у него по-прежнему бешено гудела кровь,

перед глазами плавали темные пятна. «Колдуны прокляты! — с ненавистью подумал он. — Погодите, я еще доберусь до вас!» Но сейчас было гораздо важнее не допустить, чтобы они сами добрались до него. Ему надо как можно скорее вернуться на побережье и разбудить дракона. Пусть проклятый ящер увозит его куда хочет, лишь бы подальше от этого острова!

Конан макнул голову в воду, и ему немного полегчало. Кровь теперь текла только из раны на плече, о царапине на груди он и думать забыл, а вот дырка в боку, проделанная кхарийским клинком, хоть и перестала кровоточить, но саднила и отзывалась болью при малейшем движении. Но он продолжал упорно двигаться вперед, пока вдруг снова не оказался в воде. Спасло его только то, что, падая, он успел подставить руки, и новая ванна вкупе с новыми царапинами и кровоподтеками вывела его из беспамятства прежде, чем он захлебнулся. Откашливаясь и отплевываясь, он ползком выбрался на берег и сел, прислонившись спиной к какому-то камню. Сознание медленно расплывалось. Он еще попытался заставить себя встать и пойти, но, не сделав и двух шагов, рухнул лицом в жухлые листья.

ГЛАВА 10. Двоев в одном

На берегу, пачкая в песке драгоценные, затканные золотыми сосновыми черные одежды, сидел древний старец. Лицо его, в котором Конан узнал бы лицо старика, вытащенного из соленой воды матросами «Покорителя Морей», было спокойно, как лицо божества или погруженного в медитацию вендийского аскета. Лишь глаза были почему-то не золотыми, а серыми. Немигающим взором орла смотрел он, как поднимается из-за его острова ослепительное солнце. Поистине, земли эти были избраны богами, ибо ее первой касались лучи благостного светила, когда после ночного отдыха оно медленно восставало из морских глубин.

— Аридоси, — негромко позвал старец.

Он произнес это имя так, словно тот, к кому обращался патриарх, был рядом, в двух шагах. Но прошло довольно много времени, пока из зарослей над песчаным обрывом появился бирюзовый морской дракон.

Он был не один. Сделав большой круг над лесом, на берег, взрывая песок огромными когтистыми лапами, опустился второй дракон. Он, вернее, она была ярко-золотой с красными крапинами вдоль гибкого хребта. Несмотря на то что вновь прибывшая летунья превосходила Аридо размерами, она казалась тоньше и изящнее. Длинная золотая грива ее стелилась по ветру.

Аридо подошел к повелителю, его подруга почтительно улеглась поодаль.

— Тебя это тоже касается, Кагия-химэ, Лунная Дева, — кивнул ей старик, и она с тихим ворчанием подползла поближе.

— Слушайте, дети мои, вот что вам надлежит сделать. В лесу у ручья, что впадает в реку Ити, к западу от дворца, лежит Конан, твой друг, Аридоси. Он ранен и обескровлен, он близок к смерти. Принесите его сюда.

Золотой дракон чихнул и взмыл в небо. Голубой посмотрел подруге вслед, взглянул на старика — тот утвердительно кивнул. И Аридо исчез в зарослях так же стремительно, как и появился.

Патриарх по-прежнему сидел на берегу и вычерчивал прутиком на песке какие-странные знаки. Солнце медленно укорачивало тени. Старик ждал, не проявляя нетерпения или беспокойства: бессмертным не свойственно ни то, ни другое, а он был почти бессмертен. Когда жара стала слишком сильной, он перебрался в кружевную тень банановой рощицы и замер там, у большого, изъеденного солью и ветром камня.

Когда тень больших светло-зеленых листьев, съеживаясь, подобралась к лежащим на песке кончикам витых шнурков его пояса, со стороны леса послышались треск и возня. На берег, слившись в одно бирюзово-золотое тело, выползли драконы. А поперек их тесно прижатых спин лежал бронзовокожий варвар.

Опустив его наземь перед стариком, драконы, испросив изогнутыми шеями дозволения удалиться, умчались, вздымая тучи песка. Старик склонился над лежащим. Протянув узкую желтую руку, он начертил в воздухе сложный знак. Кончики его пальцев светились. Знак вспыхнул и, пока он горел, постепенно затухая, раны, ссадины и кровоподтеки Конана затягивались, бледнели и исчезали, не оставляя шрамов. Киммериец глубоко вздохнул и открыл глаза. В них еще стоял суровый лик божества, едва не унесшего его душу в свои чертоги, что вознесены где-то над миром в горах далекой Киммерии. Но, видно, старик уговорил седого бога-воителя подождать еще немного. Бессмертные умеют ждать.

— И долго ты собираешься так лежать? — спросил старик высоким и насмешливым голосом, совсем не похожим на голос Учителя. Но Конан на всякий случай помотал головой: ему на миг померещилось... Да нет, это был его дракон, только опять в человечьей шкуре. Киммериец сел, широко ухмыльнулся и подмигнул ему:

— И не надоело тебе таскать меня на своей спине, Аридо? В тот раз по воде, в этот — по суше. Но на этот раз, клянусь Кромом, это было весьма кстати!

Произнеся имя своего бога, он вдруг вздрогнул и застыл, окаменев, с широко раскрытыми глазами.

— Четверо было их, с клинками ясного лунного огня... Вода, камни и листья, помеченные моей кровью, указывали им путь... И я видел лицо твое, Владыка! Ты приходил за мной!..

Он снова помотал головой, отгоняя наваждение. Дыхание ветра Серых Равнин ледяным холодом ожгло его кожу. Чувствуя, что если еще хоть миг задержится в странном своем пребывании одновременно в двух мирах, то сойдет с ума, он вскочил на ноги. Небо качнулось у него перед глазами.

— Ты заглянул в глаза своему богу, — послышался снизу высокий дребезжащий голос. — Так же, как он когда-то заглянул в твои. Ты снова остался жив. Имей же силы выдержать память об этом и успокойся.

Словно из сна или сквозь толщу воды взглянул киммериец на своего спутника. Это был Аридо — и в то же время как будто не он. То же лицо в сети множества морщинок, та же узкая бородка, тот же взгляд... Но, приглядевшись, Конан понял, что изменился именно взгляд — стал острее, насмешливей и старше. Даже цвет глаз из желтого превратился в серо-стальной. Глаза сидящего перед ним напоминали клинок не только цветом: казалось, взгляд их пронзает насеквоздь, словно насаживает на тонкую, не толще солнечного луча, зингарскую рапиру. Конану стало не по себе.

— Ты кто таков? — хмуриясь, спросил он. — Выглядишь точь-в-точь как мой дракон, когда превращается в человека. Ты из местных?

Старик медленно покачал головой из стороны в сторону. Теперь глаза его смеялись.

— Да и нет, — ответил он. — «Да» — на первый вопрос и «нет» — на второй. Вернее, не совсем нет. Я был «из местных» — когда-то, много тысяч лет назад, я здесь жил. И я и есть твой дракон, Конан. Я — тот, с кем ты прошел бок о бок весь долгий путь от однокого острова до этих благословенных берегов. Но я — не Аридоси. Аридоси — там.

Он протянул руку и указал вдаль, где в тучах песка, щебня и мелких водорослей ревились на берегу два дракона — бирюзовый и золотой. Конан взгляделся, сощуриясь, затем перевел взгляд на старика. Тот по-прежнему смеялся.

— Разве ты не помнишь, что сказал тебе Тай Юэнь? Ты потерял двоих, ты нашел двоих, ты разделил двоих. А разделив, соединил. Вот они, два последних дракона, безумствующие в брачном танце. Смотри, ибо больше ты нигде не увидишь ничего подобного.

Золотое и бирюзовое тела свивались в кольца, то тесно переплетаясь меж собой, то распадаясь из одного зверя в двоих. Гигантским неистовым вихрем кружились они по берегу и, судя по всему, были совершенно счастливы.

Конан сел на песок. На него вдруг навалилась усталость, он понял, что путь его окончен. Старик коснулся его плеча неожиданно ласковым жестом.

— Ты завершил одно деяние, но на этом не закончен твой путь, Конан-киммериец, — сказал он, словно читая его мысли. — Боги привели тебя сюда, на самый край земли, чтобы ты знал, до каких пределов будет простираться твое королевство. Ни я, ни мой народ никогда не забудем твоей услуги, сын мой.

— Твой народ? — удивился Конан. Затем, сообразив, рассмеялся: он вспомнил, чье лицо напоминало ему лицо императора. — Так ты — тот самый правитель, что оставил остров сыну и ушел странствовать? В драконьем теле?

Старик бросил на него быстрый взгляд — киммерийцу снова показалось, что его пронзил острый луч — и сказал:

— Если ты и в самом деле готов слушать о вещах странных и удивительных, то садись и слушай.

Он закрыл на мгновение глаза, подставив лицо солнцу, затем выпрямился и начал свой рассказ.

— Слушай же, сын мой, ибо более ты не услышишь подобного ни от кого на свете,— важно проговорил старик, и Конан сел поудобнее на теплом песке, догадываясь, что рассказ предстоит долгий.— Да будет тебе известно, что боги этого мира враждуют постоянно — ведь невозможен союз и согласие сил света и тьмы, добра и зла, творения и разрушения, любви и ненависти, ибо не может быть света без тьмы и добра без зла. Но ни светлым, ни темным богам недозволено нарушать Великое Равновесие. Ибо, если рухнет этот мир, доверенный им старшими богами, негде будет им творить ни добро, ни зло.

Но и боги могут просчитаться!

Быть может, слишком увлеклись они своей враждой и не выдержали страшной тяжести опоры, застонала гигантская Черепаха, что несет на себе и наш мир, и множество иных миров, треснул ее панцирь, праматерь съежилась, оберегая свою жизнь, и кусок тверди провалился, а на его место хлынули жадные волны.

Быть может, извне прилетел огромный камень-скала и ударился о сушу, расколол ее, разбил на материки и мелкое крошево островов.

Быть может, под толщой вод морских разверзлась огромная дыра, вытолкнув жидкий огонь и приняв в себя скалы, на коих покоились плодородные земли атлантов.

Доподлинно этого, сын мой, не знает никто. Я не был во всех местах разом и не могу рассказать тебе, как вздыбившиеся волны захлестывали озера огня, разверзшиеся в горах, и скалы разлетались на куски, как рано или поздно разлетится на куски забытый на огне горшок с варевом, если придавить его крышку камнем.

Я сам попал в такую волну, меня швырнуло о берег, едва не раздробив кости. Но тогда мы с Аридоси были уже в одном теле, и он послужил надежной броней для моей бренной плоти.

Я оставил дом ради знаний, движимый неуемной жаждой увидеть весь мир. Ничто не предвещало беды. Молчали наши пророки, умевшие предсказать за десять дней простую бурю. Видно, все-таки смерть пришла извне, откуда-то из черной звездной бездны, иначе бы хоть кто-нибудь знал заранее о грядущем бедствии.

— Рорта знал,— ввернул Конан. Он слушал очень внимательно, но взгляд его был прикован к танцующим драконам.— Он знал и предупредил детей рода Южного Ветра.

— Бывает, и прорицатели ошибаются,— вздохнул старик.— Наши таблицы молчали. Впрочем, острова Никон-но не пострадали от той бури, как видишь. Зато пострадали другие наши поселения. Ведь мы тогда плавали по всему свету и жили не только в Кхитаяе, но и на островах близ Вендии, и на том материке, остатки которого ныне зовутся Барахскими островами. Мы не враждовали с атлантами и старались не встречаться с воинственными пиктами.

Что случилось с кхарийцами в остальных землях, я не знаю. Но те, кто бежал из Кхитая, гонимый переселенцами из Лемурии, приплыли сюда и остались здесь. Об этом, впрочем, я узнал только нынче утром...

Мы же с Аридо в своих странствиях оказались слишком близко к самому сердцу Катастрофы, чтобы успеть избежать ее. В самый последний миг я успел воссоединиться с драконом, чтобы пронести тело и душу через эти потоки огня и воды.

При этих словах патриарх лукаво сощурился и добавил:

— Если бы ты встречался с драконами до Аридоси, ты бы знал, что они не умеют разговаривать и совсем не владеют магией.

Конан хмыкнул.

— Он же самый последний на свете дракон. Где бы я взял другого, чтобы сравнить?

Старик кивнул, сразу посерезнев.

— В этом и состоит величие твоего деяния, сын мой. Ты привел его сюда. Теперь великий род драконов не угаснет, хотя, как видишь, остался один дракон воды и один — воздуха. Но даже если их потомки не смогут летать, я буду не

очень огорчен. Гораздо горше было бы утратить навсегда этих дивных животных. В силах ли ты слушать дальше?

— Да, отец мой, я слушаю.

— Очнувшись, я не узнал искалеченного мира. Там, где раньше были горы, теперь плескались моря, пустыни поглотили леса, реки перерезали ранее бесплодные пустоши, где росла одна лишь певун-трава. А благословенная Атлантида и острова пиктов, лежавшие в Западном океане, и вовсе исчезли с лица мира. Великая Катастрофа свершилась, Первый Потоп сравнял с землей древние царства и отнял тысячи тысяч жизней. Уцелели единицы. Но осталось несколько островов цивилизации, которых не затронуло буйство стихий — Китай, полудикие страны Запада, коренным жителям которых остались в наследство недостроенные города атлантов, далекий материк Му и наши острова, Нихон-но.

Когда я, вернее, мы с Аридо пришли в себя, то обнаружили, что круговорть Катастрофы так перемешала нас, что теперь мы не можем разделиться. Из двух существ мы превратились в одно. Аридо дал ему сильное тело, способность подолгу не есть и не спать, умение дышать в воде и передвигаться с немыслимой скоростью. Все драконы очень быстры, но у каждого рода была своя стихия, в которой они могли подолгу жить, не нуждаясь ни в чем: водяные драконы могли луну за луной проводить в море, драконы воздуха могли лететь и лететь без устали, догоняя солнце, драконы земли — рыть бесконечные тоннели, не вылезая из них, как кроты, драконы огня спускались в пылающие жерла вулканов и путешествовали в гигантской кузне земли. Аридоси был водным драконом, лучшим из молодых самцов, потому я и выбрал его для своих странствий...

Он был лучший дракон, а я — самый могущественный маг и бывший правитель этих островов. Смешавшись, мы создали существо, которое могло выжить почти везде. Единственной опасностью для такой твари были люди. Но были в этом слиянии и свои недостатки: я сумел дать новому существу лишь половину своего ума, а Аридоси — лишь половину своего чутья. Оставайся он настоящим драконом, он давно приплыл бы домой — его привел бы тот же ин-

стинкт, который каждый раз приводит диких уток, родившихся в теплом краю, к северным гнездовьям родителей.

В то же время как маг получившийся у нас зверь не был искусен настолько, чтобы вновь разделить себя на дракона и человека. Сначала мы оба очень мучились, но постепенно привыкли, а за две тысячи лет такого существования и вовсе позабыли, кто мы.

Ты своим появлением нарушил привычное течение нашей жизни. Мы понимали, что рано или поздно люди найдут и убьют нас — не оружием, так просто самим своим присутствием. Драконы ухо так чувствительно, что не выносит резких криков и фальшивой музыки, а обоняние так остро, что резкий запах может если не убить, то покалечить зверя. Жизнь в золотой клетке, в неволе, среди людей непременно доконала бы нас обоих. Нет, — сокрушенno покачал старик головой с седым, легким, как семена одуванчика, пухом над смуглым теменем. — Мир людей совсем, совсем не подходит драконам!

— А вы-то разве не люди? — удивился Конан. — Ваш мир драконам вполне по душе, судя по этим двум влюбленным!

— Мы, конечно, люди, — словно с неохотой признал патриарх. — Но в то же время и не совсем люди. Наш народ приплыл на этот остров много тысячелетий назад. Здесь уже тогда жили драконы, ведь отсюда начинает свое дневное шествие Солнце, которое вы зовете Оком Митры. Здесь — край мира, и, как ни старались, мы не смогли найти иную землю еще восточнее нашей.

Когда наши предки поселились здесь, то, увидев первого дракона, безмерно испугались. А дракон испугался, увидев их, ибо до тех пор эти острова посещали лишь боги. Сюда прибыли корабли принца Иссэ, отправленного отцом в изгнание за пределы всех известных земель, в таком гневе был на него родитель — ведь он соблазнил собственную сестру. Бедный юноша, впрочем, не знал тогда, что это его сестра. Но даже в незнании кровосмесительство — великий грех, непростительный перед лицом любых богов. Вместе с принцем отправилась вся его свита и иные люди, из про-

стых и незнатных, сердечно сочувствовавшие его злой судьбе. Всего на дальний из этих островов высадилось одиннадцать дюжин человек...

Их корабли причалили к берегу, изгнанники обошли остров и решили, что боги скакали над ними и послали им небесные земли среди моря. Они разбили лагерь, вознесли моление светлым духам острова и заснули, не заботясь ни о чем. А ночью, привлеченные светом огней и новыми звуками и запахами, к ним пришли драконы.

— Могу себе представить, — пробормотал Конан. Ему и в самом деле представился принц, смуглый и худой, вроде Тай Юэя, который спит с своим шатре и вдруг просыпается оттого, что в светлой ткани, ширясь от центра, расползается дыра с обугленными краями. В дыру просовывается хитролазая морда в бирюзовой чешуе и говорит: «Добрый вечер!»

— Сначала люди очень испугались, — говорил тем временем старик, не обращая внимания на неподобающий смех слушателя. — Драконы тоже испугались и ушли. Принц Иссэ хотел в тот же час погрузиться на корабли и уплыть от чудовищ, но в шатре явился ему бог грома и молний Райдэн и повелел остаться и жить в мире с Первыми Детьми земли.

Он повелел основать на островах новое государство кхариев, которые бы заботились о драконьем племени и не давали другим людям овладеть этими прекрасными и беззащитными творениями. Поэтому о нашем острове не знает никто в Хайбории, не будет знать и впредь. Ты же, сын мой, не употребище свое знание во зло, в этом я уверен.

Конан серьезно кивнул. У императора Нихон-но, оказывается, была веская причина удерживать незваного гостя в плену. Кто посмеет противиться воле богов? Теперь же, глядя на резвящуюся пару, киммериец понимал, почему боги заставили его пройти весь этот путь. Впервые он увидел в Аридо не живую легенду, чудом не отправившуюся вслед за всем тем, что унесла с собой Катастрофа, а нечто само собой разумеющееся, словно этому острову недоставало именно дракона, чтобы стать самым прекрасным местом на свете. Как будто у драгоценной вазы был отбит край, а Конан принес и приладил недостающий кусок.

— Живя бок о бок с драконами, мой народ стал походить на них, — продолжал старик. — Мы стали почти бессмертны, научились ценить тихий звук и нерезкий запах, научились говорить со всякой живой вещью, а в неживых пробуждать душу. Мы не воюем, не обираем друг друга, мы забыли, что такое злоба и ненависть. Долгий век и схожесть с кхитайцами позволяет нам путешествовать неизвестными в вашем мире, многое видеть, многое знать. Мы мало похожи на людей, населяющих Туранский материк.

— Как же вы все-таки разделились? — поинтересовался Конан. Этот вопрос занимал его более всего. Он никак не мог поверить, что в Аридоси жило на самом деле два существа. Хотя если вдуматься, то последние дни дракон вел себя все более странно — старел человеком и молодел драконом.

Патриарх, улыбаясь, посмотрел на любовников. Утомившись, они перестали метаться и улеглись рядышком на песке, время от времени покусывая друг друга за уши.

— Когда Кагия-химэ, Лунная Дева, почуяла, что Аридоси вернулся, она примчалась сюда быстрее горного ветра. Мы в это время еще спали, вернее, я спал, а он дремал, ибо я отыхал только вместе с ним, а потому уставал больше, чем он. Увидев старую приятельницу, он кинулся ей на встречу с такой внезапной прытью, что я не успел вслед за ним и остался спать. А проснувшись, вспомнил все, что должен был вспомнить. Потом я стал искать тебя — не так, как это делаете вы, а по-своему, — нашел и велел им принести тебя сюда. Ты, кажется, дралися?

— Да, отец, и не скажу, чтобы твои стражники показались мне неопытными юнцами! — ответил Конан с кривой усмешкой. — Я-то прошел неплохую школу, а любой другой на моем месте был бы убит прежде, чем успел вздохнуть!

— Твою школу я знаю, — заметил на это старик. — Чем дольше длится жизнь, тем она ценнее в твоих глазах, и потому каждому необходимо владеть Искусством Убивать. И здесь ему учат не один год, как учили тебя, а всю жизнь. Суди сам, сколь многому можно научиться! Теперь же я хочу, чтобы ты проводил меня во дворец. Пусть мой непутевый сын сам принесет тебе свои извинения.

— Извини, многомудрый старец, но с твоим сыном я уже знаком,— поспешил отказаться Конан.— Лучше вели своему дракону увезти меня куда-нибудь подальше. Я слышал разговор стражников, так они сказали, что с утра меня начнут искать...

— Вот мы и найдемся,— кивнул старик.

Железными пальцами он взял киммерийца за локоть — тот едва не охнул от такой хватки,— и повлек к драконам, приговаривая на ходу:

— Нерадивость должна быть наказана. Если бы мой сын уделил тебе должное внимание и задумался, каким же образом приплыл ты без корабля на острова, удаленные от всех берегов на десять дней пути, он повел бы себя иначе. Идем-идем.

Волей-неволей Конану пришлось подчиниться. Он уже понял, что без повеления этого человека, который еще во время Катастрофы был стар настолько, что отказался от трона, никто в этой стране не пошевельнет ни пальцем, ни когтем, чтобы помочь киммерийцу вернуться в западные земли. Посему оставалось следовать за ним. В виде Аридо ему этот старик, пожалуй, нравился больше.

Тем временем драконы, послушные знаку старца, приблизились к людям. Конан взгляделся в золотые глаза своего приятеля — теперь там не было ни злости, ни хитрости, ни даже просто разума: они были ясны, как чешуя его подруги. Дракон был счастлив и совершенно позабыл о своем существовании в одном теле с магом.

— Ну и Нергал с тобой, бирюзовое брюхо,— проворчал Конан, еще не зная, рад он этому или нет. По совести, для дракона было бы лучше не помнить о прошедших веках мучений на острове, где он сидел как паук в паутине и ловил все проходящие мимо корабли, лишь бы о нем не узнали люди.

— Садись, сын мой,— пригласил старик.— Думаю, тебе будет привычнее Аридо, да и сам он свыкся с тобою.

Ласковым жестом, подходящим более по отношению к кошке, чем к дракону, он протянул руку и почесал огромного зверя под нижней челюстью. Дракон сощурил глаза

и издал звук, похожий на глухое ворчание голодного волка.

Конан не заставил себя долго упрашивать и мигом устроился на спине Аридо. Старик сел на золотого — боком, как садятся в седло изнеженные аквилонские красавицы, выезжая на охоту в платьях с длинными шлейфами,— и тихонько щелкнул Кагию-химэ меж ушей. Она прижала лапы к бокам и двинулась с места так стремительно, что мгновение спустя почти пропала за деревьями.

— Ну, чего ты ждешь? — ворчливо спросил Конан у своего скакуна. Было так непривычно видеть в Аридо бессловесную неразумную тварь. Разум и речь давала ему душа колдуна, хранившаяся в надежной оболочке из бирюзовых чешуй. Теперь душа отделилась, заняла собственное тело, и Конан для ящера не более чем всадник, и то на короткое время...

Дракон обернулся на него морду. В золотых глазах Аридо плясали веселые искорки.

— Я все помню,— тихонько сказал дракон и шутливо ткнул Конана носом так, что тот едва не слетел с его шеи.— Только ты не говори ему. Он расстроится. Для него я должен быть немым беспечным зверем. Пусть я для него таким и буду, ладно?

Киммериец раскинул руки, издал ликующий вопль и расхохотался — впервые от всей души с тех пор, как покинул Тай Чанру.

* * *

В первое свое путешествие до столицы Конан добирался почти трое суток. Драконам же на этот путь хватило времени от обеда до заката. Впрочем, они и шли не дорогой, а напрямую через леса и реки.

Сначала они выехали из леса в распаханные поля, затем потянулись сады и дома поселян. Ближе к столице начались усадьбы тех, кто был приближен ко двору. Конан полагал, что старик минует их, обходя как можно дальше, но вернувшийся император велел драконам выбираться на дорогу и идти помедленнее, чтобы дать себя как следует рассмотреть.

Стоило поглядеть на то, как высыпал на улицы народ, завидев двух драконов. Люди выскакивали из домов, женщины выносили детей и поднимали их повыше, чтобы те тоже смогли полюбоваться. Сначала все видели только драконов и глазели на них, пока наконец кто-то не разглядел всадников и не крикнул: «Император-отец! Вернулся Старший Сын Неба!» — и переполох поднялся вдвое против прежнего.

Драконы гордо шествовали по мощенной яшмой дороге, а вслед за ними из усадеб одна за другой выкатывались повозки. Их на ходу уивали лентами и цветами, украшая даже быков, тащивших экипажи. В повозках восседали дамы, нарядные и пестрые, как стайка южных птиц. Их сопровождали всадники в платьях не менее ярких, чем женские. Слуги и дети, вопя и распевая какие-то песенки, бежали вслед.

Отовсюду слышался смех и приветственные выкрики. Толпа росла, и к большим земляным воротам, отмечавшим въезд в столицу, подошло уже целое шествие.

Император-сын, как видно извещенный скороходом, вышел отцу навстречу в сопровождении пышной свиты. Драконы остановились под стеной дворца и двое подбежавших слуг почтительно помогли старцу сойти наземь, хотя он в этом и не нуждался. Младший император согнулся в поклоне чуть ли не вдвое и расправился лишь тогда, когда отец обнял его за плечи.

На лице сына была написана искренняя радость, в глазах дрожали слезы. Патриарх обернулся на Конана и знаком велел ему следовать за собой. Киммериец напряженно оглядывался, не возьмется ли кто-нибудь поминать ему вчерашний побег, но и стражи, и царедворцы, включая Акиро и Корэтика, лишь почтительно ему поклонились, ничем не выдавая, что видят его не впервые.

Чем-то их поклоны и молчаливые приветствия напоминали бесконечные церемонии кхитайцев, но здесь, в отличие от Города Тысячи Драконов, все лица были живыми, а не застывшими масками с щелочками хитрых темных глаз. То, что ни отец, ни сын не сказали друг другу ни слова,

скорее выглядело как переполненность чувствами, чем как их отсутствие. Да, это были не кхитайцы, но Конан, глядя на них, думал о том, что ему вконец опротивели желтые физиономии, кому бы они ни принадлежали. Короткая передышка среди народа Южного Ветра лишь усилила его тоску по родному северу, где правят не маги, а короли, где верное сердце и искусный клинок ценятся дороже ворожбы и нефритовых безделушек.

Войдя в зал приемов, император попросил всех удалиться, оставив его наедине с отцом. Царедворцы вышли, осталась лишь Конан. Едва за пышной свитой закрылись резные двери, старик вскочил с места и принял расхаживать по залу. Полы его одежд воинственно взметывались, когда он резко останавливался, чтобы повернуться к сыну.

Высокий голос патриарха дрожал от гнева, и голова императора клонилась все ниже.

— Как ты мог! — выкрикивал старик. — Как ты только мог допустить такое! Разве не в твоем распоряжении вся магия мира и благословение богов? Единственный дракон! Как ты допустил, чтобы погибли все остальные? Или не слушались они тебя с первого слова? Как ты мог быть так беспечен?

— Я старался, отец. Наши острова не ушли под воду, но волна поднялась в сто сажен, и почти все драконы воздуха погибли в один день. Их расплющило в море, они не смогли выплыть. Многих из тех, кто был под землей, завалило и зажало сдвигами каменных пластов. В самом центре Хосай разверзся огненный вулкан, и все Красные ринулись в него с радостными воплями. Вулкан потух и, видно, закупорился плотной пробкой остывшей лавы и пепла, потому что ни один огненный дракон не вернулся с тех пор.

— А остальные?

— Остальные тоже вскоре начали уходить от нас. Они гибли один за другим... Думаю, что от тоски по сородичам. Старая Матерь легла на берегу и отказывалась от всего, пока не умерла. Осталась одна Лунная Дева, и теперь я понимаю, что она ждала Аридоси, как-то узнав, что он жив. Больше не выжил никто.

Похоже, искреннее раскаяние, написанное на лице сына, смягчило гнев ушедшего императора. Помолчав, он спросил, уже мягче:

— Много ли людей погибло тогда?

Младший правитель горестно покачал головой.

— Почти все, кто оказался на побережье. Целые поселения были унесены в океан со всеми, кто был в домах и на пашнях. Я вернул к жизни тех, кто скончался всего лишь от ран, но многие были унесены в море или раздавлены камнями и упавшими деревьями. И нас все еще меньше, чем до Катастрофы, потому что дети растут медленно.

Я объявил, что каждую вновь созданную семью, будь это даже простые бродяги-поденщики, я наделю большим участком земли, и таким образом мне удалось быстро возместить большую часть потерь. Но все же...

Какое-то время патриарх расхаживал молча. Кисти его пояса волочились за ним, извиваясь по узорному полу, как змеи. Потом взгляд его упал на Конана, стоявшего у раздвижной ширмы. Брови старца вновь сошлись на переносице.

— Теперь ответь мне, почему не сумел ты достойно принять этого вот человека? Можешь не говорить. Проступок твой тяжел тем более, что ты должен был принять его не просто как странника, а как почетного гостя, сообразно заслугам, ведь он привел сюда Аридо! Теперь во искупление вины ты своей рукой выберешь ему достойный дар. Я сказал, а ты слышал. Ступай.

Младший, не посмев ни взглядом, ни вздохом выразить неудовольствие или несогласие, молча поднялся со своего места, поклонился отцу и вышел из зала приемов. Старик обернулся к Конану. Глаза его смеялись.

— Не слишком ли ты суров к нему, мудрейший? — изображая на лице озабоченность, спросил киммериец. — Он принял меня... гм... не так уж плохо. И был очень расстроен исчезновением Лунной Девы. Всякий бы на его месте был небрежен с пришельцем.

— Я понимаю твои мысли лучше, чем слова, — отозвался старик, улыбаясь. — И согласен с тобой: выговор при

чужаке горше вдвое. Но ты скоро оставишь нас и, если только не вмешаются вновь благие боги, никогда больше здесь не появишься. А потому гордость моего сына будет страдать ровно столько, сколько он заслужил. Я слышу шаги — он возвращается.

Несколько мгновений спустя шум шагов стал слышен и Конану. Двусторчатые двери распахнулись, и в зал вошла пышная процессия.

Впереди, бледный от волнения, шел юноша из дворцовой гвардии. На вытянутых руках он нес дар императора — что-то длинное и узкое в драгоценном лаковом футляре с богатой инкрустацией, — но взгляд его, красноречивый, как взгляд влюбленного, был устремлен на патриарха. Сколько лет было этому мальчику, если он знал в лицо ушедшего два или три тысячелетия назад правителя? Следом за ним шел, спрятав ладони в рукавах многослойных одежд, сам император, далее следовали сановники и придворные сообразно рангам. Старик легонько подтолкнул киммерийца — ступай, мол, навстречу.

По знаку императора с футляра сняли крышку, и Конан увидел свою награду. На алом шелке, рдеющая в огненных бликах на полированной зеркальной стали, лежала хатана. Рукоять ее была обвита черным с золотом шнуром, ножны выточены из черного дерева. Она покоялась в лаковой шкатулке, как драгоценность, как Рана Риорда, возлежащий в своей колыбели. Глаза киммерийца загорелись.

— Ты вернул нам самое дорогое, что было у нас, — торжественно, нараспев сказал император. — Старшего в роду и последнего оставшегося в живых дракона-самца. Теперь мы, быть может, сможем восстановить это украшение нашего мира, во всяком случае, род их не угаснет. Поэтому прими в дар самую большую драгоценность нашей сокровищницы. Имя этого меча — Кама Гатэри, Откровение Бога. Равной ей нет во всем свете.

— Вот это подарок! — выдохнул Конан. Выхватив меч из футляра, он восторженно разглядывал изящную форму и ясную гладь клинка, в которой синими точками вспыхивало отражение его глаз. — Благодарю тебя, владыка!

Император улыбнулся.

— Искупил ли я свою вину, повелитель? — обратился он к отцу.

— Вполне, — ответил старец с тихим смешком.

Тогда император повернулся к гостю:

— Искупил ли я свою вину, Конан из Киммерии?

Конан только молча кивнул, весь поглощенный созерцанием. Даже хатаны Юлдуза уступали этому мечу, чья форма была совершенна, а рукоять сама просилась в руку. Ему не терпелось испытать новое оружие, но он опасался, что если возьмется делать это прямо здесь, отсечет не одну кисть со шнуром и кончиков рукавов пышных одежд придворных.

— Теперь я хотел бы отдохнуть, — объявил старший правитель. — Путь мой был долг, я устал и душой, и телом. Призови Лунную Деву, сын мой, и вели ей доставить этого человека, куда он сам пожелает. Прощай, Конан из Киммерии, избранник богов. Меч, которым ты теперь владеешь, сравним по возрасту и славе с Рана Риордой, Небесной Секирой. Ты сумеешь использовать его как ему подобает!

Конан в ответ молча отсалютовал хатаной, как если бы приветствовал своего государя, затем приладил за спиной ножны ибросил в них чудо-меч. Патриарх кивнул придворным и удалился, сопровождаемый свитой слуг.

Император, стоявший со склоненной головой, пока патриарх не скрылся за дверями, выпрямился, обернулся к почетному гостю и сделал приглашающий жест. Последовав за ним, Конан вышел по маленькой лесенке на плоскую крышу над залом приемов. Она была выложена цветными плитками и по ширине не уступала ристалищу в Халоге, на котором проводились большие гладиаторские бои. Киммериец догадался, что сюда слетались по зову правителя драконы, если он хотел срочно передать весть на другие острова или просто проводил смотр крылатым ящерам.

Крылья, как заметил Конан, у летающих драконов были небольшие, нужные лишь для того, чтобы подняться в воздух. Взлетев, они прижимали их к бокам так же, как прижимали лапы, если передвигались по земле.

Кхариец выкрикнул вверх не то очень длинное слово, не то много коротких. Как видно, Лунная Дева тоже было не имя, а прозвище. Император перевел дыхание и пояснил, словно прочел мысли киммерийца:

— Только старший в роду, Повелитель Драконов, может позвать дракона как угодно, хоть бы и простым «иди сюда», и дракон придет, где бы он ни был. Мне же нужно звать его по имени, и то я не могу быть уверен, откликнется он или нет. Если бы было иначе, я не был бы так испуган накануне, когда Кагия-химэ не откликнулась на мой зов.

В небе, ослепительно-золотая против солнца, появилась Кагия-химэ. Сначала она казалась не больше точки, но точка эта быстро росла, приближаясь, и вот над крышей уже кружил огромный дракон, выбирая себе удобное место для приземления.

Крыша была сделана с таким расчетом, чтобы на ней одновременно могли свободно разместиться не менее дюжины драконов, и потому Лунная Дева с легкостью опустилась на все четыре лапы у дальнего края площадки, опасаясь задеть людей длинным извивающимся хвостом.

— Кагия-химэ, Повелитель Драконов приказал доставить этого человека, куда он сам пожелает. Будь ему послушна во всем, — сказал ей император, и огромный зверь выгнулся гибкую шею, склонив голову.

— Она понимает любую человеческую речь, хотя сама лишена этого дара, — обернулся к Конану кхариец. — Ты можешь говорить с ней даже на своем родном языке, и она поймет, хотя не слышала его ни разу. До западных королевств она донесет тебя за день, считая ночь в пути, или за два, если ты захочешь высаться на твердой почве. Тогда просто вели ей спуститься там, где тебе покажется достаточно безопасно. Но заклинаю тебя всем, что тебе свято, Конан, не заставляй ее садиться на землю близ людских поселений, иначе мы никогда больше ее не увидим. Драконы любопытны, как кошки, и обратно она может не вернуться.

— Обещаю тебе, — серьезно кивнул Конан. — Я уже знаю, каково дракону в мире людей. Она вернется в целости и сохранности.

Он — уже так привычно — устроился на спине дракона, обхватив коленями шею. Кагия-химэ подпрыгнула, захлопав перепончатыми крыльями, как летучая мышь, разбежалась и сорвалась вниз с высокой крыши. На мгновение сердце киммерийца поменялось местами с желудком, но дракон выровнял полет, прижал крылья к бокам и начал стремительно набирать высоту. Тело зверя свивалось и развивалось, словно волна прокатывалась по нему от головы до хвоста.

— Прощай, и да хранят тебя боги! — крикнул снизу император, воздев руки. Конан, одной рукой удерживаясь за гриву дракона, другой взмахнул ему в прощальном жесте. Дворец провалился под ним вниз и в сторону, вскоре и город исчез в сплошном море зелени. Чешуйчатая летунья сделала большой круг над холмами и повернула к берегу.

Конан думал, что она сразу направится через море на запад, в сторону Кхитая или Вендии, но над желтой полосой песка у берега Лунная Дева замедлила полет и начала снижаться. Внизу, между синей полосой и желтой, куском яркой смальты в пене прибоя сидел в ожидании бирюзовый дракон.

— Аридо! — обрадованно крикнул Конан.

— Он самый, — подтвердил дракон, едва они приземлились. — Кто, по-твоему, растолкует моей Птице, как лететь к Хайбории? Я бы и сам тебя отнес, да у нее это получится быстрее. Ну, говори, куда тебе надобно?

Киммериец задумался. Потом быстро вычертил на песке неуклюжую, но все же довольно внятную карту земель вокруг Вилайета.

— Добравшись сюда, я доберусь и на запад, — сказал он, тыкая прутиком в западное побережье. — А в этих местах полно солончаков и пустошей, где твоя подружка сможет высадить меня, никем не замеченная. В Туран мне нельзя, там я объявлен преступником... Пусть отнесет меня куданибудь за Туран — в Хаурен или Замору. Я бывал и там, и там, места эти знаю, так что быстро найду себе другого коня.

Аридо кивнул и принял что-то ворчать золотому дракону в самое ухо. Та слушала внимательно, чуть склонив

набок изящную голову. Сейчас с этой пары можно былорезать статуэтку, цену которой в Кхитое не осмелился бы назвать никто.

Наконец Кагия-химэ фыркнула, тряся головой — ей надоело выслушивать объяснения, она все поняла и запомнила. Конан снова уселся ей на спину. И тут Аридо достал откуда-то из-за своего хвоста кожаный мешок киммерийца с остатками припасов, который тот бросил на берегу, оставив дракона спать на солнышке.

— На два дня тебе хватит, — заявил дракон. — Да и мешок пригодится. Прощай. Береги мою Птицу!

— Прощай, Аридо, — сказал Конан куда сердечнее, чем говорил это императору или его отцу. — Смотри, не попадайся больше людям!

— Сам не попадайся, — фыркнул дракон. Потерся носом о щеку Кагии-химэ и с плеском нырнул в море. Он знал, что Конан не любит долгих проводов.

Золотая стрела снова взвилась в небо. Дракон взлетел так высоко, что оказался над облаками, и какое-то время Конан с интересом разглядывал, как перетекают их огромные глыбы из замков в парусники, а из парусников в сказочные зверей...

Постепенно мерное колыхание драконьего тела под ним стало действовать усыпляющее, он устроился поудобнее и заснул.

Проснулся он от свиста ветра в ушах. Небо потемнело, погода портилась. Конан потянулся, разминая затекшие члены.

— Спустись вниз, давай глянем, где мы! — крикнул он дракону, и та послушно направилась к земле.

Они летели над морем. Справа Конан разглядел знакомые острова, к которым столько раз ходил и пустой, и с добычей, слева темнели Ильбарские горы.

Вскоре начался дождь, и Конан велел Лунной Деве подняться над тучами. Здесь сияло солнце, и не успел киммериец доесть остававшиеся в мешке сушеные мясо и фрукты, запивая последним кувшином вина, как одежда его высохла, а тело согрелось.

К исходу утра они миновали полосу туч, теснившихся над Тураном. Позади остались роскошные сады и дворцы Аграпура и Акита.

Дракон летел на северо-запад, к солончаковым пустошам, разделяющим плодородные долины рек Ильбарса и Карапты.

Кагия-химэ опустилась как раз у берегов одного из притоков Карапты. Еще сверху Конан разглядел по его течению небольшой городок на самой границе Хаурана. Спешившись, он похлопал своего «коня» по золотой шее, сказал: «Беги теперь к своему милому» — и отпустил. Дракон взмыл в небо, сделал круг, прощаясь, и вскоре растворился в золотом диске солнца, еще не добравшемся до зенита.

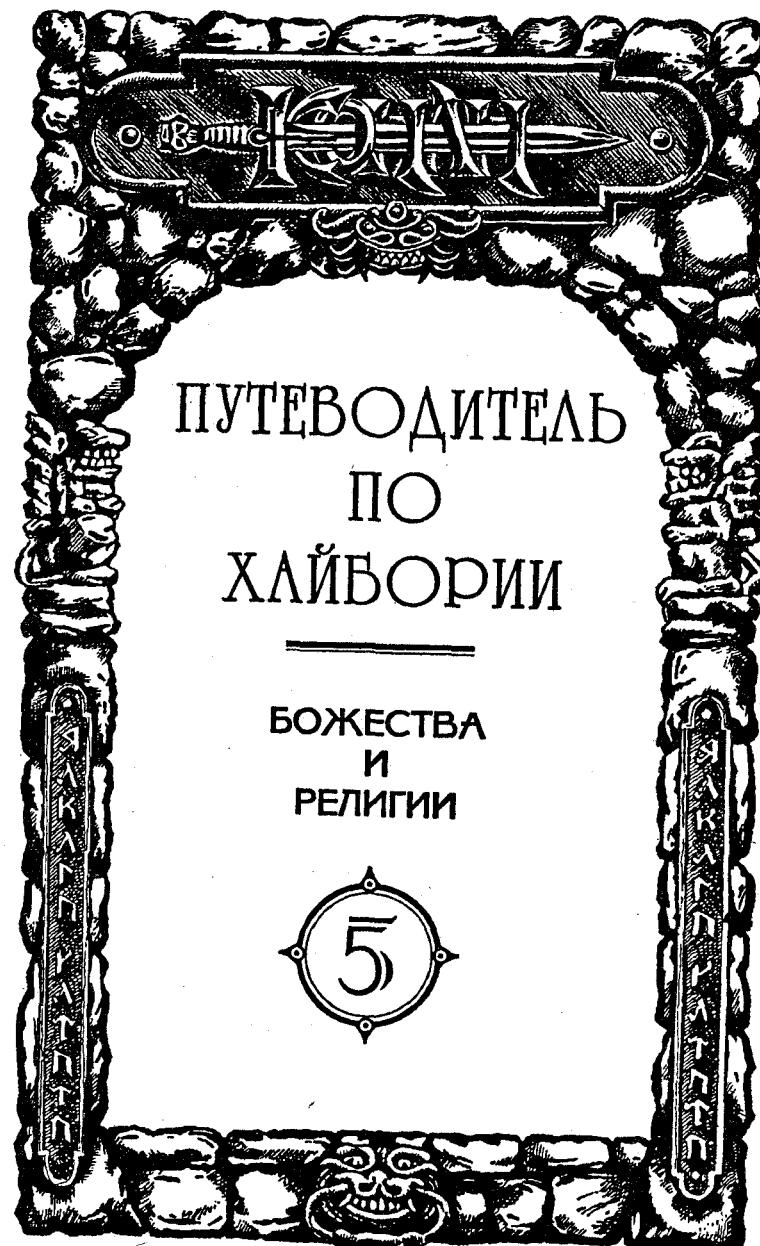
Конан посмотрел ей вслед, поправил перевязи с мечами — один из них теперь можно было продать за недурные деньги, ибо кхитайское оружие ценилось во всех странах юго-востока, — и зашагал по пыльной дороге к городу у реки.

«Помнится, два года назад в Хауране пришла к власти королева Тарамис, — размышлял он. — Когда я ее видел последний раз, она была еще девушки, но обещала стать редкой красавицей. А красавицам всегда нужны телохранители. Вряд ли властительница Хаурана станет исключением из этого правила!»

Он обернулся — ясную синеву неба нарушал лишь паяцкий вдали стервятник.

— Да, Нергал меня побери! — молвил он вслух со сме-ком. — Все красавицы одинаковы, что с коронами, что без. Удача всегда сопутствовала мне в этих землях, не изменит и теперь!

Удача не изменила ему. Через три дня он въехал в столицу, город садов, фонтанов и белокаменных храмов с высокими голубыми куполами, а еще через два дня у личной гвардии прекрасной королевы Тарамис появился новый начальник.

A

Дорогие друзья!

Первая часть справочника
«Путеводитель по Хайбории» —
«Страны и народы: Агадея — Ап».
была опубликована в томе
«Конан и Сердце Аримана»,
вторая часть
«Страны и народы: Аргос — Зингара»
в томе
«Конан и Багровое Око»,
третья часть
«Страны и народы: Иранистан — Кхитай»
в томе
«Конан и Призраки прошлого»,
четвертая часть
«Страны и народы: Майапан — Черные королевства»
в томе
«Конан и Заговор теней»

АДОНИС, Владыка Неба в шемитском пантеоне. Миф о любви А., именуемого иначе *Плеором*, к Матери-Земле *Иштар* является основополагающим в шемитской религии. Бесчисленные версии этого мифа можно услышать и у костров кочевников, и в тавернах, и в крупнейших столичных храмах. Жрецы А. способны овладеть магией воздушной стихии, а жрицы *Иштар* — заклинаниями земли. Однако их едва ли можно назвать полноценными магами.

АМАЛИАС, божество, распространенное в юго-восточной части Британии. В «*Саге*» описывается храм А. Аббас Долмиум — «...грубо обтесанные массивные глыбы-колонны <...> плотно подогнанные друг к другу, которые образовывали <...> невысокую круглую башню с тростниковой крышей-шатром». Среди множества ритуалов культа А. наиболее известна т.н. Церемония Наречения. Ц.Н. — нечто среднее между обрядами конfirmации у католиков и инициацией у первобытных племен. Во время Ц.Н., проводящейся ежегодно, жрецы специальным медным ножом делают надрез на руке ребенка, в выступившую кровь обмакивают птичье перо и заносят имена в соответствующие храмовые регистры. После чего молодые бритунцы считаются совершеннолетними и могут вступать в брак.

АРИМАН, бог тьмы и зла, которого чтили в *Туране* задолго до прихода гирканцев. Культ огненного бога *Эрлика*, привнесенный кочевниками, постепенно вытеснил древнюю религию А., однако в *Туране* остались тайные святыни божества мрака, и его жрецы неоднократно предпринимали попытки возродить этот кровавый культ. Одним из наиболее сильных магических талисманов *Хайборийского* мира, чей потенциал до сих пор не был раскрыт окончательно, является т.н. Сердце А., представляющее собой крупный рубин, горящий багровым светом. Талисман был неоднократно использован во зло чернокнижниками, в том числе и воскресенным из мертвых *ахеронским* магом *Ксальтотуном*. Оказался в руках Конана, короля *Аквилонии*, камень был надежно защищен от злонамеренных посягательств и использовался исключительно в благих целях, для защиты державы.

АСУРА, верховное божество большинства вендийских племен. Основная доктрина его учения гласит: вся человеческая жизнь является не более чем иллюзией, а конечная истина откроется людям лишь после смерти, в сиянии освобожденной души. Культ А. посвятил себя стремлению «проникнуть за завесу лжи, окутывающую существование». Доктрина А. гласит, что каждое существо проходит цикл перевоплощений, и только уплатив все кармические долги души, можно достичь истинной цели жизни. Каждое злое деяние продлевает цикл

реинкарнаций, каждое доброе действие сокращает его. Люди, испытывающие страдания, заслужили это, совершив некие преступления в прошлом, и потому недостойны жалости и сочувствия. Культ А. получил распространение в большинстве хайборийских империй. Однако эзотерический характер этой религии, вкупе с ее непривычными для западного ума положениями, способствовал растущему недоверию к жрецам А., приведшему, в конечном итоге, к жестоким и необоснованным преследованиям. Лишь в современной Аквилонии, после восшествия на престол короля Конана, культ А. получил возможность развиваться свободно. Однако многие аквилонцы по-прежнему уверены, что асуриты практикуют человеческие жертвоприношения, каннибализм и эмисеплонство, тогда как, на самом деле, ни один из жрецов А. никогда не был замечен в подобном.

Постоянные преследования привели к тому, что большинство храмов А. в Хайбории скрыты от глаз непосвященных, и отыскать их представляется весьма нелегкой задачей.

АТАЛИ, дочь Имира — дух в облике прекрасной женщины. По легенде, она заставляет раненых следовать за собой на ледяные пустоши, где те погибают от холода или под топорами братьев-великанов А.

АШТОРЕХ, служанка и наперсница Иштар, олицетворение чистоты и целомудрия, прихода весны и пробуждения спящей природы. В легендах она предстает посредницей между Влюбленными и даже спасает Птерора из плена Сета, коснувшись его пурпурного плаща. Жрицы А. обязаны хранить девственность.

Б

БЕЛ, бог воров, появляется в некоторых вариантах шумитской мифологии, однако считается, что эти второстепенные эпизоды являются более поздними напластованиями. Вместе с тем и у Б. имеются свои почитатели: кочевники-зуатиры и асгалунские воры ссылаются на его подвиги, чтобы найти оправдание своему низкому ремеслу. Жрецы Б. не имеют права покупать или продавать что бы то ни было, и если им случится оступиться, умилостивить Б. возможно лишь одним способом: украдь и принести в жертву божеству ценностей на сумму в десять раз превышающую стоимость купленного товара.

БОГИ-ЖИВОТНЫЕ, антропоморфные божества, воплощение сил живой природы, которым поклоняются пикты, а также многие племена в Черных Королевствах. Каждое пиктское племя служит избранному духу-

тотему, от которого, как они считают, берет свое начало их род. Членам племени, и в особенности шаманам, запрещено причинять вред животному-тотему. Убийство такого животного лишит племя удачи, а колдуна — магической силы.

В

ВАМПИРЫ, демонические кровососущие создания, обитающие в лесах на границе Аргоса и Зингары. Лишены индивидуального разума, обладают сознанием роя. Представляют большую опасность для людей, поскольку способны зачаровывать жертву, погружая ее в магический сон. Наиболее действенным оружием против них служит огонь.

ВЕНДИЙСКИЙ ПАНТЕОН достаточно однороден, при всем своем внешнем разнообразии. В силу языковой и политической разобщенности вендийских княжеств, зачастую одно и то же божество может выступать под множеством имен, сохранив постоянные свойства и атрибуты. Как и в Черных Королевствах, здесь распространено поклонение всевозможным низшим демонам, которых невежественные простолюдины ошибочно принимают за богов. (См. Асура, Дурга, Индра, Катар, Хали, Яджур, Яма.)

ВИККАНА, богиня природы в Бритунии. Подобно лигурайцам, жрицы В. чуют дуб и остролист (которые встречаются в Бритунии куда реже, чем в Пиктских Пустошах), их символом является золотой серп, также они считаются непревзойденными целительницами. Однако кульп В. и религию лигурайцев нельзя назвать идентичными. Прежде всего, В. приемлет лишь жриц-женщин, мужчины не могут служить ей напрямую. Жрицы дают обет безбрачия (но не целомудрия), а также обет никогда не стричь волос. Кроме того, жрицы В. живут, как правило, в обычных деревнях, а не скрываются в лесной глухи.

ВОЛКОЛАКИ см. ОБОРОТНИ

ВЫСШИЕ ИЕРАРХИ, верховные божества, стоящие неизмеримо выше прочих небожителей. Имена их неведомы смертным, которые в большинстве своем даже не подозревают об их существовании, довольствуясь поклонением более «земным» богам.

Теологи именуют В.И. непостижимыми и лишенными свойств и атрибутов. Предположительно, все коловорощение миров, жизни смертных и божеств суть лишь материальное выражение небесной Игры, служащей развлечением для В.И.

Г

ГНОМЫ, малочисленный народ карликов-рудознатцев, обитающих в горах к северу от Гиркании. Сами по себе Г. не могут считаться магическими существами и являются боковой ветвью эволюции, родственной людям.

Однако они обладают потаенным знанием металлов и самоцветов и владеют магией земли, куда более действенной, чем человеческая.

ГУАНЛИНЬ, кхитайская богиня милосердия и добра. Является смертным в облике прекрасной девственницы со светлыми волосами и синими миндалевидными глазами.

О культе Г. в Хайбории мало что известно, однако можно предположить, что на Востоке она является другой ипостасью богини *Ашторех*.

ГУЛЛАХ, в Черных Королевствах — Джуллах — бог-горилла, которому поклоняются простолюдины в Күше, а также пикты.

О культе Г. известно сравнительно немного, поскольку посторонние крайне редко допускаются в храмы.

Однако установлено, что это божество периодически требует человеческих жертв, и его калища украшены человеческими черепами.

ДЕРКЭТО, богиня сладострастия — служанка *Сета*. Д. олицетворяет соблазны плотских утех и сластолюбие. Культ Д. популярен у стигийских крестьян, которые находят аскетизм религии *Сета* чрезсур суровым. Служительницами Д. могут быть только женщины. Жрицы Д. славятся мастерским владением своим телом, а их любовное искусство сродни магии.

ДЕРКЭТО В ШЕМИТСКОМ ПАНТЕОНЕ, имеет, вероятнее всего, стигийское происхождение. В шемитской мифологии она является Искусительницей и символизирует безудержную страсть. *Сет* обманом заставляет ее соблазнить Адониса, дабы тот отступил от своей возлюбленной *Иштар*.

Тем не менее, шемиты не считают Д. злым божеством: первозданные страсти, которыми она повелевает, стоят вне борьбы между *Иштар* и *Сетом*. Когда Д. обнаруживает обман *Сета*, то принимает сторону Влюбленных против Змееголового.

ДЖАВИДЫ см. *ГНОМЫ*

ДЖЕББАЛ САГ, Владыка Зверей, одно из наиболее почитаемых божеств у пиктских племен. Согласно пиктской легенде, некогда все животные, включая человека, поклонялись Д.С., однако со временем божество это было ими забыто, и ныне лишь самые крупные и мощные звери помнят своего Владыку.

Эта память связывает их и обязывает повиноваться жрецам Д.С., которые таким образом, с помощью особых ритуалов, обретают власть над животным миром. Остальные шаманы также находятся в подчинении у служителей Д.С.

ДЖИЛ, Джил Беспощадный, Бог-Ворон, божество пиктов, ганатов и некоторых других племен. Он обещает свободу сильным и рабство слабым. Эта вера служит оправданием ганатам, промышляющим работорговлей.

ДИКАЯ ОХОТА, сонм призраков и злых духов, проносящихся по небу в бурю в сопровождении гончих псов, чей вой навевает ужас на живущих. Для человека встреча с Д.О., особенно на перекрестке дорог, может стать смертельной.

ДЖИННЫ, духи, по туранскому поверью, созданные Эрликом из бездымного огня. Обладают разумом, враждебны к смертным, хотя нередки и исключения. Способны принимать любую форму и исполнять желания своего господина. Однако, подобно демонам и ифритам, редкий маг способен управлять ими по-настоящему.

Д

ДАМБАЛЛАХ, название бога *Сета* в Черных Королевствах.

Культ Д. повсеместно распространен в этом регионе, напр. кущит Юма (спутник Коанна) то и дело вспоминал его в своих проклятиях (см. *Л. Спрэг де Камп, Л. Картер «Коанн-корсар*», в рус. пер. «Корона кобры»).

ДЕМОНИЧЕСКИЕ КУЛЬТЫ. Многие племена поклоняются различным демонам, вызванным шаманами, либо обитающим в какой-либо местности, ошибочно принимая их за богов.

Среди них следует упомянуть демона Долины Потерянных Женщин и ползущую тень Ксугали.

ДЕМОНЫ, злые духи, обитатели потустороннего мира. Существа, враждебные всему живому, стремятся сеять смерть и разрушения. Могут быть вызваны некромантом с помощью особых приемов и заклинаний и принуждены исполнять его волю.

Зачастую, однако, магу недостает сил удержать Д. в повиновении, вследствие чего вырвавшийся на свободу Д. может стать причиной неисчислимых бед.

ДРАКОНЫ, древнейшие магические создания, ящеры. До Великой Катастрофы были широко распространены в восточных областях, где до сих пор существуют их изображения в дереве и камне. По числу стихий, делятся на огненных, воздушных, водных и земляных и, в соответствии с этим, выбирают предпочтительную среду обитания. К людям относятся с опаской и зачастую враждебно. К настоящему времени род Д. практически прекратил существование.

ДРАКОНЫ ДРЕВО, одушевленное полудерево-полуживотное со змеящимися ветвями, растущее в ядовитых джунглях на юге Китая. Из него изготавливаются т.н. «посохи смерти», излюбленное оружие кхитайских монахов-убийц. Одно лишь прикосновение такого посоха приносит мгновенную и мучительную смерть.

ДРЕВО КУЛАМТУ, плотоядное дерево в Амазонии. Д.К. выращивают в закрытых дворах, скормливая ему рабов и пленных. Неизвестно, считают ли амазонки это дерево своим божеством, или лишь орудием, посредством которого истинные боги принимают их жертвы.

ДУРГА, вендинское божество, сходное с Хали. Имеет ипостась созидающую — Матерь Д. и разрушающую — Пьющая Кровь и Пожирающая Потроха. Созидающая ипостась Д. изображается с гипертрофированными молочными железами; разрушающая — в виде обнаженной женщины, покрытой пятнами засохшей крови, с ожерельем из черепов на шее.

ДУХИ, сверхъестественные существа, являющиеся эфирным воплощением материальных общинностей, предметов или местностей. В зависимости от магической насыщенности поля объекта, могут обладать сознанием и даже вступать в контакт с людьми.

Духи стихий, как правило, не обладают сознанием и подчиняются верховному божеству или призвавшему их чародею, в отличие от духов магических талисманов, таких как Небесная Секира, которые наделены разумом и волей.

Между этими двумя полюсами находятся многочисленные духи племен, местностей, а также духи домашнего очага, обладающие ограниченным сознанием и исполняющие определенные функции, как правило, оберегающие.

ЗОЛОТОЙ ПАВЛИН САБАТЕИ, демоническое существо в убore из павлиньих перьев, требующее постоянных человеческих жертв, объект запретного шемитского культа. Сабатейский культ сходен с религией вендинских катаров и дарфарских йогитов.

Все они традиционно выселяют и похищают жертвы для своих кровавых ритуалов среди мирных жителей. Жрецы З.П.С. достигли в этом искусстве небывалых высот.

Ж, З

ЗАНДРА см. НЕРГАЛ

ЗАТХ, Бог-Паук Иезуда, наиболее известное божество Заморы. Служители З. верят, что великий бог-паук обитает на земле и требует поклонения от людей. Гигантские пауки, появляющиеся время от времени в холмах близ Иезуда, служат, в их глазах, подтверждением могущества божества. Жрецы З. не употребляют спиртных напитков и не вступают в связи с женщинами.

Этим же правилам обязаны следовать прислуживающие в храме миряне. В культе З. наиболее почитаемы храмовые девственницы, которые танцуют перед Богом-Пауком в дни торжеств.

Ходят слухи о том, что в обширных подземельях храма обитают сотни гигантских пауков, которым жрецы З. скормливают жертвенных животных, а иногда и людей. Из страха перед грозным божеством окрестные жители приносят храму обильные жертвы. Сам король опасается прогневить служителей З., опасаясь, что те выпустят чудовищ на волю.

ЗЕРТРИКС, коварный бог, являющийся в облике уродливого горбунца. Посланец Высших Иерархов, передающий волю Верховных божеств низшим богам и избранным смертным. Культ З. в Хайбории отсутствует, поскольку это божество крайне редко действует в мире людей.

ЗМЕЕЛЮДИ, раса разумных рептилий, населявших Турийский континент до прихода человека, во времена динозавров и древних зверобогов. Свидетельства этой цивилизации можно отыскать в сердце джунглей и на необитаемых островах, где сохранились храмы и иные постройки З.

И, Й

ИМИР, Исполин Льдов, бог бури и войны, обитающий в Валгалле, замке на севере Нордхайма.

По словам шаманов, души воинов, павших в битве, отправляются прямо в Валгаллу, где им предстоит вечно пировать и сражаться.

Эта вера делает нордхаймцев опасными противниками, поскольку в бою они не ведают страха и не щадят собственной жизни, стремясь лишь поразить как можно больше врагов, чтобы в Валгалле у них был достойный эскорт.

ИНДРА см. АСУРА

ИРАНИСТАНСКИЙ ПАНТЕОН, состоит из бесчисленного множества племенных божков и героев, вперемешку с древними богами *хайборийцев* и *вендийцев*. В *Иранистане* отсутствует государственная религия. Храмовые кварталы в *Аншане* (столице *Иранистана*) представляют собой скопление крохотных хижин-капищ по соседству с огромными каменными святынями. Причем популярность определенного культа напрямую зависит от того, насколько племя находится в добрых отношениях с правителем страны.

ИШТАР см. АДОНИС

ИФРИТЫ, разновидность низших демонов, отличающихся крайним уродством, скудоумием и кровожадностью. Могут быть вызваны с помощью простейших заклинаний, однако с трудом поддаются контролю. Будучи порождением огненной стихии, страшатся воды.

ЙЕЗМ, божество *Друджистана*. Йезмиты — секта, существующая на этой территории. Самоназвание — *Сыны Йезма*. Культ этого божества берет начало от таинственного Общества Сокрытых, существовавшего еще до Великой Катастрофы и представлявшего собой секту наемных убийц, вооруженных т.н. «огненными ножами». С.И. внушили страх даже владыкам империй. Исследователи утверждают, будто влияние С.И. на континенте весьма велико. Их тайные последователи имеются во всех странах *Хайбории*, а всевозможные боковые ответвления культов таких богов как *Митра*, *Сет*, *Деркэто*, *Иштар*, *Гуллах* и *Эрик* на самом деле служат верховному магу й-тов. На й-ских убийц возлагают ответственность за смерть *турецкого* шаха *Илдиза*, вендийского короля *Сатиша* (отца *Бунда Чанда* и дэви *Жазмины*), а также *Кобад-шаха*, правителя *Иранистана*. Все три убийства были совершены с необычайной ловкостью и хладнокровием, причем на месте преступления й-ми была оставлена их мета — отравленный кинжал с лезвием в форме языка пламени. Глава С.И. и большинство его приспешников обитают в городе *Янайдаре*, в *Друджистане*, точное местонахождение которому не известно никому из непосвященных. Лучшей защитой й-там служит таинственность, которой они себя окружают, жесткая дисциплина членов секты и страх, который они внушают простым людям. Чтобы отшадить любопытным от своего убежища, С.И. не брезгуют никакими средствами: трубят в огромные рога, издающие жуткий рев, чтобы нагнать ужас на случайных путников, а наиболее настойчивых уничтожают физически. Деятельность этой секты немало способствовала созданию неблагоприятной репутации, которой в *хайборийском* мире пользуется весь *Друджистан*.

ЙОГ, божество *Дарфара*. Культ й. уходит корнями во времена *ххарийского* нашествия. *Хайборийскими* учеными было высказано предположение, что й. мог быть одним из демонов Древней Ночи, которым поклонялись в *Атлантиде*. Положения доктрины й-тов крайне просты: верующие могут

есть только мясо, но не овощи. Они должны вкушать человеческую плоть не реже одного раза в месяц, тот же, кто не сделал этого, считается нечистым до тех пор, пока не искупит свою вину. В самом *Дарфаре* каннибалы устраивают налеты на окрестные племена, чтобы захватить пленников для жертвоприношений. За пределами *Дарфара* й-ты объединяются для охоты за жертвами. В тех местах, где много рабов-*дарфарцев*, обычным людям вскоре становится небезопасно выходить на улицу ночами, поскольку те готовы убить любого, кто попадется им на пути. Несмотря на то, что большинству горожан ритуалы й-тов внушают ужас и отвращение, *дарфарцам* дозволяют исполнять требования своего культа, так как иначе они становятся буйными и поднимают мятежи. Во время церемонии оглушенную жертву за живо бросают в огненную яму. Мертвую жертву считается неполноценной, равно как и жертва, которой были нанесены ножевые раны, поэтому й-ты не используют ни кинжалов, ни мечей. Мясо одного убитого хватает, чтобы накормить от тридцати до сорока каннибалов, поскольку самому божеству достается лишь малая часть в виде символической жертвы. Жрецы й-тов утверждают, что точное исполнение требований божества дарует силу и победу в бою, — однако они не в состоянии объяснить, как могут другие племена захватывать в рабство такое множество *дарфарцев*. Тем не менее это противоречие ничуть не умаляет религиозного рвения каннибалов.

K

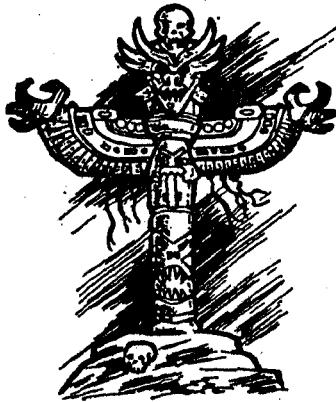
КАТАР см. ХАЛИ

КРОМ, верховное божество *киммерийцев*, обитает на горе *Бен Морх*. *Киммерийцы* редкозывают к нему, считая, что не стоит лишний раз привлекать к себе внимание грозного бога. Они убеждены, что именно К. наделяет воина при рождении волей и силой. *Киммерийцы* верят, что после смерти души их отправляются «на серые туманные равнины, где обречены вечно скитаться среди облаков и ледяного ветра». *Хайборийцы* утверждают, что это многое объясняет в характере северных варваров.

КСОТЛИ, Владыка Страха, Великий демон Древней Ночи — демоническое существо, обитающее в *Антилии*. Каждый месяц сотни людей приносятся ему в жертву на вершине Великой Пирамиды в *Птауакане*. Демон висит над Пирамидой в виде огромного черного облака с множеством щупальцев единственным глазом в центре. Людей, приносимых ему в жертву, привязывают к алтарю Вечной Ночи. Жрецы вырывают у них сердце, тела их идут на прокорм обитающим внутри Пирамиды драконам, души же поглощает сам К. Учитывая столь могущественное проявление демона в их мире, жители *Антилии* не испытывают нужды в теологическом богословии.

Главой жрецов является Иерарх Священных Мистерий Ксотли, прямой потомок первого Иерарха. Жрецы К. бреют себе голову и носят длинные одеяния до пола, украшенные перьями. Чтобы возвыситься над простыми смертными, они носят обувь на высокой платформе, а в виде украшений — золотые кольца, цепочки и браслеты на запястьях, локтях и лодыжках. Однако всей своей властью жрецы К. обязаны лишь демону, которому служат. Сами по себе они не владеют никакими видами магии.

КУЛЬТ ПРЕДКОВ, поклонение духам прародителей племени, имеет широкое распространение у многих примитивных народов континента. Подобные религии в той или иной форме существуют в *Черных Королевствах*, *Гирканни*, *Кхитае*, *Нордхейме* и *Туране*. Основным обрядом в большинстве таких культов является исполнение саг о действиях предков в дни поминовения, причем перечень имен предков играет роль вступительной молитвы- обращения.

В некоторых культурах (как, например, среди *гирканцев* и *нордхейцев*) духи предков считаются посредниками между живыми людьми и миром богов.

КХИТАЙСКИЙ ПАНТЕОН, является наименее изученной из религиозных систем *Турийского континента*. Долгое время считалось, что там распространен исключительно кульп предков и локальные религии, основанные на поклонении местным демонам и духам. Позднейшие исследования доказали, однако, наличие в *Кхите* и иных божеств, занимающих высокий ранг в иерархии небожителей. (См. *Гуанлинь*, *Падда*.)

Л

ЛЕПРЕКОНЫ, злобные карлики, обитающие в гористых районах *Хайбории*. В отличие от гномов, не способны к созидательному труду, отличаются враждебностью и низким уровнем умственного развития. Видят смысл существования в собирании сокровищ, чаще всего путем краж и даже убийства.

ЛИГУРЕЙЦЫ, религиозная секта в *Пиктских Пустошах*. На ранних этапах *хайборийского* переселения небольшая группа *ахеронцев* бежала в *Пиктские Пустоши*. Они осели там и впоследствии назвали себя л. По сей день остается тайной их ис-

тинное происхождение и цели, но доподлинно известно, что многие л. являлись великими магами. Позже большинство из них забыли о своем происхождении и опустились до уровня дикарей, так что в настоящее время от *пиктов* их отличает лишь более светлая кожа. Лишь друиды, жрецы л., сохранили какие-то начатки древней культуры. Они поклоняются Богине, являющейся олицетворением природы, и занимают позицию невмешательства по отношению к остальным враждующим религиям. Основными символами друидов являются дуб и золотой серп.

Никому не известно, какие обеты они приносят, однако очевидно, что жизнь их не отличается аскетизмом: среди друидов немало любителей вина и медовухи собственного выделки. Они являются убежденными противниками любого колдовства, нарушающего естественный ход вещей, противостоят *Сету* и его служителям. Среди друидов встречаются искусные маги. Храмы у друидов отсутствуют. Они совершают свои обряды в дубовых рощах, вдали от любопытных взоров. Ни самые дикие *пиктские* вожди, ни надменные *аквилонские* правители не рисуют без нужды оскорблять этих одетых в белое жрецов.

М, Н

МИТРА, Владыка Света, Податель Жизни, Хранитель Горного Очага, персонификация Солнца, Света, Справедливости и Добра — *хайборийский* бог, которому поклоняются в *Аквилонии*, *Аргосе*, *Коринфии*, *Немедии*, *Офире* и *Зингаре*. М. — доброе божество, не имеющее определенной формы, все-ведущее и вездесущее.

В некоторых культурах изображается в образе высокого, атлетически сложенного мужчины с пронзительным взглядом, выющимися волосами и длинной окладистой бородой. М. не приемлет кровавых жертвоприношений.

Вместе с тем храмы взимают с прихожан обязательную десятину в деньгах или товарах. Неимущие могут отработать оброк в монастырях. Согласно митрианской вере, человек рожден для праведной жизни. Долг каждого — следовать заветам М., блести законами чести и добродетели, быть верным своему слову. Ложь и предательство, по митрианскому учению, являются смертным грехом. М. требует от своих жрецов послушания и строгой дисциплины.

Так, служители М. должны соблюдать обет безбрачия, воздерживаться от употребления спиртного и любых наркотиков. Им также строго запрещается заниматься магией и колдовством. Во всем они должны полагаться лишь на волю божества.

Одной из наиболее известных ипостасей М. является Митра-Зашитник, который обороняет поклоняющихся ему *хайборийцев* от черной магии и противостоит извечному врагу всего живущего, *Змееголовому Сету*.

В борьбе с Сетом М. обычно использует смертных, которые своими победами над *Темными Силами* призваны укреплять у *хайборийцев* веру в могущество Подателя Жизни и непреложность его заветов.

НЕБЕТЕТ, Богиня Слоновой Кости — женское божество *Пунта*. Культ Н. получил распространение только в этой стране, хотя некоторые иешитские исследователи роднят ее с *Деркэто*. Традиционно Н. изображают в виде прекрасной женщины с черепом вместо головы, однако, по последним сообщениям путешественников, посещавших храмы Н., изображение богини было заменено там на более человечное.

НЕРГАЛ, темное божество, почитаемое в восточной *Хайбории*, *Туране* и *Гиркании*, владыка загробного царства. Обычно изображается в виде огромного рогатого человека-ящера, призванного внушать смертным трепет и отвращение. У Н. не существует оформленного культа и собственных жрецов, а также посвященных ему храмов. Единственное исключение составляет *Агадея*, где поклонение Н. сделалось государственной религией, вследствие того, что некроманты и чернокнижники являются там правящей элитой. Н. — божество, стоящее особняком в *хайборийском* пантеоне, поскольку редко вмешивается в дела людей. Взвывать к нему с молитвами для смертных бесполезно, а порой и небезопасно, ибо Н. обладает властью лишь в потустороннем мире и не любит, когда люди тревожат его покой. Вместе с тем созданные чернокнижниками и посвященные Н. талисманы, такие как Рука Н., Глаз Н. и пр., обладают значительной магической силой, поскольку черпают энергию непосредственно в царстве смерти. В некоторых областях *Хайбории* и *Гиркании* Н. носит имя — *Зандра*. Считается, что загробный мир Н.-З. представляет собой девять преисподних (схема, позднее получившая применение в т.н. «кругах ада») и души грешников размещаются в них сообразно тяжести содеянного при жизни.

Легенда о девяти преисподних получила широкое распространение в фольклоре — отсюда произошли клятвы преисподними З., пожелания провалиться туда врагам и т.п.

НИНГА, бритунское псевдобожество, в виде куклы с тыквенной головой. Культ Н. установлен чародейкой Тамсин. По-видимому, кукла Н. не является истинным божеством, а представляет собой магический предмет, изготовленный приверженцами какого-либо Темного Культа.

О, П, Р

ОБОРОТНИ, существа, способные изменять облик с человеческого на звериный. На Западе это медведи и волки, на Востоке — лисы и барсуки. Ведут происхождение от соития смертных женщин с низшими богами-

тотемами. Чаще всего О. невосприимчивы к обычному оружию и чрезвычайно живучи. Им свойственна ненависть к людям, коварство и хитрость, что делает борьбу с О. крайне затруднительной.

ОРМАЗД, древний туранский бог добра и света. После прихода *гирканцев*-завоевателей куль О. органично слился с культом огненного бога *Эрлика*, почитаемого кочевниками, во многом смягчив сюровую религиюnomадов. На Востоке О. является противником *Аримана*, бога мрака и зла, подобно тому как Всеблагой *Митра* противостоит козням змееподобного *Сета* на Западе.

ПАДДА, божество, которому поклоняются в некоторых районах *Кхитая*, родственен венгийскому *Асуре*. П. призывает своих последователей к мирной, добродетельной жизни, не отягощенной грехом и кровопролитием. Для поклоняющихся П. преступлением считается убийство не только человека, но и животного, поэтому они не употребляют в пищу мясо, ни рыбы, довольствуясь плодами и злаками. На храмовых изображениях П. предстает в виде дородного мудреца, обладающего даром вечного покоя. К подобному состоянию невозмутимого счастья стремятся и его последователи. Верховным жрецом П. считается правитель княжества *Тай-Цзон* на юго-западе *Кхитая*. Ему приписывают божественное происхождение и пророческий дар.

ПАНТЕОН ЧЕРНЫХ КОРОЛЕВСТВ, включает в себя наиболее варварских и жестоких божеств *Турийского* континента, которым поклоняются также пикты и некоторые другие дикарские народы. Большинство исследователей склонно считать этих богов низшими демонами, набравшими большую силу, благодаря кровавым жертвоприношениям своих последователей. (См. *Дамбалах*, *Джил*, *Гуллах*, *Йог*, *Небегет*.)

ПТЕОР см. **АДОНИС**

С

САЛАМАНДРЫ, огненные элементали, порождение пламени. Лишены разума и могут быть принуждены к подчинению с помощью особых заклинаний. Враждебны ко всему живому.

СЕКВЕНА, Владычица Вод — женское божество *Аквилонии*. Изображается в виде прекрасной женщины, восседающей на огромном лебеде. Культ С. — древний культ, заимствованный, по-видимому, из *валуэйской* мифологии. С. является персонификацией стихии Воды. Ее подданные — духи воды *силыхи*.

СЕЛХЕТ, младшее женское божество *стигийского* пантеона. Известны три варианта ее изображения: в виде прекрасной женщины с головным убором, увенчанным скорпионом; скорпион с женским лицом или просто скорпион черного цвета. *Стигийцы* считали, что ее изображение охраняет могилы, поэтому устанавливали статуи С. на могилах и украшали ее изображением надгробия.

СЕТ, Великий Змей, Отец Тьмы — персонификация Зла и Мрака, злое божество юга *Хайбории*. Статуи в храмах изображают С. в виде огромного змея в короне. Религия С. чрезвычайно сложна, и овладение ее многочисленными ритуалами требует долгих годов упорного труда. Святыни С. призваны вселять страх в сердца верующих и неустанно напоминать им, что Великий Змей — самый могущественный из всех богов. Служить ему — удел всего человечества. Он милостив к тем, кто предан ему, и беспощаден к отступникам. Жрецы внушают пастве, что за гробом С. дарует вечную жизнь наиболее преданным из своих слуг. Возможно, именно подобные посулы, не меньше чем страх, способствовали распространению и популярности этого культа среди стигийцев.

Извечным противником С. является *Солнечный Бог Митра*. Их противоборство длится испокон веков и является олицетворением борьбы Света и Тьмы, Хаоса и Порядка. Жрецы С. признают, что *Митра* обладает не меньшей силой, нежели их повелитель, однако ему недостает жесткости и целеустремленности, чтобы, подобно С., всю свою мощь направить на достижение господства над миром. И это не только не позволяет ему сделаться истинным повелителем Мироздания, но и обрекает его на поражение в борьбе с Великим Змеем. Как утверждают служители Отца Тьмы, не имеет значения, сколько раз *Митра* возобладает над С., все равно конечная победа будет за Тьмой. Служители С. должны полностью избегать всех мирских благ, в том числе отношений с женщинами, вина и даже песнопений. Считается, что подобное самоотречение является платой за обладание безграничной властью, многократно превосходящей все отринутые удовольствия.

СЕТ В ШЕМИТСКОМ ПАНТЕОНЕ, Бог-Шакал, противник влюбленных *Адониса* и *Иштар*, пытавшийся помешать им соединиться на любовном ложе и в сонтии породить Мир. Хотя это божество в разные времена именовалось по-разному, современные *шемитские* богословы идентифицируют Б.-Ш. со Змееголовым *Сетом*, основным божеством стигийцев.

СИЛЬХИ, элементали, порождение стихии воды, дети богини *Секвены*. Обитают в проточных водоемах, чаще всего, в реках. Лишены индивидуального разума.

Людям являются в виде полупрозрачных созданий из воды и пены, необычайной красоты. Покровительство богини *Секвены* защищает С. от попыток чернокнижников подчинить их своей воле.

СТИГИЙСКИЙ ПАНТЕОН, господствующим является поклонение *Сету* и некоторым младшим божествам, его Черным Слугам. Никакие иные культуры не допускаются. Почтание божеств иных народов и устроение им святилищ считается государственной изменой и карается смертью. (См. Деркто, Селкет, Сет, Ястребиный бог *Характа*.)

T, Y

ТАРИМ см. ЭРЛИК

ТРОЛЬХИ, трехглавые великаны, обитающие в лесах *Хайбории*. Отличаются невероятной кровожадностью и физической мощью, однако по уровню умственного развития стоят немногим выше животных, что позволяет людям успешно сражаться с ними. В цивилизованных районах *Хайбории* практически истреблены.

ТУРАНСКИЙ ПАНТЕОН, после захвата *Турана* гирканскими кочевниками здесь насильственно насаждалось единобожие, однако до конца искоренить кульп древних божеств служителям *Эрлика* так и не удалось, и сейчас Огненный бог является лишь главой обширного и многоликого пантеона. (См. Ариман, Ормазд, Нергал, Хануман, Эрлик.)

Ф, Х

ХАЙБОРИЙСКИЙ ПАНТЕОН отличается большим разнообразием и сложностью, поскольку молодые боги соседствуют здесь с божествами, пришедшими из глубины времен.

Последние века характеризовались растущей ролью культа *Митры*, единого всепроникающего солнечного бога, вобравшего в себя черты многих других светлых божеств, однако подобная тенденция пока не привела к установлению единобожия, особенно в восточных и южных областях *Хайбории*, где велико влияние религий сопредельных государств: *Турана*, *Шема*, *Иранистана* и пр. (См. Амалиас, Асура, Зандра, Имир, Кром, Митра, Секвена, Церуннос.)

ХАЛИ, богиня Смерти, именуемая также *Катар*. Х. является владычицей подземного царства, она судит души усопших и определяет, какое воплощение должна выбрать та или иная душа, чтобы как можно скорее оплатить свой кармический долг. Храмы Х. являются пристанищем убийц-катаров. Эти неподкупные воины готовы за установленную плату уничтожить любого, кого укажет им наниматель, однако сами определяют, когда и каким образом это должно произойти. Катары славятся тем, что выбирают для покушения такие условия, при которых сами лишены всякой возможности спастись, таким образом, одновременно

совершая ритуальное самоубийство. Ими движет обещание вечной жизни в царстве своей богини, если гибель настигнет их при исполнении «святого» долга.

Даже дэви, правительница *Вендии*, несколько раз едва не стала жертвой их посягательств, однако специально обученные телохранители зорко берегают владычицу, и головы многих неудачливых убийц уже красуются на стенах королевского дворца.

ХАНУМАН, бог-обезьяна. Культ Х. распространен в Замбуле. Жрецов Х. зачастую опасаются и недолюбливают, однако в Замбуле эта религия по-прежнему имеет большой вес. Наиболее интересным из ее ритуалов является т.н. Танец Кобр, где юную девушки заставляют танцевать с четырьмя живыми кобрами, от укусов которых она неминуемо погибает.

Ц, Ч

ЦЕРНУННОС, Бог-Олень — покровитель древней Валузии. Ц. — один из зверобогов, властовавших над миром на рассвете цивилизации. После распада кхарийской империи был предан забвению, так что позднее самое существование Ц. подвергалось сомнению хайборийскими теологами. Был пробужден аквилонским принцем *Нумедидесом* в последний год правления короля *Вилера III*, что послужило причиной многих бедствий в Аквилонии. В отличие от более юных божеств, существующих, в основном, в мире тонких энергий и редко являющихся смертным в своем истинном обличье, Ц. имеет материальную оболочку иальным образом присутствует как на астральном, так и на физическом плане существования. Некоторые химические элементы, как например золото, представляют опасность для Ц., хотя и не способны уничтожить его окончательно. Предположительно, именно появление у смертных оружия для борьбы со зверобогами в свое время заставило последних покинуть этот мир, освободив место для новых божеств. Вместе с тем пробуждение Бога-Олена доказывает, что зверобоги не исчезли с лица земли окончательно, а лишь копят силы для решительного наступления.

Ш, Щ

ШЕМИТСКИЙ ПАНТЕОН, в отличие от приверженцев культа *Митры*, у которых храмовый алтарь служит лишь символическим местом для общения с божеством, шемиты считают, что боги действительно обитают внутри их вездесущих медных идолов. С эстетических позиций западной

Хайбории, эти статуэтки чрезвычайно уродливы. Так, богиня *Иштар* изображается с гипертрофированными грудями и животом; *Адонис* — с огромными половыми органами. Данные детали, по-видимому, призваны символизировать плодородие. В каждом шемитском доме имеется небольшое святилище с маленькими статуэтками богов, основными среди которых являются т.н. Влюбленные — боги *Адонис* и *Иштар*. Также там обязательно находится *Бел*, Покровитель Воров. Считается, что его образ призван предохранить дом от его же собственных слуг. Единственный бог, чье изображение запрещено ставить на домашние алтари — это Змееголовый *Сет*. В отличие от маленьких домашних идолов в шемитских храмах изваяния достигают невероятных размеров. Они отлиты из меди, но внутри полые, и в их огромных животах находятся жертвенные пламениники, которые растапливаются дровами из дорогого сандалового дерева. В этих гигантских топках жрецы сжигают овец, коз, драгоценности, а порой и людей, приносимых в жертву. Шемиты считают, что таким образом они обеспечивают пищей своих богов. (См. Адонис, Аштотех, Бел, Золотой павлин Сабатеи, Иштар, Деркэто, Сет.)

Э, Ю, Я

ЭРЛИК, Огненный Бог, — божество-покровитель Патении, области, расположенной на севере Гиркании. Э. мог бы считаться младшим божеством, если бы не его пророк Вечноживущий Тарим. Т. принес культ Э. из Патении в Гирканию. Племена кочевников, восплемененные религиозной идеей, начали завоевательную войну и основали Туранскую Империю. Э. — суровый бог, чьи жрецы утверждают, что душа человека закаливается через испытания и лишения. Т. пророк Э., осуждает плотские излишества, алкоголь и ростовщичество. Однако даже жрецы его редко соблюдают эти заветы. Служители Э. и его пророка способны овладеть магией Огня, но лишь если следуют строгим предписаниям Откровений Т. Поскольку это весьма сложно для большинства, магия не слишком широко распространена в Туранской Империи. Магические способности достаются дорогой ценой, и если хотя бы один из заветов нарушен, то они утрачиваются навсегда.

ЯМА, Владыка Демонов — вендийское божество, преимущественно распространенное на территории *Меру*. Я. изображают обычно в виде шестирогого существа с головой животного. Ему приписывается сотворение долины, именуемой Чашей Богов, где находится государство *Меру*. По утверждению жрецов Я., если народ вздумает когда-либо восстать против теократического правления, их бог уничтожит Чашу, и семь священных городов *Меру* будут поглощены снегом и льдом.

ЯДЖУР, божество *косальского* пантеона. Главой культа считается правитель *Йоть-Понга*, таинственное существо в маске, по слухам, обладающее даром вечной жизни. Большинство путешественников, посещавших города, убеждены, что под маской скрывается обычный человек, на смену которому, после смерти, тайно избирается другой жрец высокого ранга. Жрецы Я. приносят своему божеству человеческие жертвы, причем людей умерщвляют на алтаре особых служителей, которые голыми руками ломают шею жертве. Подготовка таких служителей начинается с раннего детства, и они ежедневно убивают по одному человеку, пока их руки не обретут достаточную силу.

ЯСТРЕБИНЫЙ БОГ ХАРАХТА, одно из младших божеств *стигийского* пантеона. По утверждению жрецов *Сета*, Я.Б.Х. парит над *Стигей*, надзирая за всем происходящим в стране в течение дня. Как только солнце скрывается за горизонтом и наступает ночь, Бог-Ястреб раскрывает огромные крылья и летит к своему повелителю *Сету*, чтобы поведать ему о том, что произошло в его владениях, пока над миром катилась ненастная Колесница *Митры*.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Олдмен ВРАТА ВЕЧНОСТИ

Глава 1. Рыцари удачи	7
Глава 2. Предание Эль-Мехема	16
Глава 3. Серебряный всадник	24
Глава 4. Сабля и шампур	33
Глава 5. Совет	41
Глава 6. Условия мира	47
Глава 7. Перебежчик	55
Глава 8. Дворцовые тайны	61
Глава 9. Разгром	70
Глава 10. Соблазн	79
Глава 11. Впереди — вечность	88

Д. Мак-Грегор СЕДЬМАЯ НЕВЕСТА

Глава первая	99
Глава вторая	112
Глава третья	126
Глава четвертая	139
Глава пятая	153
Глава шестая	166
Глава седьмая	180
Глава восьмая	194

Т. С. Стюарт ОБИТЕЛЬ СПЯЩИХ

Глава 1. Предсказание	211
Глава 2. Прощание с Тай Цзоном	233
Глава 3. Кочевники	252
Глава 4. Шторм	269
Глава 5. Подземный лабиринт	289
Глава 6. Соглашение	311
Глава 7. Город обезьяня	335
Глава 8. Старый знакомец	359
Глава 9. Остров, где рождаются драконы	377
Глава 10. Двое в одном	406

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙВОРИИ: БОЖЕСТВА И РЕЛИГИИ 427

Литературно-художественное издание

ДУНКАН МАК-ГРЕГОР

АНДРЕ ОЛДМЕН

ТОРН СЕЙШЕЛ СТЮАРТ

КОНАК И ВРАТА ВЕЧНОСТИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Екатерина Соболева*

Художник *Алексей Федоренко*

Верстка *Елена Посадова*

Технический редактор *Галина Седова*

Корректор *Вера Чаленко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.03.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Школьная». Печать высокая
с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52. Тираж
30 000 экз. Заказ 1531.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:

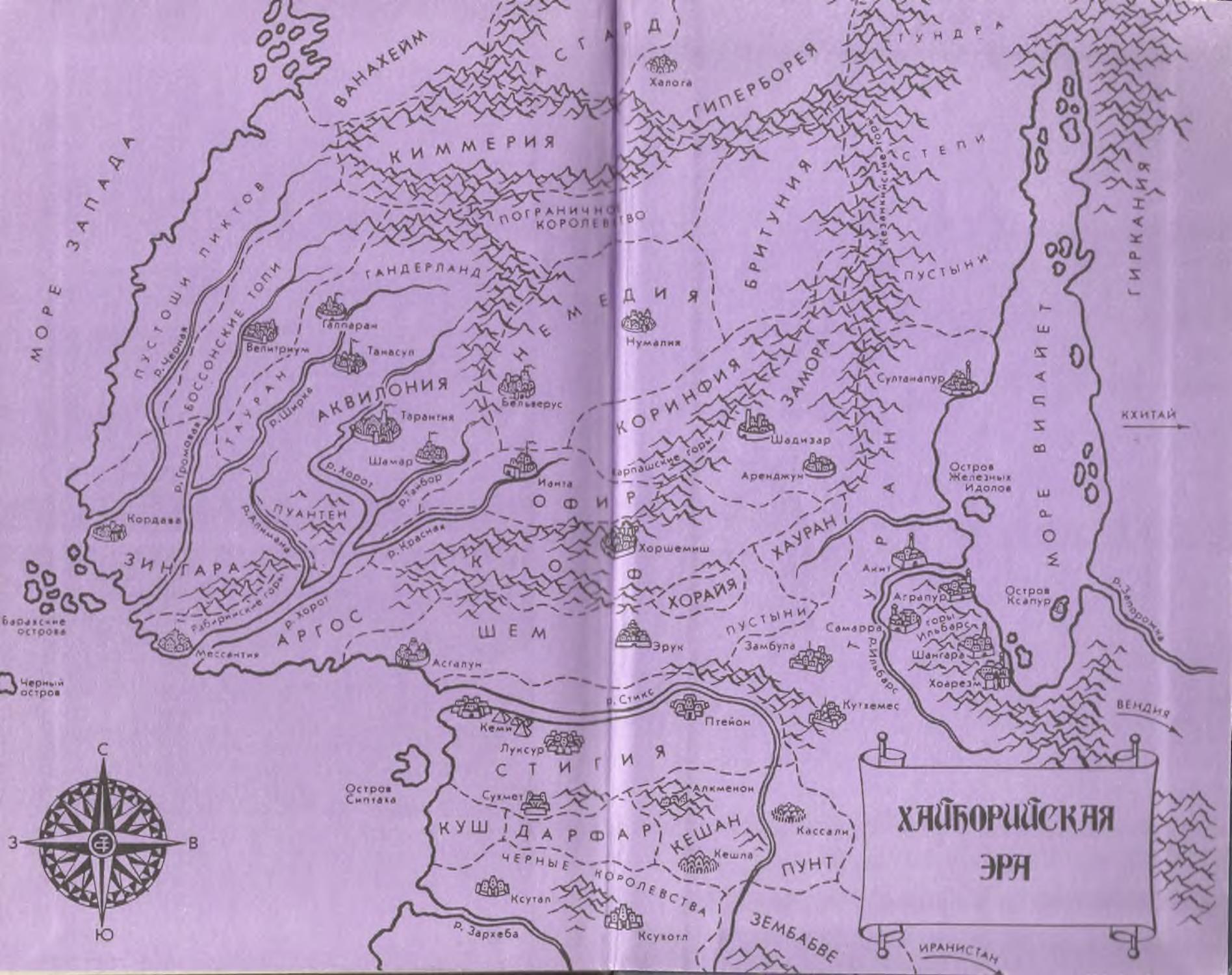
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzapr@infopro.spb.su

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729. 220013,
Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

При участии МППО им. Я. Коласа. Лицензия ЛП № 82.
220005, Минск, ул. Красная, 23.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфком-
бинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

CONAN

